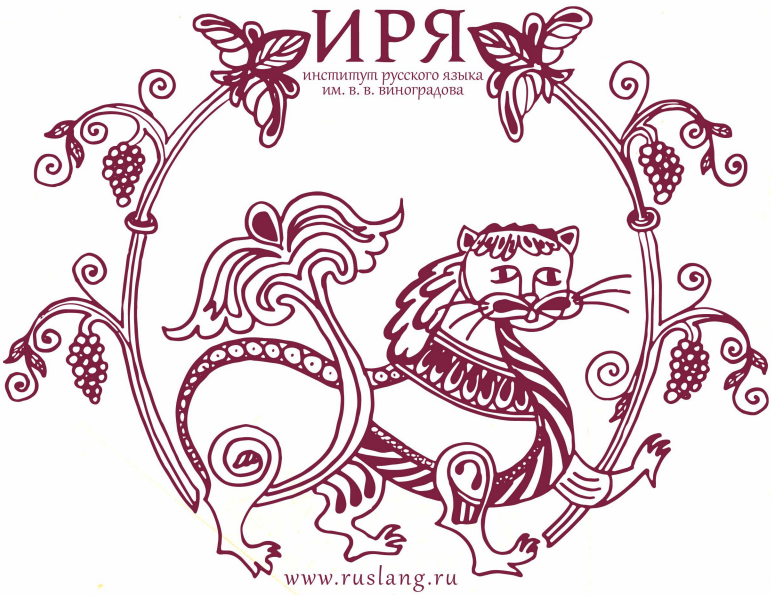
4
В38

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

ОТВЛЕЧЕННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII–НАЧАЛА XIX В.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

66215

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

ОТВЛЕЧЕННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII—начала XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1972

В книге рассматривается отвлеченная лексика — один из основных лексических пластов, активно развивающийся в период становления русского литературного языка. На фактическом материале описываются содержание и типы лексико-семантических изменений, собственно новообразования, заимствования, прослеживаются пути развития литературного языка нового времени в сфере изучаемой лексики.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Н. Ю. ШВЕДОВА

4
В-38
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
20
66215

7—1—1
352—1972

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе этой книги 4

Глава I. Введение (§ 1—4) 5

Глава II. Общие условия функционирования отвлеченной лексики в литературном языке XVIII в. 17

Бытование слов и их литературная история (§ 1—5, стр. 17). Вариантность в отвлеченной лексике XVIII в. (§ 6—9, стр. 30). Полисемантизм и проблема межрядных связей в лексике (§ 10, стр. 46). Некоторые пути сокращения вариантности в XVIII в. Дифференциация и распад вариантных рядов (§ 11—13, стр. 57). Уточнение и закрепление значений слов (§ 14—16, стр. 70)

Глава III. Новые слова. Некоторые виды отношений слов при новообразованиях 80

Слова с суффиксами *-остъ, -ство, -ние, -тель, -(н)ик, -н-, -тельн-* и др. (§ 1—5, стр. 80). Субстантивные образования на *-ое* (§ 6, стр. 94). Слова с приставкой *со* (§ 7, стр. 97). Слова с первой частью *благо-* (§ 8, стр. 98). Слова с первой частью *само-* (§ 9, стр. 99). Сочетания с *сам, себе, себя* и др. (§ 10, стр. 101). Кальки (§ 11—15, стр. 103). Характер заимствований в отвлеченной лексике XVIII в. § 16—20, стр. 10). Текстовые пояснения и комментарии (§ 22, стр. 128). Парное лексико-семантическое производство (§ 23—25, стр. 134).

Глава IV. Новые значения. Лексико-семантические процессы (§ 1) 143

Семантические заимствования и индукция (§ 2—8, стр. 144). Развитие отвлеченных значений у слов общей и конкретной семантики (§ 9—13, стр. 172). Специализация значений на базе семантических противопоставлений (§ 14, стр. 196). Переносное употребление слов со специальной и конкретной семантикой (§ 15—19, стр. 202)

Глава V. Активизация и переосмысление слов, их дифференциация и специализация 215

Вариантность, параллелизм и дифференциация слов (§ 1—9, стр. 215). «Предыстория» слов (§ 10, стр. 247). Переосмысление, специализация и активизация слов (§ 11—17, стр. 252). Лексико-фразеологическая (номинативная) активность слов (§ 18, стр. 281)

Заключение 284

Принятые сокращения 288

Источники (стр. 288). Словари и картотеки (стр. 301). Исследования (стр. 304)

Указатель слов 307

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Владимир Владимирович Веселитский (1931—1971), безвременно ушедший из жизни, был способным исследователем русской лексики в ее современном состоянии и историческом развитии. Его перу принадлежит более 60 работ по вопросам лексикологии и лексикографии (отчасти — в плане сопоставления с английским языком), по проблемам нормы и культуры речи, по истории отдельных слов. Специалистам хорошо известна его книга «Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в.» (1964).

По своему исследовательскому складу и по характеру научных интересов В. В. Веселитский принадлежал к числу тех ученых, которые в своих разысканиях и обобщениях опираются на большие материалы, собираемые ими самими всегда непосредственно из первоисточников, причем первоисточников обычно редких, труднодоступных и малоизвестных. Обследование таких памятников языка связано всегда с огромными затратами труда и времени, требует большой тщательности и внимания. В. В. Веселитский знал и любил эту скрупулезную и сразу не всегда заметную работу. В его книгах и статьях читатель находит богатые и надежные материалы, которые уже сами по себе представляют большую научную ценность.

На таких материалах построена и эта книга об отвлеченной лексике русского литературного языка XVIII — нач. XIX в. Автор устанавливает здесь ряд характерных для этой эпохи процессов в развитии и движении словарного состава: изменения в характере вариативности, развитие новообразований, семантическое заимствование, калькирование, специализация значений на основе семантических противопоставлений, лексико-семантическое словопроизводство и др. Все эти процессы богато иллюстрируются новым и убедительным цитатным материалом. Читатель найдет здесь и имеющие самостоятельное значение экскурсы в историю отдельных слов (*объект*, *характер*, *критик—критика*, *кризис*, *предмет*, *тронуть* и др.).

В. В. Веселитскому не суждено было увидеть вышедшим в свет свой большой и многолетний труд. Но этот труд останется ценным вкладом в науку и живым свидетельством большой и вдумчивой лингвистической работы.

Н. Шведова

Посвящается

памяти моей матери

Зои Павловны Столповой

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. В истории русского литературного языка XVIII век представляет значительную веху. В разных сторонах жизни России происходят важные, коренные сдвиги — становление новой государственности, экономики, общественной мысли и культуры. Упрочивается и достигает больших успехов светская по своему характеру литература, разграничиваются ее жанры, увеличивается книгопечатание. С открытием в 1725 г. Петербургской Академии наук, в 1755 г. Московского университета начинается систематическая научная работа, возрастает образованность русского общества. Расширяются сфера и функции литературного языка. Именно в этот период происходит выработка национальных литературных норм русского языка, получивших затем закрепление и выражение в творчестве А. С. Пушкина.

Новые условия общения требовали достаточно развитой отвлеченной лексики, способной выражать многочисленные понятия, рождающиеся в различных областях знаний. Эта лексика обильно представлена в научных, социально-экономических, общественно-политических, литературно-критических и других сочинениях, составлявших существенную часть литературы XVIII в., совершенствование ее остается задачей и в первые десятилетия XIX в. [1] Отвлеченная лексика образует одну из существен-

[1] Этому периоду посвящена работа автора: В. В. Веселитский. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964.

ных категорий литературного языка XVIII — первых десятилетий XIX в. Для данного периода можно говорить об относительной цельности рассматриваемого лексического слоя и закономерностях его развития [2].

Потребность в новых средствах выражения довольно явственно представлялась в сознании деятелей XVIII—XIX вв. Выработка новой лексики происходила в напряженных поисках и трудах писателей и ученых. Г. Теплов, выпуская (1751) свой курс «Знания, касающиеся вообще до философии», говорит в предисловии о трудностях, встретившихся ему при подборе отвлеченных наименований. Когда в 1755 г. ученик М. В. Ломоносова Н. Н. Поповский начал читать курс философии в Московском университете на русском языке (а не на традиционной латыни), это представлялось современникам своего рода научным подвигом [3]. В сборнике академических рефератов «Содержание ученых рассуждений» (1750—1759) подчеркивалось, что они публикуются «особливо для российского народа», Академия наук, «стараясь о пользе отечества, издает наперед книги на природном языке, а не на иностранном» (СУР, I, с. 6; IV, с. 3).

В критике конца XVIII и особенно первых десятилетий XIX в. вопрос об ученом, публицистическом языке является одним из основных. П. Макаров подчеркивал, что «язык следует всегда за науками, за художествами, за просвещением» [4]. В других случаях констатируется надобность в «языке размышления и умствования» [5].

---

[2] Для намечаемой здесь дифференциации показательно наблюдающееся в современной литературе стремление различать «термины общепонятные» и «узкоспециальные» (А. В. Калинин. Лексика русского языка. М., 1966, с. 138, 165), «терминологическую лексику» и «терминологию» (А. Д. Хаютин. О некоторых единицах терминологической лексики. «Тр. Самаркандск. ун-та. Нов. сер.», вып. 130. Славянск. сб., II. Самарканд, 1963), «специальную» и «терминологическую» лексику (И. Р. Гальперин. К проблеме дифференциации стилей речи. «Проблемы современной филологии». М., 1965, с. 69).

[3] Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами оного, ч. I. СПб., 1819, с. 3, 12 и след.

[4] П. Макаров. Критика на книгу под названием: Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. «Московский Меркурий», 1803, декабрь, с. 163, 175—176.

[5] И. М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород. «Сын Отечества», 1814, № 7, с. 22—23.

А. С. Пушкин, рассматривая состояние отечественной словесности, остро отмечал недостаточность современного «метафизического языка», относя это обобщение к таким областям, как «ученость, политика и философия» [6]. Ставил вопрос о развитии «языка философского», «номенклатуры ученой» А. Бестужев-Марлинский [7]; основной задачей он считал создание работ, в которых ясно и четко выражались бы поняти, явстречающиеся «в отвлеченных науках» [8]. Сходные мысли находим у Белинского, который дальнейший прогресс русского литературного языка видел, в частности, в разработке средств «для выражения предметов науки, общественности,— словом, всего отвлеченного, всего цивилизованного» [9]. Быстрый рост отвлеченной лексики, неизменно (хотя и в разных терминах) отмечаемый современниками, неразрывно связан с новым временем. Вызванная к жизни потребностями общественного развития, эта лексика была своеобразной приметой литературного языка эпохи формирования нации.

В науке изучаемый слой лексики не получил цельного исторического описания, особенно применительно к XVIII в. Грот приводил речи профессоров Московского университета как один из примеров литературного языка того времени [10]. В современных курсах истории литературного языка данный материал представлен фрагментарно. Справедливо отмечалось, что этимологические словари русского языка именно в части новообразований XVIII в. недостаточны [11]. Встречающиеся в литературе

---

[6] А. С. Пушкин. Причинами, замедлившими ход нашей словесности.... (XI, с. 21) [Здесь и далее см. список источников].

[7] А. А. Бестужев-Марлинский. Торжественное заседание имп. Российской Академии. «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. 13, с. 307.

[8] А. А. Бестужев-Марлинский. Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения».— Там же, ч. 14, с. 216—217.

[9] В. Г. Белинский. Грамматические разыскания В. А. Васильева (IX, с. 226).

[10] Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. I. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1876, с. 68—69, 117—119.— Еще раньше на них обращал внимание Н. М. Карамзин в статье «О публичном преподавании наук в Московском университете» (ВЕ, 1803, декабрь). В 1819—1823 гг. речи были собраны и изданы в четырех томах Обществом любителей российской словесности (см. Речи)

[11] Н. М. Шанский. Замечания об этимологизации заимствованных слов в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера.— ЭИРЯ, IV, 1963, с. 176—177.

определения изучаемой лексики отличаются разнообразием в зависимости от аспекта, который имеется в виду: «научно-философская, вообще отвлеченно-книжная терминология», «литературно-философский язык» (Г. О. Винокур)[12]; «отвлеченная», «отвлеченно-философская лексика» (В. В. Виноградов) [13]; разряд «книжной лексики, выражающей различные отвлеченные понятия, особенно понятия общественного, идеологического и психологического порядка» (Ю. С. Сорокин) [14]; «отвлеченно-книжная лексика, точнее отвлеченно-специальная» (Ю. А. Бельчиков) [15] и др. В дальнейшем мы придерживаемся одного наименования — «отвлеченная» (лексика), понимая под этим книжную (общелитературную) лексику XVIII — первых десятилетий XIX в., характерную для научного и литературно-публицистического изложения [16].

§ 2. Следует принять во внимание, что состав и соотношение наук в XVIII — начале XIX в. не обнаруживает такой специализации и разграничения, как позже. Классификация наук находится еще в стадии становления [17]. Особенности наблюдаются и в характере литературы и читательской аудитории XVIII в. В общих изданиях XVIII в. (в том числе в газетах, журналах, сборниках) помещались сочинения, относящиеся к разным отраслям знаний и имеющие в качестве адресата вообще образован-

---

[12] Г. О. Винокур. Русский литературный язык в первой половине XVIII в., с. 130, 132.

[13] В. В. Виноградов. Великий русский язык. М., 1945, с. 136: Он же. Проблемы авторства..., с. 306.

[14] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.— Л., 1965, с. 19, 38—40, 186, 542 и др.

[15] Ю. А. Бельчиков. К изучению отвлеченно-книжной лексики русского литературного языка середины XIX в. «Вопросы стилистики». М., 1966, с. 16.

[16] Обращаем внимание на различное встречающееся использование принятого и сопредельных терминов. Чаще всего под отвлеченной лексикой понимают слова на *-ство*, *-ость*, *-ние* и др. с более или менее неконкретной семантикой. Определение «абстрактный» также относят вообще к любым словам не собственно предметного содержания (в противопоставлении «отвлеченный» — «конкретный») и к разного рода переносным и расширительным значениям слов. В свою очередь, «книжная» лексика обозначает иногда высокие слова в прозаической и стихотворной речи (В. Ф. Алтайская. Книжная лексика в стихотворениях поэта-партизана Дениса Давыдова. «Научн. зап. Ужгородск. ун-та». Т. 28, Языкознание, 1957).

[17] Б. М. Кедров. Классификация наук, ч. 1. М., 1961, с. 75—90.

ного читателя. Научная популяризация может присутствовать в произведениях этого рода [18]. Однако следует учитывать почти повсеместную у авторов XVIII в. просветительскую установку, в соответствии с которой сообщались многочисленные сведения из разных областей, разъяснялись термины и понятия и т. д. Обращения к «любознательному», «охотно» познающему («чтущему») читателю характерны для весьма многих произведений того времени («Ежемесячные сочинения», издания Новикова и др.). В «Московском журнале» (1791, ч. I) Н. М. Карамзина наряду с художественными произведениями и литературно-критическими материалами помещается его собственный разбор «Всеобщей и частной естественной истории», Ж. Бюффона в переводе академиков С. Румовского и И. Лепехина. Тот же Карамзин, рассказывая о публичных лекциях при Московском университете, замечал, что лекции включают «историю естественную», «опытную физику», «историю народов» и «систематическое обозрение торговли»; посещают их «люди всякого звания» (см. в статье «О публичном преподавании наук в Московском университете»).

Энциклопедизм знаний и интересов отличает писателей XVIII в.— А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Н. И. Новикова и др. Радищев занимается научными наблюдениями и пользуется книгами по экономике, практическому естествознанию [19]. Ученая тематика излагается в поэзии — яркие образцы находим у Ломоносова, Тредиаковского («Феоптия»), Н. Поповского, П. Словцова и др. Многие терминологические средства в XVIII в. «беллетризуются и тем самым популяризуются в среде читателей» [20]. В состав учрежденной в 1783 г. Российской Академии, помимо писателей и различных деятелей, вошло немало ученых — членов Петербургской Академии наук [21]. За-

[18] Языковые признаки популяризации уже вырисовываются, см.: Н. Я. Сердобинцев. Выразительность как средство становления научно-популярного стиля литературного языка. «Проблемы лингвистической стилистики». М., 1969.

[19] Н. А. Радищев. Полн. собр. соч., М.— Л., Изд-во АН СССР, т. III, 1952, с. 420—421

[20] Г. О. Винокур. Русский литературный язык во второй половине XVIII в., с. 161.

[21] М. М. Сухомлинов. История Российской академии, вып. II, СПб., 1875.

метим, что еще В. Г. Белинский делил литературные произведения на «беллетристические», «учено-беллетристические» и «ученые» [22].

Доля ученых и публицистических произведений в литературе XVIII в. значительна. Не в последнюю очередь она представлена творчеством крупнейших писателей, имена которых подчас замыкают в сфере художественной литературы. Это, например, пространные прозаические примечания А. Кантемира к его сатирам и «Письмам» Горация, его же перевод «Разговоры о множестве миров» и философские «Письма о природе и человеке»; научные, философские и литературно-критические выступления Ломоносова в прозе и стихах; «Слово о премудрости, благоразумии и добродетели» Тредиаковского, его переводы «Житие канцлера Франциска Бакона», «Римская история» (с предисловием к разным томам) и др.; обширная публицистика Сумарокова; социологические и экономические работы Фонвизина; журналистика Новикова («Трутень», «Пустомеля», «Магазин натуральной истории» и др.); составившие эпоху «Московский журнал» и другие издания Карамзина, его «Письма русского путешественника»; «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, его философские («О человеке, о его смертности и бессмертии») и общественно-политические сочинения.

Большой материал для изучения отвлеченной лексики представляют труды русских мыслителей и общественных деятелей Я. П. Козельского, Е. С. Десницкого, речи профессоров Московского университета второй половины XVIII — начала XIX в.— Н. Н. Поповского, А. А. Барсова, С. Г. Зыбелина, Д. С. Аничкова, П. И. Страхова, А. М. Брянцева и др. Значительное место в этом ряду занимают периодические издания, воздействие которых на литературное употребление со временем возрастает,— «Ведомости» и особенно «Примечания» к ним; издававшиеся на всем протяжении XVIII — начала XIX в. сборники Академии наук «Комментарии» (1728), «Содержание ученых рассуждений» (1748—1754) и др.; близкие к журналу «для всех» «Ежемесячные сочинения» (с 1755 г.), «Санктпетербургские ведомости», в конце XVIII в. «Политический журнал» и др. Некоторые термины находят отражение в деловых и частных документах.

[22] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, с. 521, 524, 586; т. VIII, с. 92—93 и др.

На развитие изучаемой лексики оказала влияние передовая общественная мысль и освободительное движение XVIII в. в России и за рубежом. Положение крепостного крестьянства обсуждается в работе А. Я. Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России» (1766), в речах ряда депутатов Комиссии для сочинения проекта нового уложения (1768). Характерную терминологию находим в указах Пугачева.

Немалая часть ученой [23] литературы XVIII в. переводная. Издавались труды французских и других просветителей, мыслителей, ученых — Попа, Локка, Гоббса, Фенелона, Бюффона, статьи из французской «Энциклопедии», сочинения энциклопедистов Монтескье, Даламбера, особенно многочисленны переводы Вольтера и Руссо. Переводы XVIII в. под пером лучших писателей отличаются точностью; русский текст их может рассматриваться в ряду других образцовых памятников литературного языка. Таковы работы Румовского (перевод «Писем» Эйлера), Козельского, Тредиаковского (ему принадлежат слова: «Переводчик от творца только что именем рознится») и др. Разные переводы или редакции одного произведения (таких немало в XVIII в.), иноязычные тексты служат основанием для весьма наглядных языковых сопоставлений и идентификаций. Ценные сведения дают справочники по французской лексике XVIII в. (например, разные издания Словаря Французской Академии) и исследования [24]; материалы по поздней, «ученой» латыни XVII—XVIII вв.

§ 3. Отвлеченная лексика встречается в произведениях высоких и нейтральных, отражая неоднородный в стилистическом отношении состав ученой литературы на протяжении XVIII в. Однако непосредственно данная лексика и литература относятся к среднему (или простому) стилю, составляя его основу. Хотя роль и место этого

[23] Этот термин можно применить в отношении всей указанной литературы (он использовался в XVIII в. у Новикова, Карамзина, Белинского, позднее у Грота, Винокура и др.). В дальнейшем придется неоднократно констатировать, что некоторые понятия и термины в XVIII в. имеют своеобразное наполнение и не совпадают с эпохой сложившегося национального литературного языка XIX—XX вв. («научный» язык и литература, «публицистика», определение «книжный» и др.).

[24] Р. А. Будагов. Развитие французской политической терминологии в XVIII в. Л., 1940.

стиля в литературном языке XVIII в. оцениваются поразному [25], нельзя не признать значительного и все возрастающего удельного веса указанной литературы и лексики в формировании норм литературного языка нового времени. Через посредство отвлеченной лексики в общелитературное употребление вливаются наименования из различных областей знаний и общественной жизни.

В истории изучаемой лексики чрезвычайно отчетливо проявились языковые процессы, приводившие к утверждению новых норм литературного языка. Исследование их в первую очередь имеется в виду в данной работе. Одной из главных черт, характеризующих состояние отвлеченной лексики XVIII в., является господствующая в это время множественность наименований (одно понятие — разные обозначения), сменяющаяся в ходе литературной нормализации дифференциацией и закреплением обозначений. «Синонимичность» XVIII в. [26], или «разноименство», «тождесловие» (Ю. С. Сорокин), имеет особенный характер, и понятие синонимии в собственном смысле лишь частично покрывает относящиеся сюда случаи. Поэтому ниже разные способы выражения одного содержания (понятия) применительно к XVIII в. определяются как (лексическая) вариантность [27]. История вариантов, их дифференциация и закрепление очерчивают — как собственно языковой показатель — хронологические рамки изучаемого периода в области отвлеченной лексики.

---

[25] А. И. Ефимов. История русского литературного языка. М., 1967, с. 119—124; А. И. Горшков. История русского литературного языка. М., 1969, с. 202—207 (см. здесь же изложение мнений по данному вопросу).

[26] Е. М. Иссерлин. Конкретная и абстрактная лексика в русском литературном языке XVII в. «Начальный этап формирования русского национального языка». Л., 1961, с. 104.

[27] Обычно же вариантами называют фонетические, морфологические, лексико-семантические, стилистические и другие различия в пределах тождества слова. Материал этого рода представлен, например, в работах: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; Ф. П. Филин. О слове и вариантах слова. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963; Р. П. Рогожникова. Варианты слов в русском языке. М., 1966. Ср. «варианты», «вариативность» применительно к «синонимообразным» явлениям: А. П. Евгеньева. Основные вопросы лексической синонимики. «Очерки по синонимике современного русского литературного языка». М.— Л., 1966, с. 11—14; В. П. Петушков. Стилистические синонимы. «Русская речь», 1969, № 1.

В настоящее время лексикологические исследования заметно направляются на выяснение закономерных смысловых соотношений слов, в связи с чем определение «лексико-семантический» становится все более распространенным. При этом историк-лексиколог сталкивается с тем смущающим подчас обстоятельством, что некоторые наиболее общие виды семантических изменений слов (так сказать, номенклатура их) — метафора, метонимия, сужение и расширение значений, калькирование, терминологизация, детерминологизация и т. д. известны издавна и наблюдаются в разное время [28]. Однако не следует упускать из вида, что специфика этих и других явлений состоит в конкретном наполнении и соотношении в ту или иную эпоху в определенном слое лексики.

Хотя верно утверждение, что нет двух слов с одинаковой историей, типизация изменений (и соответственная группировка слов) возможна и необходима [29]. При таком подходе существенно, чтобы исследовательская схема изложения не представляла бы лишь прием (порядок) классификации материала, а в определенной мере воспроизводила совокупность и переплетение наблюдаемых процессов и явлений. Причем приходится учитывать, что реально слова существуют в разных средах — в одном плане они объединяются тематически (сфера понятий, отрасль знаний), в другом — по типам лексико-смысловых изменений; чаще всего эти планы не совпадают. В данной работе основное внимание уделяется второму аспекту: определению путей образования слов и изменению их значений в сфере изучаемой лексики. Соответственно тематическая характеристика лексики (история обозначаемых понятий) затрагивается лишь в необходимой мере.

Как материал в истории литературного языка и лексикологии обычно используется творчество крупнейших писателей (причем их основных, классических произведений). Между тем весьма показательны малые литературные формы и жанры — произведения менее известных авторов, статьи, речи, документы и др., живо отражающие словоупотребление изучаемого времени. Известно,

[28] К. А. Аллендорф. Значение и изменение значений слов.— АДД. М., 1966.

[29] Вместе с тем данная проблема до сих пор до конца не разработана (см. об этом: В. А. Звегинцев. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 50).

насколько существенны непосредственные свидетельства современников о тех или иных фактах; однако их значение не следует преувеличивать: в основе их подчас лежат личные вкусы и мнения, нередкое в XVIII в. и наблюдающееся до сих пор смещение слова и понятия (например, *мораль* у Сумарокова).

В имеющихся исследованиях широко используются словари XVIII в.— источники наиболее доступные и наглядные. Однако сами по себе они не в состоянии дать полной картины истории слов, поскольку в это время особенно ощущается отставание лексиконов в описании словарного состава языка. Словари XVIII в. целесообразно учитывать наряду с основной литературой, дополняя и сопоставляя их показания. При систематическом изучении лексики требуют сопоставительного изучения отдельные, хотя бы и яркие случаи употребления («нахождения») слов; в этой связи стоит проблема первой фиксации и литературной истории слов.

Смысловые изменения в лексике имеют разный характер; они могут не иметь внешнего выражения, но чаще при семантических сдвигах в словах возникает специфическая сочетаемость, конструкции и др. Возможно полный учет контекстных данных весьма важен [30] в историко-лексикологическом исследовании. Внутрисловные смысловые изменения и контекст представляются разными сторонами одного явления, в равной мере показательными для происходящих сдвигов в слове.

§ 4. «В языке... слова образуют систему» [31]. Современное состояние лексикологии характеризуется признанием системности связей слов в языке. Понятие системности (и системы) разрабатывается ныне и в области историко-лексикологического изучения [32]. Если системность (лексики) конкретно проявляется в связях и отношениях слов и, так сказать, непосредственно наблюдается, то система — понятие более отвлеченное и сложное.

---

[30] Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка).— АДД. М., 1969, с. 7, 16.

[31] Р. А. Будагов. Типы соответствий между значениями слов в родственных языках.— НДВШ ФН, 1968, № 5, с. 10; Он же. История слов в истории общества. М., 1971. с. 4—5 и др. (см. здесь замечание о системном изучении лексики и о специфике лингвистического рассмотрения «книжных» или «культурных» слов).

[32] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава.., с. 12 и др.

Едва ли можно сомневаться, что словарный состав языка объективно существует как внутренне организованное целое, определенная непрерывность, а не только как сумма отдельных слов. Вместе с тем подвижность состава, тонкость смысловых нюансов и контекстуальная обусловленность лексических единиц затрудняют предметное, наглядное изложение лексики в ее совокупности.

Единство, цельность, взаимообусловленность единиц, общность законов изменения и развития, традиция, сфера функционирования — все это входит в понятие (лексической) системы. Заметим, что Л. В. Щерба не избегал понятия системы (лексики) и трактовал его весьма реалистично — как единую сложную словесную ткань языка, служащую для взаимопонимания членов определенного человеческого коллектива в тот или иной момент времени [33]. Последовательное изучение лексико-семантических связей слов и процессов позволяет вскрыть существенные черты лексической системы, показать основные закономерности ее развития в разные исторические эпохи. В этом отношении можно заметить, что при всей плодотворности исследований, прослеживающих историю отдельных слов, они имеют лишь вспомогательное значение для системного изучения словарного состава языка. Слова реально существуют во взаимосвязи, и историческая лексикология может строить свои выводы прежде всего на исследовании соотносительных рядов и групп в лексике. В этом состоит, как кажется, основной акцент системного начала в лексикологии.

С системой (лексики) тесно связано понятие нормы, которая выступает как совокупность установлений, регулирующих словоупотребление [34]. Содержание и характер нормы обусловлены системой. Изучаемый период в истории русского литературного языка — переходный, когда закрепляются нормы национального литературного языка (нередко при этом говорят просто о литературной нормализации). Однако означает ли это, что в первой трети XIX в. «нормированное» состояние языка приходит на смену «ненормированному» состоянию XVIII в.? Эволюция

[33] Л. В. Щ е р б а. Опыт общей теории лексикографии. Изв. ОЛЯ АН СССР, 1940, № 3. См. также: А. И. С м и р н и ц к и й. Лексикология английского языка. М., 1956, с. 6—11.

[34] С. И. О ж е г о в. О трех типах толковых словарей русского языка.— ВЯ, 1952, № 2, с. 94.

литературного языка на протяжении XVIII — первой трети XIX в. показывает, как вместе с системой языка изменяются его нормы, совершается переход от одних норм к качественно иным. Состояние литературного языка, потребности его развития в исследуемый период были таковы, что обычной, нормальной была полиномия — использование для передачи одного и того же понятия разных слов. Варианты в XVIII в. существуют именно потому, что отсутствуют еще единые способы обозначения многих специальных понятий и происходят поиски, отбор наиболее подходящих из них.

С постепенным упрочением национального литературного языка положение меняется. К концу XVIII — в первые десятилетия XIX в. с особенной силой проявляются процессы дифференциации и регламентации. Удержаться и закрепиться в системе нового литературного языка могли только те элементы, которые получили собственную специфику, свое отличное от других место в этой системе. Данное требование становится все более строгим, быстро устраняя прежний разнобой и множественность в наименованиях и создавая стабильность, свойственную русскому литературному языку нового времени. С развитием самой системы нормативность перемещается от полиномии (множественность наименований) к монономии (принципиальная разграниченность и закрепление наименований), от положения, когда вариантность в известной мере отражает состояние системы и обусловлена ею, к закреплению и мотивированному разграничению различающихся единиц словарного состава.

Вариантность XVIII в. выступает не как аморфность, а исторически обусловленное состояние литературного языка. Применительно к «складывающимся литературным языкам» иногда «кажется, что нормы вовсе нет, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что она просто очень широка» [35]. Соответственно меняется характер и масштаб словесной вариантности. Из явления регулярного в исследуемый период она превращается (XIX—XX вв.) в сопутствующее, обусловленное лишь развитием языка, его движением. Норма и варианты в преднациональный и современный периоды литературного языка имеют неодинаковое наполнение и предстают как историческая категория.

[35] Л. В. Щ е р б а. Опыт..., с. 97—98.

Глава II

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТВЛЕЧЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова

БЫТОВАНИЕ СЛОВ И ИХ ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ

§ 1. Одним из существенных вопросов исторической лексикологии XVIII в. является определение времени появления слова в литературном языке. Многочисленность в XVIII в. окказиональных и параллельно возникающих образований, с одной стороны, и недостаточная изученность источников, — с другой, обусловливают трудности в разграничении бытования (т. е. вообще наличия, «встречаемости») слова по отношению к его общей литературной истории. При всей уместности, например, замечаний о том, что некоторые слова, приписываемые Карамзину (*общественность*, *расстояние*, *склонность*, *расположение*, *впечатление*), обнаруживаются у других авторов и ранее [1], и аналогичных наблюдений о словах *отвлеченный*, *тонкости*, *трогать*, *моральный* и других [2] — нельзя не отметить наблюдающегося до сих пор у некоторых исследователей увлечения поисками «первого», самого «раннего» употребления слова. Между тем в условиях XVIII в. при острой потребности в новой терминологии потенциальная возможность образования и заимствования слова была весьма велика, причем слова могли возникать каждый раз как бы заново. Случаи употребления слов в это время нуждаются в тщательной интерпретации и могут быть правильно поняты и объяснены лишь с учетом полной исторической перспективы развития слов, соотношения разных параллельных средств выражения.

www.ruslang.ru

[1] М. П. М и ш и н. Несколько справок из истории лексики русского литературного языка (к вопросу о неологизмах Н. М. Карамзина). «Уч. зап. Пермского пед. ин-та», вып. 17. Каф. русск. и иностр. языков, 1958.

[2] HWB, с. 45—46.

СС215
БИБЛИОТЕКА

Вопрос о степени литературной ассимиляции слова, т. е. его внедрении, распространении в языке, рассматривается с учетом разных аспектов (Сорокин, с. 62—63) [2а]. Однако поставленный вопрос применительно к XVIII в. с обилием в это время переходных, развивающихся и не устоявшихся еще случаев не всегда легко разрешить с помощью целого комплекса признаков. Практически прежде всего приходится учитывать следующее: 1) степень регулярности употребления слова у разных авторов на всем протяжении данного периода; случаи употребления слова должны иметь определенную диахроническую последовательность и непрерывность в литературном языке; 2) характер употребления слова с точки зрения типичных условий функционирования отвлеченной лексики XVIII в.; 3) соотношение данного слова и смысловых аналогов, наглядно представляющее «удельный вес» и место новообразования в литературной лексике данной эпохи. В связи со сказанным формулируется понятие истории и предыстории слов. Под последней подразумеваются случаи употребления слова и его аналогов, непосредственно предшествующие утверждению слова в литературном языке. Ниже остановимся на рассмотрении некоторых показательных в этом плане случаев.

§ 2. Трудности связаны с трактовкой некоторых слов (в основном заимствований), встречающихся в Петровское время. Многие из них в своем существовании ограничены этим периодом и не имеют дальнейшего прямого развития в языке XVIII в.; позднейшее появление их в русском литературном языке конца XVIII — начала XIX в. оказывается вторичным и со словоупотреблением Петровской поры мало или совсем не связано.

Рассмотрим в качестве примера слово *объект*. Слово встречается уже в литературе первой половины XVIII в. Находим его, например, в «Книге систиме» Дм. Кантемира (1722) в тексте, насыщенном заимствованиями, которые чаще всего имеют пояснения на полях: *сентенции — речения, слова*; *нация — род*; *аннотации — назнаменования, отметки*; *сенс — разум*; *церемонии — обряды* и т. д. Слово *объект* встречается здесь, впрочем, лишь дважды

[2а] Л. П. Крысин. Вопросы исторического изучения иностранных заимствований в лексике русского языка советской эпохи.— АКД. М., 1965, с. 9—10.

на одной странице — в латинизированной форме *объектум* и с обычным для заимствований этого типа усечением окончания — *объект*. См. эти примеры: Чувственное, то есть осязаемое, зримое, слышимое и прочее все, что либо субъектум... и * *объектум* [на полях пояснение: **предлежащее*] называлася обыче; Душа, восприняв свои разумные силы, действует на все *объекты* моментально. Обычно же в данном смысле в тексте употребляется слово *вещь* и др. Слово *объект* встречается и далее в ученой литературе XVIII в. Однако на фоне других выражений с данным значением оно сравнительно малоупотребительно и, как правило, связано с общими особенностями текста; при слове часты пояснения. Находим его в научно-философских «Письмах» А. Кантемира — наряду с *вещь*, *прилог* и др.; например: Чрез помощь микроскопа находим мы тысячу *объектов*, которые взор не может постигнуть. В других произведениях Кантемира слово не известно; данное же сочинение существенно отличается в этом отношении от остального корпуса работ писателя [3] именно сравнительным обилием редких для своего времени заимствований — *гемисфера*, *деликатность*, *препорции*, *манер*, *субтильный*, *резон*, *элекс*, *реэлекс*, *креатура*, *спекуляция* и др.

Не свободна от заимствований (типа *социетет* и др.) брошюра Румовского «О начале и приращении оптики», где слово *объект* встречается реже по сравнению с другими наименованиями (*вещь*, *предлежащая вещь*); см. там: Первая составленная им труба увеличивала *объекты* втрое. В трактате Ф. Прокоповича «О безбожии», где слово встречается с пояснением: Помышление, которым душа бесчисленные *объекты*, то есть *представляемые* себе *вещи* многоразличные, постигает. Примеры с *объект*, в общем, немногочисленны в XVIII в. Основными наименованиями в значении ‘предмет, объект’ на всем протяжении XVIII в. являются *вещь*, *предлежащая* (*предложенная*, *предверженная*) *вещь*, *предлежащее*, *предлог*, *предложение* и распространяющееся с 50-х годов слово *предмет* (см. ниже § 12). Именно эти выражения использовались

[3] Подробнее: В. В. Веселитский. «Письма о природе и человеке» А. Д. Кантемира. «Изучение русского языка и источниковедение». М., 1969.

в текстах XVIII в., ограничивая употребление заимствования *объект*; они же служили для пояснения, толкования данного заимствования при его появлении.

Слово *объект* утверждается в литературно-книжном языке преимущественно к концу XVIII в. Существенно, что если до этого слово *объект* выступало с общим значением вещи или предмета действия, то теперь оно получает некоторую смысловую особенность, специфику, в известной мере выделяющую его из ряда других вариантных средств и обеспечившую ему отдельность и самостоятельное развитие. Со значением ‘предмет, объект мысли, внимания’ оно закрепляется в сугубо книжной, отвлеченно-философской сфере. См. в «Северном вестнике» (1805, № 7): Конечно, разум не мог образовать в себе никакого представления, коего бы *объект* был *вещь*, от людей отличная; в «Этимологическом лексиконе» Плюшара: Ощущение... составляет не только материал, но и *объект* мысли. В сл. Курганова *объект* поясняется словом *предмет* и другими вариантами: «*Объект*, предмет, предзор, вещь, причина». В сл. Яновского начала XIX в. *объект* имеет специальное, более узкое толкование (при сохранении соотносительности *объект — предмет*): «*Объект* лат. Предмет. В перспективе называется точка, черта, поверхность, тело или всякая видимая нами вещь, которую должно снять...» Здесь же один их первых примеров прилагательного *объективный* ‘предметный’ от *объект* ‘предмет’: «*Объективное* стекло», т. е. направляемое на предмет (кстати, так определяется и прил. *предметный* в сл. 1847). Современное значение ‘верный действительности, правильно воспроизводящей ее’ возникает у слова *объективный* не ранее первой трети XIX в. (тогда же появляется *объективность*). В качестве ранних аналогов заимствования выступают *предлежательный*, *предлежащий* (Отвл. лекс. XIX в., с. 86—87).

Таким образом, при наличии случаев употребления слова в XVIII в., на грани XVIII—XIX вв. начинается по существу новое освоение его в отвлеченной лексике. Известная новизна слова ощущается в первые десятилетия XIX в. В «Опыте философского словаря» А. Галича статья на соответствующее понятие озаглавлена латинским термином objectum — с несколько архаичным по форме соответствием «Objectum, предлежательное...»; не представлено слово у Карамзина, Пушкина (Сл. Пушк.). Более

широкое распространение в философской и публицистической речи слово получает лишь в 20-е и затем 30—40-е годы XIX в. Но и в это время Белинскому приходилось отстаивать права гражданства данного термина наряду с другими, составлявшими примету новой развивающейся философско-книжной лексики [4].

Характерно, что в ходе этой полемики Белинский дал определение слова *объект* именно в философском плане: «Субъект есть мыслящее существо (человек); *объект* — мыслимый предмет» [5]. Развитие слова в последующее время включает в себя характерное обстоятельство, присущее многим другим словам этого рода,— как бы обратный путь от специального философско-публистического употребления к более широкому распространению в литературно-книжной речи и вторичному сближению с существительным *предмет* в общем значении 'вещь'. С 30—40-х годов XIX в. образуются две линии — философское и общее осмысление слова. Аналогичный ход развития наблюдается у слова *субъект*.

Трактовка подобных слов затруднительна, потому что практически случаи употребления слов в XVIII в. все же встречаются и дело заключается в том, чтобы правильно определить «предысторию» слов. Далеко не всегда между хронологически разделенными случаями сохраняется преемственность. Хронологический и узуальный разрыв обнаруживается также в истории слова *абсолютный*: в Петровское время (в форме *абсолютно*, *абсолютство* — Смирнов, с. 27) и «это же» слово, вошедшее в литературно-книжный язык в 30-е годы XIX в.; *личность* у Радищева и в 20—30-е годы XIX в.; *самобытный*, *самобытность* в древности и в новое время и др. Прерывность в истории слов объясняет различие их свойств в разные исторические эпохи (см. ниже эти слова).

§ 3. С другой стороны, немало слов, в XVIII в. так или иначе ограниченных в употреблении, составляют в это время ц е л ь н у ю и последовательную историю развития. Соответственно дата их литературного рождения оказывается ранней, даже вопреки встречающимся утверждениям современников, отрицательно оценивающих их постепенное распространение в литературном

[4] Белинск., IX, с. 222—235; 458—474.
[5] Белинск., т. II, с. 464.

языке. Например, Шишков в своей полемике с «новым слогом», говоря о неоправданном, с его точки зрения, введении в язык иностранных слов, начинал свой перечень со слова *моральный* (наряду с *эстетический*, *эпоха*, *сцена*, *гармония*, *акция*). «Сии,—замечал Шишков,—суть самые новомодные слова» [6]. Пародируя «новый слог», Шишков приводил такой образец с новообразованием *моральность*: «Вы не имеете никакой *моральности*» [7]. Слово *моральный*, как правило, не отмечается в словарях XVIII в. (кроме словарей иностранных слов Курганова и Яновского), нет его в академических словарях САР и сл. 1847. Известны систематические замены Карамзиным слова *моральный* словом *нравственный* при подготовке 4-го издания «Писем русского путешественника» (1814)— около 30 случаев таких замен [8].

Эти и другие факты могут создать впечатление, что слова *мораль*, *моральный* и другие — варваризмы, чуждые литературному употреблению еще в начале XIX в. Между тем объективный учет материала показывает, что данные слова известны на всем протяжении XVIII в. и довольно регулярно используются разными авторами, обнаруживая вместе с тем смысловую определенность и устойчивые связи с параллельными по смыслу наименованиями. Слово *моральный* находим у Дм. Кантемира, в периодике первой половины XVIII в. См. некоторые из ранних примеров указанного и других слов: *Моралические* понедельные письма («Ист. прим.», 1729); В наставлениях *моральных*, житию человеческому надлежащих (Должн., I— здесь же *морально*). Следует сказать, что в это время и в дальнейшем слово обнаруживает сугубо книжный характер и не является широко распространенным. Так, в произведениях А. Кантемира слово *моральный* употреблено один раз в сатирах: Лучшие из древних *моральные* книги (Сатира I, прим.)— с заменой этого слова на *нравоучительный* во второй редакции сатир. В остальных случаях Кантемир употребляет только *нравоучительный*: *нравоучительные* сочинения; *нравоучительная* наука, философия. Это слово в значении 'назидательный, относящийся к нравственным правилам' является основным наименованием в XVIII в. (*нравоучительные* правила —

[6] Шишков., с. 23—24, 304.
[7] Там же (Приложение), с. 440.
[8] Сиповский, с. 230.

Тред., наставления — Сум.); уже в ранний период устанавливается его соотносительность с заимствованием *моральный*.

Слово *моральный* нередко у Теплова (обычно в текстовом соотношении с *нравоучительный*), — в основном, с существительными *философия*, *наука*; в таком же контексте в трактате Ф. Прокоповича «О безбожии»: Чрез движение сердечное происходят многие страсти, которые философия *моральная*, то есть *нравоучительная*, называет аффектами (Тепл.). В середине — второй половине XVIII в. можно отметить некоторое расширение семантической сферы слова — оно начинает употребляться в философских контекстах при обозначении явлений духовных в противоположность вещественным (например, в противопоставлении *моральный — физический*; гл. IV). С середины XVIII в. в обращении являются по существу все основные образования данного корня — *мораль*, *моральный*, *морально*, *моралист*. Почти все они, наряду с соответствующими образованиями от *нравоучительный*, употребительны, например у Сумарокова, причем в разных работах: «О домостроительстве», «К добру или к худу», в специальной статье «О слове [фактически понятии] *мораль*». Например: Не естеством, но *моралью* и политикою склонны мы к добродетели (Добр. худ.), *моралист* (Ст. добр.) [9]. Примеры, встречающиеся к концу XVIII в., свидетельствуют о расширении сочетаемости рассматриваемых слов. Например, в переписке московских масонов: *Моральное* совершенство (Барск.); в «Письмах русского путешественника»: Книга о *естественной морали* (курсив автора —МЖ, IV) [10]; заботился о *моральных* качествах... дочерей своих (ММ).

Однако и в первые десятилетия XIX в. слова остаются книжными:

а) *Моралист*. Нравоучитель, кто пишет о нравах и советует наблюдать различные добродетели для собственного и общего благосостояния (Ян.), угрюмые *моралисты* (ВЕ, 1802), стоики и другие *моралисты* признавали страсти болезнями душевными (СЖ, 1806);

---

[9] Слова этого рода представлены также у Фонвизина (А. И. Горшков. История русского литературного языка. М., 1969, с. 263).

[10] Ср. в названии издания: Я. Мейстер. О естественном нравоучении. М., 1789 (в ориг.: De la *morale* naturelle).

б) *Морализовать* на сцене бесполезно: не будешь *моралистом* лучше Соломона и Сираха (Жихарев, 1806 г.), *Морализировать*. Делать нравоучительные наставления, учить добронравию (Ре-ф-ц);

в) Я существую *морально* (ВЕ, 1802).

Правда, несколько более интенсивное развитие наблюдается в это время у прил. *моральный*, в котором выявляются два значения: «нравственный, до нравов принадлежащий» и «то, что противопоставляется физическому» (Ян.) [11]. С начала XIX в. сочетаемость этого слова расширяется за счет отвлеченной лексики. Например: Вкус *моральный* (ВЕ, 1802), *моральные* удовольствия (там же), скорби *моральные* и физические (МТ, 1834), естество всего народа, сумма его физических и *моральных* (телесных и душевных) сил (МВ, 1829).

Сравнительная ограниченность в употреблении (книжность) данных слов в немалой мере объясняется также наличием смысловых параллелей с употребительными в XVIII в. словами *нравоучение*, *нравоучительный* (позднее *нравственный*), *нравоучитель* и др.: *Нравоучение*, или ифика, учит добрым нравам,.. представляет правила... доставать себе добродетели и отбегать злонравия (Кант. Разг.); Врачи, как *нравоучители*, завещавают немногоядение (Тред. Фил. Бак., в ориг.: comme les moralistes); приключение *нравственного* света (Аничк. Превр. пон.); см. также Сох. У Тредиаковского — *нравоучительность* (Тилем.) и *нравоучительство* в том же значении, что и *нравоучение*. Например: коего *нравоучительство* дышет токмо человеколюбием (Фил. Бак., в ориг.: la morale). В XVIII в. намечаются некоторые пути семантической дифференциации этих слов. *Нравоучение* в XVIII в. имеет два часто переплетающихся смысла: ‘нормы поведения, воспитания’ и ‘учение, наука о поведении’. Во французском языке morale также совмещает эти значения, а возникающее с середины XVIII в. существительное moralité передает специально первое. Подобное словообразовательное разграничение наблюдается и в русском литературном языке: появляющееся во второй половине XVIII в. *нравственность* (и *нравственный*) первоначально закрепляется именно за первым значением. Например, в списке

[11] Соответственно в слове углубляются и специализируются антонимические отношения с *физический*, синонимические — с *духовный*, *нравственный* и др. (см. гл. IV).

статей, переведенных Козельским из «Энциклопедии», встречаем: «Morale, нравоучение», «Moralité, нравственность» (Ст. фил.); там же в тексте: *Нравственность* (moralité)... есть сходство дел человеческих с законом.

Однако стабильного смыслового разделения между *нравоучение*, *нравственность* (и *мораль*) в исследуемый период не устанавливается. Развитие этих слов приводит к тому, что уже в конце XVIII—начале XIX в. *нравоучение* постепенно сокращается в употреблении, сохраняя значение 'назидание, поучение', *нравственность* выступает в значении 'совокупность норм поведения', *мораль* — совмещает оба эти смысла. Прежняя парная параллель *мораль — нравоучение*, таким образом, осложняется соотношением *мораль — нравственность*. Эта новая ситуация хорошо видна на примере словоупотребления Пушкина. *Нравоучение* отмечено у него лишь в значении 'назидание, наставление' (10 примеров), *нравственность* — в значении 'совокупность норм поведения' и 'поведение в соответствии с этими нормами' (24); *мораль* в значении 'нравственный выход' (2) и 'нравоучение' (2). Общее количественное соотношение слов наиболее показательно в прилагательных *нравоучительный* (10), *нравственный* (34), *моральный* (4). В то же время *моралист* у Пушкина имеет два примера, а *нравоучитель* отсутствует вовсе (Сл. Пушк., II, с. 622, 888—889).

§ 4. Функционирование некоторых слов, сравнительно у з к и х по сфере приложения, связано с некоторыми особенностями. Примеры их, в силу самого содержания обозначаемых понятий, оказываются немногочисленны, хотя слова (часто это заимствования) относительно определенны по смыслу. Немногочисленность в таких случаях литературных примеров и отсутствие подчас характерных текстовых пояснений к ним не служат еще прямым свидетельством неосвоенности или, напротив, литературного освоения слов. Например, слово *монада* встречается уже в «Примечаниях на ведомости» конца 30-х годов XVIII в., где смысл его связывается с изложением соответствующих теорий древних (Пифагора) [12]. Неоднократно встречаем слово у Румовского в переводе «Писем» Эйлера как специфический термин при изложении учения Лейбница и физических взглядов Вольфа. См. там: Материя состоит

[12] Кутина. Физика, с. 107—108.

из множества частиц, которые называются элементами материи... Сии элементы суть невещественные, ибо ежели бы они сложены были из частей, то бы не были еще элементы; части их были бы элементы. Таковые элементы называются также *монадами*... Вот основание системы о *монадах*,.. хотя она ныне уже не в такой славе, в какой была прежде (Эйл.). Представление о монадах как о неделимых элементах (частицах) объясняет наблюдающееся текстуальное сближение существительного *монада* с некоторыми другими словами — *атом*, *частица*, *элемент*, *субстанция* и др.

Примеры слова *монада* в XVIII и даже в начале XIX в. в общем не часты. При этом слово большею частью (например, у Румовского) употребляется без аналогов-пояснений (текстового «ввода»), а встречающиеся комментарии служат в основном для раскрытия самого понятия. Тем не менее употребление слова в XVIII в. составляет органическую часть общей истории слова в литературном языке. Отмеченные особенности свойственны и некоторым другим словам: *корпускулярный* и (позднее) *корпускула*, в XIX в. слову *молекула* (первоначально *молекюль*) и др.

§ 5. Важно установление семантических свойств слова на раннем этапе его существования. Это позволяет соотнести первые случаи употребления слова с фактами его последующей истории и правильно определить перспективу развития слова, его единство и преемственность. Рассмотрим в качестве примера слово *кризис*. В XVIII в. оно довольно редко, тем не менее последнюю треть века можно считать временем вхождения его в литературное употребление. Ранний пример слова связан еще с Кантемиром, у которого оно в форме *кризес* встречается в переводе «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля: Мы можем претендовать, чтоб посылать луне инфлуэнции и давать *кризес* тамошним больным (II; в французском оригинале Entr.— crise). Этот отрывок насыщен заимствованиями, не распространенными в то время, и как бы специально предназначен для словарных разъяснений. Действительно, в примечаниях Кантемир раскрывает смысл всех иноязычных слов отрывка. См. прим. 79 к интересующему нас слову: *Кризес*. Слово греческое, собственно 'суд', но у докторов значит внезапную перемену болезни. В позднейшем (1802) переводе текста варваризмы устранены; слово *кризис* в современном его

написании оставлено: Производить разные влияния на луну и... причинять *кризисы* их больным.

Слово известно во многих языках и происходит от лат. crisis, восходящего к греч. κρίσις 'решение, решающий поворот в деле'. Первая часть примечания Кантемира и отмечает происхождение слова, его давний исходный смысл. В европейских языках слово распространяется главным образом в значении медицинского термина 'решающий момент в течении болезни', именно это качество его указывается как основное в академическом словаре французского языка XVIII в. [13] Заметим, что франц. crise могло означать переносно критическое состояние разных вещей [14], однако Кантемир указывает специальное медицинское значение, соответствующее изложению «Разговоров». В средние века изменения в ходе болезни связывались с положением светил. Эти астрологические представления были живы вплоть до XVII в. [15] В истории слова *кризис* на русской почве они почти не проявились. В лексиконах XVIII— первой половины XIX в. слово *кризис* и его соответствия определяются применительно к течению болезни. Например, «Новый лексикон» указывает: «Crise. Сумнительная болезнь, сумнительный знак о облегчении человека от болезни его, знак, по которому о смерти или о облегчении человека от болезни его рассуждают»; сл. Яновского: «*Кризис*. Перелом болезни...»; то же «Ручной словарь» 1830 г. и «Карманная книжка» Ренофанца 1837 г., сл. 1847. Лишь в сл. Кирилова 1845 г. указывается общее и социальное значение слова, которое рассматривается как производное и переносное от термина медицины: «*Кризис*. В медицине так называют перелом, переворот, после которого страждущий начинает переходить от болезни к выздоровлению или к смерти. Отсюда это слово перенесено и вообще на житейские обстоятельства и означает событие, которое произвело резкую перемену в сфере деятельности частного человека или целого общества». Наконец, в словаре Даля первым дано общее значение резкой перемены чего-либо и в качестве специальных употреблений — слово в

---

[13] DAF 1740, I, с. 413.
[14] См. там же в примере: Une affaire est dans la *crise*.
[15] OED, II, с. 1178.

медицине и в экономике: «*Кризис*, перелом, переворот, решительная пора переходного состояния. *Кризис*, или *перелом болезни*; *кризис*, или *переворот денежный*».

Однако было бы неверно на основании лексикографических данных представлять ход развития слова — от термина медицины к значению резкой перемены и социально-экономических преобразований. Фактическая история слова в русском литературном языке не подтверждает и не иллюстрирует такой эволюции слова; словари же нередко основывались на «общеэтимологических» и логических соображениях, отчасти на истории иноязычных слов. Действительное употребление слова *кризис*, получившее более или менее систематический характер в последней трети XVIII в., показывает его в общем значении ‘решительное изменение в чем-либо’. Вот эти примеры: По обычаю, воспитание юного государя оканчивается со вступлением в брак. Эпоха сия у нас настала, и оною умышлено было воспользоваться ради совершенного отдаления гр. Никиты Ивановича от роли, им занимаемой в отечестве нашем. Но сей *кризис* кончился к славе его (Д. И. Фонвизин — А. М. Обрескову, 28 сентября 1773 г.); Теперь мы в *кризисе*: или мир, или тройная война (Храп., 24 декабря 1789 г.); Вы знаете, что на всякого человека бывают в жизни его периоды, во время которых выступает он из обыкновенного положения. Сии периоды можно точно назвать *кризисами* нашей жизни (А. М. Кутузов — Е. И. Голенищевой-Кутузовой, 6/17 декабря 1790 г.); Любовь есть *кризис*, решительная минута жизни, с трепетом ожидаемая сердцем (ПРП, V); Англ.-рус.

Жанровые особенности текстов и количество встречающихся случаев употребления свидетельствуют об известной ограниченности употребления слова в XVIII в. Так, цитированная переписка Фонвизина 60-70-х годов богата заимствованиями, обычны они и для А. Кутузова; Храповицкий записал слова Екатерины II, в речи которой иноязычные слова были, естественно, нередки. П. Жданов в своем англо-русском словаре вводит заимствование при объяснении соответствующего английского слова. Пример из Карамзина — почти единственный, публиковавшийся до сих пор в научной литературе [16]. У Карам-

[16] Е. Г. Ковалевская. Борьба вокруг карамзинской реформы в конце XVIII — начале XIX в. (вопросы лексики). Канд. дисс., 1955, с. 365.

зина он встречается в составе отрывка из сочинения аббата Д. «Мысли о любви», читанного на вечере у некоей г-жи Гло в Швейцарии,— как образец стиля изложения автора. Слово выделено курсивом самим Карамзиным, как и некоторые другие слова, специфические по смыслу или особо значимые в данном случае: *определение* (destination), *гармония*, *инкогнито*, будет у нас *чтение*, по углам комнаты было еще рассеяно несколько *групп*.

В последней трети XVIII в. слово *кризис*, если и известно как медицинский термин в специальной литературе, в литературном употреблении предстает в общем значении решительного, поворотного момента в течении и состоянии чего-либо. При этом нет явных свидетельств развития у слова *кризис* переноса на русской почве в XVIII в. Однако создавшееся мнение о слове ощущается в научных исследованиях и поныне. Так, *кризис* даже в цитированном выше примере из Карамзина относят к научной (медицинской) терминологии [17]. Более широкое распространение слова начинается в 30-е годы XIX в., когда в журналистике находим: коммерческие *кризисы*, *кризисы* в книжной торговле, литература в состоянии *кризиса*; к середине XIX в. — общественный (социальный) *кризис*, политический *кризис*, экономический *кризис* и др. [18]

В последней трети XVIII в. появляется прилагательное *критический* (от *кризис*, в отличие от известного еще ранее *критический* от *критика*). В «Новом лексиконе» находим еще перевод: «jours critiques — переменные дни в болезни человеческой». В сл. Яновского *критический* — только о болезни. Однако уже в письмах Фонвизина встречаем это прилагательное в смысле, соотносительном с указанным значением слова *кризис*: *критические* обстоятельства; в переписке А. Кутузова: *критические* времена; в «Политическом журнале» 1791—1792 г.: *критическое* положение, *критические* случаи. В САР при одном общем определении в иллюстрациях представлены оба качества слова: «*Критический*... Опасный или решающий судьбу, состояние. *Критическое обстоятельство*. *Критический в болезни день*».

[17] Е. Г. Ковалевская. Иноязычная лексика в произведениях Н. М. Карамзина. «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в.», М.—Л., 1965, с. 246, 250.

[18] О слове в XIX см.: Сорокин, с. 411—412.

§ 6. Вариантность, т. е. множественность и незакрепленность средств выражения одного значения, весьма характерна для отвлеченной лексики XVIII в. Различие наименований многих появляющихся и актуальных в то время специальных понятий было почти повсеместным. В каждый момент и на протяжении всего периода смысловые аналоги образуют синхронные и исторически преемственные группы, или ряды. Причины вариативных расхождений в отвлеченной лексике XVIII в. в конечном счете связаны с общими условиями развития литературного языка этого времени. Расширение функций литературного языка, появление все новых понятий и реалий создавали острую потребность в наименованиях. В литературе происходят интенсивные поиски подходящих специальных выражений, и многие авторы идут разными путями, что само по себе обусловливало различие использовавшихся средств обозначения.

Сложные процессы лексических и стилистических смещений, активное пополнение словарного состава языка XVIII в. представляли обширный и разнородный источник новообразований. Однозначное прикрепление терминов к понятиям лишь вырабатывалось, и в изучаемый период можно отметить только определенные и все усиливавшиеся тенденции в этом направлении. Важно подчеркнуть, что соотносительные или аналогические наименования указанного рода не имеют в XVIII в. функционального распределения и действительно представляют ряд возможных слов при отсутствии единого общепринятого. Этим существующая ситуация принципиально отличалась от условий, сложившихся позднее— в 30—40-х годах XIX в. В этот позднейший период происходит окончательное утверждение национальных литературных норм, сопровождавшееся дифференциацией и закреплением наименований. Нормализация отвлеченной лексики, протекавшая в русле общей нормализации литературного языка XVIII— первых десятилетий XIX в., в частности, как раз и заключалась в устанавливающейся регламентации,* постепенно устранявшей и сменявшей прежний параллелизм специальных наименований.

Соотносительные наименования, передающие одно и то же содержание, образуют, как говорилось, в литера-

турном языке XVIII в. ряды. По характеру отношений внутри рядов, со стороны означаемого и означающего, их можно считать, как и принято в данной работе, вариантными, а слова в них — вариантами. Этим подчеркивается их относительное равноправие в выражении одного и того же содержания в языке XVIII в. [19] Вариантные ряды, или группы, представляются одной из основных ячеек лексической системы литературного языка изучаемой эпохи. Действительно, почти ни одно слово в сфере отвлеченной лексики XVIII в. не существует изолированно, и историю его по существу нельзя рассматривать обособленно. Судьба слова связана с историей всего вариантного ряда. Историческая непрерывность и внутренняя ассоциативная связь в рядах облегчает вхождение в язык одних слов (значений) и «безболезненное» отмирание или отделение других. Новая единица как бы поддерживается, вводится уже существующими аналогами. Вариантные ряды включают в себя разностильные элементы, разрывая таким образом до известной степени на основе функциональной общности рамки «штилей» XVIII в. [20]

§ 7. Рассмотрим некоторые свойства и существо вариантных рядов в отвлеченной лексике XVIII— начала XIX в. Прежде всего вариантный ряд имеет свою и с т о р и ю и развитие. С течением времени состав ряда не остается неизменным, в нем происходит внутреннее движение. Одни слова выпадают, другие входят в ряд. Неодинаков и «удельный вес» слов, их употребительность в данном специальном смысле. Среди вариантов выдвигаются ведущие в тот или иной момент и, напротив, более частные наименования. Процесс формирования вариантного ряда и его историю можно наблюдать на примере слов, выступавших в исследуемый период со значением 'отдельный, свойственный кому-чему, индивидуальный' и 'отдельный предмет, индивидуум'. Как известно, утвердившиеся в конечном счете основные наименования этого рода — *индивидуальный, индивидуум* и другие появ-

---

[19] Замечания о характере формирования научного и отвлеченно-книжного языка XVIII в. см.: Ю. С. С о р о к и н. О «Словаре русского языка XVIII в.» «Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в.» М.— Л., 1965, с. 20—25 (здесь же термин «вариантность»).

[20] Ю. С. С о р о к и н. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.).— МИИРЛЯ, I, с. 105.

ляются не ранее 20—30-годов XIX в. До этого данные значения передаются с помощью иных лексических единиц, образующих в литературной лексике XVIII — начала XIX в. последовательный ряд. Поиски специальных наименований для этих значений происходят особенно интенсивно с середины XVIII в. Так в отвлеченно-книжное употребление вовлекаются слова, семантика которых более или менее располагала к использованию их в данном специальном смысле. В языке XVIII— начала XIX в. это слова — *нераздельный* (*неразделимый*, *неразделяемый*), *особенный*, *особливый*, *единственный*, *частный* и др. Собственное, прямое значение их определяется в САР следующим образом. *Нераздельный* «неразделимый, не могущий разделиться», «в совокупности находящийся, не разделенный», например: *нераздельное* имение (ч. III, стб. 1359). *Особенный и особливый* «принадлежащий, свойственный собственно какой вещи или известному лицу», «предпочтительный в рассуждении прочих, отменный, отличный» (ч. IV, стб. 422). *Единственный* «одинокий, одно число в себе заключающий», «особенный», например: *единственное* упражнение его состоит в чтении книг (ч. II, стб. 354). *Частный* «составляющий часть целого, дробный», например: *частное* число (ч. VI, стб. 124).

При всем различии перечисленных слов они обладают некоторым общим свойством— указанием на отдельность, обособленность чего-либо. Именно это служит реальной основой, обусловливающей использование каждого из слов и всех целиком в одной общей для них семантической функции — обозначении специального понятия 'индивидуальный'. Вовлечение этих общеобиходных слов в сферу отвлеченной лексики связано. с определенными изменениями в семантике слов, с их специализацией.

В словах происходит внутренний сдвиг от прямого значения к новому осмыслению. При этом первое как бы отступает на задний план, затушевывается и слова выстраиваются наравне в общем для них качестве — указанном выше специальном смысле. Тем не менее характерным для начального употребления образующихся таким образом вариантов является частичное сохранение их прямых значений. Более того, исходные (собственные) значения слов во многом определяют особенности употребления вариантов, их сочетаемость. Своеобразное перепле-

тение исходного прямого и нового специального значений заметно во многих случаях.

При указании отдельной вещи и человека, лица образуются устойчивые или повторяющиеся сочетания упомянутых выше прилагательных с существительными *вещь*, *существо*, *предмет* и др. Так, в значении 'отдельная вещь' во второй половине XVIII в. чаще всего выступают *нераздельная вещь*, *существо нераздельное*, *нераздельный предмет*; *особенная вещь*; *единственная вещь*; *частная вещь*. Наиболее часто встречающееся определение *нераздельный*, существительное *вещь*. Например: Природный успех разума человеческого есть восходить от *собственных вещей* к видам (Кург., VI). Различные наименования этого рода встречаются в языке одного автора. В «Письмах» Эйлера выступают в аналогичном смысле *особенная вещь*, *нераздельная вещь*, *нераздельный предмет*, *существо нераздельное* и др. Отдельные авторы могут отдавать предпочтение тем или иным выражениям. Так, в работах Аничкова чаще других используются *нераздельные вещи*, *особенные вещи*, описательный оборот *существо*, *в особливости состоящее*; у Козельского — *единственная вещь*.

Такая же вариативность наблюдается в XVIII в. при обозначении отдельного человека, лица, индивидуума. Здесь также употребляются сочетания с указанными определениями и словами *человек*, *люди*, *лицо*, *существо*. Например, в «Философических предложениях» Козельского в противопоставлении отдельного человека и общества: В рассуждении благополучия *особенного* каждого человека и общего всех народов (у него же в «Статьях о философии»: *единственный человек*, с пояснением франц. individu); образования на *-ость*: *особность* (в «Философии Бакона» Тредиаковского: Причина *одного* есть всех других *особностей* причина; в ориг.— individus), *нераздельность* (*нераздельность* в обществе. ЕС, 1757), ряд выражений Радищева — *единственность*, *единственник* (согласие всех *единственников*. Жит.), *особенник* (*особенники* народа. О чел.), у него же — *единственный человек*. Слова *нераздельный*, *особенный*, *особливый* и другие в отмеченном специальном смысле функционируют, естественно, не только в цельных сочетаниях: ср. у Ломоносова *неразделимые частицы* об элементарно малых телах, у Соймонова — *нераздельные точки*. Однако в наибольшей степени специализация проявляется именно в указанных выше

распространенных сочетаниях. Свидетельства восприятия их как относящихся к ученой сфере встречаются у авторов XVIII в. Например, у Румовского фраза «[этот предмет] есть *существо нераздельное*» сопровождается замечанием: «как называется в метафизике» (Эйл.). Семантический сдвиг, сопровождающий вхождение рассматриваемых слов в специальный обиход, наглядно виден при сравнении некоторых сочетаний в прямом и специальном смысле. В сл. Вейсмана сочетание *особливый человек* определяется как необщительный, обособленно живущий человек: «*особливый человек*, нечеловеколюбный, не людский» (статья Sonderling), однако с середины XVIII в. оно приобретает помимо этого еще специфическое цельное осмысление 'человек, лицо, индивидуум'.

Смысловая аналогичность слов в вариантном ряду подтверждается тем, что отдельные слова встречаются в тождественных или близких контекстах. Например, в упоминавшемся тексте Румовского сочетания *понятия нераздельные* и *понятия особенные* равны по смыслу и выступают в одинаковых противопоставлениях (словам со значением 'общий'). В ученой литературе второй половины XVIII в. варьируются: *неразделяемая* польза — *частная* польза — *особенная* выгода (в противопоставлении общей, или общественной, пользе). Развитие вариантного ряда заключается не только в углубляющейся специализации входящих в него слов, но и в качественном расширении сферы их сочетаемости.

С течением времени в составе ряда происходит, как говорилось, перераспределение удельного веса отдельных наименований, отход одних и распространение других слов. Так, с конца XVIII в. в ряду со значением 'индивидуальный' постепенно сокращается употребление основного до этого слова *неразделимый* (*нераздельный*) и расширяется использование слова *неделимый*, которое с начала XIX в. становится основным в ряду. Существенно при этом, что распространение новых слов происходит с учетом лексико-фразеологической базы, сложившейся в употреблении предшествующих наименований. Это облегчило сравнительно быстрое утверждение и дальнейшее развитие слова *неделимый* в первые десятилетия XIX в. Его находим в упоминавшихся выше сочетаниях со словами *существо*, *лицо*, а также *понятие*, *представление* и др. Например: Народы как особенные *неделимые* сущест-

ва мира (СВ, 1808); Лица аллегорические, или собирательные (Геркулес, Гермес), ошибочно приняты за *неделимые* (ЭЛ, X). Та же преемственность в развитии ряда проявляется в 20—30-е годы XIX в. при возникновении слова *индивидуальный*. Это заимствование (франц. individuel и лат. individuus) первоначально имеет сугубо книжный и отвлеченный характер. Начальное употребление его тесно связано с другими вариантами, причем создающаяся соотносительность часто принимает вид текстовых параллелей и пояснений.

Взаимодействие нового слова и других вариантов не только облегчало освоение нового слова, но на первых порах в известной мере предопределяло его содержание. С другой стороны, оно имело и совершенно особый результат: дальнейшее расширение и обновление лексико-семантических связей имеющихся вариантов. См. примеры текстового соотношения заимствования *индивидуальный* и других слов ряда в литературе 20—30-х годов XIX в.: В Манфреде нет ни развития одного *частного* (*индивидуального*) характера, ни страсти (МВ, 1828— слово *частный* выделено автором, подчеркивавшим его специальный смысл); Сравнение... с периодами *особенной* (*индивидуальной*) жизни человека (ВЕ, 1827); Предположение природы и человека как *неделимых* (*индивидуальных*) (МТ, 1826). Когда в конце 30-х годов XIX в. слово *индивидуальный* получает лексикографическую фиксацию, в качестве средств толкования используются старые вариантные наименования; см. в «Карманной книжке» Ренофанца: «*Индивидуальный*. Свойственный каждому, *частный*, или то, что *нераздельно* принадлежит одному какому-нибудь предмету». Эта соотносительность заимствований (*индивидуальный* и др.) и вариантов сохраняется вплоть до середины XIX в. и в отдельных случаях позднее (Сорокин, с. 77—79).

Наличие общеизвестных иноязычных наименований-терминов (например, латинских, французских) способно было, по-видимому, оказать известное стимулирующее влияние на появление и оформление некоторых новообразований. Так, за два десятилетия до возникновения заимствования *индивидуум* начинает употребляться слово *неделимое* — в словообразовательном отношении прямая калька лат. individuum. Это слово принадлежит к субстантивным образованиям на *-ое*, известным в литератур-

но-книжной лексике и ранее (ср. *нераздельное* у Румовского [21], *неразделимое* у Тредиаковского, в «Комментариях» АН встречается *неделимое*). Слово *неделимое* входит в ряд со значением человека, лица, где употреблялись различные сочетания и слова. По сравнению с ними *неделимое* имеет более специальный характер и служит исключительно для выражения данного значения. См. примеры его: О сравнительном влиянии каждого пола в произведении совершенного *неделимого* (СВ, 1804), какое *неделимое* подходит под сие понятие (Якоб.), сие никакого не имеет влияния на перевозку одного *неделимого* (individuum) (Лауд.); отвлечение от себя как *неделимого* (ВЕ, 1823), каждое животное существует отдельно от всех животных как *неделимое* (Якушк.), весь мир гражданский рассматривает он как одно *неделимое* (МВ, 1828). В сл. 1847 г. это слово приводится в качестве заголовочного, причем спецификацией служит латинский термин: «*Неделимое*. Individuum...» Вытесняя в знач. 'отдельный человек, существо, (вещь)' другие варианты, слово *неделимое* со временем само уступает место заимствованию *индивидуум*, первые примеры которого встречаются в 20-е годы XIX в.: Жизнь, облекшаяся в вещественные образы, называется экземпляром (*индивидуом*) (МВ, 1828, № 8, статья М. Максимовича «Жизнь растения»), что представляют собою *индивидуумы*, то же представляет и человечество (Белинск. Лит. мечт., III); Общие требования природы человеческой в каждом *индивидууме* являются различными (Кир.).

Словоупотребление первых десятилетий XIX в. представляет соотношение разных наименований, однако всюду заимствованиям предшествуют или сопутствуют старые или вновь возникающие русские наименования. Наряду с *неделимое* выступает, например, *нераздельное:* От участи целого народа зависит и участь его *нераздельных* (Мал.); Силы телесные, деятельность, организация (члено-составление) долженствовали произвесть великую разность и приметную несоразмерность между *нераздельными* того же рода (СВ, 1804); Не было более нужды выдумывать особенного имени для каждого *нераздельного* (individuum), для каждой пещеры или источника (Му-

[21] См. также: разные части, наше *нераздельное* составляющие (Бюф. Ф.)

равьев. О свойств. и происх. языков). Можно отметить еще одно образование этого рода — *особое*: Понятие розы заключает в себе только общность признаков роз, а не самые *особые* (экземпляры) (Мн., 1825); Всякий образ жизни есть гармоническое *особое* (individuum) (МВ, 1829). С утверждением слова *индивидуум* эти вариантные наименования постепенно отпадают. Однако в зависимости от склонностей и взглядов пишущих они сохраняются в тех или иных случаях и даже кажутся предпочтительными; так, в сл. Кирилова отмечается, что латинизм *индивидуум* «может быть совершенно заменен русским термином *неделимое*» : Духовные и физические силы, кои самою природою равномерно сопряжены теснейшим союзом с его лицом и составляют его *неделимость* (Якоб), личность, или безусловная *неделимость* (Гал.). Лишь с конца 20-х годов XIX в. на смену ему приходит *индивидуальность*: Почти во все создания своей фантазии вплетает Пушкин *индивидуальность* своего характера и образы мыслей (МВ, 1828), существенные признаки, *индивидуальность* изящных предметов (ВЕ, 1830), *индивидуальность* своего характера (МВ, 1828), *индивидуальность* вкуса (ЭЛ, X). Такое же соотношение заметно в наречных формах, где наряду с *индивидуально* фигурируют *особенно*, *отдельно*: Ежели б все они трудились *особенно*, отделясь друг от друга (Смит), рассматривают *отдельно* ум человека, как начало философии, взяв его *индивидуально* (МТ, 1828).

Распространение с 30—40-х годов XIX в. слов *индивидуальный*, *индивидуум* и других совпадает с завершающим этапом в истории рассмотренных (и многих других) вариантных рядов. К этому времени повсеместно наблюдается разрушение прежних вариантных соотношений, смысловая дифференциация слов с закреплением за каждым из них точного и особого содержания. Типичная эволюция вариантного ряда в XVIII— начале XIX в. заключается в расширении его состава, углублении специального содержания слов и выражений и развитии специфических лексико-семантических связей. Одной из причин распада вариантов часто оказывается многозначность слов, их семантическая перегруженность. Так, слово *единственность* у Радищева обнаруживает не только значение ‘личность, лицо’ (...для составления нашей *единственности* нужно, чтобы была в нас единая мыслен-

ная сила), но и разные другие осмысления: 'предмет, существо' (все *единственности*, поелику суть тела, заключают в себе вышесказанные качества), 'единство, совокупность' (трудно вообразить *единственность* чувствования и мысли). Смысловая неопределенность некоторых вариантных наименований отмечалась современниками, например, в рецензии на книгу А. Иовского по химии (МТ, 1827, № 9), где указывалось, что автор «употребляет слова неправильно и неопределительно, ...individuum иногда выражает словом *неделимое*, иногда же *особенностию* (например, *минеральные особенности*)».

На смысловое обособление вариантов оказывают влияние новые складывающиеся связи слов. Например, в первые десятилетия XIX в. слова *индивидуальный*, *индивидуум* и другие сближаются и по существу встают в один ряд со словами *личный*, *личность*, *лицо*, развивая таким образом новые стороны своего значения. С другой стороны, возросшая употребительность и обобщенность смысла слова *человек* с конца XVIII в. делали в какой-то мере избыточными некоторые прежние определения *особливый*, *единственный* и др. Общая тенденция к дифференциации и смысловой определенности переплеталась здесь с семантической эволюцией отдельных слов.

§ 8. Рассмотрим теперь, каково семантическое с о о т н о ш е н и е слов в вариантном ряду. Сразу следует сказать, что отношения вариантности XVIII в. возникают лишь в определенных условиях и зависят от выполняемой словами смысловой функции. Слова, используемые в качестве вариантов, имеют неодинаковую структуру и черпаются из разных языковых источников. Различия между вариантами обусловливаются и тем, что слова передают данный специальный смысл как бы сквозь призму собственных прямых значений.

С другой стороны, эти различия естественным образом ограничены. Слова вовлекаются в круг наименований какого-либо ряда все же в силу определенного смыслового сходства, близости, которые, собственно, и позволяют приспособить их для выражения одного содержания. Поэтому, если говорить об условиях, объединяющих слова в составе ряда, то необходимо указать прежде всего следующие два: 1) тематическая и 2) функциональная общность слов. В соответствии с первым слова в ряду обладают известной, большей или меньшей смысловой

близостью [22]. По этому признаку слова объединяются единством своей семантической функции, которая состоит в выражении данного специального смысла. Эти обстоятельства в конечном счете и очерчивают круг слов, входящих в состав ряда. Из сказанного ясно, что заведомо определить отношения слов в ряду как синонимические (дублетные и т. д.) нельзя уже в силу того, что степень смыслового сходства слов-вариантов может быть разной и семантический признак здесь вообще не является единственным и основным. Вариант в излагаемом понимании шире, чем синоним, дублет, и может включать в себя последние.

В качестве примера обратимся к словам, выступающим в XVIII в. со значением физической массы. Конечно, применяющиеся здесь наименования показывают не только эволюцию способов выражения данного понятия, но в определенной мере отражают историческое развитие понятия массы, его состояние в разные эпохи [23]. Так, со значением 'скопление вещества, масса' уже в первой половине XVIII в. в ученой литературе находим наименования, употребительные затем в разной степени на протяжении всего XVIII в.: *куча*, *громада*, *глыба*, *толща*, *толстота*, *ком* и др. Встречающиеся во многих случаях текстовые параллели (а также регулярное соотношение с франц. masse и лат. massa в переводных текстах) наглядно идентифицируют слова этого ряда. Например: Знаменует * *громаду* [в примечании: * *кучу*] песчаную (Сист., VI); В планетах ничего, кроме мертвых и ни к чему годных *глыб*... изобреталось (Кн. мирозр.); формула энергии («силы»): Тогда сила одного тела А есть к силе другого тела В яко произведение *толщи* А в квадрате скорости (Комм. АН, О перв. фунд.); в сл. Вейсмана: «Knoll... massa, *толща*, *ком*, комка». В тексте одних лишь «Разговоров» Кантемира встречаются вместе — *куча*, *толстая громада*, *собрание вещества* и др.

Уже на этом этапе можно различить основные, чаще встречающиеся и частные, подчас окказиональные наиме-

[22] Возможно, подходящим наименованием в таких случаях был бы термин «соответствие» (resp. «соотносительный») или имевшее хождение в лексикографии XVIII в. выражение «аналог» («аналогический»).

[23] Об истории понятия см.: Н. Ф. Овчинников. Понятие массы и энергии в их историческом развитии и философском значении. М., 1957.

нования. К первым относятся — *громада*, *толща*, *куча*, *глыба* и другие, к последним — описательные выражения типа *собрание* (*вещества*), заимствование *солид* и соответствующий ему субстантив на *-ое*: *толстое*. Общим для всех слов, объединяющихся в данном ряду, является указание на совокупность и объемность какого-либо вещества или предметов. Вместе с тем каждое из слов в силу особенностей своей семантики передает, подчеркивает как бы разные стороны, аспекты обозначаемого понятия. Так, слово *глыба* входит в ряд со своим значением части плотного тела, скопления материи. В САР оно определяется как «*ком*, *кусок*, часть, от твердого тела отделенная» (ч. I, с. 1134). См. в текстах: Ежели те великие *глыбы* [Юпитер и Сатурн] непустые и не необитаемые были (Сойм.); Если две или многие частицы Д и О соединятся в одну маленькую *глыбу* (Masse)... (Магаз.). Большая величина тел и вещества в основе значения слова *громада*, определяемого в САР следующим образом: «Великая *куча*, *груда* одинаких или разных вещей». В этом словаре отмечается по существу и специальное качество слова (отнесенное, правда, к языку «стихотворцев») «огромность светил небесных». Соответственно в ученой литературе находим примеры слова при обозначении скопления вещества, небесных тел: [Деятельность] распространяется чрез бесчисленные круги от одной *громады* до другой (Брянц. Св. вещ.); всего мира: то льзя ли света всю *громаду* нам познать? (Опыт. чел. I); по отношению к человеческому телу: Движения... в самой *громаде* человека (Фен. Зр. прир.)— в переводе 1793 г.: в человеческом *теле*.

С конца XVIII в. появляется слово *масса*. Как и в других случаях, вхождение нового слова сопровождалось соотнесенностью его с остальными вариантами. Так, в философском стихотворении Словцова «Материя» (1796) встречаются *громада*, *глыба*, *масса*: Материя, все *массы* образуя, ..От грубой *глыбы* даже до творца; Сии *громад громады* Падут с своих осей. В начале XIX в. слово *масса* обычно в ученых текстах и журналистике: Если пустить два тела разных *масс*.. (Арш. Чист. мат.); *масса* воды, водяная *масса* (ВЕ, 1802); встречается слово в «Письмах русского путешественника» Карамзина. В позднем переводе «Entretiens» Фонтенеля старые варианты заменяются словом *масса*: [Земля] кажется нам *толстою*

некакою *громадою* (1740)— грубою *массою* (1802), в оригинале: une grosse *masse*. Тем не менее известная вариативность при обозначении данного понятия сохраняется и в первые десятилетия XIX в. В сл. Яновского при обсуждении вопроса о научной терминологии (статья слова *технический*) понятие массы указывалось как не имеющее пока единого наименования. В таком случае Яновский рекомендовал перечислять все вариантные средства, с указанием иноязычного (как правило, латинского) идентифицирующего соответствия: «*толща*, *состав*, *количество вещественности* (masse)». Старые варианты приводятся как средство толкования в «Карманной книжке» Ренофанца: «*Масса*, *груда*, *куча*, *громада*, *смешение*, *состав*»; в сл. Даля и др. В словаре 1847 г. оно приведено в общем значении («груда, вещество, толща») и в специальном, отнесенном к астрономии: «Астр[ономическое]. Количество вещества, содержащегося в объеме небесного тела».

С начала XIX в. слово *масса* быстро распространяется в литературном языке и расширяет сферу своего приложения. Наряду с использованием слова в качестве термина физики оно начинает выступать в более широком, отвлеченно-переносном значении. Оно употребляется, с одной стороны, в кругу слов, не связанных с естественно-научными понятиями; с другой стороны, для обозначения больших групп, совокупности людей. Приведем примеры: 1) *Масса* чувственных познаний (Гал.), *масса* частного богатства (Лауд.), *масса* государственного капитала (МВ, 1828), *масса* действующих сил в природе (Кир.); 2) Войны между оными огромными *массами* (ВЕ, 1820). Сочетания типа *масса народа*, *народная масса*, *народные массы* и другие употребительны в языке декабристов. Например: [Разделение] общей *массы* народа на части (Пест. РП), в *массу* граждан паки возвратиться (там же). В значении ‘множество, совокупность лиц (людей, народа)’ слово *масса* распространено также в публицистике последующего времени — у Белинского, Герцена.

Если вернуться теперь к поставленному выше вопросу о характере семантического соотношения слов в пределах вариантного ряда, то очевидно, что оно бывает различным. Отдельные слова более, чем другие, близки между собой. Это наблюдается чаще у слов, употребляющихся в аналогичных контекстах, в пределах одной исторической эпохи. Из рассмотренных выше слов такими являются *груда*,

глыба [24], *куча* и т. д., с другой стороны,— *состав*, *смешение* и др. В то же время заметно, что между самими подгруппами подобной смысловой близости нет. Следует учесть еще, что «соотношение» в вариантном ряду вообще неодинаково, а иногда представляется до известной степени условным. Некоторые слова-варианты, действительно, взаимодействуют в живой литературной практике определенного времени (*громада — куча*, *глыба — толща*, *глыба — масса* и др.). Такие слова не только прямо соотносятся в языковом сознании говорящих, но часто оказываются взаимозаменяемыми в текстах. Другие же слова, исторически входящие в вариантный ряд, могут не иметь непосредственных контактов в синхронном плане (например, *глыба* и *смешение*, *ком* и *масса*). Их ассоциативные связи основаны прежде всего на общности смысловой функции в языке определенной эпохи.

§ 9. Другой пример представляет ряд со значением (гражданского) общества, где вариантность наименований во многом обусловлена различием в обозначении сторон понятия, тем или иным его осмыслением. Слова этого многочисленного ряда во второй половине XVIII в. становятся все более распространенными, приобретая углубленный социальный характер: *общество*, *сообщество*, *общежитие*, *общежительство*, *сожитие*, *сожительство* и их производные. Наиболее употребительно на протяжении всего изучаемого периода слово *общество*, которое имеет все основные смысловые свойства данного ряда. В САР слово определено как «народ под одними правилами купно живущий» (ч. IV, стб. 148), хотя другие словари вплоть до конца XVIII в. на первом месте ставят общее значение ‘собрание людей’ (Гелт. и др.). Малоупотребительным, хотя и характерным для семантики слова, является остаточное значение его ‘общность, совокупность’ (Срезневский приводит др. русск. *обьщьство* в

---

[24] Любопытные реминисценции этих былых семантических соотношений можно встретить и в наши дни. В следующем отрывке из романа Г. Николаевой «Физики» в одном контексте встречаются *масса* и *глыба*: И почему-то вдруг возникла в уме любимейшая из формул... Энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света, формула, сводившая в одно и звездный свет, и *глыбу* земли... Заметим, что в собственно дифинитивной части фразы употреблен термин *масса*, в образно-распространительной — общеобиходное сейчас *глыба*.

этом смысле — т. II, стб. 584); в XVIII в. это примеры типа: *общество* сожития человеческого (Тред.).

Для растущей специализации слова *общество* показательны контексты, где общество выделяется как особое состояние человеческого коллектива. Например: Приключения, в натуре и в *обществе* бывшие (Лом.); природе, себе, *обществу* и человечеству должное воздавать (Зыб.). Наиболее показательны случаи, связанные с установлением исторического взгляда на общество: В кое время *общества* начашася (Ист. евр.); Как люди, обитавшие в одной земле, почувствовали нужду во взаимной друг другу помочи, то совокупились в *общество* (Коз. Ст. фил.); Нужды и благосостояние [человека] обязывают его жить в *обществе* (там же). Общество объединяет членов, сочленов, граждан, частных (т. е. отдельно взятых) людей: Сохранение частное жизни и имений сочленов *общества* (Десн. Пр. сп.). При указании видов обществ и истории их развития нередко используются определения *необразованное*, *первоначальное*, *человеческое*, *народное*, *гражданское*, *государственное* и др. Например: Все человеческие *общества*, как гражданские, так и необразованные, скитающиеся еще по лесам (Тимк.); Первоначальных *обществ* народных правительства (Десн. Собств).

Весьма популярны в просветительской литературе XVIII в. представления о благополучии общества — сочетания со словами *польза*, *благополучие*, *блаженство* и др. (см. гл. V, § 1). Контексты данного рода в трудах отечественных мыслителей и писателей зачастую насыщены пафосом. Например: Скупой человек трудами, кои для собирания богатств прилагает, *обществу* некаким образом может быть полезен (Кант. Письм. Горац. I, 16, прим.); Увидел я в успокоении моем мечтание благополучия *общества* (Сум. Сон); Он наполнен мысльми о пользе гражданского *общества* (Коз. Ст. фил.). Таким же образом отрицается все вредное для общества, само же оно выступает как предмет защиты от врагов. См. в раннем переводе «Разговоров» Эразма: Святое дело есть вооружатися за жену и дети, за родителей и другов, ...за целость *общества*. Подобные контексты демонстрируют как бы внутреннюю («невыраженную») вариантность (resp. полисемию) в пределах одного наименования. Ведь потребность в наименовании, строго говоря, могла удовлетворяться и одним широким по семантике, контекстуаль-

но разнообразным словом. Множественность же номинации возникала именно из стремления особо представить (назвать) разные стороны обозначаемого понятия.

Как всегда, использование слова в качестве варианта связано с определенным сдвигом по сравнению с прямым значением слова. Слово *сообщество* в изучаемый период известно в значениях ‘сотоварищество, компания’ и ‘общение, связь’. Исключительно в первом смысле оно представлено в словарях XVIII — первой половины XIX в. См. в сл. Вейсмана: «отлучати от *сообщества*» (статья Bennen); САР: «*Сообщество*. Общество, сотоварищество, состоящее из некоторого числа людей. *Принять кого в свое сообщество*». С середины XVIII в. слово входит в рассматриваемый специальный ряд и обнаруживает в общем те же особенности употребления, что и слово *общество*. Например: В естественном человеческом состоянии, до учреждения *сообществ* (Гоббс); Потом последовало *сообщество* гражданское (Опыт. чел., пред.). Сама форма *сообщество* в данном смысле явилась результатом своеобразной контаминации — отмеченного значения слова *общество* с указанием соединения, связанности людей (в обществе). В дальнейшем с разрушением ряда и сосредоточением разных оттенков основного значения в одном наименовании (*общество*), слово *сообщество* выходит из специального употребления. По существу, оно не удерживается за пределами изучаемого периода; у Пушкина оно представлено одним лишь примером в значении ‘содружество, объединение’ (сл. Пушк.).

В других употребительных в XVIII в. словах ряда доминирующим является представление об общности и совместности жизни людей в обществе — *общежительство*, *общежитие* и *сожитие*, *сожительство*. Слово *общежительство* (в первой половине XVIII в. нередко *общее жительство*, например, в сл. Целлария: «Contubernium. *Общее жительство...*», в реестре этого же словаря *общежительство*) выступает в смысле ‘общая, совместная жизнь (людей)’, Например: Человек к *общежительству* совокупно склонным и способным создан есть (Тред. Рим. ист., VI, пред.); от первобытного своего *общежительства* со зверьми (Десн. Собств.); ср. позднее определение слова в словаре 1847 г.: «совокупное пребывание». Наряду с этим в XVIII в. слово функционирует непосредственно в значении гражданского общества (это его свой-

ство нашло отражение в САР, где отмечено: «иногда берется за самое общество»— ч. IV, с. 147). Оно выступает в характерных для указанного ряда контекстах: Сия необходимость рассеянных людей собрала воедино и основала *общежительство* (Полит. Пр. ист. нат.); О начале и свойстве *общежительств* (Ланг.); Правда гражданского *общежительства* есть порядок (Тред. Рим. ист., VII, пред.). Слово *общежительство* не удерживается в употреблении за пределами исследуемого периода, уступая место своему словообразовательному варианту *общежитие*. Слово *сожитие* может непосредственно, даже контекстуально соотноситься со словом *общество*, входя в рассматриваемый ряд: Состояние человеческого *общества*, или *сожития*, требует от нас того, чтоб мы друг другу делали взаимную помочь и добро (Коз. Фил. предл., Юрисп.). С другой стороны, оно же выступает в процессуальном значении, например: способен к общему *сожитию*; для спокойного их [граждан] *сожития* (Коз.)

Еще одну линию в рассматриваемом ряду представляет слово *содружество*, указывающее на тесную связь людей в обществе, — см. собственное значение его в САР: «Короткое, тесное знакомство, приязнь... *Быть с кем в содружестве*» (ч. VI, стб. 343); Срезн.: «*съдружие* — дружба». В этом прямом смысле слово сохраняется и в дальнейшем — преимущественно в высоких слоях литературной лексики; уже словарь 1847 г. сопровождает его пометой «церк[овное]». Тем не менее в XVIII в., особенно в первой половине столетия, слово является одним из употребительных вариантных наименований общества. Например: Член гражданского *содружества* (Тред. Рим. ист., III, пред.); слово встречается в текстовом соотношении с другими словами: Дабы человек возмогл в *содружестве* и *гражданстве* угодный член быти (Буж. К чит.); ср. у Тредиаковского со словообразовательным варьированием: *Содружность* сия, или сообщность, или сожительность (ибо сии три слова означают одну и ту же силу), есть оное определение (Рим. ист., V, пред.). К концу XVIII в. *содружество* в специальном значении общества постепенно перестает использоваться. Например, в позднем переводе «Истории европейской» Пуфендорфа слово *содружество* систематически заменяется другими наименованиями: Чесо ради людие совокупишася в *содружество*

(1718)— в *общества* (1767); В великие *содружества* совокупишася — в большие *сообщества*.

Круг вариантных обозначений, использовавшихся для передачи понятия (гражданского) общества, не исчерпывался указанными словами. К концу изучаемого периода данный вариантный ряд разрушается, претерпевая обычную в таких случаях дифференциацию. В качестве основного наименования остается слово *общество*, содержание которого соответственно развитию самого понятия существенно углубляется (Отвл. лекс. XIX в., с. 126—127).

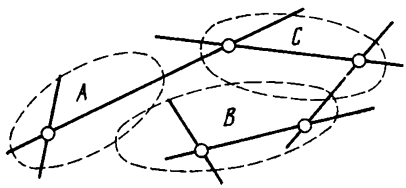
Полисемантизм и проблема межрядных связей в лексике

§ 10. Вариантность в XVIII в. показательна не только в плане способов выражения специальных понятий. Она представляет вместе с тем один из характерных и распространенных видов отношений слов в сфере отвлеченной лексики того времени. Через посредство вариантных рядов слова оказываются в различных, разветвленных связях, образующих единую и как бы пересекающуюся во многих направлениях сетку, ткань словарного состава языка. Именно эта непрерывность и реальная взаимообусловленность лексических единиц и групп служит ярким проявлением системности (системы) изучаемой лексики. Практически слова являются аналогичными лишь в определенном значении. Благодаря своей полисемантичности слова имеют и иное значение, чем в данном вариантном ряду. Соответственно у слов наблюдаются разнообразные дополнительные смысловые сцепления ассоциативного характера за пределами ряда. Это могут быть: лексические и семантические стыки между рядами, межрядные соотношения, лексико-семантические группировки, охватывающие несколько рядов (конфигурации — на схеме *A*, *B*, *C*, рис. 1) и т. д. Единство семантической структуры слова служит в таких случаях основой, которая создает естественные узлы пересечения (на схеме — О) различных, иногда многих разнонаправленных рядов (плоскостей) [25].

[25] Межрядные связи предстают как одна из проблем изучения лексики. См. замечания на этот счет: Р. А. Будагов. Типы соответствий между значениями слов в родственных языках.— НДВШ, ФН, 1968, № 5, с. 10; В. Н. Ярцева. О взаимосвязи

Пересекающиеся ряды, как правило, выходят далеко за пределы ограниченных групп слов, вторгаясь в разных направлениях в окружающие слои лексики. Таким путем происходит реальное, хотя многократно опосредствованное соединение слов, иначе никак не связанных друг с другом, сплетение не только близких, но и сравнительно далеких словесных рядов. Эти отношения внутренне

Рис. 1.

скрепляют большие массивы лексики, придавая ей системный характер. Взаимозависимость слов дает в результате каскад, непрерывную цепь различных по своему составу и взаимозависимости соединений лексики. Рассмотрим некоторые из указанных соотношений на примере группы семантически и этимологически близких, употребительных в XVIII в. слов — *состав*, *составление*, *состояние*, *существо*, *сущность*, *существенность*. Они образуют конфигурацию, претерпевающую на протяжении изучаемого периода внутреннюю историческую эволюцию.

С о с т а в. Прямое («этимологическое») значение слова —«то, что составлено из разных частей, веществ» (САР). Помимо обычного значения 'смесь, специя' (сл. Геснера: «Electuarium, *состав* лекарственный»), слово выступает в ученых текстах при указании цельной совокупности материальных частиц. Например, в «Письмах» Кантемира: Подумаем о воздухе. *Состав* сей так тонок, чист и проницателен. Определения при словах характеризуют виды и свойства вещества. Слово *состав* нередко соотносится с *вещество*, *материя*: «*Вещество*, или *состав*, или *материя* (materia), называю я то, из чего состоит какая

элементов языковой системы. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, с. 233 и др.; Н. Ю. Ш в е д о в а. Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Д. Апресяна «Синонимия и синонимы».— ВЯ, 1970, № 3, с. 39.

вещь» (Коз. Фил. предл.). Эти свойства слова по существу легли в основу определения его в академическом словаре 1847 г., где отмечаются специальные значения слова: 1) «то, что составлено из разных частей или веществ», 2) «в химии: относительное количество и распределение элементов, образующих тело», 3) «в физике: вид, величина и образ скопления вещественных частиц в теле» (т. IV, с. 191).

Характер общего значения слова проявляется и в более частных случаях его употребления, например, в значении ‘совокупность органов человеческого тела’ (в САР иллюстрация *состав человеческого тела* приводится под общим определением «то, что составлено...»). Ср.: Меж таким вольным человеком и холопом природа никакой разницы не поставила в *составе* тела (Кант. Сат. II); Тред. Это употребление слова не сохраняется за пределами изучаемого периода, его следует поставить в связь с франц. structure (в сочетаниях типа la structure de corps humaine — DAF), вытеснение же его вызвано распространяющимися в XIX в. словами *строение*, *структура* и др.[26] Обычно в XVIII в. слово *состав* в сочетаниях типа *состав мира*. К концу XVIII в. круг сочетаний слова *состав* в смысле ‘совокупность, содержание чего’ расширяется в существенной мере за счет отвлеченной лексики. Например, при обозначении общества: Части общественного *состава* (ВЕ, 1802), других явлений: Весь *состав* мыслящих и познавательных сил (Гал.), разбор книг,.. входящих в *состав* наук (Тург. Общ.), знать натуру и *состав* (konstytucia) души человеческой (ВЕ, 1822); такого же рода примеры у Пушкина (сл. Пушк., IV, с. 295).

Составление. Семантически близкое к предыдущему, данное слово известно в основном в «глагольном» значении (ср. аналогический перечень в сл. Геснера: «Conditura, созидание, *составление*»; САР: «Исполненное действиесоставлявшего»).Толькотакиеслучаиупотребления встречаются у Пушкина (Сл. Пушк. IV, с. 296). Тем не менее в XVIII в. слово *составление* выступает в значении, прямо соотносительном с *состав* ‘содержание, структура чего’. Так, Кантемир ставит в ряд слова *состав* и *составле-*

[26] Вариации *структура* — *состав* заметны в редакциях сатир Кантемира: Хотя анатомисты и знают тела *структуру* и состояние (Сат. I, 1-я ред.) — *состав* и состояние (2-я ред.).

ние при толковании заимствования *система*: «Слово греческое (по-русски назвать бы можно *состав*, или *составление*)» (Разг., прим. 7). Сюда же относятся такие примеры в литературе второй половины XVIII в. со значением состава, существа вещей, явлений: Такое их понятие и представление... совсем не соответствует истинным вещей *составлениям* и надлежащим оных свойствам (Аничк. Превр. пон.); *Составление* сих [античных] республик (Полен.).

С о с т о я н и е. Слово *состояние* также указывает содержание вещи, ее внутреннее устроение. См. примеры первой половины XVIII в., где слово *состояние* может сближаться со словами *натура*, *естество*: [Земля] среднюю между сухим и мокрым имела *натуру*, или *состояние* (Варен.); сл. Геснера: «Substantia, существо, вещь, *естество*, *состояние* вещи». Слово употребляется при обозначении совокупности частей живых существ: «Habitudo. *Состояние*, расположение тела» (Целл.); Мы удивляемся изяществу *состояния* человеков (Кант, Разг.); До сего, я не говорю человека, но быка и дума *состояние* многократно переменялося (Сум. Пасс.). Слово употребляется с наименованиями предметов и явлений при указании содержания чего-либо в зависимости от внешних обстоятельств (такие примеры не широко распространены)[27]. См. определение в САР: «положение, в котором находится человек, вещь какая или дело какое»; примеры в текстах: Возможно ли ожидать цветущего наук *состояния?* (Лом.— И. И. Шумахеру, 1 ноября 1753 г.); О приведении крепости в оборонительное *состояние* (Храп., Пам. зап.— ДРС); дела его находятся в хорошем *состоянии* (Гейм). Подобных случаев в языке Пушкина отмечено 63 из общего числа 172 (сл. Пушк., IV, с. 297—298).

Наибольшее же распространение в ученой лексике XVIII в. слово *состояние* получило применительно к обществу, условиям жизни людей. В «Материалах» Срезневского единственный приведенный пример представляет именно такое употребление: «Правити *състояние*» (Панд. Ник. Черн.) с толкованием «строй, порядок жизни». У Кантемира путем текстовых пояснений ясно показан смысл

---

[27] Позднейшие (XIX — XX вв.) сочетания типа *состояние вещества*: *жидкое*, *газообразное*, *пористое состояние* и т. д. складывались, по-видимому, заново.

слова в подобных случаях: Цвет здесь значит *состояние*, или *род жития* (Письм. Горац.). Слово выступает с наименованиями общества, государства: Вопроси(л) [послов] о тогдашнем отечества их *состоянии* (Прок. Речи.— ДРС); О *состоянии* России во время царствования... Михаила Федоровича (Лом.— И. И. Шувалову, 2 сентября 1757 г.). Самыми примечательными в новое время являются контексты, содержащие идею исторического развития общества, популярную в просветительской литературе XVIII в. Слово *состояние* указывает при этом на уровень развития, устройство общества, положение отдельных слоев и членов его (ср. выше др.-русск. *състояние*). В изучаемый период слово обнаруживает разную степень терминированности. Относительно цельными являются сочетания: *естественное* (*натуральное*, *природное*) *состояние*; *гражданское состояние*; *человеческое состояние*; *состояние первоначальное* и т. д., отражающие представления (часто противоречивые) авторов XVIII в. о разных этапах развития человеческого общества.

Естественное состояние: Естественное *состояние*, или первейшее сообщество между людьми (Опыт чел.): Такое мнимое натуральное *состояние* не очень долго продолжалось (ЕС, 1760).

Первоначальное состояние: Мы не находим в сем первоначальном *состоянии* народов никакого порядочного супружества (Десн. Происх. супр.); В естественном человеческом *состоянии*, до учреждения сообществ (Гоббс — ср. выше высказывание Поповского).

Гражданское состояние: Соединение многих человеков, которые между собою пребывают в обществе, именуется *состояние*, сие есть или естественное, или гражданское (Тред. Рим. ист.).

Слово *состояние* имело и более узкое применение — в значении сословия. Оно отмечается в словарях, например: *Состояние* воинское, гражданское, духовное (САР), низкое состояние, мещанское *состояние* и др. В текстах, принадлежаших демократически настроенным деятелям, сочетания со словом *состояние* получают социальный смысл — у Поленова: О крепостном *состоянии* крестьян в России (Полен.), неравенство крестьянского *состояния* (Рад. Путеш.).

Существо. Данное слово в значении содержания, сущности предметов является широко употребительным.

Однако если в предшествующих словах внутренней семантической основой служило представление о соединении, совокуплении чего-либо (см. «этимологический» смысл слов *со-став*, *со-стояние*, *со-ставление*), то здесь эта основа связана с указанием на бытие, существование чего-либо. Правда, уже в первые десятилетия XVIII в. кажутся архаичными примеры слова с прямым значением наличия, бытия; например, у Кантемира: Нельзя требовать, чтоб тебе их [планетных жителей] *существо* [т. е. то, что они есть и какие они] доказать (Разг.), в сл. Геснера в соотносительном ряду: «Ens, essentia, *существо*, бытие вещи» (стб. 790). Ср. у Срезневского как одно из значений др.-русск. *сущьство* 'существование' (т. III, стб. 635). Семантика и круг употребления слова *существо* в XVIII в. весьма широки и в этом отношении сходны со словами *вещь*, *дело* и др. (гл. II, § 14—15).

Одно из значений слова 'вещество, материя'. В XVIII в. оно употребительно в ед. и мн. числе, нередко со специальными определениями: В них количество горючего и масленого *существа* с солью преимуществует (Зыб. Слож. чел.); в третьем томе академических «Начальных оснований естественной истории» (1791—1794) заголовки частей: о землях и камнях, о солях, о гарющих *существах*, о металлических *существах*; текущее, клейкое, эфирное и другие *существо*. К концу изучаемого периода это значение вытесняется параллельными наименованиями: *вещество* и другие — и в словарях XVIII в. не отмечается. В XVIII в. слово *существо* означает также отдельный предмет или лицо. В этих случаях слово отличается особенной семантической широтой — оно обозначает человека, животное (вообще живой организм), вещь, предмет мысли и т. д. Например: [Созерцает] единым взглядом неизмеримую цепь *существ*, начиная от презренной пылинки, постепенно возносится умом в лучезарные небесные обители (Страх.). Такое качество слова имело, между прочим, двоякое последствие для его судьбы; с одной стороны, оно способствовало использованию его в различных контекстах книжной речи, с другой,— из-за отсутствия терминологической четкости это же послужило в конечном счете причиной его семантической редукции. За пределами изучаемого периода слово сохраняется лишь применительно к человеку, животным и др. В САР под определением «все то, что бытие имеет» еще объединяются сочетания «существа бесплотные [и] оду-

шевленные» (то же сл. 1847), но практически, например, в языке Пушкина из 9 случаев со словом *существо* почти все (8) приходятся на значение «то, что существует как живой организм (в частности, человек)» (сл. Пушк., IV, с. 436).

Непосредственный интерес представляет в слове *существо* значение 'содержание, основные свойства чего-либо'. Слово при этом характеризуется переплетением семантических линий, не всегда легко различаемых,— прежде всего обозначение материального содержания, субстанции и вместе с тем основных свойств тел. Последнее придает сочетаниям с *существо* отвлеченный характер и объясняет разнообразие контекстов со словом — наименований небесных тел, предметов, растений, организмов и т. д. Например: Солнце! хотя *существо* твое столь есть чудно (Кант. Сат. IX); Если стереть его [кремень] мелко, то прейдет он в *существо* растения, а потом в *существо* животного (Брянц. Св. вещ.). При обозначении человеческого организма, сущности: Забвение собственного нашего *существа* (Тред. Тилем. Карт. XVIII в.); побудило меня обратить мысль мою на будущее состояние моего *существа*, на то *состояние* человека, когда разрушится его *состав*, прервется жизнь (Рад. О чел.) [28]. В устойчивых сочетаниях типа *существо* вещей и др.: Спорить о *существе* всех вещей (ТП). Соответственно существо (вещи) может противопоставляться внешним проявлениям свойств или свойствам преходящим: Истолкование бесконечного различия в *существах* и *явлениях* (Тред. Фил. Бак., в ориг.: des *êtres* et des *phénomènes*); *Акциденция*... в философии [принимается] за противополагаемое *существу* [вещи] (Сл. Тат., I, с. 24). За пределами изучаемого периода слово *существо* при обозначении материального содержания тел не удерживается. Перспективным в XVIII в. оказывается употребление слова при указании основного содержания, сущности чего-либо с различной (все чаще неконкретной) лексикой: *существо наук(и)*, *юриспруденции*, *экономии*, *истории*, *прав*, *государства*, *жизни*, *души человеческой* и т. д. См. в текстах: В соединении... сем *существо* общества заключается (Гоббс); *Существо* коммерции (Фонвиз.); образуются и такие, в известной

[28] См. сохраняющиеся подобные вариации еще у И. С. Тургенева в повести «Первая любовь» (1860): Это ожидание проникло весь мой *состав*; ощущал во всем *составе* своем; все *существо* мое устремится к нему.

мере формализованные сочетания, как *существо дела*, *в существе своем* и др.

С у щ е е. Слово встречается в качестве определения ‘существующий’, ‘подлинный, настоящий’ и как субстантив (*сущее*, мн. ч. *сущие*) [29] при обозначении предметов и явлений, всего существующего. Например, как определение: Естество... начало всех *сущих* вещей (Кант.); за морем *сущие* звери и вещи (Кн. мирозр.); поэзия у древних была *сущею* их философиею (Тред. Феопт.). Субстантив, бытовавший в словоупотреблении XVIII в., но в дальнейшем не сохранившийся (как и в других случаях, здесь применяются специальные определения): Нераздельным, или особенным,... называется такое *сущее*, которое так определено... (Аничк. Позн. чел.); Что́ уже находится, называется *сущее* действительное..., *сущее* умственное называется, которого подлинно нет, только в нашем уме находится (Баум.), *сущее* простое.

С у щ н о с т ь. Это слово близко к *с у щ е с т в о* по семантическим свойствам. В XVIII в. оно также сохраняет значение ‘существование, наличие’. Ср. определение слова в САР «Бытие, пребывание»; др.-русск. *сущьный* ‘существующий’ (Срезн). Это проявляется, например, в сочетаниях типа *сущность* (т. е. наличие, действительность) *чего* и сближении со словами *естественность*, *бытие* и др.: *Естественность*, или *сущность*, сущего (Тред. Сл. прем., в пояснении essentia); «Ессенция, *истинность*, *сущность*, *естественность*, *бытие* вещи» (Кург. Слов.). В некоторых случаях без зависимого слова *сущность* имеет обобщенный смысл ‘существующее, действительное’. Слово встречается, хотя не часто, в значении предметов, вещей, например, в переводе из Жанлис Карамзина: Сталактиты и сталагмиты составляются из земляных или каменных *сущностей*, которые образовались в воде («Детское чтение», 1787, ч. XII).

Однако в книжном языке XVIII в. слово известно главным образом в значении содержания, основных свойств чего-либо; но в отличие от слова *существо* круг сочетания слова *сущность* охватывает почти исключительно лексику отвлеченную. Например: несогласно с их [наук] *сущностью*; *сущность* сих изящных искусств состоит... (Аничк.), *сущность* истинного просвещения (Тург. Общ.). Только такими

[29] Ср. Срезн. (III, стб. 634); «что есть душевное *сущее*».

примерами представлено слово у Пушкина (Сл. Пушк.). При этом некоторые типовые сочетания со словом *сущность* сходны или совпадают с *существо*. Например, со словом *вещь*: Открываются следы к познанию... *сущности* вещей (Панк. Подл. цел.); в противопоставлении внешнего («имени») и существа вещи: Между *именем* вещи и *сущностию* ее нет ни малого соединения (Тред.Рим. ист.). Как и *существо*, *сущность* употребляется при указании внутреннего существа человека: Счастие и несчастие не составляют нашей *сущности* (А. М. Кутузов — А. И. Плещеевой, 17/28 декабря 1790 г.) — здесь же: истинному *существу* человека [30]. В словаре 1847 г. слово *сущность* толкуется с отсылкой к *существо*, в качестве иллюстрации приводится упоминавшееся сочетание *сущность дела*: «То же, что *существо* во 2-м знач. *Сущность дела*». В других случаях различия слов ясно воспринимаются даже при позиционной близости слов в тексте: [они] суть два *существа*, по *сущности* своей весьма различествующие между собою (Аничк. Разн. сп.).

Существенность. Данное существительное основывается на прилагательном *существенный*, обозначающем самостоятельность, органичность свойств чего-либо (САР: «*Существенный*. Существо вещи составляющий»). Как и другие слова рассматриваемой группы, слово *существенность* указывает на содержание, сущность предмета; оно встречается в разных сочетаниях, но преимущественно в отвлеченном кругу. Например: О языках и о их *существенности* (Эйл., огл.) — здесь же аналогичная фраза со словом *существо*: *Существо* языка наипаче в том состоит, чтоб в нем были слова для различия общих понятий; Жизнь и смерть в своей *существенности* не столь разделены (Рад.). Как *существо* и *сущность*, слово *существенность* может означать наличие, реальность чего-либо, что ощутимо связано с «этимологическим» осмыслением слова. См. у Радищева: Если бы единожды возможно было, чтобы два тела притягивать могли друг друга и расстояние между ними не было бы наполнено тончайшим веществом, то *существенность* притяжательности [т. е. что она есть и существует в качестве самостоятельной субстанции] была бы неоспорима (Ущ; так же в трактате «О человеке»).

---

[30] См. в «Илье Муромце» Карамзина ироничное воспроизведение философского словоупотребления: связь души с телесной *сущностью* (Агл.).

Развивающееся новое осмысление ‘реальность, действительность’ связано с семантическим сдвигом в слове — по соотношению с франц. réalité. В философском словоупотреблении конца XVIII в. встречаются примеры: Ныне все замешаны на отличии и, ежели нет *существенности*, то прибегают к вымыслам (А. М. Кутузов — Н. Н. Трубецкому, 1/12 марта 1791 г.); Обращает явления и призраки в *существенность* (Гал.), каждый нечаянный звук долго отзывается и приемлет некоторую *существенность* (Вяз. Замеч.). На базе этого с начала XIX в. возникает значение слова ‘окружающая действительность, жизнь’. Например: Уединение... вянет в грубом элементе *существенности* (ВЕ, 1802); Но, увы! все это поэзия, а не проза, мечты, а не *существенность* (Белинск. Лит. мечт.). У Пушкина слово представлено главным образом в этом качестве, см. в его журналистике: вечные противуречия *существенности* (Сл. Пушк., IV, с. 435). В конечном счете из всех значений слова *существенность* в XIX в. сохраняется лишь последнее (в современном СРЯ оно представлено как устарелое — IV, с. 428).

В рассмотренной группе слов можно наметить, таким образом, следующие линии, по которым слова выстраиваются во взаимопересекающиеся ряды:

а) со значением ‘(материальное) содержание, состав чего-либо’ — *состав*, *составление*, *состояние*, *существо*, *существенность*. Наиболее полно данное значение передается словом *существо*, в котором это значение в свою очередь занимает большое место; на втором месте слова *существенность* и *состав*; малоупотребительны в этом смысле *составление* и *состояние*;

б) со значением ‘основные свойства, сущность (кого-) чего-либо’ — *существо*, *сущность*, *существенность*. В слове *существо*, как мы видели, указание на свойства вещей может совмещаться с характеристикой материального состава их. Это же отчасти свойственно слову *существенность*. Слово же *сущность* употребляется почти исключительно с неконкретной лексикой;

в) со значением ‘предмет, явление’ — *существо*, *сущее*, отчасти *сущность*. Эти слова соотносительны лишь при обобщенном наименовании предметов, субстанций, причем употребительность первого в XVIII в. неизмеримо больше, чем остальных;

г) со значением ‘наличие, бытие (кого-) чего-либо’ —

существо, *сущность*, *существенность*. Такое употребление мало распространено и архаично даже для XVIII в., хотя встречается в литературе;

д) со значением ‘реальность, действительность’ — *сущность*, *существенность*. Продолжение эта линия получает в слове *существенность* ‘окружающая действительность’;

е) слова данной группы выступают со второй половины XVIII в. в значении субстанции (см). Выделяются и другие ряды слов. Заметно, что основные значения, объединяющие ряды, имеют разный удельный вес в семантике слов и в литературном языке своего времени. Например, в слове *сущность* основным является значение б) ‘основные свойства чего’ и неизмеримо меньшим по употребительности — значение в) ‘предмет, явление’. В целом затухающим является четвертый г) из перечисленных рядов, прогрессирующим — второй б). Наиболее семантически многопланово слово *существо*. В кругу рассмотренной лексики оно оказывается самым употребительным и емким, входя в большинство различающихся рядов и как бы смыкая их. Семантическая соотносительность некоторых из перечисленных слов в XVIII в. затрудняла разграничение их; в «Северном вестнике» (1804, № 1) в статье о синонимах отмечалось: «часто смешиваются слова *существо*, *сущность*, *существенность*, хотя между ними есть разница». Рассмотренные ряды включают слова и помимо упомянутой группы. Слово *состояние*, например, в значении социального положения употребляется вместе с *чин*, *степень*, *положение*. Через посредство этих последних практически каждый ряд пересекается с другим (и другими), которые также в свою очередь участвуют в подобных межрядных связях. Ряд *состав*, *существо* ‘материальный состав, субстанция’ включает слова *материя*, *вещество*, *субстанция* [31]. В свою очередь слово *материя* в значении ‘тема, содержание’ объединяется с *дело*, *вещь* и т. д. Наблюдается и такое явление, как более и менее близкие ассоциативные связи между разными рядами в пределах и вне данной группы. Например, соотносительны в целом и в отдельных словоупотреблениях ряды *существо*, *состав*, *сущность* и *естество*, *натура*, *природа* (ср. *естество* лучей — *суще-*

---

[31] См., например, вариации в переводах Бюффона: *вещество* сего плода — *существо* (Ф) — *сущность* (Кар.); по всем частям *вещества* моего — моего *существа* (Ф) — моего *состава* (Кар).

ство лучей, *природа* вод — *состав* вод и т. д.). Состав рядов и их связи на протяжении изучаемого периода не остаются неизменными; так, *существенность* ‘окружающая действительность’ уже в 20—30-е годы XIX в. вытесняется словами *действительность*, *реальность*. Это обусловливает динамику и историческую изменяемость лексико-семантических конфигураций. Не останавливаясь на этом подробно, укажем еще раз, что по внутренней структуре можно различить разные виды и типологию отношений слов (рядов): стыки рядов, пересечение рядов через узловые слова, последовательное включение одних рядов в другие и т. д.

НЕКОТОРЫЕ ПУТИ СОКРАЩЕНИЯ ВАРИАНТНОСТИ В XVIII в.

Дифференциация и распад вариантных рядов

§ 11. Множественность и незакрепленность терминологических средств отличают развитие отвлеченной лексики на всем протяжении XVIII — первых десятилетий XIX в. Эта черта является превалирующей и наиболее заметной. Вместе с тем в изучаемое время все более отчетливо начинают проступать признаки, свидетельствующие о постепенном углублении процессов, по содержанию совершенно противоположных первым и связанных с общей нормализацией национального литературного языка. На смену вариантной многочленности постепенно приходит стабилизация основных терминологических обозначений. Из всего ряда вариантных средств со временем выделяются и утверждаются главнейшие, часто лишь одно наименование.

XVIII — первые десятилетия XIX в. представляют собой такой период в истории русского литературного языка нового времени, когда наряду с господствующей еще терминологической вариантностью ясно выступают процессы, ведущие к разрушению прежней полиномии [32]. Судьба вариантных рядов и групп оказывалась при этом различной, но единой в том, что в основе происходивших изменений лежали дифференциация и расслоение слов, выделение основных наименований, отпадение одних и

[32] По этой проблематике см.: Н. Н. Семенюк. Некоторые вопросы изучения вариантности.— ВЯ, 1965, № 1.

функциональное перераспределение остальных вариантов. Процесс устранения вариантности в сфере отвлеченной лексики происходил постепенно, и завершение его в большинстве случаев далеко выходит за пределы XVIII в. В рамках этого столетия обнаруживаем лишь начало и углубление явлений этого рода.

Указанный процесс имел свои периоды и фазы. Так, в середине — второй половине XVIII в. происходит в основном рост и внутреннее насыщение («созревание») лексических рядов и вариантов. В это время образуются новые, пополняются и расширяются существующие ряды слов. В сферу отвлеченной лексики вовлекаются новые слова и значения, происходит их специализация, устанавливаются характерные лексико-семантические связи. Однако к концу XVIII в. все более действенным становится фактор дифференциации наименований. В составе рядов намечаются ведущие, основные средства (доминанты). Особенно интенсивно процесс распада вариантных рядов совершается в первые десятилетия XIX в., когда происходит не только дифференциация и стабилизация вариантных наименований, но вырисовываются и сохраняющиеся в дальнейшем синонимические соотношения слов. Эти явления сопровождаются более тонким разграничением лексико-фразеологических и стилистических свойств слов. Во многих случаях распадение рядов и утверждение основных наименований в полной мере выявляются к 30—40-м годам XIX в. Поэтому это время можно считать своеобразным рубежом [33] для многих старых вариантных групп, ранняя литературная история которых развертывается в первой трети — середине XVIII в. Следует добавить, что сходная проблематика обнаруживается в период литературной нормализации других языков. И здесь формирование новой нормы связано с преодолением вариативности, с переходом

---

[33] Сорокин, с. 23. Это же констатируется на разном материале: Е. А. Быстрова. Из истории русской литературоведческой терминологии первой половины XIX в. — АКД. Ашхабад, 1965, с. 19; Г. М. Шкляревский. История русского литературного языка (вторая половина XVIII—XIX в.) Харьков, 1967, с. 155 и сл.: Л. А. Войнова. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII в. «Процессы формирования лексики русского литературного языка». М.— Л., 1966, с. 236. См. также: Словообр. существ. и прил., с. 8, 19; Словообр. глаг., с. 7, 61.

ИСТОРИЧЕСКИХЪ,
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХЪ и ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ

ПРИМѢЧАНІЕВЪ
ВЪ ВѢДОМОСТЯХЪ
LVII. ЧАСТЬ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 19 ДНЯ ІУЛЯ, 1729 ГОДА.

ИЗЪ ПАРИЖА.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ПРЕЖНЕМУ.

Обѣщанное въ послѣднемъ полулистѣ нашихъ примѣчаніевъ разсужденіе Господина придворнаго Совѣтника и Профессора ВОЛФА о Орфѣрейскомъ Перпетуо Мобили есть слѣдующее:

МНѢНІЕ О ОРФИРЕЙСКОМЪ ПЕРПЕТУО МОБИЛИ НЕ ВЪ УКАЗЪ.

Въ началѣ кажется безсумнительно быть, что Орфѣреиское колесо отъ никакой внѣшней силы, которую въ мысли понять можно, движется, но что сіе движеніе отъ внутреннихъ особливымъ образомъ положенныхъ пулъ происходитъ. Ибо (:А:) видѣлъ я самъ, что сіе колесо безъ всякаго прикосновенія скорымъ и равнымъ движеніемъ обращается, ежели оное съ наружи неостановится. Съ наружи невозможно было никакого обманства учинить, понеже колесо съ обѣихъ сторонъ свободно поставлено было, и зубцы у шестерни изъ своего мѣста вкругъ обращались, такожде и по требованію колесо съ мѣста снято, и на другое поставлено было. (:В:) Какъ оное колесо съ своего мѣста на другое перенесено было, вынялъ изыскатель, которыи въ присутствіи учрежденныхъ къ тому комисаровъ пробу чинилъ, вѣсы, изъ которыхъ одинъ онъ въ платикѣ обвитыи пощупать велѣлъ. По длинѣ чувствовали, что онъ цилиндрическіи и не вѣло толстыи былъ. (:Г:) Такожде слышно было, что вѣсы съ тои стороны, гдѣ перевѣсъ былъ, ударивались, и будто плескали, и тако чрезъ ихъ ударъ перевѣсъ чинился. (:Д:) Его Свѣтлость Господинъ Ландграфъ Гессенъ кассельскіи, которыи о Механическихъ изысканіяхъ разсуждать искусенъ, видалъ оное

колесо

Рис. 2. Страница «Примечаний» к «Ведомостям» (19 июля 1729 г.)

от многообразия способов выражения значений к их относительному единообразию [34].

§ 12. Наиболее непосредственно преодоление вариантности выражалось в сокращении числа компонентов вариантных рядов. С усилением дифференциации вариантов отдельные не удержавшиеся в употреблении наименования отпадали или выходили из специального употребления. В XVIII в., как говорилось, эти изменения — отпадение одних слов и появление новых — идут еще главным образом на фоне развития вариантов, формирования и углубления их специального содержания и лишь постепенно подготавливают распад вариантных соотношений. Тем не менее и в рамках XVIII в. обнаруживаются случаи, хотя и не столь частые, сравнительно полного разрушения рядов с выделением основных наименований.

В качестве примера можно привести историю слов со значением 'предмет, объект' в XVIII в. В течение исследуемого периода здесь выступает сравнительно широкий круг слов: *вещь*, *предлежащая вещь*, *предложение*, *предлог*, *предмет*, *объект* (о нем выше, § 2) и др. Ярко выраженная вариантность наименований этого рода наблюдается уже в первой половине XVIII в. Употребительным в это время является слово *вещь*, обладающее весьма широкой семантикой (см. ниже, § 15). Другие применявшиеся в том же значении специальные средства представляют собой кальки или морфологические подобия лат. objectum — *предлежащее*, *предлог* и др. Слово *предлежащее* выступает в субстантивированной форме и как определение при существительном *вещь*, с которым оно создает относительно цельное сочетание с тем же значением. В первом качестве: «*Предлежащее*, obiectum» (Пол.), [Чувства] в том возрасте [в младенчестве] легче принимают в себя изображения *предлежащих* (Кант. Сат. VII), Сему роду [знаний]* *предлежащее* [в примечании: *objectum] есть тварей познание

[34] См. на материале разных языков: М. М. Гухман. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, ч. I. М., 1955 (с. 13 и др.); ч. II, 1959; В. М. Андрющенко. К вопросу о норме при построении грамматики ранненововерхненемецкого. «Вопросы общего и романо-германского языкознания», вып. I. Уфа, 1965, с. 115; Н. Н. Семенюк. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М., 1967, с. 288 и др.; В. Н. Ярцева. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969 (особ. гл. IV «Варианты в структуре языка», гл. V «Стабилизация литуратурной нормы»).

(Тред. Сл. прем.). В сочетании со словом *вещь* в разных источниках вплоть до 50-х годов XVIII в.: [Очки] разным людям различно *предлежащие вещи* представляют (Кант. Разг., ориг.: les objets), [сквозь призму] толь явственно *предлежащие вещи* видеть можно (Лом. Происх. св.), Зеркала и зрительные стекла можно несколько раз переменить и тем *предложенные вещи* увеличить в диаметре (Опис. ком.).

Приведенные наименования указывают предмет (явление), как бы пространственно предстоящие говорящему. Почти исключительно объект действия, внимания обозначается словами *предлог* и *предложение*, соотносительность которых с остальными словами наблюдается именно в данном плане. См. эти слова в «Реестре» Бужинского: «*Предложение*, или *предлог*. Obiectum»; в аналогичном перечне Теплова: «*Предлог* — objectum — objet». Примеры слова *предлог:* Чтобы *предлог* действия присутствовал (Должн.); *Предлог* доказания (Комм. АН); Союз вещей... есть *предлог* ума (Браун); Ненависть унижает все то, что ни бывает ее *предлогом* (Любв.). Слово *предложение* при указании предмета изложения сближается по смыслу с *вопрос*, *проблема*. Например: Приступим ныне к решению самого *предложения*, (Комм. АН); Ученик должен знать очень твердо *предложение* то, которое ему доказывается (Тепл.). В значении этого слова еще явно ощущается связь с глаголом *предлагать* 'излагать'; вот характерный образец: Я бы мог доказать все, что я им *предлагал* собственным моим искусством, но мне неприлично о том говорить, а с другой стороны, весьма б я далеко отступил от моего *предложения* (Тред. Отт. имп.).

Наряду с этим с 50-х годов XVIII в. начинается регулярное функционирование существительного *предмет*. Сочетаемость этого слова как бы включает в себя круг употребления вариантов. Слово *предмет* в это время встречается в академической периодике. Потом приступает автор к главному *предмету* сочинения своего (СУР, IV — изложение работы Рихмана «Об указателе электрическом»); Рассматривает величину *предметов*, в неизмеримом пространстве рассеяных (ЕС, 1759 — примеры повторяются); перевод Поповского сочинения Локка «О воспитании детей»: Чтобы переменить *предмет* его желаний; перевод «Зрелища природы» Фенелона: Коликое число в каждом *предмете*, открытом чрез микроскоп, других *предметов*,

коих и сам микроскоп открыть не может. В речи И. Жеребцова на заседании Комиссии для сочинения проекта нового уложения: Хлебопашество как первый *предмет* общественного благосостояния. Слово встречается в переписке Фонвизина и его переводах; в философских и социологических сочинениях Козельского: Единственно имел при сем сочинении *предметом* моим читателеву пользу (Фил. предл.). Слово обычно в речах профессоров Московского университета второй половины XVIII в.— Зыбелина, Аничкова, Сохацкого, Политковского и др. На первых порах *предмет* существует в вариантном соотношении с другими наименованиями ряда. В середине столетия эта вариантность еще ярко представлена. Особенно наглядно она выступает у Тредиаковского, где в пределах одного произведения могут встречаться разные наименования: *предлежащее*, *предлежащая вещь*, *предверженные вещи*, *предвергаемые вещи*, *предлежность*, *подлежность*, *предвержение*, *предлог* и др. (с пояснениями— франц, objet, лат. objectum). Например, в «Философии Бакона»: Разъярение мечтания, реющегося за *предверженные вещи*, ввергает смятение в сердце; в «Римской истории» (т. X, пред., 1864 г.): *Предлежности* авторовы, в рассуждении *вещей предлагаемых*, все презнаменитые и важные; три различные *предлежности*, или *предвержности*, о которых практическая мудрость предлагает (там же, V). У него же встречаем слово *предмет:* Сугубый сей единственно *предмет* [излагаемая тема], толь великоименитый, был мне побуждением неотрицаемым и неотложным (Разгл. церк.).

В научной литературе историю слова *предмет* начинают с Тредиаковского (Vasmer, I, с. 427; Преображенский, II, с. 124; со ссылкой на них — HWB, с. 157—158 [35]). Только что указанная цитата из перевода Тредиаковского приводится Пекарским (История АН, т. II, с. 229). Возможно, на ней и сложившемся еще ранее мнении, приписывавшем введение слова Тредиаковскому [36], основываются современные исследователи. Между тем в языке Тредиаковского слово *предмет* весьма редко: например, в упоминав-

[35] Автор замечает, что в доступных ей текстах Тредиаковского слово *предмет* не встретилось; см., однако, выше. Эта же точка зрения: Г. П. *Цыганенко*. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970, с. 367—368.

[36] Ср. замечание Белинского во «Взгляде на русскую литературу 1847 года»: «Тредьяковский, говорят, ввел слово *предмет*» (X, с. 282 — обратим внимание на ссылку «говорят»).

шемся «Опыте» слово *предмет* встречается лишь дважды — в предисловии и в концовке, написанных «от переводившего». У Тредиаковского, писателя старшего поколения, используются иные средства выражения данного значения, некоторые из которых созданы им самим по образцу уже существующих. Конечно, употребление слова Тредиаковским — известным писателем, могло обратить на себя особое внимание [37], однако фактически слово *предмет* встречается ранее и в разных источниках. Последние лексикологические находки значительно отодвигают время появления этого слова в русском языке. Ю. С. Сорокин обнаружил слово *предмет* в ноте русского посла в Лондоне М. П. Бестужева британскому двору (1720). Здесь слово встречается по крайней мере трижды в контекстах типа: «дабы достигнуть до сего *предмета*» (речь идет о действиях на Балтийском море) [38]. Правда, эти случаи отделены от последующих, и систематически примеры с *предмет* появляются с середины XVIII в.; но если все же учесть самые ранние известные теперь образцы (и возможные другие), *предмет* хронологически совпадает со словом *объект*.

Существенно уточнены или пересмотрены должны быть и сведения о происхождении слова. До сих пор *предмет* считается переводом (Фасмер) или заимствованием (Преображенский) с польск. przedmiot; оно указывается среди слов, взятых «с польского или чрез посредство польского» (Грот, с. 485). Между тем оказывается, что в польском языке слово przedmiot до конца XVIII в. редко [39]; в «Словаре польского языка» Линде [40] (не являющемся, правда, специально историческим) первый пример слова относится к 1774 г. Линде

---

[37] Этому способствовали, вероятно, высказывания против слова предмет Сумарокова в статье «О правописании» 60—70-х годов XVIII в. (т. X, с. 13—14), где они соседствуют с выпадами против Тредиаковского (см. там: «такие непристойности в язык наш введены» — *обнародовать, преследовать, предмет, на какой конец*; о слове *предмет*: «если бы такое слово и существовало»).

[38] «Журнал, или поденная записка,...Петра Великого», ч. II, СПб., 1772, с. 697, 713, 731.

[39] Это подтвердил, по нашему запросу, проф. Ф. Славский (Краков) — автор издающегося ныне этимологического словаря польского языка. Нет этого слова в списке полонизмов XVII в. St. K o c h m a n. Polsko-rosyiskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967.

[40] Linde, IV, с. 518—519.

приводит и другие польские наименования в значении 'предмет', свидетельствующие об известной вариантности в этот период и отсутствии еще, видимо, единого наименования. Все перечисляемые наименования по структуре ориентировны на лат. objectum 'брошенное, помещенное перед, против чего-либо' (страд. прич. прош. времени от глагола objicere): с тем же корнем, что и przedmiot, но другой приставкой (ob-miot), иным корнем rzut (от rzucić) и разными приставками (przed-rzut, ob-rzut, pod-rzut). Эти же слова как устаревшие приводятся в современном толковом словаре: «Przedmiot». *«Przedrzut, *podrzut, *obrzut, *obmiot» [41]. В XIX в. аналогичные наименования наблюдались в славянских языках: наряду с чешск. předmět выступало namet, словацк. predkład и др. Ср. в русском языке XVIII в. *предмет — предлог, предложение — подложение* (Варен.), *предлежащая* (вещь) — *подлежащая — предложенная, предзор* (Кург.). Среди них образования с приставками *пред-, под-* и корнями *-ложь (лог)- / -леж-, -верг (верж)-*. В последнем случае использована морфема славянокнижного происхождения и характера — Вост.: «*Врьжение* вержение»; Алекс.: «*Верзить*, кинуть»; САР: «*Вергать*. Сл. Бросать, кидать, метать» (производные *низвергать, подвергать, свергать* и др.). Некоторые редкие образования с этим корнем находим в письменности XVII—XVIII вв., см. в ДРС 'случай, положение': во всякой *подверженности* (рук. 1731 г.), 'выгода, имение': не ради *предверга*, или имства (Сим. Пол.). Вместе с тем тот же Линде приводит в высшей степени любопытное свидетельство известного деятеля первой трети XIX в. А. Чарторыйского, который писал (даем в переводе): «Язык наш [польский] выиграл, усвоив русское слово przedmiot, которое так выразительно, необходимо и так хорошо приспособлено к нашему произношению» (Linde, IV, с. 519).

В русском языке слово *предмет* стоит в кругу распространенных в XVIII в. слов на *пред-*. В САР (V, с. 160—204) их (существительных и глаголов) отмечено около 250, из них с пространственным значением (как *предмет*) примерно 20: *предвратие, предлагать, предместие, предпоставлять, предстание* и т. д. с временны́м значением по крайней мере 70: *предъизвещать, предузнавать, предугадание*

[41] J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. V, Warszawa, 1952, c. 62—63.

и т. д.; многие имеют помету «сл. [авенское]»: *преддверие*, *предстоятель*, *предточилие*, *предхрамие* и др. Однако слов с нулевым суффиксом среди них нет, как нет и глагола, соответствующего слову *предмет*. Это выделяет *предмет* как специфическое образование-кальку с лат. objectum (object). Такого же происхождения слово *предлог* — в польском до настоящего времени отсутствует образование с przed- и -log-; ср. там в значении 'повод' pozór, в значении грамматического термина 'предлог' przyimek. Слово *предмет* в русском языке образовалось по «славенскому» образцу и функционировало в книжной сфере. Этим объясняется сохранение в нем звука [э] после мягкой согласной, тогда как однотипные слова, также известные в XVIII в. (*рудомёт*, *водомёт*), испытали воздействие разговорной русской стихии и по общему правилу утвердились с [о]. Впрочем, точное произношение каждого из этих слов в XVIII в. неизвестно — они писались не через «ять» (*ѣ*), а через *е*, что допускало двоякое чтение. Изложенные соображения, как кажется, меняют представление о слове *предмет* и позволяют считать его (славяно)русизмом, усвоенным в разное время польским и другими славянскими языками [42].

Переводной (калькированный) характер слова *предмет* (с ориентацией на латынь) отмечал Бодуэн де Куртене: «*Предмет* (перевод лат. objectum)» (Даль [3]). Белинский подчеркивал органичность слова в русском языке и относил его к выражениям, которые «удачно переведены на русский язык и получили в нем право гражданства» (IX, с. 226). По отзывам других современников, слово «удачно придумано» и отличается «ловкостью состава» [43]. Распространение слова во второй половине XVIII — начале XIX в. происходит очень быстро. Показательно, например, что в словоупотреблении Тредиаковского слово *предмет* все же нашло отражение (см. выше). Если у Теплова в его курсе начала 50-х годов XVIII в. находим в рассматриваемом значении лишь слова: *вещь*, *предлог*, *предложение*, то в переводах конца 60-х годов из «Энциклопедии» (Любв.) к ним прибавляется *предмет*. Там встречаем: *вещь*, *пред-*

[42] С. Младенов. Етимологически и правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ. София, 1941, с. 507.

[43] К. Зеленецкий. Об особенностях языка русского и об отношении его к языкам западноевропейским. «Годичный акт Ришельевск. лицея». Одесса, 1848, с. 26, 27.

лог, предмет. Прежние наименования встречаются на всем протяжении XVIII и даже первых десятилетий XIX в., но характер их употребления существенно меняется. Постепенно между ними и словом *предмет*, ставшим основным обозначением в ряду, происходит контекстуально-смысловое и стилистическое разграничение. Часть слов и выражений (*предлежащее, предлежащая вещь* и др.) выходит из активного употребления. Использование их в конце XVIII — начале XIX в. имеет в основном нарочитый характер и объясняется борьбой с заимствованиями, воздействием аналогичных образований и т. д.; например, в «Вестнике Европы» (1823) в значении 'объект': Подлежащее и *предлежащее* (subjectum и *objectum*). Слово *предлог* в соотносительном с *предмет* значении к концу XVIII в. становится достоянием высоких слоев лексики. Оно встречается у М. Н. Муравьева (1757—1807), который был свидетелем распространения слова *предмет*, но сохранил более старые и «славенские» черты словоупотребления. Для Радищева обычно слово *предмет*, но в некоторых случаях наряду с другими славянизмами и архаизмами он использует *предлог*. В трактате «О человеке» встречаются *предмет* и *предлог* («*предлог* общего естествословия»); однако в «Житии», несмотря на общий высокий тон изложения, только *предмет*. В конце XVIII — начале XIX в. слово характерно для «нового слога» в сочетаниях типа *предмет чего — предмет* страсти, любви (Кар.), *предмет* желаний (ММ); в этом направлении проявилась наибольшая смысловая соотносительность слова *предмет* с франц. objet, что весьма критично отмечал Шишков (Расс., с. 187—189).

В разных по времени переводах «Разговоров» Фонтенеля наблюдается замена старых выражений словом *предмет*: Приятности или не приятности *вещей*, глазам *подлежащих* (1740) — как *предметы* мне были бы более или менее приятны (1802); *Вещи*, которые нам небо в ночи представляет — *предметы*, видимые в небе; подобные же изменения в переводах «Рассуждения» Руссо: Для познания его [человека] природы, должностей и *конца* (1768) — *предмет* бытия своего (1792); в переводах Варения: *Объектум*, или *подложение*, о чем учит географиа (1718) — *предмет* (1790). В САР отмечается слово *предмет*, но нет слова *предлежащее* и в рассматриваемом значении слова *предлог*. Таким образом, с появлением, слова *предмет* дру-

гие аналоги постепенно вытесняются, и сам ряд к концу XVIII — началу XIX в. фактически разрушается. И слово *предлог*, и другие старые наименования не составили в дальнейшем сколько-нибудь регулярных смысловых и стилистических корреляций со словом *предмет*. *Предлог* сохраняется только в значении 'повод' и как грамматический термин, *предложение* — по глаголу *предлагать*. На этом фоне соотношение, складывающееся с конца XVIII в. у слов *предмет* и *объект*, имеет совершенно иной характер. Оно основывается уже не на отсутствии единого способа наименования и проистекающей отсюда множественности обозначений, как ранее, а на определенном, системно закрепленном контекстуально-стилистическом разграничении слов. Слово *объект* предпочтительно в философской и сугубо книжной сфере, *предмет* является более нейтральным и широким по сочетаемости. Отношения этих слов уже не укладываются в рамки старой вариантности и принадлежат собственно синонимии нового времени.

§ 13. Более показательны для литературного языка XVIII в. те случаи, которые представляют последовательное развитие вариативного ряда, сопровождающееся внутренними передвижениями в нем — отпадением одних, появлением других слов, постепенной дифференциацией и выдвижением основных наименований. Такая картина наблюдается в исследуемый период, например, у слов, обозначающих исследователя природы, естествоиспытателя. Вариантность используемых здесь средств ярко обнаруживается уже в первой половине XVIII в., когда в ученых текстах употребляются *физик*, *естествословец*, *испытатель естества* (*натуры*) и др. Их семантическая аналогичность выявляется, а зачастую и подчеркивается во многих случаях. См. в текстовых примечаниях к «Книге систиме» Дм. Кантемира: Прочие **физики* [в примечании: **естествословцы*] арапские; в сл. Вейсмана: «Naturkündiger... *физик*, *естествословец*, *испытатель естества*»; В «Прибавлении» к сл. Целлария: «Physicus... *физик*, *испытатель натуры*». Эти выражения, к которым можно добавить еще слова *естествослов*, *естественник*, являются употребительными в разных источниках. Например: Да, я тебя вымерил, говорил *естественник* (ТП); Тред. у Тредиаковского — *естествословствующие:* Сцептичество началось философами *естествословствующими* (Фил. Бак.— par fes phifosophes *naturalistes*).

Наибольшую регулярность в XVIII в. получают сочетания существ. *испытатель* ‘изучающий что-либо’ со словами *естество*, *натура*, *природа*. Эти сочетания обладали известной цельностью, их собственная внутренняя вариантность (*испытатель естества — испытатель натуры — испытатель природы*) в существенной мере основывается на близкой соотносительности в XVIII в. слов *естество*, *натура*, *природа*. Примеры этих сочетаний часты, хотя сочетания со словом *природа* более новы и встречаются в основном со второй половины XVIII в. Например: Искуснейшие и достовернейшие *естества испытатели* признаются, что они теплоты и сту́жи не *испытали* еще совершенно (СП, 1758; здесь же — *натуры испытатели*): Самые древние *испытатели натуры* приметили уже, что янтарь от трения получает силу привлекать к себе легкие тела (Эйл.) Соотношение *испытатель натуры — испытатель природы* наблюдается, например, в статьях Брянцева 90-х годов XVIII в.; Есть и другие [законы], *испытателями природы* замечаемые (Вс. зак.). Заметим, что слова *испытать*, *исследовать*, *истязать* и другие весьма распространены в ученой литературе XVIII в. Они употребительны в различных, часто однородных с указанными выше контекстах. Например, у Кантемира: Физика *испытает* состав мира; *испытать* сочинения Софокла; души силу и пределы *испытает*; у Ломоносова: *испытатели* натуральных вещей [44] (испытатели натуры), громовой силы, внутреннего смешения тел и др. В дальнейшем сочетаемость в этом кругу расширяется за счет отвлеченной лексики.

С середины — второй половины XVIII в. рассматриваемый ряд пополняется новыми словами *натуралист* и *естествоиспытатель*, которые, как и в других подобных случаях, выступают в тесном соотношении с остальными наименованиями. В словаре Курганова слово *натуралист* объясняется с помощью уже известных наименований: «*Натуралист*, *испытатель природы*, *естественник*». Примеры в текстах — *натуралист*: Будто бы *натуралист* Спиноза произошел из его школы (Тепл.), *Натуралисты* уверяют, что морская вода на дне пресна (ЕС, 1757); *естествоиспытатель*: Первое [явление] чувством всяк осязать может, а прочее собственно надлежит до *естествоиспытателей* (Зыб. Тепл. изл.), в «Путешественных записках» Зуева

[44] Ср. в сл. Вейсмана: «естественные вещи *испытовати*».

начала 80-х годов XVIII в: Достойно примечания для *естествоиспытателя*, что попадают иногда такие меж каменьев куски окаменелого соснового дерева (здесь же *натуралист*. Карт. XVIII в.), у Радищева — *естествоиспытатель*, *естествослов*. Оба слова *натуралист* и *естествоиспытатель* все более распространяются в ученом и общелитературном языке XVIII — начала XIX в. (*натуралист* раньше, *естествоиспытатель* несколько позже). Например, слово *натуралист* включено в САР (с толкованием: «испытатель естества») при отсутствии слова *естествоиспытатель*; последнее получает лексикографическую фиксацию лишь в словаре 1847 г.[45].

С конца XVIII в. в рассматриваемом ряду активно проявляются процессы дифференциации и перераспределения вариантов. Из употребительных ранее сочетаний *испытатель естества*, *испытатель натуры*, *испытатель природы* в активном употреблении остается главным образом последнее. В известной мере это объясняется изменившимся соотношением самих слов *естество*, *натура*, *природа*, в частности, возросшим употреблением слова *природа*, а также появлением указанных новых образований, составивших несомненную параллель (и языковую конкуренцию) некоторым двусловным наименованиям (ср. *естествоиспытатель — испытатель естества*, *натуралист — испытатель натуры*). Иллюстрацией САР к слову *испытатель* является *испытатель природы*. В словаре Даля, наряду с приведенным отдельно словом *естественник*, в статье *натуралист* даны следующие его синонимические соответствия, включающие из указанных двусловных сочетаний лишь *испытатель природы*: «*испытатель природы*, *естествоиспытатель*, *естествослов*». Устанавливающиеся различия между словами отчасти находят отражение в словарных толкованиях. Так, в словаре 1847 г. слова *естествослов* и *естествословец* имеют определение «упражняющийся в естественной истории» (здесь же *естествословие* как «естественная история»), с другой стороны, более общие дефиниции там же сохраняют *натуралист* «испы-

[45] Правда, еще в «Рукописном лексиконе» 40-х годов XVIII в. (с.102) отмечается «естество испытатель» (рядом с «естествословие»); но не может ли это восприниматься как «естества испытатель»? В «Разговоре» Татищева несомненные примеры с данным словом: *Естество испытатели* место или обитание сей силы [памяти] полагают в задней части мозга (с. 19).

татель природы» и *естествоиспытатель* «упражняющийся в познании природы». В конце XVIII — начале XIX в. все более обособляется слово *физик*, отражая специализацию самой этой науки; соответственно толкование его в САР отличается от определения других (и прежних) слов: «*Физик*. Знающий *физику*, упражняющийся в *физике*».

Таким образом, если в более ранний период все рассмотренные слова выступали как равноценные средства с одинаковым в общем значением, то к концу века они получают различия, определившие уже тогда направление их дальнейшего развития. В научной публицистике первой половины XIX в. чаще всего встречаются *испытатель природы*, *естествоиспытатель*, *натуралист*. Эволюция этих наименований в литературном языке XIX в. протекает при иных условиях и связана с развитием соответствующих понятий. Сосуществование их основано на определенном контекстуально-стилистическом разграничении и закреплено в литературной речи. Когда в 70-е годы XIX в. ставился вопрос о замене слова *натуралист* на *естествоиспытатель*, это не нашло поддержки в критике и воспринималось как анахронизм [46].

Уточнение и закрепление значений слов

§ 14. Вариантность и дифференциация составляют лишь одну, хотя и весьма существенную сторону в процессе нормализации литературного словоупотребления в сфере отвлеченной лексики. Активными оказываются еще некоторые явления, действующие в это время и как бы дополняющие первые. Так, наряду с сокращением вариантности отвлеченной лексики в общем русле нормализации литературно-книжного словоупотребления весьма показательны изменения, которым подвергаются, особенно во второй половине XVIII — начале XIX в., многозначные и чрезмерно широкие по семантике слова. В специальных контекстах, требующих определенности, избыточная общность и недостаточная четкость значения слов встречала такое же естественное противодействие, как и вариативность. В связи с этим в указанный период намечается очевидное стремление к уточнению и закреплению значения и

[46] См. замечания Н. Страхова по этому поводу в рецензии на перевод сочинения Ч. Дарвина «О происхождении видов» (1873)— («Гражданин», 1873, № 29).

употребления таких слов, к стабилизации их семантической структуры. Это стремление осуществлялось разными путями. Часть смысловых функций как бы изымается из сферы перегруженных и широких по смыслу наименований и закрепляется за другими словами. Многозначные и сложные по семантике слова претерпевают в текстах внутреннюю компрессию: частные, не утвердившиеся значения их отпадают или вытесняются другими, употребительными в этой роли словами. Эти явления сопровождаются текстовым распространением слов, способствующим их смысловой локализации.

Употребление в специальных контекстах слов, частых в книжном языке и перегруженных в смысловом отношении, объяснялось большой потребностью в терминологических средствах в XVIII в. Именно поэтому в ученое изложение, помимо других наименований, вовлекаются такие многозначные и широкие по семангике слова, как *течение*, *вещь*, *дело* и т. д. [47] Во второй половине XVIII — начале XIX в. ясно обнаруживается сокращение их семантического объема, ограничение реальной сферы приложения. Примером служат слова *течь*, *течение*, выступающие в ученой литературе XVIII в. при обозначении движения небесных тел. В данном качестве они известны в русском языке издавна, обладая, кроме того, еще широким кругом значений. Срезневский (III, стб. 955) отмечает для древнерусского языка, например, следующие из них: «ток, течение» (о реке), «пролитие» (*течение слез*), «бег, способность бегать», «движение, падение» (*звездам теченье*, *теченье звездное* — примеры XIV в.), «течение жизни» (*течение скончати*), «стремление». В XVIII в. рассматриваемые слова (*течь*, *течение*) сохраняют широту семантики и многозначность; они употребляются в различных сочетаниях, в том числе метафорического содержания. Особенности слов оговариваются, например, А. Кантемиром. В «Письмах Горация» фразу «Так тихи мне времена *текут* неприятны» он поясняет: «Метафора, взятая от *течения* рек»; этот же образ писатель использует в сравнительном обороте: И слова гладко *текут*, как река природным *током* (Сат. IV).

---

[47] Ср. о словах thing, body, ground и других как лексемах «с широкой понятийной основой» (А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, с. 104—111).

Примеры данных слов в XVIII в. во многом совпадают с указанными у Срезневского: Противостоять *течению* естества (Кант. Письм. Горац.— в других источниках *естественное течение*); *Теченье* ваше [дела, поступки] досель блудно было (Кант. Песнь I); Замедляют или остановляют *течение* дел (Тред. Фил. Бак.— аналогичные примеры в переписке Петра I); Мой разум весь туда стремительно *течет* (Сум. Пиит); *течи* путь любомудрия; *течение* учения, учений; Оканчивающих *течение* своей жизни тварей (ТП). На протяжении XVIII в. употребление слова еще более расширяется — в немалой степени за счет отвлеченных контекстов: Обществ человеческих *течение* (Десн. Собст.); В самом *течении* испытаний правд (Зыб. Вн. союз.). Слово выступает с наименованиями небесных тел: *течение* небес, небесных тел, солнца, луны, светил, комет, планет и др. Но обозначение кругового движения светил, к которому часто обращаются авторы ученых сочинений XVIII в., не имеет в литературе единого наименования. Наряду с *течение* (*течь*) в тех же ситуациях выступают слова и выражения: *движение*, *двигаться*, *обращение*, *обращаться*, *бег*, *путь*, *круг*, *описывать круг*, *ходить*, *ворочаться*, *обворачиваться*, *вертеться* и т. д. Попытки некоторого разграничения этих наименований находим еще у А. Кантемира, который слово *течь* относил к регулярному («порядочному») движению звезд в противоположность планетам, путь которых вследствие вращения Земли и разного соотношения орбит представлялся на небесном своде изломанным: *Текут* относится к звездам неподвижным, которые за движением земли кажутся нам совершать около нас *течение* порядочное (Кант, Письм. Горац.) [48].

Создающийся таким образом вариантный ряд претерпевает характерную для исследуемого периода эволюцию. Уже к концу XVIII в. в терминологическом обиходе круг этих слов сокращается, в нем выделяются ведущие наименования. Это можно видеть на материале словарей. САР в специальных контекстах отмечает лишь два из перечисленных выше слов: *движение* (в иллюстрациях без особого определения: «*Движение* светил небесных» — II, стб. 24) и *обращаться*, *обращение* («Планеты *обращаются* около

[48] К планетам Кантемир применял слово *блудить* (*блуждать*); так же в «Книге мирозрения»: движение *блуждающихся* телесец; в сл. Поликарпова: звезды *заблуждающиеся*.

солнца, а спутники около своих планет» — IV, стб. 108—109). В словаре 1847 г. эти случаи представлены уже как отдельные значения со специальной пометой «астр[ономическое]». В числе прочих выходит из данного специального употребления слово *течение*. В изданиях конца XVIII — начала XIX в. нередки случаи замены слов *течение* (*течь*) другими, в соответствующей ситуации более определенными выражениями. Например, в переводах «Разговоров» Фонтенеля на месте прежнего *течение* (и других вариантов) часто находим слово *обращение:* Думается, что звезды *текут* с бóльшим молчанием (1740) — *обращаются* (1802); Планеты одно только *течение* свое совершают в кругах своих около солнца — делают свои *обращения*; Причина *движения* мира сего — *обращения* вселенной; Луна около [Земли] *вертится* — *обращается*. Вариантность наименований в таких случаях сохраняется до конца XVIII в., но основными при обозначении кругового (возвратного) движения тел безусловно становятся слова *обращаться* (*обращение*).

Вместе с контекстуальными показательны наблюдающиеся на всем протяжении XVIII в. морфологические способы уточнения и модификации слов *течение*, *течь* — с помощью различных приставок. Например: [Звезды] все небо *протекают* (Кант. Разг.); Аки гордый исполин [солнце] *обтекает* всю вселенную (Аничк. Превр. пон.). В конце XVIII — начале XIX в. ясно ощущается общее сужение семантического объема и употребительности слова *течение*. В САР из четырех отмеченных значений («действие текущего, движение жидкого вещества»; «*шествие, действие бегущего, идущего»; «*житие, продолжение жизни»; «*относительно к делам и времени значит продолжение») два иллюстрируются исключительно примерами из церковных текстов («шествие» и «житие»). В XIX в. последние постепенно архаизируются и встречаются в основном в стилистически обусловленных контекстах. Это, например, жизнеописания профессоров Московского университета, выдержанные в торжественно-эпическом духе — здесь находим *течение* как 'продолжение жизни': Так свершил свое *течение* почтенный профессор (Речи, т. III) [49]. В сло-

[49] У Карамзина отмечается стремление освободиться от некоторых подобных контекстов как слишком книжных. Тем не менее и у Карамзина, и у Радищева такие примеры еще обычны. В периодике конца XVIII в. также встречаем: порядочное *течение* материй

варе Даля некоторые упомянутые значения уже совсем не отмечаются: ‘продолжение жизни’, ‘движение небесных тел’, другие представлены без особой рубрикации в иллюстрациях: «*Теченье* реки быстрое... *Теченье* дел... *Теченье* [т. е. передвижение] белки».

Широта семантики и многообразие применения отличают также слово *дело*, которое в XVIII в. лишь приблизительно можно определить, как ‘тема, содержание, предмет деятельности, событие, явление’, некоторые же контексты со словом с трудом поддаются классификации. Одно из значений слова отмечено А. Кантемиром при объяснении слова *материя* — в качестве синонима последнему писатель представлял *дело*: «*Материя*... то, о чем голорится или рассуждается (*дело*)» (Разг., прим. 13) [50]. Круг приложения слова в XVIII в. можно отчасти иллюстрировать следующими образцами в значении ‘тема’ Обыкновенны ему [Горацию] внезапные перескочки с *дела* на другое (Кант. Письм. Горац.); ‘естественные явления’: Еже обыкновенно в познании небесных (выше земленых) *дел* имеет (Кн. мирозр.); ‘событие, факт, реальность’ Кто всякого *дела* и случая старается знать причину (Тепл.), Чтоб прямые *дела* и лица укрыть непроницаемым покровом своей повести (Тред. Арген.), История есть описание *дел*, ...*дела́* человеческие, *дела* естественные (Кург.); ‘занятие, действие (чего)’ Насаждение добродетели есть главнейшее *дело* воспитания (Кант. Сат. VII, прим.). Такому различию применений слова соответствует и весьма общий характер его толкований в словарях (см. САР, II, с. 324—326).

Тем не менее к концу XVIII в. обнаруживается ограничение круга контекстов со словом *дело* [51]. В переводах «Разговоров» Фонтенеля замены слова *дело* другими выражениями носят систематический характер. Ср.: Я выбрал из своей философии *дело*, которое больше всех может побудить к любопытству (1740) — выбрал самую удобнейшую *статью* (1802); В сих разговорах я принимаюся учить

сего журнала (ПЖ, 1791), быстрое *течение* успехов соединенных армий (СПб., вед., 1792) и др.

[50] См. аналогичное толкование в сл. Вейсмана: «Materie... вещество, *дело*, о котором говорити».

[51] Аналогично в истории соответствующего слова других славянских языков, ср.: Е. Е. Т а л и ц к а я. Из истории чешского слова dílo. «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965.

www.ruslang.ru

жену, которая николи ничего не слыхивала о таких *делах* — учится совсем неизвестным ей *вещам*; [Украшает свою книгу] частыми и почти всегда приятными введениями посторонних *дел* — *отступлениями*; такие же вариации в в переводах «Истории европейской» Пуфендорфа: Намеренные же *дела* златом аки инструментом совершаше (1718) — *предприятия* свои (1767). В контекстах, отчасти указанных выше, слово *дело* соотносительно со словами, образующими вариантный ряд: *случай*, *происшествие*, *приключение*, *явление* и т.д., в который позднее (первая треть XIX в.) входит слово *факт* (см. гл. V, § 10).

§ 15. Использование слов с широкой семантикой в специальных контекстах неизбежно приводило к коллизии, которая создавалась несоответствием между характером семантики слова и потребностью в определенности отвлеченной лексики. Распространенным способом уточнения и специализации смысла слов являлись текстовые распространения — определения, дополнения и т. д. При этом речь идет не о простом расширении круга сочетаемости слов, что вообще типично для развивающейся отвлеченной лексики XVIII в., но о таких текстовых дополнениях, которые служили реальным средством смыслового наполнения, локализации широких по семантике слов. Показательным примером в этом отношении является слово *вещь*. Семантика его широка и зачастую дифференцируется лишь контекстуально. Оно означает существо, предмет действительности: В самом деле вне нас *вещи* бытие имеют (Эйл); Ему [человеку] одному только не достает для пищи ни земных, ни воздушных, ни в воде обитающих *вещей* (Зыб. Слож. чел.) [52].

Слово *вещь* обозначает, далее явления естественного мира: Действо или сила звезд и светил небесных, которая... есть причина происходящих на земле *вещей* (Кант. Разг.). При обозначении чего-либо подлинного (ср. выше *дело*): Звезды кажутся нам выше, нежели суть в самой *вещи*

[52] Широкая сочетаемость слов *вещь*, *тело*, *частица* и других отмечается в естественнонаучных трудах Ломоносова: С. М. Бурдин. Роль М. В. Ломоносова в создании русской естественнонаучной терминологии. «Уч. зап. Ташкентского пед. ин-та». Филол. сб., вып. 2, 1954; Л. М. Сахаров. Из наблюдений над терминологической лексикой в научных трудах М. В. Ломоносова. «Ломоносовский сборник». [«Труды Моск. заочн. пед. ин-та»]. М., 1961.

(Эйл.). В весьма различных случаях при обозначении предмета мысли, признаков, обстоятельств и пр.: Миры во многих *вещах* между собою разнилися (Кант. Разг.); тема, содержание изложения: Изобретши много изрядных *вещей* для философии (Тред. Ир. пиим.), Приступаю к самой *вещи* (Ланг.).

Широта семантики слова *вещь* в специальных контекстах до известной степени нейтрализовалась посредством текстовых распространений. Они выступают прежде всего при обозначении видов природных тел и существ — *жидкие вещи*, *вещи травные*, *животные вещи*, например: что человеки, наподобие *растущих вещей*, из земли произошли (Тред. Феопт.); материального, естественного существа предметов — *вещи физические*, *земные*, *внешние*; *телесные вещи* (ЕС, 1763), *чувственные* и *материальные вещи* (ЕС, 1757). Особенно регулярны сочетания типа *вещи естественные* и *вещи натуральные*, обладающие известной цельностью: Исследователи *естественных вещей* (Лом. Польз. хим.; у него же — *натуральные вещи*), Сии *вещи натуральные* почерпаем мы из трех натуральных так называемых владычеств (Афон). Особенность эволюции слова *вещь* (и других) заключалась в том, что само слово приобретает к концу XVIII в. большую терминологичность и обобщенность. Выделяются контексты, которые содержат попытки общего философского определения понятия вещи (в работах Козельского), подчеркивают связь и движение явлений («вещей») в мире (Брянцев), связывают понятие вещи с вопросами познания мира (у Аничкова, Чеботарева и др.). Эта внутренняя терминологизация послужила одним из направлений дальнейшего развития слова. См. примеры: Онтология есть наука о *вещи* (Коз. Ст. фил.); *Вещь* называется то, что есть возможное, например, всякая тварь на свете называется *вещь* (Коз. Фил. предл.); Естественная непрерывная связь и ход *вещей* (Брянц. Вс. зак); Научились познавать природу *вещей*, их силы (Чеб. Сп. просв.); сущность *вещи* (СЖ).

Соответственно многочисленны случаи замены слова *вещь* в контекстах, где оно ранее было употребительно, другими, более определенными в данной ситуации выражениями. Например, в переводах «Истории европейской»: Тои егда многие *вещи* премудро устроил (1718) — между прочими достохвальными *учреждениями* (1767); В познании *вещей римских* должны обучаться — *римская история* должна быть всех известнее; Егда праведно саму *рассудим*

вещь — ежели прямо *рассудить*; в переводах Виргилия Полидора: О начале риторики и которыми *вещьми* ее существо содержится (Изобр. вещ. 1720) — *в чем* она состоит (1782).

§ 16. В неменьшей мере используются текстовые распространения в истории слова *тело*. В книжном языке XVIII в. оно применяется различно: при указании предметов, небесных тел, отдельных частей вещества, чего-либо целого и т. д. Многозначность и недостаточная определенность слова, особенно в научных и философских текстах, ощущалась современниками. Козельский в «Рассуждении двух индейцев» ясно высказывается на этот счет (реплика 88): «...как земля есть *тело* и философы всякую такую вещь [53], к которой прикасаться можно, называют *телом*, то по такому всеобщему и обширному понятию заключают они под именем *тел* не одну землю и ее произведения, а присовокупляют к тому еще и прочие стихии, как то: воду, воздух, огонь, да даже и небесные вещи называют *телами*, а по такому пространному под именем *тел* означению требует эта материя разделения и изъяснения, чтоб нам впредь некоторые слова не причинили трудность».

При обозначении небесных тел слово *тело* может выступать без распространения. Правда, и в этих случаях характерным для слова является наличие дополняющих слов *весь*, *мир*, *свет* и др.; например: *все телеса мира*. При указании существа тел текстовые распространения обычны. Например: Поверьх жидкого *солнечного тела* (Кант.), Толь много великих *телес звездных* (Кн. мирозр.), *тело лунное*, *тело кометы*, давнее сочетание *небесное тело*. Заметим, что определения в последних приведенных примерах являются не столько контекстным распространением слова *тело*, как именно своеобразным семантическим «наполнением» его в данных случаях. В языке первой половины — середины XVIII в. *солнечное тело* чаще всего означает не разновидность тела вообще, а само солнце, солнечную массу, так же как *звездное тело* — звезду и т. д. Во второй половине XVIII в. у слова *тело* намечается (как у *вещь* и др.) углубление собственной внутренней терминологизации. Более частыми становятся примеры обобщенного понимания тела и его дефиниции, например, в «Фило-

[53] Слово *вещь* имет здесь такой же характер употребления (см. выше), что и *тело*.

софских предложениях» Козельского: *Телом* называю я всякую такую вещь, которую осязать можно. Эта линия в развитии слова — собственная, внутренняя специализация — в дальнейшем к концу XVIII в. в немалой степени меняет свойства слова. Теряют прежнюю относительную цельность такие сочетания, как *солнечное тело* (солнце); в сфере сочетаемости слова, по-прежнему обширной, начинают решительно преобладать контексты, образованные за счет обычного контекстуального видоизменения основного содержания слова (типа *тело светлое*, *твердое* и др.). Однако эти изменения достаточно полно выявляются лишь в XIX в. [54]

В XVIII в. обнаруживается еще одно значение слова *тело*, где текстовые распространения играют важную роль: ‘целое, совокупность чего’ (соотносительно с лат. corpus, франц. corps). Оно выступает обычно при указании общества, государства, подчеркивая его целостность. См. примеры в разных источниках: Членов *тела* экономического (Флор. эк.); политическое *тело* (Тред. Фил. Бак.); обращение крови государственного *тела* (Рад. Бесед.), общественное *тело* (Сох., Предм.). Более частный характер имели сочетания *тело наук*: по всему *телу* наук (Тред. Фил. Бак.), *мифологии тело* (ТП) и др. В XVIII в. (особенно в первой половине столетия) наблюдается параллелизм в употреблении слов *тело* — *корпус*. В значении ‘предмет’, ‘небесное тело’ последнее обнаруживает сочетаемость, как у *тело*: планетные, небесные *корпусы* и др.; во второй половине XVIII в. вырисовывается в данных случаях явное преобладание слова *тело*. Однако в обобщенно-собирательном смысле ‘целое, совокупность чего’ слово *корпус* сохраняет преимущество: *корпус* войска, судей, общества: *корпус* академический и др. В дальнейшем слово *тело* в таком употреблении в русском языке вообще отпадает, но, например, в болгарском языке, куда оно попадает в XIX в. вместе с книжной русской лексикой XVIII в., слово *тяло* поныне имеет значение «определенный круг лиц»[55]. Наряду с этим слово *тело* широко упо-

[54] Словообр. существ. и прил., с. 11; В. В. Веселитский. Из истории отвлеченной лексики XVIII в. (лексическая вариантность и некоторые пути ее сокращения в связи с нормализацией русского национального литературного языка). «Русская историческая лексикология». М., 1968, с. 59.

[55] Речник на съвременния български книжовен език. София, 1954—1959; Български тълковен речник. София, 1963.

требляется в русском книжном языке XVIII в. в общем смысле предмета без текстовых спецификаций, например: Начало соединения и самой твердости причина во всех *телах* есть стесненный воздух (Зыб. Вн. союз).

Указанные выше явления не приводили, естественно, к полному устранению многозначности таких слов, как *вещь*, *дело* и других, которые в общелитературном употреблении сохраняют и позднее свойственную им широту (отчасти «формальность) семантики. Речь идет лишь о том, что в силу общего стремления к определенности и точности в сфере отвлеченной лексики эти слова, попадая в соответствующие контексты, испытывали влияние действовавших здесь закономерностей. Упорядочение семантической структуры, сокращение контекстуальной дробности было важным этапом в развитии этой части отвлеченной лексики.

Глава III

НОВЫЕ СЛОВА. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ОТНОШЕНИЙ СЛОВ ПРИ НОВООБРАЗОВАНИЯХ

СЛОВА С СУФФИКСАМИ *-ОСТЬ, -СТВО, -НИЕ, -ТЕЛЬ, -(Н)ИК, -Н-, -ТЕЛЬН-* И ДР.

§ 1. В XVIII — начале XIX в. в обиход научно-публицистической литературы входит немало новых слов, образованных аффиксальным способом и посредством словосложения на основе существующих лексем. Большинство их служит наименованиями обобщенно-отвлеченных понятий, качеств и свойств, деятелей и т. д. Наименования появляются в словесных ареалах, связанных с наиболее актуальными в исследуемый период понятиями и реалиями. Рассмотрим основные структурные типы употребительной отвлеченной лексики в исследуемый период.

-ость. Число новообразований с этим суффиксом особенно велико. Его продуктивность возрастает с XVII в.; ученая литература XVIII в. показывает распространение суффикса и зачастую вытеснение им параллельных образований с другими суффиксами — прежде всего *-ство*, *-(н)ие* [1]. Особенностью слов на *-ость*, вытекающей из продуктивности этой модели, является легкость, свобода их образования. Факт письменной фиксации слова на *ость* еще не означает закрепления слова в языке, эти моменты применительно к словам на *-ость* особенно часто не совпадают. Слова на *-ость* способны более или менее длительное

[1] Н. М. Ш а п с к и й. Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. Канд. дисс. (рукопись), 1948; Э. М. Н о ж к и н а. К истории образования имен существительных с суффиксами *-ость* и *-ство* в русском литературном языке.— АКД. Саратов, 1962; И. М. М а л ь ц е в а. Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в. (На материале однокоренных параллелей *-ость, -ство* и *-ость, -ие*). «Процессы формирования лексики литературного языка (от Кантемира до Карамзина)». М.— Л., 1966; Ю. С. С о р о к и н. Производные слова. «Русская речь», 1969, № 3, Словообр. существ. и прил., с. 104—105.

время оставаться на положении незакрепившихся в литературном языке. Сказанное объясняет значительные колебания в датировке этих слов и неизбежность более широких определений времени их появления (*личность*). Свойства образований на *-ость* проявляются в их лексикографической трактовке. В словарях XVIII — первой половины XIX в. (Пол., САР, сл. 1847 г. и др.) наблюдается стремление представить полностью словообразовательное гнездо слов. Благодаря легкости образования слов на *-ость* они приводятся в словарях подчас и в тех случаях, когда это не соответствует реальному употреблению или даже вообще наличию слов в языке данного времени; значение их в таких случаях прямо вытекает из словарных определений однокоренных лексем. Так появляются в словарях *конечность*, *личность* (Пол.), *действенность* (Гелт.) и другие — при редкости этих слов в языке той поры. По этой же причине слова на *-ость* получают стереотипные дефиниции, как *неразделимость* «свойство существа, не могущего разделиться» (САР, III с. 1359), хотя, например, у Радищева слово встречается в значении ‘личность, отдельность’ (то же *нераздельность*, *умозрительность*, *особенность*, *самобытность* и т. д.).

Действие фактора «полноты гнезда» испытывали не только составители словарей, он имел некоторый объективный характер. Известно, что слово *промышленность* ввел Карамзин. Однако весь ряд существовавших к тому времени однокоренных слов как бы подсказывал в силу продуктивности суффикса *-ость* образование этой формы. Во всяком случае, САР (V, с. 586) уже полно представляет данное гнездо, включая слово на *-ость*: *промышленник*, *промышленный*, *промышленность*, *промышленичий*, *промышляться*, *промышлять*. Авторитет Карамзина способствовал закреплению и популяризации слова, быстрое же его распространение объясняется именно потенциальной готовностью и возможностью слова (о слове *промышленность* см.: Сорокин, с. 335—341). Обычно также наличие разновременных по возникновению и семантически разнородных, хотя тождественных слов на *-ость*. Это *опытность* — общеобиходное знач. ‘приобретенное знание, умение’, у Радищева — ‘исследование путем опыта; сфера опыта’; широкое по семантике слово *общественность*; неодинаковое в разных случаях применения слово *единственность*. Слова на *-ость* могут возникать, и минуя непосредственно

предшествующие исходные (структурно менее сложные) формы, по аналогии и в силу действия модели: *бесчеловечность* при отсутствии в XVIII в. *человечность*; *принадлежность* при невозможности **принадлежный*; преимущественно с середины XVIII в. *умозрение* и гораздо раньше *умозрительный* и т. д.

Бóльшая часть активно функционирующих в кругу отвлеченной лексики слов на *-ость/-ность* н о в о г о образования (конец XVII—XVIII в.). Можно различить новообразования от уже имеющихся слов (в основном, прилагательных) и слов новых. Многие слова при этом претерпевают в XVIII в. семантическую специализацию. От имеющихся лексем образованы *бесконечность* (Пол., Вейсм., сл. 1762, Гесн., Гелт., САР); *бестелесность* (Гелт.); *вещественность* (Пол., Гелт., САР); *вещность*; *конечность* (Пол., Гелт); *личность* (Пол.); *промышленность*. *Собственность* (Пол., Гесн.: свойство, *собственность*; САР: ‘имущество, принадлежность’, Полен., Сум., Коз., Десн.: *собственность* имения; Рад. и др.). В XVIII в. происходит существенное изменение значения слова: первые словарные определения указывают лишь свойства кого-либо, литературные примеры демонстрируют постепенно развивающееся социально-экономическое осмысление слова.

Существенность, *сущность*; *ученость* (Гелт, САР: «знание в науках»), преддверие *учености* есть познание языков (Рад. Путеш.), любители российской *учености* (Нов.); *чувственность* (Гесн., Гелт.); *внутренность* (сл. 1762 г., Гесн., САР); *действенность* (Гелт.: «действенность, die Wirksamkeit, operatio»); *неравность* (Срезн. *неравьньство*; Пол. и др.), *противность* (Пол; САР: «противоположность между двумя противными вещами»); *телесность* (Гесн., Гелт., САР); *словесность* (Срезн. *словесьный* ‘словесный, словами выражаемый’, ‘имеющий дар слова’). В XVIII в. наряду со старым значением ‘красноречие, владение речью’ развивается новое специальное ‘совокупность литературных произведений на данном языке’. *Особливость* — от *особливый* (Срезн., СДР-нет; язык *особливый*. Курб.; Берында: *особливый*, *особливо*): *особливость* обстоятельств (Изв. возм. САР. *Неразделимость* и *нераздельность*; *необходимость* (*необходимая* наша беда, невозможно миновать. Аввак. ДРС), Гелт., САР [2]; у Тредиаковского в научно-философ-

[2] Гесн. *необходительство* с иным значением — от *необходительный* «угрюмый, неприятный».

ском контексте: *необходимость* естественная (Рим. ист., V). *Сообразность* (Срезн. *съобразьный* ‘подобный, сходный’): *Сообразность* действительного существования (existentiae) вещей с возможною сущностию (essentia) их (Тред. Рим. ист., VII).

Слова на *-ость*, передающие какие-либо особые стороны понятий, могли выступать одновременно или сменять существовавшие однокоренные образования с другими суффиксами. Особенно показательны в этом отношении слова, тяготеющие в XVIII в. к индивидуальному словоупотреблению. Например, у Тредиаковского *общность* (в словарях нет); *разумность* (Срезн. *разумьство*, Пол. и др.— *разум*, *разумение*) у Тредиаковского как синоним слова *разум* (в значении ‘способность мыслить, мышление’: Иногда [понимает человек] так называемою **разумностию*, или *разумом* (Сл. прем., прим.: intelligentia); *нравоучительность*; *разрешительность* [3] ‘распадение на составные элементы’: Действо огня или всякого другого, в *разрешительность* приводящего (Фил. Бак.). Слова, относящиеся к словоупотреблению Радищева: *особенность* (САР «отделенность», у Радищева как синоним к *личность* ‘то, что относится к лицу, составляет его свойства’), *мысленность*, *естественность*; слова, преимущественно встречающиеся у Козельского: *случайность* (САР) [4], *неключимость* (Срезн. *неключимьство* ‘негодность, бесполезность’; Коз.— ‘инерция’).

Среди образований на *-ость* выделяются слова, которые в XVIII в. представлены лишь отдельными случаями употребления. Фиксация их в литературе (в том числе словарях) объясняется разными обстоятельствами (см. выше), сами же эти случаи зачастую относятся к ранней истории и предыстории терминов. *Бесчеловечность* «Irratio, скотство, безумство, *бесчеловечность*» (Гесн.); *деятельность* [5] «Способность, сила к действованию; расторопность. *Деятельность разума*» (САР): За весьма немного пред сим лет торговать книгами у купечествующих не почиталось торгом... Но ныне, благодаря умудрение и *деятельность* ума человеческого, какое различие (Анекд. Пош. 1798 г. ДРС). *Двойственность*, — в прямом смысле Гесн.: «Duitas, *двойст-*

[3] Ср. Срезн. *разрешительный* ‘разрешительный, очистительный’; Гесн.: «Dissolubilis, *разрешимый*, что развязать, распустить, распутать можно».

[4] Срезн. *случатися*, *случение*.

[5] *Деятельный* — Вел. Чет.-Мин., Магн. (ДРС).

вещность, двоица»; позднее в XIX в. вместе с *двойство* слово выступает в философском значении ‘дуализм’, например: у него не было, как у Канта, готовой уже *двойственности* мысленного и вещественного (Гал.).
Напротив, известное издавна слово *особность* (ДРС с XV в.) в отвлеченных контекстах XVIII в. представлено сравнительно мало. В начале XVIII в. как ‘особенность, отдельность’:... последует еще некоторая *особность* флагов (Алярд, 1708 г.). Чаще слово встречается в наречных оборотах: *ниже́* со отроки *на особности* попускай ему спати (Посошк. Отеч. поуч.); что утвердил и в веки утверждаю; *В особности* о том теперь здесь рассуждаю (Тред. Феопт.), У Тредиаковского слово использовано в отвлеченном значении ‘отдельное существо, особь’. Употребление этого слова в первой половине XIX в. в значении ‘личность’ является, таким образом, обновлением старого слова или даже «неологизмом философского языка 30-х годов» XIX в. (Сорокин, с. 203).

Наименования явлений и физических свойств тел на *-ость* образуются в XVIII в., в основном от имеющихся слов и претерпевают терминологизацию. Многим из них присуща известная двойственность в употреблении: обозначение а) свойства, состояния тел при наличии определяемого слова (*жидкость*, *плотность тела*) и б) свойства (явления), а также вещества определенной консистенции — абсолютивно (*плотность*; *жидкость* [6]). Другой чертой этих слов является обычная противопоставленность значений (*легкость — тяжелость* и др.), которая служит определенным фактором их развития. Это *густость*, *дебелость*, *частость*, *редкость*, *тонкость*, *субтельность*, *плотность*, *тяжелость* и др.[7] Некоторые из таких слов отмечены еще в «Материалах» Срезневского, но в ином значении: *твердость* (*твьрдость* ‘твердыня’), *леность* (Срезн. ‘нерадение, беспечность’; в XVIII в. одно из наименований инерции), *величество*; слово’ — ср. там же *редость* ‘редина’.

Указанные семантические свойства в словах могут быть представлены в разной мере: *упругость* преимущественно выступает с зависимым словом как свойство тела (*упругость* воздуха); ср. абсолютивное употребление слова

[6] Геси. (Реестр., с. 63): «в жидкость превратиться;» но еще САР отмечает *жидкость* лишь как «свойство жидкого тела».
[7] См. о них: Кутина. Физика. с. 92, 94—95, 118—119, 145—146, 157—158 и др.

прерывность: в природе нет нигде *прерывности* (Брянц. Вс. зак.). Небольшой перечень слов со значением физических свойств и явлений, в том числе на *-ость*, встречаем у Курганова (с. 352): Мы получили познание свойств, яко цвета, звука, вкуса, запаха, *плотности*, *редкости*[8], тепла, стужи, *мягкости*, *жидкости*, *твердости*, *крепости*, *упругости*, *тягости*, *легкости* и проч., образа, расстояния, движения, покоя, протяжения, пространства, количества, непроницания.

Показательны для развития существительных на *-ость* в XVIII в. образования от новых слов. *Независимость* (Гелт.) от нового в XVIII в. *независимый*, *нравственность*, *общежительность* (Срезн. *общежитель*, *-ство*; Тред. *общежительство* и *общежительность*, сл. 1847 г. то же, Пушк. только *-ость*), *основательность*, *отвлеченность* (Гейм), *относительность*, *предлежность*, *подлежность*, *предверженность*, *общественность*. *Принадлежность* — в прямом смысле Гесн. (с. 349): «*принадлежность к* разуму», САР; в XVIII в. в значении ‘атрибут’. *Существительность* — словообразовательная параллель к *существенность* ‘реальность, наличие (чего)’: Где пределы, там *существительность* твари (Зерц.); *умозрительность* — параллель к *умозрение*, *умозрительство*: Я не знаю ни единого такого сочинения, в коем бы совершенно изъяснено было то, что может касаться до *умозрительности* [т. е. теоретического рассмотрения] отрицательных количеств (Д'Аламб.), сл. 1847 г. «свойство умозрительного»; *умственность* ‘умственные способности, деятельность’; *чувствительность* (Срезн. *чувьствьный*; Гесн. Гелт.); *трогательность*. Менее определенно XVIII веком датируются мотивирующие слов *самопроизвольность*, *врожденность*, *действительность*, *недействительность*.

§ 2. ***-ство***. По числу новообразований в сфере отвлеченной лексики XVIII в. существительные на *-ство* не могут сравниться со словами на *-ость*. Дело не в том, что их мало в литературном языке — число слов на *-ство* также значительно. Однако если среди активно употребляющихся слов на *-ость* в XVIII в. подавляющее большинство составляют новообразования, то количество новых слов на *-ство* в наших примерах не превышает половины старых.

[8] Заметим, что и Курганов перечисляет термины в некотором противопоставлении обозначаемых ими физических свойств.

Такие не новые в исследуемый период слова обнаруживают дальнейшую специализацию (о некоторых из них см. в следующих главах): *действо*, *чувство*, *человечество*, *гражданство*, *домостроительство* (Частым посещением *домостроительство* лучши поведется. Назир., XVI в. ДРС), *единство*, *изящьство* (Срезн. *изящьство* от *изящьный* 'лучший'), *собство* 'свойство', *совершенство* (Срезн. *съвьршеньство* 'достоинство') и др. К числу новых (не ранее конца XVII — начала XVIII в.) слов можно отнести, например: *нравоучительство* — наряду с *нравоучение*, *нравоучительность*; *умозрительство* 'умственное, отвлеченное, рассмотрение чего' (наряду с *умозрение*, *умозрительность*, *теория*): В непрестанном размышлении, или *умозрительстве*, божественных вещей (Сист.), Тред.; *повсемство* 'всеобщность' (Тред.). Как возрождение старого слова можно рассматривать *общежительство* — у Срезневского еще только в значении 'общежительный монастырь'; словари первых десятилетий XVIII в. обнаруживают как бы забвение этого слова: Пол.— нет, Целл.— *общее жительство* (в реестре: *общежительство*), Гесн.— *общее жительство*, Гелт. и САР — в соотношении с *общежитие*.

-ние (*-ение*, *-ание*). Отглагольные существительные на *-ние* продуктивны в XVIII в., как и ранее [9]. В связи с давним распространением и легкостью образования слов на *-ние* точная датировка их также часто затруднительна. Если терминологические образования на *-ость* в большом числе относятся к новому времени (XVIII в.), то слова на *-ние* не имеют такой приуроченности. Как и слова на *-ость*, наименования на *-ние* могут быть неодинаковыми по времени образования. Рамки ранней истории многих слов раздвинуты; довольно многочисленной и в силу этого характерной является группа слов на *-ние*, о которых можно утверждать лишь, что в XVII в. они сравнительно редки и закрепляются в ученых контекстах в новое время. Это — *наблюдение* (Пол. и др.); *действование* — в ДРС единичный

[9] Л. Г. Свердлов. Отглагольные имена существительные на *-ние* (*-ение*), *-тие* в русском литературном языке XVIII в.— АКД. М., 1961; Р. П. Никитинская. Отвлеченные существительные с суффиксами *-ни-е*, *-ени-е*, *-ти-е* в литературном языке петровской эпохи. «Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та», 1962, Сб. трудов каф. русск. яз., лит-ры, и пед., вып. 5; Словообр. существ. и прил., с. 86 и сл.; Сорокин, с. 188, 209—214.

пример до XVIII в.; *воззрение*; *нравоучение*: всю целую беседу оную [преложихом] и со *нравоучением* и послахом к твоей честности (Курб.), ср. Срезн. *нравословие*, ДРС (XVII в.), Алекс., Кург. и др.

Во многих случаях потенциальная возможность более раннего бытования слов на *-ние* не исключена; нередко первые случаи употребления слова представляют лишь более или менее длительный период литературного упрочения слова: *представление*, *отвлечение*; *умозрение* и *умоначертание*; *народоустроение* (сложные слова). Среди новообразований на *-ние* имеется группа слов с глагольным суффиксом *-ова-*; *обществование* (Рад. ‘обобщение’; ср. Срезн. *общьствовати* ‘сообщаться’, САР с ограничительной пометой: «*Обществовати*. Сл. Участвовать»); *существование* (Срезн., ДРС — нет; САР «бытие, пребывание»; об общественном *существовании* человека. Мысл.); *умствование* — Гелт., САР «деяние того, кто умствует»; *чувствование* и *самочувствование*; *соучаствование* (при отсутствии или редкости * *участвование* — см. слова на *со-*); *предвержение*.

В сфере отвлеченной лексики XVIII в. остаются употребительными старые по типу существительные на *-ие*, дававшие также новые словарные единицы. Как правило, уже имеющиеся слова, попадая в научно-публицистические контексты, специализируются: *действие* (наряду с *действо* и *действование*), *общежитие* (в XV—XVII в. то же, что *общежительство* ‘монастырь, община’, в XVIII в. ‘общество’), *бесчеловечие*, *человеколюбие*, *чувствие*, *благополучие*, *благоденствие*, *благонравие* и др. Новые слова: *средоточие* (см. парное производство), *человечие* (редкое — Гелт.), *созвездие* (см. кальки), *словесносложие*, *вещесловие*, *веществословие* (сложные слова). *Самобытие* — обновление старого слова (см. *само-*); закрепляющееся в новое время *развитие*.

§ 3.-*тель*. В значении действующего лица в отвлеченной лексике XVIII в. наиболее распространены суффиксы *-тель* [10] и *-(н)ик*. В исследуемый период наблюдается рас-

[10] В. Л. Воронцова. Образование существительных с суффиксом *-тель* в древнерусском языке. «Труды Ин-та языкозн. АН СССР». т. 5. М., 1964; И. И. Кондакова. Об именах существительных с суффиксом *-тель* в русском литературном языке XVIII в. «Славянская филология», вып. 5. М., 1963; В. Н. Хохлачева. К истории отглагольного словообразования существительных

Гелт. и др.), *бесчеловечный*, *действенный* (Срезн., Вост., Алекс., Гесн., Гелт.), *изящный*, *личный*, *мысленный*, *существенный* (Срезн. *сущьствьный* ‘относящийся к существу, природе’, ‘настоящий, подлинный’, ‘истинный’ — см. выше *существенность* в XVIII в. как развитие и преобразование этих давних значений), *телесный*, *чувственный* (наряду с новым *чувствительный*).

Слова новые: *нравственный*, *общественный* (‘общий’ и со второй половины XVIII в. ‘относящийся к обществу’), *отвлеченный* ‘абстрактный’, *предверженный*, *подверженный*. *Отечественный* — Срезн., Пол. только *отеческий*; Гесн. в ряду: «Patrius, отеческий, отцовский, *отечественный*». Со второй половины XVIII в. слово выступает в значении ‘относящийся к отечеству, данной стране’. *Умственный* ‘относящийся к умственной деятельности, к сфере разума’ (Пол. *самоумственный*), *человечный*, *самобытный* и др. В XVIII в. получает закрепление *врожденный*; у Поликарпова оно представлено в прямом смысле ‘вкорененный, обсемененный’: «ingenitus, inseminatus, insitis»; так же Гесн. «ingenere, врождать»; Гелт.«врожденный, angebohren, innatius»[12], САР. В изучаемый период слово начинает выступать в современном смысле ‘данный, дарованный от природы’: *врожденные* понятия (Кар., Рад.), с сохранением еще глагольного осмысления слова (предложное дополнение): *врожденная* в человека к приобретению благополучия склонность (Полен.).

-тельн-. Активность этого суффикса приходится в значительной мере на XVIII в. По нашим материалам, новые слова на *-тельн-* в это время в пять раз превышают число употребительных старых (в кругу прилагательных на *-н-* лишь в 1,5 раза). Однако и здесь датировка некоторых слов оказывается приблизительной (вторая половина — конец XVII — начало XVIII в.), а возможность разновременного образования тождественных форм вероятной. Семантика слов на *-тельн-* зачастую имеет причастный, процессуальный характер, который лишь постепенно устраняется в ходе их окачествления и специализации[13]. Из слов не новых, разных по времени возникновения (XVI—XVII в.), но употребительных в исследуемый период, отметим *деятель-*

[2] Ср. другие старые однокоренные образования: «Естество, *прирожденье*» (Берында), *отрождение* ‘возрождение’ (Алекс.).

[13] И. С. Ильинская. К истории словарного состава русского литературного языка XIX в.— МИИРЛЯ, III, 1953.

ный: ВМЧ — ДРС; арифметика практика, или *деятельная* (Магн.), Коз., Гелт.; *нравоучительный* (ДРС — памятники XVI—XVII в.; сл. 1762, САР; Срезн. *нравоучьный*).

Новые слова в XVIII в.: *домостроительный* (САР; Пол. *домостройный*), *общежительный* (САР), *возносительный* 'относительный' (Пол.— как соответствие лат. relativus Гейм) и *относительный* (Гесн., Гелт., САР — всюду в прямом смысле 'относящийся к кому-чему'), *восходительный* 'синтетический' и *решительный* 'аналитический' (Коз.), *положительный* (уже Бужинский — у него же *полагательный*), *утвердительный* (Гесн., САР) и *отрицательный* (Гесн., САР), *существительный* (Пол. «*существительный*, substantivus», САР в сочетании «*существительное* имя»), *чувствительный* — уже у Кантемира: *чувствительная* некая отмена (Разг.), Гесн, Гелт.; *трогательный*, *предлежательный*, *наблюдательный*, *самостоятельный* и др. До XVIII в. редки *умозрительный* (единичный пример ДРС), *основательный*: *основательное* правило (ДРС — ВМЧ, Мусик. грам. 1681 г.), в XV в. *неосновательный* и *безосновательный действительный* (Пол., Пуф., Кант. и др.).

В отвлеченной лексике исследуемого периода представлены некоторые слова на *-щий*: новый композит *естествословствующие* (Тред.), старые *предлежащий* (и *предлежащее*), *подлежащий* (и *подлежащее*). Бессуффиксные образования: *естествослов* (наряду с *естествословец*), *переворот*, *предмет* и др. Примером субстантивации прилагательных служит слово *ученый*, которое встречается также в сочетании *ученые люди*: Педанты, по их мнению, суть профессоры и прочие *ученые люди* (Сум. Неспр. осн.). Но уже, например, в переписке Ломоносова 50—60-х годов слово выступает самостоятельно: О скончании Николая Наумовича сердечно болезную, затем что он любил *ученых* и меня в том числе (письмо Г. Ф. Миллеру, 7 мая 1754 г.), Еще уповаю, что вы не будете больше ободрять недоброхотов российским *ученым* (письмо Г. Н. Теплову, 30 января 1761 г.); так же у Тредиаковского: Я писал не для оказания *ученым* словесности [т. е. не для того, чтобы показать свое красноречие] (Феопт,); у Сумарокова: *Ученые* возвращают науки и людей просвещают (Ст.добр.); у Новикова: Ежели *ученый* не соединит оных трех предметов воедино .. (МЕИ).

§ 5. Отвлеченной лексике исследуемого периода (как и литературному языку в целом) свойственна словообра-

зовательная вариантность: распространено образование слов от одного корня с разными суффиксами — одинаковых или близких по смыслу. Понятие вариантности в специфическом понимании, сформулированном для XVIII — начала XIX в. (гл. II), приложимо и к данным единицам. Далеко не всегда наблюдаем семантическое тождество этих слов; в целом они сливаются и функционируют наравне с лексическими вариантами. Возникновение однокоренных слов с разными суффиксами объясняется общими причинами — прежде всего острой потребностью в специальных наименованиях [14] и широтой существовавшей литературной нормы. Соотношение указанных словообразовательных вариантов [15] в определенной мере отражает состояние словообразовательной системы языка того времени.

-ство — -ость

Примеры вариантности наименований с этими суффиксами особенно многочисленны. Но прежде можно указать случаи, когда на месте слов на *-ство*, употребительных в прошлом, находим однокоренные образования на *-ость* в новое время. Например, «Материалы» Срезневского в сравнении с новообразованиями XVIII в.: *неключимьство — неключимость*; *опытьство — опытность*; *разумъство — разумность*; *твьрдьство — твердость* [16]; *потребьство — потребность*; *общьство* (в значении ‘общность’) — *общность*; *свободьство — свободность* и др. Параллелизм слов на *-ство* и *-ость* в XVIII в. объясняется разными обстоятельствами: имеющиеся и новые образования на *-ство* подчас оказывались стилистически ограниченными; с другой стороны, некоторые неологизмы на *-ость* не были устойчивыми; наконец, слова на *-ство*, и *-ость* могли выступать как равноправные в языке XVIII в. в силу продуктивности обеих моде-

[14] Язык писателей XVIII в. показывает широкий круг применяющихся словообразовательных средств: см.; например: М. В. Федорова. Суффиксальные существительные в «Книге о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова.— АКД. М., 1953; Е. В. Авдошенко. Суффиксы имен существительных в языке сочинений М. В. Ломоносова. — АКД., М., 1954; А. Т. Кунгурова. Лексика комедий А. П. Сумарокова (Общелитературная книжная лексика). АКД. М., 1954.

[15] Данное явление применительно к XVIII в. обозначается по-разному: «словообразовательная синонимия, морфологический параллелизм, вариантность, дублетность и т. п.» (Э. В. Казанская. Суффиксальная синонимия имен существительных в языке научной прозы М. В. Ломоносова.— АКД. Казань, 1968, с. 3).

[16] При таких исторических сопоставлениях (это, естественно, не варианты в собственном смысле) сталкиваемся с семантическими различиями слов; так, неодинаковы по значению старое *твьрдьство* ‘твердь небесная’ и новое *твердость* ‘свойство твердого тела’, *неключимьство* ‘негодность’— *неключимость* ‘инерция’ и др.

лей, и лишь со временем одно наименование вытесняло другое. Перечислим некоторые пары и ряды, вариантное соотношение которых выявляется в изучаемый период. *Общежитие — общежительство — общежительность.* У Тредиаковского (Рим. ист.) эти слова имеют определенное (правда, тонкое) смысловое различие. Например: Всякое повреждение *общежительству* есть разорительно — называет словесность нашу связанием *общежительности*; в сл. 1847 г.— оба слова, причем *-ство* с пометой «церк[овное]»: «*Общежительность.* Качество общежительного» [17], «*Общежительство.* Церк. Совокупное пребывание». *Нравоучение — нравоучительство — нравоучительность; умозрительство — умозрительность; основательство* (первая треть XVIII в.)— *основательность; существо — сущность; содружие* (старое, в XVIII в. редко) — *содружество — содружность* (Тред.: член гражданского *содружества* — во всякой *содружности*, или обществе); *домостройство* (XVII в.) — *домостроительство — домостройность* (Кург.); *изящество — изящность; неравенство — неравность; человечество — человечность* (XIX в.).

-ость — -ние

Предвержность — предвержение (оба слова употребляются соотносительно у Тредиаковского): *подложение* (Варен.) — *подлежность* (Тред.,); *самопроизволение — самопроизвольность* (оба Гелт.); *предуверенность — предуверение.*

-ство — -ние

Благосостояние — благосостоятельство; народоправительство (Лепехин) — *народоуправление* (САР); *совершенство — совершение* (САР ‘выполнение’) [18].

-ие — -ство.

Соответствия этого рода наблюдаются в основном у слов давнего происхождения: *человеколюбие — человеколюбство* (Пол.); *общежитие — общежительство* (в словарях их соотношение обычно, Гелт.: «Общежитие, vid. общежительство»); *благоденствие — благоденство* (оба САР); *благосостоятельство* (Проект АН 1724) — *благосостояние* [19].

-ие — -ость; -ие — -ние

Бесчеловечие — бесчеловечность; соучастие — соучаствование.

-тель — -ник; -тель — -ащ/-ящ; ущ-/-ющ; -тель — ец

Соучастник — соучаствователь (САР) «*Соучастник.* То же, что *соучаствователь*....»); *именовник — именователь; рассудитель — рассуждающий; земледелатель — земледелец* [20]

-н-, — -тельн-

Домостройный (XVII в., Пол.) — *домостроительный; вознесный — вознесительный* (оба Тред.); *восходный* (Пол.) — *восходительный* (Коз.); *отвлеченный — отвлечительный* (Гелт.: «*отвлечительное* слово»); *чувственный — чувствительный; нераздельный — неразделительный* (Гелт.).

-ащ-/-ящ-, -ущ/-ющ- — -тельн-; -н- — -им-/-ем; -им- — ящ-

---

[17] Толкование здесь стереотипное (см. выше) и не отражает всех свойств слова в литературе.

[18] В историческом плане *испытьство* (Срезн.)— *испытание.*

[19] *Подобьство* (Срезн.)— *подобие.*

[20] *Испытьник* (Срезн.)— *испытатель; расудник* (Срезн.)— *рассуждатель.*

Предлежащий — предлежательный (Брянц.); *подлежащий — подлежательный*; *нераздельный — неразделимый*; *неразделяемый*; *независимый* (и *независимость* — Гелт.) — *независящий* (Геси.: «Municipalis, вольный, ни от кого *не зависящий*»; САР только *зависимый, зависимость*).

В примерах отчасти представлены внутрисловные словообразовательные и морфологические различия, которые могут быть свойственны вариантам. См.: *разрешительность* (Тред.) — *разрешимость* (Фонвиз.), *существенность — существительность*, *домостройность — домостроительство*, *соучастник — соучаствователь*, *рассуждатель — рассудитель* и др.

Субстантивные образования на *-ое*

§ 6. Ученая литература XVIII в. явилась сферой развития одного из примечательных видов отвлеченных наименований — субстантивированных прилагательных среднего рода на *-ое*[21]. Число их на протяжении XVIII в. возрастает, в 20—40-е годы XIX в. эти формы весьма характерны для отвлеченного, книжного словоупотребления. Образования на *-ое* чаще всего не входят в состав языка как постоянные лексемы и служат средством выражения определенного смысла. Этим объясняется отсутствие их, за редким исключением, в словарях. Образования на *-ое* имеют давнюю историю и нередко встречаются в древнерусских текстах, особенно славянокнижного характера (в ед. и мн. ч.). В «Материалах» Срезневского отмечены, например, *мышленое* ‘предположение’[22], *самобытьное*, *словесьное*, *внутренняя* (контекст с характерным противопоставлением: Не зри *внешняя* моя, но зри *внутреная*. Дан. Зат., сп. XVI—XVII в.)[23], *зретельное*, *деятельное* (ДРС) и т. д; такие формы (прилагательные, причастия) приводит Поликарпов: *внутренняя*, *случающаяся*, *суще-* и др. В новое время они употребительны у Тредиаковского, Теплова, Козельского, Новикова, в речах профессоров Московского университета и т. д. Формы на *-ое*

[21] «Субстантиваты», по имеющейся терминологии (В. В. Лопатин. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, с. 205); И. Ф. Протченко. Прилагательные — субстантиваты в роли названий лиц.— Сб. «Памяти академика В. В. Виноградова». М., 1971.

[22] В XIX в. *мысленное* (см. ниже) с иным значением ‘воображаемое, умственное’.

[23] САР (I,с. 562): «*Внутреннее. Внутренняя*, мн. прил[агательное] в виде имени...»

часто соотносятся по смыслу с существительными на *-ость*. Часть образований на *-ое* в XVIII в. основывается на имеющихся уже словах — *бесконечное*, *безначальное*: Бесконечность постижима только единому *безначальному* и *бесконечному* (МЕИ), Тред., изложение разумных понятий о безусловном (absolutum) и *бесконечном* (Якоб), принял за *бесконечное* воздух (ВЕ, 1818); *целое*; *случайное*: *Случайное* есть то, что иначе быть может (Коз. Фил. предл.), Тепл., Тред.; *возможное*, *невозможное*: Таким же образом *возможное* и *невозможное*, *нужное* и *случайное* истолковано (Тепл.), Тред., Баум.; *противное*, *подобное*, *чувственное*: В одном месте *подобное* с *подобным*, в другом *противное* с *противным* сопрягается; когда *чувственное* познается из *чувственного* ж (Брянц. Св. вещ.), сл. 1762 г. *движимое* [24]. У Тредиаковского в «Слове о премудрости» встречаются еще следующие слова: — *простое*, *сложное*, *полное*, *неполное*, *истинное*, *ложное*, *вероятное*, *благое*, *злое*, *несбыточное*; аналогичные образования от причастий: *зависящее*, *пребывающее*, *преходящее*, *причиняемое*, *правимое*, *неподчиненное* и др.

Другие наименования на *-ое* образованы от слов новых — *самозрительное*, *умствовательное*: что именуется рассуждение, сие есть или **самозрительное*, или ***умствовательное* (Тред. Сл. прем., поясн.: *intuitivum, **discursivum) [25]; от заимствований *натуральное*: *Натуральное* называется то, что из силы и существа какой вещи разуметь и истолковать можно (Коз. Фил. предл.). От слов, до XVIII в. нечастых, *необходимое*: *Необходимое* есть то, без чего быть не можно или что иначе быть не может (Коз. Фил. предл.), Тред.; *Необходимое* есть то, противное коему есть невозможно (Снелль); *означаемое* [26]: Здесь знак, там *означаемое* (Брянц. Св. вещ.). Среди слов на *-ое* есть прямые кальки в основном от греческих и латинских имен и причастий среднего рода. Старые: *предлежащее* ‘предыдущее, о чем шла речь’ (в контекстах типа: ныне же несть время, нъ на *предълежащее* възвратимся.— Срезн. Соф. I лет., сп. XV в.) и *подлежащее*: подобает

[24] Пол.: *движимый*, mobilis.

[25] Ср. ДРС *самозритель* в знач. ‘очевидец’; Аз. бо... всему тому *самозритель* (Посл. из пуст. Фед. Ив., 1666 г.); *самозрительно* ‘очевидно’, *самозрение* ‘свидетельство, очевидность’ (примеры первой трети XVIII в.).

[26] САР — только *означенный*.

же ведети, яко *подлежащее* на двое члться (ВМЧ. — ДРС). Новые: *неразделимое*, *нераздельное*, *неделимое*, *несекомое* ‘атом’, *толстое* ‘масса’ (от лат. solidum — *солид*), *присвояемое* ‘аттрибут’, *основанное*: *Основанное* (principiatum) есть то, что зависит от другого, например, день, происходящий от солнечного сияния, есть *основанное* (Коз. Фил. предл.).

В 20—40-е годы XIX в. в литературе, особенно журналистике возникает много новых единиц на *-ое*. Они представлены в журналах «Московский вестник», «Мнемозина» и других, в статьях «Энциклопедического лексикона» Плюшара. Как и ранее, они могут образовываться от слов новых, но чаще от существующих слов, у которых развились отвлеченные значения. Прил. *безусловный*, выступавшее в качестве одного из средств выражения понятия ‘абсолютный’, получает дальнейшую специализацию. На основе этих свойств слова и образуется субстантивная форма. Например, *безусловное* представлено в тексте «Опыта философского словаря» Галича: Заключать из данных условных вещей о *безусловном*; в философских «Афоризмах» В. Одоевского: разрешение [вопроса] может быть выведено только из идеи *безусловного* (Мн., 1824). Таким же путем образуются другие слова на *-ое*. *Нравственное*: отношение *нравственного* к физическому (ВЕ, 1818); *мысленное* (ср. выше др.-русск. *мышленое*): двойственность *мысленного* и вещественного (Гал.); *внешнее*. Степень употребительности образований на *-ое* этого времени также неодинакова. Употребительными являются слова, передающие существенные в ученой литературе понятия; часто же наименования возникают из потребностей контекста.

Приведем еще примеры слов на *-ое*. *Конечное* (см. выше *бесконечное*): Каким образом общее воображается в особенное, бесконечное в *конечное* (Гал.); *вечное*; *возможное*: *возможное* в значении логическом все то, что вообще мы представляем себе в мыслях без противоречия (ЭЛ, XI); *положительное*; *вещественное*: Предмет [истории] — природа (необходимое, *вещественное*) (МВ, 1827); *действительное*; *существенное*; *реальное*; *объективное*; *практическое*. В этот период (первые десятилетия XIX в.) встречаются еще слова на *-ое*: *внутреннее*, *идеальное*, *интеллектуальное*, *материальное*, *моральное*, *отвлеченное*, *относительное*, *самобытное*, *физическое*, *формальное*, *чистое*,

эмпирическое и др. Подобные образования остаются употребительными в философской и отвлеченно-книжной речи в последующее время. Однако постепенно они проникают и в общелитературный обиход и теряют узкоспециальный характер. Таковы, например, встречающиеся в языке Герцена выражения: *новое*, *старое*, *далекое*, *близкое* и др. [27]

Слова с приставкой *со-*

§ 7. Слова с приставкой *со-*, обозначающие совокупность предметов и совместность действия, состояния- также примечательны в ученой и публицистической ли, тературе XVIII в. Они давнего происхождения в русском языке; в «Материа чах» Срезневского (III, с. 639—870) и ДРС представлено большое число слов на *со-*, их отмечает и САР (VI, с. 300—416): *собеседовать*, *совозводить*, *совоспитанник* и др. Многие слова этого рода имеют в САР помету сл[авенское]», указывающую на их происхождение или принадлежность к сугубо книжной и славянокнижной сфере (*совводить*, *соводворятися*, *совозвышать*, *совоздыхать*, *совозлежати*, *совозрастати* и др.). Слова с *со-* зачастую суффиксально-префиксального образования с суффиксами *-(н)ие*, *-ство* и др. [28] В XVIII в. получают развитие и специализацию некоторые старые слова с *со-*: *сожитель*, *сожительство* (Срезн. *съжитель*, *-тие*; ДРС, XV—XVII вв.); *содружество* (ДРС, XV—XVII вв.; Срезн. *съдружие*) и др. Новообразования с *со-* наблюдаются в основном среди лексики социального содержания. Это слова, означающие членов (гражданского) общества, участников чего-либо и т. д.: *согражданин*; *сочлен* [29]: *сочлены* общества (Барск.); *соотечественник* (суффиксально-префиксальное новообразование — не обязательно от *отечественник*) и *соотчич* (от старого *отьчичь*, Срезн. «наследник отцовского владения»), САР в новом значении «то же, что соотечественник», например: благоразумнейшие из наших *соотчичей* (УС, 1780); *сочеловек* (Нов., Кар., Рад.).

Другая группа слов — наименования общества, коллектива: *сообщество* (Срезн. только *съобьщьник*); *сотовари-*

[27] Мищенко, с. 254—257.
[28] Словообр. существ. и прил., с. 131—132; Словообр. глаг., с. 65—67.
[29] Пол. *сочленение*, *сочленяю*.

щество (САР при толковании слова *сообщество*); *соклевретство* (лишенный в это время экспрессивных оттенков неологизм Тредиаковского): [Слово] сопрягает их [человеков] естественным некоторым *соклевретством* (Рим. ист., VI)— от встречающегося в первые десятилетия XVIII в. *клевретство* 'общество, товарищество'. Тяготеют к индивидуальному словоупотреблению Карамзина слова *соустроение*, *событствующие* [30]; Радищева (О чел.) *соучаствование* как 'сочувствие, участие в чем': сие *соучаствование* человеку толико *сосущественно* (так же ПЖ, 1789); *согрудиться*; *собратный* от *брат*: [личность], отличающаяся от всех других *собратных* мне существ. Некоторые образования с *со-* структурно соответствуют лат. и франц. словам с con-: *созвездие* — лат. constellatio, франц. constellation; *сосредоточить* от *средоточие* — франц. concentrer (см. кальки).

Слова с первой частью *благо-*

§ 8. Помимо указанных суффиксально-аффиксальных образований, в кругу отвлеченной лексики употребительны сложные слова с первой частью *благо-*, *само-* и др. Слова этого рода известны издавна; например, в сл. Поликарпова приведено свыше 350 наименований с *благо-*. В ученой литературе исследуемого периода слова с *благо-* используются прежде всего при обозначении социального состояния, устроения общества и связанных с этим явлений. Это в основном слова старые, но употребительные в XVIII в.; мотивирующие основы в них зачастую уже не выявляются определенно. *Благополучие* (Срезн., Вост.); *благоденствие* (Срезн. *благодьньство*), Пол. и др.; САР: *благоденствие* и *благоденство*. *Благонравие* (Срезн., Пол.— нет [31], сл. 1762 г., Гесн., Гелт.), например: чтоб разными способами... взводить их [детей] к *благонравию* (Кант. Сат. VII, прим.). В XVIII в. слово употребляется наряду с *добронравие* (*добронравный*), распространенными и ранее

[30] Виноградов. Пробл. авт., с. 299—300. Ср. *сопребывающий* еще в «Сокращении математическом»: Протяжение света, * спутствующее [в примеч.: * *сопребывающее*] наичасто кометам (О кометах).

[31] Отсутствие некоторых подобных слов в словаре Поликарпова объясняется, возможно, тем, что автор перечислял их не полностью (см. его замечание: «*благополучие* и п р о ч а я, зри благоденствие».— Разрядка моя.— *В. В.*).

(в САР *благонравие* толкуется через *добронравие*, но не наоборот).

Новым в этой группе является слово *благосостояние*. Его становление связано с эволюцией слова *состояние*, его специализацией. Слово *благосостояние* непосредственно указывает хорошее, благополучное состояние человек, общества. Старое *благостояние* (Срезн. 'благосостояние') в XVIII в. относится лишь к состоянию, положению вещей (Пол.: «благосостояние, bona constantia», САР дает слово с пометой «сл[авенское]» и толкованием: «твердое, непоколебимое пребывание»); в сфере социального словоупотребления XVIII в. оно не представлено. Как словообразовательный вариант отмечается *благосостоятельство* (Проект АН 1724).

Слова с первой частью *само-*

§ 9. Образования с *само-* также давнего происхождения; многие из них сложились по образцу греческих слов на αυτο — . Немало таких слов разных частей речи отмечено у Срезневского (III с. 245—253): *самовещь*, *самовидец*, *самовольно*, *само*, *мышление*, *самоподвижный и др.*; у Поликарпова: *самодействительный* (ἀυτοενεργητικός), *самосовершенность* (ἀυτοτελεια) и др. Большинство их служит наименованием активного действия, деятеля, состояния лица, вещи. В отвлеченной лексике XVIII в. данный тип наименований получает развитие. Потребность в номинации приводила к примечательному для слов с *само-* явлению — обновлению некоторых старых слов (в основном славянокнижного характера). Прямой преемственности между старым и новым употреблением слов в таких случаях могло и не быть. Смысловая специализация слов в XVIII в. облегчалась относительной смысловой прозрачностью, членимостью их компонентов.

Самобытный. Срезн. (III, с. 246) «сам собою существующий»; пример начала XVIII в.: безначалну быти миру и *самобытну* (Магн.). До XVIII в. слово представлено в следующих типовых, употребительных и позднее контекстах: что есть существо? существо есть вещь *самобытная*, ничегосож требующая к своему составлению (Пос. Елч., 1640 г. ДРС). В литературе второй половины XVIII в. слово распространяется часто в соотношении с лат.

substantivus, франц. substance (Гесн. «substantivus, *самобытный*»; Нов. лекс. «Substance... *самобытная* вещь»). САР (VI, с. 16) приводит слово *самобытный* еще с пометой «сл[авенское]». В словаре Татищева слово substance дано с пометой «филос[офское]» и переводом: «существо само собою состоящее, *самобытное*»; близкий пример в переводе Снелля: «Существо, ни от какого другого не происходящее, ..называется *самобытным*». В 30—40-е годы XIX в. слово выходит за пределы собственно философского употребления, приобретая значение 'оригинальный, своеобразный'. Во второй половине XVIII— начале XIX в. в кругу наименований со значением 'субстанция' фигурирует также существ. *самобытность* (сл. Тат.: «*самобытность*, существо само собою состоящее...»). В первые десятилетия XIX в. это слово выступает при указании на самостоятельный, сохраняющий свои существенные свойства характер чего-либо, в естественной и общественной области. Например: *самобытность* [организма] (ЭЛ, XI); время русской литературной *самобытности* (МТ, 1832).

Самобытие появляется в сфере отвлеченной лексики второй половины XVIII в. в ряду наименований субстанции. Слово известно издавна (Срезн. III, с. 245—246; ДРС). В новое время слово существенно меняет свойства: от старого 'существование' в результате смысловой модификации компонентов к 'субстанция, существо независимое в своих свойствах' в литературе XVIII — начала XIX в. Слово не фиксируется словарями изучаемого периода (лишь Нов. лекс.: «Substance... *Самобытие*...») и в первые десятилетия XIX в. сохраняет специфичность и новизну.

Самосущный в первые десятилетия XIX в. 'оригинальный, самостоятельный': *самосущные вещи* (Гал.; у него же в сочетании: *своесущная* вещь), богатая, *самосущная* мысль (МТ, 1832); ср. старые *самосущие* и *самосущьство* (Срезн. 'существо, само от себя получающее жизнь').

Другие слова с *само-* являются новыми в изучаемый период, лишь отдельные примеры их могут встречаться ранее. *Самостоятельный* с середины XVIII в. выступает в значении 'абсолютный, независимый в своих свойствах': Постигаем свойства и совершенства * *самостоятельные* [в сноске:* absoluta] и ** возносительные [relativa] (Тред. Сл. прем.). В сочетании с *вещь*, *существо*, *сущность* слово употребляется в ряду наименований субстанции:

сущность *самостоятельная* (Тред.), вещь *самостоятельная* (Гал.), существо *самостоятельное* (Тат.; ВЕ, 1823); *самопроизвольный*, *самозрительное* и др. Дальнейшая эволюция рассматриваемого типа слов отмечена сближением их с немецкими сложными словами отвлеченного содержания с Selbst-. В частности, первый компонент *само-* начинает в большей степени и чаще указывать не просто субъектную активность, а объект действия. Однако результатом этого являлись не слова с полным таким значением и не чистые кальки (их было сравнительно немного, см. ниже *самопознание*), а своеобразная контаминация старых и новых значений. С конца XVIII в. в литературе появляется все больше таких смешанных по семантике и происхождению слов. Наличие для многих из них точных иноязычных соответствий придает им характер ка́лек и полука́лек, хотя зачастую таковыми они по существу не являются.

Новые слова с *само-* формируются по аналогии, в силу действия указанной модели. Например у Радищева *самонедоверение*, *самоодобрение*; у Карамзина *самочувствование*: предмет, постигаемый которым-нибудь из наших чувств, суть прибавления... нашего *самочувствования* (Selbstgefühles) (ПРП, III). Часты слова на *само-* в словоупотреблении первых десятилетий XIX в. и особенно 30—40-х годов (*самоощущение*, *самосознание*). Из слов с *само-*, употреблявшихся в XVIII— первых десятилетиях XIX в., часть сохранилась в дальнейшем (*самопознание*, *самосознание*, *самобытность* и др.), употребление других со временем сократилось или они вовсе утратились вместе с обозначаемыми понятиями (*самоощущение*, *самосущный* и др.). Однако в целом этот тип наименований остается употребительным в XVIII—XIX вв. [32]

Сочетания с *сам*, *себе*, *себя* и др.

§ 10. Для отвлеченной лексики первых десятилетий XIX в. весьма примечательны сочетания со словом *сам* и косвенными формами местоимений *себе*, *себя* и т. д., без предлогов и особенно с предлогами: *сам собой*, *себя*, *собою*, (*сам*) *по себе*, (*сам*) *в себе*, *в самих себе* и т. д. С на-

[32] Мищенко, с. 251, см. также: Г р о т. Слов. Макар., с. 228; Земская, с. 35—37; Сорокин, с. 302, 491 и др.

чала XIX в. они соотносятся с немецкими конструкциями типа an sich, für sich и т. д. Однако эти выражения, вызывавшие в 30—40-е годы XIX в. острую лингвистическую полемику [33], имеют в русском литературно-книжном языке XVIII в. некоторую собственную предысторию и отнюдь не привносятся исключительно извне. Беспредложные выражения с указанными словами встречаем еще у А. Кантемира и Тредиаковского. Несомненно, что уже тогда подобные сочетания выделяются, обозначая самостоятельный, самодовлеющий характер чего-либо: *Собою* ли... бывает движение небесных тел (Кант. Письм. Горац., прим.); [Атеисты] говорят, что весь свет сделался *сам собою* и движется такожде, и *от себя самого* начало имеет (Кант. Сат. V, прим., 1-я ред.); Добро и зло человеческие не имеют сущности самостоятельной, то есть *о себе и собою* состоящей (Тред. Рим. ист., XII), такие примеры часты также в «Феоптии» Тредиаковского: мир сей есть необходимый и, следовательно, как состоит *от себя*, так и не требовал он причины; движение вещей делается *собою* по правилам необходимым. В сущности эти сочетания не отличаются принципиально от позднейших в литературе конца XVIII — начала XIX в. применительно к познанию, самопознанию, развитию явлений и т. д.: силы, ...*себя самою* познающей (Рад. О чел.), когда мы ясно различаем *самих себя* от других вещей (Снелль), законы,..какие разум дает *сам себе* (Гал.).

В конце XVIII в. на базе существующих появляются новые, семантически более сложные конструкции. Обороты с *по* у Радищева (О чел.) обозначают независимые в своих свойствах явления, силы: Бытие вещей независимо от силы познания о них и существует *по себе*; как хочешь ты, чтоб я почел душу твою... веществом особым и *самим по себе*. Обороты с *сам* при определении вещи, существа особенно распространены; см. в конце XVIII в. с предлогом *в*: Вещи *в себе* (ПТ), препятствия не непреодолимые *в самих себе* (Д' Аламб.). Рассматриваемые обороты выступают при указании отдельно взятого явления: Греческая жизнь, рассматриваемая *в самой себе* (МВ, 1827); у Новикова встречаем сочетания *вне себя* (вещь *вне себя*), *для себя* (УС, 1777). Однако многие выражения этого рода

[33] Белинск., II, с. 461—465; Он же. Русская литература в 1840 г. (IV, с. 437—439).

в философско-публицистическом языке 20—40-х годов XIX в. отличались чрезвычайной замысловатостью и усложненностью, они относились к прямым (фразеологическим) калькам [34].

Характерно для отвлеченной лексики первой трети XIX в. употребление местоимения *я* в роли существительного в морфологически неизменяемой форме с определениями для обозначения субъектного начала, личности (особенно в 20-е годы XIX в.). В изучаемый период оно представлено главным образом рядом примеров у Радищева: Человек настоящий, *я* настоящее, *я* отличающееся от всех других собратных мне существ, не есть то *я*, что было (О чел.); такие же примеры находим в литературе первой трети XIX в.: Сие мыслящее существо есть наша душа... наше *я* (Снелль); отдельное эмпирическое *я* (Галич); Теперь ум видел ясно, что все его окружающее совершенно другое, различное от его познающего *я* (МВ, 1829); Замечания о *я* и не *я* человеческом (МТ, 1828); Якушк.

КАЛЬКИ

§ 11. Калькирование в теоретическом плане трактуется не всегда достаточно четко. Это обнаруживается, в частности, в употреблении (неразграничении и подчас смешении) терминов —«калька» (семантическая и словообразовательная), «заимствование», «перевод» и т. д. Прежде всего необходимо выделить главный признак, принимаемый за основу в кальке (букв. 'копия, сколок'): это перевод. Однако в отличие от перевода вообще как смысловой передачи иноязычного слова и заимствования как звукового (буквенного) воспроизведения его, калька — перевод структурных частей иноязычного слова. Признак структурного (не только смыслового) подобия отличает кальку от других смежных явлений. В. В. Виноградов применяет этот термин (понятие), характеризуя именно структуру, состав слов: «буквальный перевод морфологических элементов иноязычного слова», «точная съемка морфемы за морфемой» [35]. Поэтому кальку целесообразно считать понятием прежде всего структурного порядка, а сам термин

[34] В «Московском вестнике» (1829, № 3) один из переводов, содержащий такие выражения, сопровождается замечанием редакции о «варварской терминологии» статьи.

[35] Виноградов, с. 162.

ограничить кругом тех единиц, которые обычно называются «словообразовательными» кальками.

Сказанное нуждается, однако, в некотором уточнении. Следует ли представлять себе кальку как буквальную передачу, эквивалентность частей слов; например, франц. súbdivision и *подразделение* как sub- (*под-*), divis- (*-раздел-*), -ion (*-ение*)? Простая подстановка примеров показывает, что далеко не всегда существует полное тождество состава слов, да и жесткого соотношения русских и иноязычных морфем (при складывающемся, конечно, в языковой и переводческой практике постоянства взаимозамещения) не наблюдается. Понятие кальки включает возможность определенных вариаций в структурно-семантическом воспроизведении оригинала. Калька предстает, таким образом, как передача (перевод) структурно-смыслового комплекса слова в целом. Поэтому, например, словообразовательные варианты *предлежащий* и *предлежательный* (от лат. objectus), *нераздельный* (*нераздельное*) и *неразделимый* (*неразделимое*)— от лат. individuus (-um) более или менее равноправны по отношению к оригиналу. Это заставляет поставить вопрос о подразделении явлений, относящихся вообще к калькам, например, слова со значением 'предмет, объект': *предлежность*, *подлежность*, *предверженность*, *предвержение* и т. д. наряду с собственно калькой *предлежащее*; *данность* рядом с *данное*, *предуверенность* сравнительно с *предуверение* и др.

Специфичность образования — непременный признак словообразовательной кальки; в противном случае это понятие теряет определенность, а круг ка́лек чрезвычайно расширяется. В то же время калька вовсе не обязательно необычна по форме. При калькировании используются исключительно наличные в данном языке средства. Существо кальки создает прежде всего безусловное наличие иноязычного импульса в образовании слова, предпочтительность или закрепление в данном случае той или иной словообразовательной модели, определенная комбинация морфем и т. д. Легче всего выявляются кальки префиксальные и сложные слова, они составляют основную массу ка́лек. Что касается слов, состоящих из корня и суффикса, причисление их к калькам, даже при очевидной соотносительности с иноязычным материалом, часто затруднительно. Например, слово *вещность* в своем возникновении и употреблении соотносительно с франц.

réalité. Однако видеть в слове *вещность* словообразовательную кальку французского термина по существу нет оснований, если учесть распространенность и обычность в XVIII в. слов с корнем *-вещ-* и суффиксом *-ость*.

§ 12. Наиболее явные, классические кальки XVIII в.— адъективные (отчасти причастные) субстантивированные образования на *-ое* (*-ее*). Чаще всего они ориентированы на соответствующие формы латинских и французских слов. Примером может служить слово *данное* (лат. существ. среднего рода datum, мн. ч. data; франц. la donnée), часто во мн. ч. *данные*. Распространение эта калька получает в научно-публицистической литературе первых десятилетий XIX в., в XVIII в. встречаем первые ее примеры: Сим образом будем иметь то, что математики по-своему *данное* называют (Бург.); Гелт.: «*данное*, der Grundbrief» (статья *даю*). Примеры слова в 20-е годы XIX в. ‘факт, сведения’: *Данные* внешние и содержимые (des données extérieures...)— МТ, 1826; Сумма *данных* (data) в ней [книге] невелика (там же, 1827). В изучаемый период наблюдается прилагательное причастного происхождения *данный* (франц. donée) в значении ‘определенный, известный’: дел, соседних или пограничных в *данной* материи (Тред. Фил. Бак., в ориг.: à la matière donnée). В журналистике 20—30-х годов XIX в.: Способ переходить правильно от одной *данной* истины к другой (МВ, 1827); в сл. Кирилова при толковании слова *конкретный* в ряду с *определенный*: «*Конкретный. Данный, определенный*». В это же время в значениях ‘факт, сведения’ и ‘определенный, известный’ выступают слова *известное* и *известный*: Полагаю, что *известные*, données, суть у меня названия всех органов (МВ, 1829), в *известном* (donné) состоянии их образования (МТ, 1827).

В форме на *-ое* представлено наименование атома *несекомое* (лат. atomum — Corrad., I, с. 371), оно же в качестве прилагательного *несекомый* (греч. ἄτομος, лат. atomus). Например: *Несекомая* суть твердая телесца без всяких скважней (Варен.); в трактате «О изобретателях вещей» встречаем *атом*, заменяемый в позднейшем переводе калькой *несекомые*: Плоть нарицает быти *атомы* (1720)— Телом поставляет он *несекомые* (1782) [36]; в слова-

[36] Эта форма оказалась омонимичной с другой в значении ‘насекомое’; например, в сл. Нордстета: «*Несекомые* (Insekten, des insectes)».

рях чаще приводится прил. *несекомый* — САР: «Атом. Греч. Собственно значащее *несекомый*, неразделимый». К этой же группе относятся встречающиеся во второй половине XVIII — начале XIX в. кальки *нераздельное*, *неразделимое*, *неделимое* (лат. individuum)— гл. II; старые *предлежащее* (лат. objectum), *подлежащее* (лат. sublectum); *толстое* 'массивное тело' (лат. solidum) и др. Кальки на *-ое* появляются в кругу распространяющихся в XVIII в. субстантивированных прилагательных на *-ое* (см. выше).

§ 13. В качестве примера сложного слова может служить калька XVIII в. *самопознание*. В январской книжке «Ежемесячных сочинений» (1763) слово неоднократно встречается в статье «О самопознании», переведенной из журнала «Die Welt»: Чрез сие до намерения своего я еще не достигнул, которое меня приводило к *самопознанию*. Слово известно в среде масонства, где оно связывалось с нравственным самосовершенством: Устремляет взор свой в малый мир... и приближается к *самопознанию* и нравственным совершенствам (ПТ); у Радищева в значении 'владение чувствами, разумом': Чтобы человек стал лишен чувствования, *самопознания* (О чел.). Одновременно используется выражение *познание самого себя*, как бы расчлененно представляющее тот же смысл. Чаще, чем *самопознание*, это выражение встречается в указанной статье из «Die Welt»: Потом сносил я действия мои с их действиями и отведывал, не дойду ли я чрез то до некоторого *познания самого себя* и желаний моих; Многие науку *познания самих себя* не почитают за нужную и требующую великого прилежания (УС, 1777 — курсив автора). Употребляется это выражение среди иллюстраций САР (IV, с. 1382): «Познание... *Познание самого себя* есть наука труднейшая»; в сл. 1847 г. (IV, с. 90) слово *самопознание* введено в реестр и толкуется с помощью выражения *познание самого себя*.

В своем образовании композит *самопознание* и его эквивалент *познание самого себя* ориентированы на нем. Selbsterkenntniß. Совпадает смысловое соотношение частей слов: первая часть означает объект, на который направлено действие, и в этом отношении слово выделяется из ряда обычных в русском языке слов на *само-*. Смысловая структура их до XVIII в. (см. обширный перечень — Срезн., III, с. 245—254; ДРС) чаще всего иная —'делающий что-либо, имеющий свойство сам, от себя': *самозрение*,

самодоволие, *самовластие*, *самодейство*, *самодвижество* и т. д. Со значением 'сам себя' имеется сравнительно мало образований; в ДРС: *саможжение*, *самопогубление* и др.; в сл. Поликарпова из 57 единиц на *само-* со значением 'сам себя' всего несколько; в САР, по нашим наблюдениям, также единичные примеры. Между тем немецкие композиты на Selbst- в основном имеют именно объектную смысловую структуру: «Selbsterkenntniß, richtig von sich selbst zu urtheilen» [37], так же Selbsterhaltung, Selbsthülfe, Selbstgefühl и др. Отвлеченные термины на *само-* получают широкое распространение в 30—40-е годы XIX в., но характер их к этому времени меняется (см. выше).

§ 14. Наиболее многочисленную и вместе с тем пеструю группу составляют префиксальные кальки, среди которых находим прилагательные, существительные, глаголы. Типичный пример — слова со значением 'сверхестественный', обнаруживающие в XVIII в. довольно широкую вариантность. Ориентированные на лат. supernaturalis, франц. surnaturel (нем. übernatürlich), слова этого рода используют разные приставки: *пре-*, *чрез-*, *выше-сверх-*, адъективные основы: *-естественный* (чаще), *-натуральный*. В XVIII в. употребительно старое *преестественный* (Срезн.), отмечаемое словарями. См., например: Большая часть умных и грамотных людей признавали, что в них [лесах] ничего *преестественного* не находилося (Кант. Письм. Горац.); бешенство его *преестественно* (Фонвиз. Сидн.); Тред., Сум. В этом же смысле выступают новые образования с *выше-*: *вышетелесный* (Ф. Прок.), чего из силы и существа вещи разуметь и изъяснить не можно, то называется *вышенатуральное*, *вышеестественное* (Коз. Фил. предл.) [38], Тред. и др.; с *чрез-*: «Surnaturel. *Чрезъестественный*, что натуру, природу превосходит» (Нов. лекс.), О приключениях естественных, *чрезъестественных* (Эйл., огл.).

Эти выражения употребляются как варианты вплоть до начала XIX в. Однако с конца XVIII в. они постепенно вытесняются словом *сверхестественный* (*сверхнатуральный*). Скорее других отпадает *преестественный* — в САР лишь церковнокнижные примеры, словарь 1847 г. дает слово с пометой «церк[овное]»; *вышеестественный* в слова-

[37] Adelung, IV, с. 49.

[38] Здесь же на данной основе: Не смешивать *противуестественного* с *вышеестественным*.

ре 1847 г. определяется как «старое» с толкованием, соответствующим церковному употреблению («возвысившийся над немощью естества»), Норд., САР — нет. Утверждающиеся слова к концу XVIII в. чаще выступают в философских контекстах: Не прибегая к знаниям *сверхестественным* (Руссо. Расс.), действие *сверхестественных* сил (Кар. ПРП), натуралист... тот, кто отрицает все *сверхестественные* действия (Гал.). К концу изучаемого периода слова этого рода обнаруживают общелитературное значение 'необычный, выходящий за рамки нормального': Он в исступлении чаял видеть нечто *сверхъестественное* и чудесное (Панк. Подл. цел.), *сверьх естественный* случай (МВ, 1809 — здесь же *чрезъестественный*) [39].

Такую же картину представляет развитие в XVIII в. слов со значением 'предрассудок, предубеждение', соотносительных с франц. préjugé, лат. praejudicium, нем. Vorurtheil[40]; они образуются с приставкой *пред-* и разными близкими по смыслу основами: *-суждение*, *-осуждение*, *-уверение*, *-убеждение*, *-рассуждение* и др. *Предуверение* Теплов приводит в перечне философских терминов своего курса и в тексте: Разум несовершенный... выводить из *предуверений* (Знан.); Еще ли стоять будем у порога и прекословием неосновательного *предуверения* удержимся? (Лом. Явл. возд.), Тредиаковский — с указанием ориг. préjuge; у Поповского представлена полукалька *предуверенность*. *Предсуждение* — Кантемир разъясняет этот не получивший распространения термин: «*Предсуждение*. Préjugé, значит *мнение предъидущее* [— заранее сложившееся] о каком деле, которое столько в уме нашем утвердилося, что не допущает нас беспристрастно о том рассуждать» (Разг., прим. 67 — курсив автора), Пол.— с лат. соответствиями praejudicatio, praejudicium. *Предосуждение* «Praejudicium. *Предосуждение*, неправильное рассуждение» (Целл.); ЕС. *Предубеждение*: Обуздать воображение, которое часто заводит в опаснейшие *предубеждения* (ЕС, 1756). *Предрассуждение* — основное наименование этого ряда в XVIII в.: Свет философии начал просвещать и рассеивать наши *предрассуждения* (Фонвиз. Торг. двор.), Он удален ложных понятий, *предрассуждений*, *превратных мнений и склон-*

---

[39] Ср. САР — *сверхобыкновенный*.

[40] Иноязычные соответствия приводим так, как они встречаются в литературе XVIII в.

ностей (Рад. О чел); Тред. (в ориг.: préjugé); Поповск., Сум., Коз., Аничк., Зыб. [41]

Распространяющееся с конца XVIII в. слово *предрассудок* постепенно вытесняет (при семантической дифференциации с *предубеждение*) все остальные варианты [42]. В сл. Нордстета оно еще отсутствует, при наличии других слов (*предосуждение*, *предрассуждение*, *предубеждение*, *предуверение*), в САР определяется лишь через отсылку к *предрассуждение*. У Радищева несколько примеров слова, наряду с остальными наименованиями: Души, в коих светильник познаний не *предрассудком* возжигается (Путеш.). Замены словом *предрассудок* старых наименований наблюдаются в позднейшем переводе «Разговоров» Фонтенеля: [Система Коперника] никакого в себе не имеет *предсуждения* (1740) — *предрассудки* (1802). Вытеснению вариантов способствовали разные причины: ощущавшаяся прозрачность внутренней формы некоторых образований— *предуверение* как 'ранее составленное мнение'; наличие в словах других употребительных значений — *предосуждение* «предварительное осуждение» и «поношение, посрамление» (САР); развивающаяся иная смысловая специализация слов — *предубеждение* как 'укоренившееся мнение против кого-чего'.

К префиксальным калькам и полукалькам относятся еще *сосредоточить* (concentrer), *созвездие* (лат. constellatio), *преестественница* (новообразование Кантемира, от греч. μεταφοιχη); *предлежательный*, *предвергаемый*, *предложенный* и др. Как особая разновидность выделяются бессуфиксные кальки: *предмет*, окказионально *подлог* 'подлежащее, субъект', редкое *предверг*, старое *предлог*.

§ 15. Заметной в XVIII в. группой являются кальки мн. числа существительных. Например, *склонность* и специально *склонности* 'расположение (к чему)': Отроки по *склонностям* в обучение отдаются (Сум. Сон), Сколько ни отменны [люди и животные] в нравах, в *склонностях* своих (Тред.

[41] В литературе последней трети XVIII в. это слово является наиболее употребительным, оно устаревает не раньше 30—40-х годов XIX в. (Л. А. Войнова. Эмоционально-психологическая и морально-этическая лексика в повествовательной прозе последней трети XVIII в. «Процессы формирования лексики русского литературного языка», с. 224—225.

[42] Из более частных обозначений, не удержавшихся в языке, отметим *предпознание* (Тред.), *предприятое наперед мнение* (Коз).

Феопт.), последование *склонностям* своим (МЕИ), природные *склонности* (УС), люди одинаких *склонностей* (ММ). Распространение слова во мн. ч.— результат соотношения с франц. inclinations, которое в словаре Французской Академии приводится в ед. ч. (*inclination* à la vertu) и во мн. ч. (*inclinations* naturelles, bonnes) [43]. *Тонкость* (см.) и во второй половине XVIII в. *тонкости* — 'детали, трудноразличимые оттенки': Многии находятся приобыкшии к *тонкостям* метафизическим (Тред. Феопт.), не многие любят метафизические *тонкости* (Кар. ПРП), изъяснять *тонкости* политики государственной (Макар.). Слово соотносится с франц. subtilités, которое в DAF (1762) дано преимущественно еще как свойство по прил. subtil 'тонкий'; в 6-м изд. словаря выделено специальное значение существительного «детали, которые ускользают от внимания» с пометой «главным образом во м. ч.» [44] Слова *внутренность — внутренности* в отвлеченных контекстах: Почерпнул все свои мысли из *внутренностей* метафизики, метафизических *внутренностей* (Тред. Феопт.). Другие кальки мн. ч.: *данные* (наряду с *данное*), *потребности* (наряду с *потребность*), *положения* (в пьесе), ср: франц. situations, *отношения*, *отвлечения* [45], *словесные науки* (ср. франц. les belles lettres), *изящные науки* и *изящные искусства* (франц. les beaux arts).

ХАРАКТЕР ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОТВЛЕЧЕННОЙ ЛЕКСИКЕ XVIII В.

§ 16. Заимствованные слова представляют собой один из источников новых слов в литературном языке XVIII в. Остановимся на некоторых вопросах, относящихся к заимствованиям и непосредственно связанных с развитием отвлеченной лексики. Значительное место в научном обиходе XVIII в. занимала латынь. В уставе Петербургской Академии наук (1747) при определении состава учреждаемого при Академии университета в качестве языков преподавания предусматривались латынь и русский. Для получения необходимых знаний в языках будущие студенты должны были проходить специальные «школы»: «Из

[43] DAF, I, с. 917 — большее число примеров в ед. ч.; в 6-м изд. словаря (DAF [6]) число их примерно равное.
[44] DAF[6], II, с. 786.
[45] Грот. Карамз., с. 111—112.

сих школ производиться имеют ученики в студенты и принимать лекции профессорские на латынском или русском языке» [46], «Профессоры не обучают языков, но обучают наук; того ради студенты должны уже искусны быть в языке латынском, дабы лекции в науках, которых на ином ни на каком языке давать не позволяется, как токмо на латынском и русском, могли они совершенно разуметь» [47]. Такие же правила устанавливались для научных трудов и выступлений: «Как все изобретения, так и журнал, и все, что в собрании академическом отправляться имеет, должно писано быть на латынском или российском языке, а французский и немецкий никогда употреблен быть там не должен» [48]. На протяжении всего XVIII в. латынь остается признанным ученым языком, и рефераты Академии наук выходят на этом языке. Периодически переводились они на русский язык (впервые в 1728 г. «Краткое описание комментариев»).

Из живых европейских языков наиболее распространены были французский и немецкий, с которых производились регулярно переводы. Особенно велика была роль французского языка, который после латыни являлся по сути дела наиболее известным в ученой среде и у читателей. Перечень философских наименований, приложенный к курсу Теплова «Знания, касающиеся вообще до философии» (1751), состоял из сопоставлений: русский термин — латинский — французский (*«существо* — essentia — essence»), в «Слове о премудрости» Тредиаковского (1752) два подобных перечня с сопоставлениями: русский термин — латинский (*«причины* — caussa») и латинский термин — французский (relatio—relation»). Роль французского языка усиливается с середины XVIII в., когда появляются многочисленные переводы просветителей — Руссо, Вольтера, Монтескье, статей из «Энциклопедии» и др.

Если в XVI—XVII вв. новые европейские заимствования проникали в русский язык чаще из или через посредство польского (*конституция*, *депутат* и др.) [49], то

[46] История АН СССР, 1, с. 444.

[47] Там же, с. 443 (см. еще с. 440, 445).

[48] Практически оба последних языка были употребительны.

[49] Примечательно, что к «Лексикону» П. Берынды также был приложен своего рода словник,но с польскими соответствиями «славенских» слов (*клеврет* — towárzyβ, *звездословие* — astrologia *любомудрие* — filozofia, *наблюдаю* — názieram и др. (Берында, с. 261—271).

характерной приметой нового времени является непосредственное заимствование из западно-европейских языков [50]. Оба начала — классическое и современное европейское — остаются действенными в течение всего изучаемого времени. Сам факт наличия и взаимодействия указанных начал ясно осознавался современниками. Карамзин, объясняя значение вводимого им слова *промышленность*, пишет предположительно: «Не может ли сие слово означать латинского industria и л и французского industrie? (ПРП — МЖ, III, с. 298; разрядка моя — *В. В.*).

Таким образом, особенность существовавшей тогда ситуации состоит в известной д в о й с т в е н н о с т и языковой ориентации заимствований. Для многих слов, имеющих соответствия в современных европейских языках и восходящих к латинскому или (и) греческому прототипам, в русской литературно-языковой практике XVIII в. действенными оказывались оба, классический и современный, источники. Внешнее (фоно-морфологическое) оформление слов в таких случаях весьма часто определялось по классическому оригиналу, а лексико-семантические свойства обнаруживали больше сходства со словами современных языков. Это не было, конечно, обязательным правилом, и даже когда оно выполнялось, в словах обнаруживались семантические свойства, идущие непосредственно от классических образцов, и элементы оформления современных языков. Все же указанное положение можно считать типичным для XVIII в., оно хорошо подтверждается многими примерами.

Например, слово *характер* в русском и других языках восходит к греч. χαρακτήρ лат. character. Однако состав его значений в момент появления в русском языке — при сохранении некоторых исходных смысловых свойств, унаследованных от античности [51],— все же ближе к современному франц. caractère (см. ниже §19). Что касается оформления слова (в частности, огласовки начала его), то здесь наблюдается любопытная деталь. Отражая реальное соотношение с французским словом, русск. *характер* в ранний период допускает начальное *к-* (*карактер*). Тем

[50] А. И. Е ф и м о в. История русского литературного языка. М., 1967, с. 100; М. Ф. Т у з о в а. Русская военная лексика 2-й половины XVII — 1-й половины XVIII в.— АКД. М., 1955; Б. А. М а р г а р я н. Словарный состав повестей петровского времени.— АКД. М., 1956, с. 15.

[51] Vasmer, III, с. 230—231.

не менее преобладающим, а вскоре и исключительным становится написание и произношение слова с глухим фрикативным по классическим образцам. Аналогичное явление наблюдалось в истории английского языка, куда слово проникло в средневековый период непосредственно из французского в форме caracter(e); с XVI в. написание слова «выправляется» в соответствии с античными нормами (ch-) [52]. Слово *масса* (гл. II, § 8) по форме соответствует лат. massa (ср. франц. masse, нем. Masse). Реально в текстах XVIII в. это слово и его аналоги соотносятся и поясняются, помимо лат. massa, французским masse (реже к концу XVIII в.— нем. Masse). В словаре Яновского (II, с. 681) слово *масса* приводится с пометой «фр[анцузское]», Даль (II, с. 303) и последующие толковые словари дают его только как «латинское». Такой разнобой в определении этимологии слов XVIII в. обычен в словарях до настоящего времени. Фасмер без особых объяснений трактует слово в традиционном плане языкового посредства: в качестве «посредников» из латыни в русский указывается нововерхненем. Masse и франц. masse [53].

§ 17. В литературно-языковой практике вырабатывались свои специфические способы морфологической адаптации разных типов иноязычных слов. Укажем лишь, что при заимствовании существительных чаще всего «отсекались» латинские окончания -um, -us, -is (elementum — *элемент*); окончание *-а* превращалось в *-я*, поэтому слова на -а встречаются преимущественно в начале XVIII в. (idea — *идеа — идея*, materia — *материа — материя*) и др. [54] Большое же число заимствований оформляется в книжном языке XVIII в. с помощью продуктивных русских словообразовательных средств (например, все прилагательные и глаголы: лат. individuus, франц. individuel — *индивидуальный*; нем. analysieren, франц. analyser — *анализировать*). Сила аналогии в явлениях адаптации была столь велика, что под нее («усечение») подпадало, например, лат. factum — причастие прошедшего времени

---

[52] OED, II, с. 280—281.

[53] Фасмер, II, с. 578.

[54] Ю. А. Романеев. Структура слов греческого происхождения в русском языке.— АКД. М., 1965; И. А. Василевская. К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке. «Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина)». М.—Л., 1966.

'совершенный, бывший'. Во французском ему соответствует существ. fait, которое никак не могло послужить материальной основой для русского заимствования *факт*. В польском языке XVII в. в деловом и канцелярском обиходе усеченная форма (fakt от лат. factum) засвидетельствована наряду с классической factum, -a [55]. Оба источника — лат. fact(um) и польск. fakt — вероятные этимоны слова *факт*; это подтверждается пометой Бодуэна де Куртене в словаре Даля «[польск., лат.]» [56].

Заимствования XVIII в. отличаются от собственных новообразований не только номенклатурой словообразовательных средств, но и производностью. В литературном языке XVIII в. происходит интенсивная ассимиляция заимствований, вырабатываются некоторые (зачастую вариативные) способы их оформления. В новых заимствованиях представлены, например, суффиксы существительных *-ство*, *-ец* и другие, прилагательных *-н-*, *-н(ич)ск-* и другие, флексии *-ия*, *-а*. Особое место занимают слова, сохраняющие иноязычные форманты. Степень структурной отдельности (выделимости) последних неодинакова. Очевидно, например, что элементы типа *-ант*, *-ер*, *-ор*, *-ус*, *-ал*, *-ик* (и даже самые регулярные из них *-ия*, *-а*, *-ист*, *-изм*) в XVIII в. не обладают еще производностью, т. е. способностью создавать новые слова на русской почве. Они встречаются в составе цельных заимствований (*обсерватор*, *критик*, *атеист*, *атеизм*, и др.); в исследуемый период происходит активный процесс постепенного выделения формантов этого рода на основе аналогического сопоставления слов. В кругу заимствований, как и в русской лексике, наблюдается определенного рода словообразовательная вариантность: *-ство и -изм*, *-щик и -ист*, *-н-* и *-ическ* и другие, наряду с фонетическими (*центр — кентр*, *сцептик — скептик*), флективными (*патриот — патриота*, *атом — атома*), морфологическими (*анализис — анализ*, *синтезис — синтез*) и другими различиями в пределах слова. В изучаемой лексике XVIII — начала XIX в. намечаются, например, следующие группы заимствований в зависимости от способов оформления (включая флексии *-ия*, *-а*, русские суффиксы и иноязычные форманты).

[55] Slawski, I, с. 217.
[56] Даль [3], IV, с. 1129.

-ия

В первые десятилетия XVIII в. встречается также *-иа*; обычно соответствует лат. и греч. -ia (substantia и др.) и французским суффиксам жен. рода -tion и -ance (définition, substance и др.). Примеры таких слов: *аналогия, дефиниция, имагинация, ком(м)ерция, констелляция, нация, обсерватория, обсервация, объекция, организация, революция, сентенция, субстанция, экономия, электризация* (Кург.).

-а

Иногда чередование с нулевой флексией; соответствует лат. и греч. *-а* (massa и др.), французскому «немому» *-е* (masse). Например: *аналитика, атмосфера, атома* (редко, Кург.) — *атом, критика, литература, мануфактура, масса, призма.*

-ство

Заметно, что новые заимствования с обобщенно-отвлеченным значением оформляются чаще с этим старым суффиксом, а не с *-ость* [57], который, напротив, продуктивен среди русских новообразований. Например: *абсолютство* (Петровская эпоха), *атеистство* (Пуф., Нов. лекс.); ср. *атеизм, сцептичество* (Тред.); ср. также *скептицизм*; *экономство.*

-ист

Существительные на *-ист* появляются раньше, чем на *-изм*, число их непрерывно увеличивается на протяжении XVIII в.; по нашим материалам, они почти в два раза превосходят слова на *-изм*. Однако пар на *-ист* и *-изм* (не говоря об их словообразовательных соотношениях) в изучаемый период немного: *атеист — атеизм, материалист — материализм, идеалист — идеализм, политеист — политеизм* и др. Примеры слов на *-ист*: *аналист* (Котельн.), *атеист, деист, дуалист, идеалист* (Рум., Аничк.), *математист* (Сум), *материалист, монист, моралист, натуралист, номиналист* (Брянц.), *политеист* (Ян.), *реалист, роялист, спиритуалист* (Рум.), *физист* (Сум.), *пантеист* и *эпикурист* (Тред.).

-изм

Бóльшая часть слов на *-изм* возникает к концу XVIII в. Например: *атеизм* (Дм. Кант., у него же *афеиа*; Тред.— *атеистство*), *идеализм* (Словц.), *патриотизм, политеизм* (Ян.), *синкретизм* и *скептицизм* (Панк.), ср. *сцептичество* (Тред.), *эклектизм* (Панк.).

-ец, -щик, -ник

Например: *республиканец* (сл. 1762 и др.), *якобинец* (XVIII в.), *мануфактурщик* (Кант.) — *мануфактурист* (XVIII в.).

-н-

Продуктивный суффикс среди заимствованных прилагательных (его модификации *-нн-, -альн-, -ичн-, -ованн-*). Например: *абсолютный* (Петровская эпоха), *идеальный* (Аничк., Брянц.), *мануфактурный, материальный, моральный, натуральный, национальный, обсервационный, революционный, электризованный* (Лом.), *элементарный* (Петровская эпоха, Лом., Котельн.).

-(ич)еск-

В отличие от русских новообразований, среди заимствованных

---

[57] Слова на *-ость* с иноязычной основой в XVIII в. единичны, например, *национальность*: Н. М. Ш а н с к и й. Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. Канд. дисс. (рукопись), 1948, с. 330.

прилагательных этот суффикс весьма распространен и по числу новых слов превосходит *-н-* (по нашим материалам, в 1,5 раза). Например: *аналитический* и *аналогический* (Дм. Кант.), *беллетрический*, *критический* (от критика) и *критический* (от *кризис*), *магнетический*, *метафизический*, *моралический* (ранние примеры — Кант., обычно *моральный*), *органический*, *патриотический*, *политический* (в ранних примерах наряду с *политичный*), *практический*, *синтетический* (Панк.) *сцептический*, *эклектический*, *экономический*, *электрический* (Лом.).

-ия

В других случаях форманты в словах для своего времени не выделяются или выделяются менее явно. Перечислим примеры таких слов без особой рубрикации: *абсолют* (Петровская эпоха), *анализис* (*и анализ*), *атом*, *градус*, *капитал*, *класс*, *критик*, *кризис*, *материал*, *минерал*, *обсерватор*, *объект* (Петровская эпоха *объектум*), *оригинал*, *патриот*, *прогресс(ы)* — только Петровская эпоха, *продукт* (ВЭО), *сателлит* (и *сателлес*), *синтезис* (и *синтез*), *сцептик* (*скептик*), *факт* (Рад.), *феномен*, *фундамент*, *характер*, *эконом*, *эксперимент*, *элемент* и др.

§ 18. Рассмотрим теперь более подробно некоторые случаи возникновения и употребления заимствований в исследуемое время. Прежде всего следует отметить особенности смысловой эволюции заимствованной лексики. На протяжении своей истории эти слова могут обнаруживать значения, не вытекающие непосредственно друг из друга и при своем возникновении взаимно не связанные. Подобные семантические новообразования (часто разновременные) входят в семантическую структуру слова как своего рода слагаемые («наслоения»). Устойчивость их неодинакова; в ходе лексико-семантической ассимиляции и стабилизации часть значений отпадает или видоизменяется [58]. Логико-смысловые связи значений закрепляются (и осознаются говорящими) постепенно. «Наслоения» обычны в заимствованиях, сохраняющих генетическое соотношение с прототипами, наблюдаются и в незаимствованной лексике, определяя существо происходящих в тех или иных случаях изменений.

Один из ярких примеров — слово *характер*, известное уже в Петровское время [59] и обнаруживающее особенно в раннюю пору разнообразные свойства. Оно выступает при указании должности, ранга послов («министров» как

[58] В связи с этой проблематикой см.: Л. А. Новиков. О семантическом переоформлении заимствованных слов в русском языке.— РЯШ, 1963, № 3; Н. С. Авилова. Глаголы с иноязычной основой. «Русская речь», 1970, № 1.

[59] Christ. (с. 20) — 1703 г.

тогда говорили), наряду со словами *достоинство*, *чин*, *квалитет* и пр.: Граф Т. имянован от королевы ехать к венскому двору в *квалитете* чрезвычайного ее посланника. А граф Б. имеет ехать к французскому двору с таким же *характером* («Вед», 1719; ПБП). Оно же в этот период в отдельных примерах выступает как ‘обозначение, выражение чего’: «Character. *Знак*, *характер*» (Целл., приб.), особливый *характер*, или *знак*, планеты («Прим. вед.», 1731), изображенные аналитическими *характерами* тел свойства (Котельн.). Эти разные употребления создавались в основном при передаче франц. caractere и др. В дальнейшем они большей частью не составили самостоятельной линии в развитии слова и постепенно отпали [60]. Некоторые же бытовавшие свойства слова вообще фигурируют лишь в переводах и сопоставительных контекстах: «Karakter. *Характер*, чин и *литера*, *буква*» (Гол.-рос.; Кург., Ян.). Такие свойства могли появляться в словах независимо друг от друга как отдельные семантические новообразования. В XVIII в. находим их у франц. caractère (см. DAF 1740, I, с. 224: «должность, ранг» и др.).

Другие же значения слова *характер*, возникающие таким же путем) с середины XVIII в., оказываются устойчивыми. Это — особенности человека (личные и обобщенные свойства людей): О *характере* принципальных их персон описать (Курак. Гист.), ..он [Шумахер] человек опасный и подал худые примеры своего *характера* (Лом. — И. И. Шувалову, 2 сентября 1757 г.); Фонвиз. Широкая сочетаемость обнаруживается у слова в кругу отвлеченной лексики второй половины XVIII в. в значениях ‘признак, выражение, особенность (чего)’: *Характер* сего возраста (Восп. дет.), *характер* изящных искусств (Сох.), *Характер* добродетелей или свойство их (название издания, 1788 г.); часто у Тредиаковского: согласный *характеру* своего разума (Рим. ист.), *характер* истинной мудрости (Тилем.), *характер* дружбы (Фил. Бак.) и др.

Рано выявляется и обретает прочную традицию значение слова ‘образ, тип’ — обобщенные черты людей в литературе и искусстве, персонажи и т. д.; показательны при этом контексты *писать*, *описывать* *характер*(*ы*),

[60] Некоторые из них встречаются до конца XVIII в., например: Потребный для посла *характер* (Фонвиз.). О словах *характер* и *качество* в соотносительном смысле см. у Е. Т. Черкасовой: Словообр. глаг. с. 241—242.

смеяться характерам и др. Например: Я никого партикулярно себе не представлял, когда писал *характеры*, в сей сатире содержащиеся (Кант. Сат. I). в баснословии *характеры* всех лиц пребывают непременны (ТП). Дальнейшую специализацию в значении ‘литературный тип, персонаж’ и распространение слово получает в журналистике первых десятилетий XIX в.: В разборе сей трагедии он показывает, ..как хорошо выдержаны *характеры* (Л, III), искусство [писателя] в изображении *характеров* (ВЕ, 1810), с натуры взятые *характеры* (МВ, 1828).

«Наслоение» все же чаще оказывается лишь начальным импульсом в семантическом развитии слов. Если значение и отдельные сочетания прямо заимствуются из языка-источника, то основная масса употреблений часто бывает результатом самостоятельной эволюции слова в данном языке. Поэтому утверждающийся в конечном счете семантический состав, как и направление развития слова в целом, может не совпадать с иноязычными прототипами. Так, некоторые из значений, свойственных франц. caractère, в русск. *характер* не получили развития и представлены лишь отдельными окказиональными случаями, например, «отличительные черты автора» (DAF 1762, I, с. 246).

В качестве отдельной линии в слове выделяется обозначение особенностей народа, социальных групп, см. разные примеры: Трудолюбивый *характер* жителей, национальный *характер* (Фонвиз.), русский *характер*, *характер* славного народа русского (Кар.), *характер* общественный (СЖ, II); нравственный *характер* (Нов.). Позднее слово выступает в более общем значении ‘особенности (любого) предмета’: Выражение и *характер* лиц (ЭЛ, X). Другие наблюдающиеся в конце указанного периода сочетания с *характер* отчасти отмечены Шишковым: укреплять *характер*, развитие *характера* и др. [61] Некоторые из таких употреблений утвердились в языке.

К концу XVIII в. состав значений слова стабилизируется; некоторые ранние и частные его свойства окончательно отпадают. Поэтому, например, сравнительно широкий перечень значений слова *характер* в словаре Яновского уже не отражает реальной картины и является скорее коллекционным. В это же время на развитие слова оказывают воздействие устанавливающиеся соотношения и раз-

[61] Шишков, с. 53, 126, 127, 131.

граничения с другими терминами — частым в просветительной литературе словом *нрав(ы)*, которое употребляется в значениях ‘особенности человека’ (человек хорошего *нраву*) и ‘общественные установления’ (чаще мн. ч: в общенародном *нравов* исправлении. Полен.); со словами развивающегося литературоведческого плана — *образ*, новое *тип* (например, в «Литературных мечтаниях» Белинского *характер* не встречается, но есть образ и тип) [62]. Тогда же *характеристический*: знаки *характеристические* есть то, по чему вещь познается и от прочего разнится (Баум.): Р-ф-ц; *характеристика*: *характеристика* Нидерланд (ПЖ, 1970); *бесхарактерность* (ЭЛ, VII; Белинск.).

Аналогичные сдвиги и наслоения наблюдаются также в словах *масса*, *субстанция*, *орган* (*органический*, *организация*) и др. Они, как говорилось, имеют место и в незаимствованной лексике, где смысловые соотношения и другие обстоятельства вызывают более или менее резкие сдвиги в развитии слов: *личность* ‘мнение, высказывание, относящееся к лицу’ и ‘индивидуальность, лицо’; *действительность* ‘действенность, реальность чего’ и ‘окружающий мир’; *представление* ‘изображение’ и ‘мысль, понятие (о чем)’; *дух* ‘человек с выдающимися данными’ и ‘краткие извлечения из произведений, особенности автора’ и др. В данной области обнаруживаются свои собственные закономерности и типы явлений (см., в частности, выше о словах *общественность*, *общественный*).

§ 19. Неодинаковым может быть время литературного у т в е р ж д е н и я и степень первоначальной освоенности заимствований. Слово *критик* быстро получает права гражданства в языке, почти сразу же появляются его производные. Если такие слова, как *субстанция*, в XVIII — начале XIX в. выступают в ряду других вариантных средств и почти всегда с пояснениями, то *критик* имеет пояснения лишь на самой ранней стадии и не в пример многим другим заимствованиям принимается словарями. Как и в других языках, слово *критик* происходит от лат. criticus, греч. κριτικός, *критика* от лат. critica, греч. κριτική; по семантическим свойствам оба слова ближе всего к франц. critique. В научной датировке

---

[62] М. М. О р л о в. Лексика «Литературных мечтаний» Белинского. Канд. дисс. (рукопись), 1947.— Приложение.

слов нет точности: *критик* считается «с середины XVIII в.» (со ссылкой на Д. Д. Благого), *критика* —«начиная с Тредиаковского» [63]. Однако в том и другом случае материал недостаточно изучен. Так, Благой исходит из следующего допущения: раз жанр критики оформился в русской литературе с середины XVIII в.— соответствующее название следует ожидать не ранее [64]. Речь идет при этом о сатире VII Кантемира (1739), где автор сетует на отсутствие в русском языке определенного термина и использует описательное выражение *острый судья*: «*Острый судья.* Именем судьи здесь разумеется всяк, кто рассуждает наши дела; французы имеют на то речь critique [65], которой жаль, что наш язык лишается» (Сат. VII, прим.). Однако оказывается, позднее в примечаниях к «Письмам Горация» (1742) писатель все-таки вводит недостающий термин, обосновывая необходимость в данном случае заимствования: «Судьи, кои о состоянии и доброте книг судят, *критиками* называются у латин и других народов; мы не имеем сему имени другое равносильное». Здесь же несколько примеров со словом: Его суперник, видя, что Гораций употребляет против него суд *критиков*, противополагает суд же других *критиков*, которые его мнение защищают.

На этой ранней стадии еще наблюдаем соотношение термина с описательными выражениями и его последующее введение через соотнесение с оригиналом. Но уже с 50-х годов XVIII в. *критик* употребляется повсеместно: у Поповского, в «Ежемесячных сочинениях», у Тредиаковского, Козельского и др. В это же время появляются *критика* ‘компетентный разбор чего-либо’ (как жанр выступления и акт критики), *критиковать*; они также употребляются без текстовых пояснений. В первой трети XIX в. встречается *критицизм*: Кантову науку надлежало бы назвать не *критицизмом*, а формализмом разума (ВЕ, 1822). В словарях конца XVIII в. находим пространный перечень слов и форм данного гнезда: *критика*, *критикованный*, *критикую*, *критик*, *критический* (Норд., САР). При этом даже толкование рассматриваемых слов чаще всего не включает синонимов, например, сл. Нордстета

---

[63] Фасмер, II, с. 378 (так еще Christ., с. 23).

[64] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в. М., 1951, с. 10—11 [в последнем издании книги (1960) это место снято].

[65] Обратим внимание, что Кантемир обращается здесь к французскому наименованию, а далее (см. ниже) говорит о «латинах».

(I, с. 315): «*Критика* (искусство судить о сочинениях)...» Слово *критика* ('акт критики') употребляется Шишковым в авторском тексте, в названии его (1804): «Прибавление к сочинению.., или собрание *критик*, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные». В пределах изучаемого периода в общелитературном употреблении получает еще хождение «осуждательное» значение рассматриваемых слов, в дальнейшем удержавшееся в разговорной сфере; например, Нов. лекс.: «Critique, criticus, censor. Переговорщик, охуждатель, пересудчик, *критик*». В САР по этому поводу констатация: «иногда, хотя и неправильно, употребляется». С начала XIX в. слово *критика* представлено в выражениях, передающих формулу «критика чистого разума».

Приведем еще некоторые литературные примеры указанных выше слов: Я не *критиком* был, но переводчиком (Опыт чел.); Добродетельных людей *критики* (Сум. Ст. добр., IX), *критика* истины (Коз. Ст. фил.); Тот с досады больше аристотелевы дела *критиковал* (Тепл.); Тонкий, разборчивый, *критический* смысл и суд о ее [литературы] произведениях (Сох. Предм). Прилагательное *критический*, как нередко в XVIII в., фиксируется раньше других форм — оно встречается в первые десятилетия XVIII в. в значении 'содержащий суждение, оценку' в сочетаниях типа *критическое описание*, *рассуждение*, *наблюдение* и др.; например, в названии перевода Кантемира (1726) «Утешное *критическое* описание Парижа», так же Комм. АН. На этой основе во второй половине XVIII в. создается омонимия [1] *критический* (от *критика*) и [2] *критический* (от *кризис*), что, однако, отмечается словарями XVIII в. как разные значения одного слова (см. САР, III, с. 415).

§ 20. С другой стороны, некоторые заимствования представлены в исследуемый период лишь н а ч а л ь н ы м и или окказиональными примерами и формами; основная история их развертывается в первые десятилетия XIX в. Так, слово *анализ(ис)* известно в XVIII в. в математическом смысле (прием решения задач) и философском (способ рассмотрения явлений): Математическая *аналисис* (раздробление, или разрешение), или иначе способ решить проблемы помощию алгебры (Д' Аламб.); В доказательстве либо восходят от доказываемой вещи к первым основаниям, или нисходят от первых

оснований к доказываемой вещи, от чего рождается *анализис* и *синтезис* (Кург.)[66]. Реже слово выступает в «этимологическом» смысле ‘разделение на части’ (см. определение сл. Соколова: «*Анализ.* Разбор, *разложение на составные части*»): *Анализис* частей животного даст все стихии (Раз. О чел.); *разложить* ощущение силою *анализа* (ЭЛ). В первой трети XIX в. преобладающим становится употребление слова в кругу отвлеченной лексики — при обозначении рассмотрения, исследования чего-либо: Размышлять о явлениях жизни внутренней, заниматься *анализом* чувств (МВ, 1827), не ищите в них [звуках песен] тонкого *анализа* человека со всеми изгибами его души и сердца (Бел. Лит. мечт.), человек сам подлежит разбору, суждению, *анализу* (Кир.); метода или области познания: Принес пользу *анлизису* (ВЕ, 1818), область умозрения и *анализа* (Бел. Лит. мечт.), без *анализа* мы вечно бродили бы в каком-то туманном представлении всего существующего (Кир.).

Однако в это же время и еще ранее в XVIII в. уже распространены русские наименования: *раздробление*, *(раз)решение*, *разложение* и пр., выступающие в философских, логических, естественнонаучных и математических контекстах. Например, *раздробление*: *Раздробление* нечувствительных тел; метафизика... не та спорливая тонкость, которая исчезает в бесконечных своих *раздроблениях* (Тред. Фил. Бак), химическое *раздробление* (ВЕ, 1806), для *раздробления* всех красот его едва достаточно было бы большого тома (Л): Д'Аламб. (см. выше). *(Раз)решение*: [метод, который] он предлагает как некоторый образ *решения* (analyse) для управления человеческого разума (Коз. Ст. фил.), [сила], которая... производила *сочетание* или *разрешение* телес (Кант. Письм. Горац.), *разрешение* в химии (Тред.), алгебра и *разрешение* (analyse) в математике между собою различествуют (Д'Аламб.). *Разложение*: Начала мыслей (elementa) основательно познаются из *разложения* суждения (Якоб, III); Analysis, *разложение*, логическое действие, коим мы доставляем известному общему понятию совершенную ясность, раздробляя все признаки, в состав его входящие (Гал.).

---

[66] Так же квалифицируется франц. analyse в DAF XVIII в.: «terme didactique» [философии, в логике] и «en mathématiques».

В том же значении, что и позднее *анализ*, при обозначении предмета рассмотрения, исследования выступают *разбор*, *исследование*: *Разбор* «Лицея» Ла Гарпа (Л, III), здесь кончается всякое *исследование* (analyse) (МТ, 1826). Указанные вариантные наименования используются также в качестве средств перевода и синонимического толкования в словарях; например: «Analysis. *Раздробление*, *разрешение*, *разбирание* чего-нибудь в его основании» (Крон.), «Анализ, *разбор*, *раздробка*, *разрешение*, *разложение* целого на составные части его...» (Даль). Лишь к середине XIX в. происходит дифференциация вариантов и одновременно распространение слова *анализ* во многих из указанных контекстов. Сущ. *раздробление* в словаре Даля иллюстрируется примером только из области математики, *разложение* — химии и математики, слова *разбор*, *исследование* и далее сохраняются как синонимы к *анализ* в общелитературном употреблении.

Прил. *аналитический*, как часто в таких случаях, встречается раньше других слов, но остается редким в XVIII в. См.: Книги топические и *аналитические* прошедше (Сист.); я бы предпочел его методе *аналитическую* (Кар. ПРП); Норд., Панк.; *аналитическое* суждение (Гал.), подчинив обучение *аналитическому* разбору (МТ, 1825) [67]. Наряду с этим функционируют русские прилагательные того же корня, что и указанные выше слова: Наука преподает нам познания истин в трудных теоремах *решительным* порядком (methodus analytica) (Коз. Расс.); *раздробительное* исследование блага и зла (Л, I); метода *аналитическая*, или *разложительная* (ВЕ, 1822). В XVIII в. встречаем также *аналист* (вариант — *анализист*): *Аналисты* в решении помянутых вопросов доходят до таких формул (Котельн.); в переводе Даламбера это слово в текстовом соотношении с *разрешитель*. *Аналитика* — как метод познания (в основном, в математике и логике): СУР, САР, Сокол., Р-ф-ц, ВЕ. Глагол возникает в рассматриваемой группе позднее других слов [68].

---

[67] Здесь наблюдается показательное для специализации данного (и других) слов явление: определение в специальном смысле употребляется при существительном, которое само имеет значение ‘анализ’.

[68] Н. С. Авилова. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. М., 1967, с.78 (пример XIX в.).

Однако и здесь одновременно и гораздо ранее употребительны русские наименования; в целом для глаголов этого рода характерны более отвлеченные контексты. См. примеры: химия есть наука *раздроблять* материю (l'ort *d'analyser*) (Тред. Фил. Бак.); *раздробляя* свойства вещественности, да не исчезнет она совсем (Рад. О чел.) что касается до другой [пьесы], он *раздробляет* ее тщательно (Л); для эмпирика природа — груда материи, которую он силится разложить и описать (Мн., 1825); надлежит прилежно *разобрать* человека (Кант. Письмо V); приятно видеть, как он *анализирует*, или подробно *рассматривает*, сие творчество (Л, III). Упомянем еще существ. *разрешимость* в значении ‘способность разлагаться на составные части, подвергаться анализу’: какой правильной *разрешимости* тогда ожидать от нее [души] можно (Фонвиз. Расс.). В словаре Яновского приводится довольно широкий перечень заимствований: *анализист*, *анализис*, *анализ*, *аналитика*, *аналитический*, но употребительность их в исследуемый период неодинакова.

Еще реже встречаются противополагавшиеся указанным словам *синтез*, *синтетический* (номенклатура их также гораздо у́же). Например: Натура ведет нас к познанию своих истин *восходительным*, или постепенным, порядком (methodus synthetica) (Коз. Расс.); аналитические, *синтетические* доказательства (Панк. Подл. цел.); метода *синтетическая*, или *составительная* (ВЕ, 1822). Существ. *синтез(ис)* отмечено у Курганова и Яновского, но фактически входит в употребление позднее: Надобно, чтоб он умел разложить это ощущение силою анализа и потом сомкнул в определенное умопредставление силою *синтеза* (ЭЛ, II), история анализа и *синтеза* (Кир.). В качестве вариантных наименований в это время и ранее выступают *сложение*, *совокупление*, *составление* и др.: Synthesis, *совокупление* представлений в одно познание; сие действие ума называется *сопряжением* (synthesis) (Гал.); «Synthesis. *Составление*, состав, смесь» (Крон.).

§ 21. В XVIII в. получали быстрое развитие не только современные заимствования, но и слова д а в н е г о происхождения; появляются новые их производные, меняются значения. Пример представляет история гнезда *орган*, *органический*, *организация*, заметного в кругу отвлеченной лексики изучаемого времени. Этим словам также не свойственна вариантность, но они в отличие от

критик и других имеют давние истоки. Существ. *орга́н* (*арган*) известно в старорусском языке в значении ‘музыкальный инструмент’ (от греч. ὄργανον), тогда же оно могло употребляться переносно ‘средство, как бы орудие вещания, сообщения’ (Срезн., II, стб. 704—705, примеры XV в.; ДРС, XVI—XVII вв.). Как способ словесного вещания «орган» означал по существу словесный аппарат человека: Словесный *орган* (Срезн.); сего ради не оскудеет от внутрь сердца моего любовь, ниже от *арган* гласа хвала (Посл. Карпова лист. Дан., XVI в.); музыкальный инструмент: и съгласно с гусльми и *арганы* различны и песньми тем поя (Кн. глаг. Козмы Индикоплова, XVI в. ДРС). Эти в целом разветвленные прямые и образные употребления слова сохраняются в книжной традиции и далее.

В словарях XVIII в. слово обычно определяется как музыкальный инструмент (Пол. и др.), и даже в начале XIX в. *орган* употребляется прямо как ‘орудие говорения’: Скоро распространится *орган* в груди твоей, скоро станешь ты говорить внятнее (СВ, 1805). См. также несколько позже метонимически ‘голос, вокальные данные’ (о певице) в журналистике Пушкина: благородство одушевленных движений, *орган* чистый, ровный, приятный (сл. Пушк., III, с. 140). В следующем отрывке из стихотворения Тютчева «Не то, что мните вы, природа..» (1831—1836) *орган* обобщенно ‘звучание (голоса), вообще звук в искусстве)’:

...Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь, глухонемой!
Души его, ах, не встревожит
И голос матери самой!

В XVIII в. у слова *орган* возникает новое значение ‘орган чувства’: «Чувствилище, орудие [69] чувств в животных. *Орган зрения есть глаз*» (САР); [растения имеют] может статься чувственный *орган*. Кто испытал, не дышит ли тюльпан? (Словц.); впечатления, производимые на *органы* (Якоб). Начальные примеры более общего значения ‘часть тела’: На боках под ребрами утверждены все

[69] Слово *орудие* также встречается в данном смысле в XVIII в.; см., например, у Кантемира (Сат. VI, прим.): Глухой, за болезнию *орудий* уха или за лишением слуха, не может чувствовать сладость песни.

органы, от которых человек дыхание получает (Кант. Письмо V), позднее: *орган* есть часть целого растения (М. А. Максимович. О системах растительного царства. М., 1827). Эти значения складываются уже не только как развитие прежних свойств слова, но и в результате определенного семантического соотношения с иноязычными терминами, прежде всего франц. organe [70]. В плане этой же соотносительности происходит в XVIII в. эволюция одного из давних свойств слова ‘средство, орудие вещания’. В новое время (первые десятилетия XIX в.) оно выступает при обозначении средств выражения мнений, мысли (о человеке, печатном издании): «*Орган* забавных мыслей философской игры» (название книги, 1775 г.), такое свойство... делает [автора] *органом* рассудка и всемирной истины (ВЕ, 1803); о периодическом издании: Она [газета] действительно имеет корреспондентов и... служит для некоторых правительств полуофициальным *органом* (ЭЛ, XIII). С конца XVIII в. устанавливается некоторая смысловая дифференциация форм — старое *орга́н* (музыкальный инструмент, голос и т. д.) и *о́рган* [71] (чувство, часть тела и т. д.), Яновский представляет их как омонимы. Однако вполне четкого разграничения этих форм и значений не устанавливается вплоть до середины XIX в., и акцентологическая вариативность наслаивается на сложное переплетение в слове лексико-семантических свойств.

Сложно развитие появляющегося во второй половине XVIII в. прил. *органический*. Вначале оно по смыслу непосредственно связывается с *орган* ‘орган чувств’ (САР определяет: «Снабденный чувствами») и употребляется в сочетаниях типа *органическое тело*: Удивительное согласие, какое в переменах души и *органического* тела примечаем (Аничк. Разн. сп.); скоро такие сочетания приобретают цельный специальный смысл ‘живое (животное) тело’. В словаре Яновского к слову *органический* дано определение: «Членосоставный, говорится о телах, в состав которых входят мясные, сухожильные и другие части и сосуды». Здесь же находим попытку смысловой (и словообразовательной) дифференциации прилагательных — *органический* (от *орган* ‘о́рган’) и *органный*, *ор-*

[70] Ср. также DAF: «Части тела, служащие к восприятию ощущений или действию животного».

[71] Такое ударение определенно отмечается уже в САР.

ганский (от *орган* ‘музыкальный инструмент’). К концу XVIII в. *органический* приобретает смысловые свойства, соотносительные уже не столько с *орган*, а с появляющимся к тому времени существ. *организация* (‘организм’), ‘свойственный организму’. Например: взирать на [что] без действия чувств и без потрясения *органических* жилок (ПТ). В первые десятилетия XIX в. в результате развития существующих значений слова и соотносительности с иноязычными терминами выявляются и непосредственно современные нам черты его семантики ‘(вообще) относящийся к живому миру’: Аналитическое изучение *органических* форм (МТ, 1829), явления мира *органического* (Кир.) и переносно-расширительное значение ‘целостный, внутренне связанный’: Некоторое *органическое* целое, полный круг явлений (ВЕ, 1827), Образование народа требует *органического*, своего развития (МВ, 1827).

С конца XVIII в. закрепляется в употреблении существ. *организация*, известное и ранее, как ‘совокупность частей живого тела, организм’: Наш нрав, благоразумие... и все, что ни есть в нас, имеет основание свое на *организации* и на находящихся около нас обстоятельствах (ЕС, 1759), От самого неодушевленного даже до человека образы *организации* возрастают (Рад. О чел.), развитие животной *организации* (МТ, 1826); Ян. Наряду с ним как варианты выступают *членовное составление* (Тред.— соотв. франц. organisation); *строение*: познавать *строение* всех существ (Магаз.); *членосоставление* (Ян., СВ); *устроение*, *устройство*: наше *органическое устройство* (ЭЛ). В дальнейшей истории слова (первые десятилетия XIX в.) наиболее существенно возникающее употребление его с дополнениями и определениями (*организация чего*, *какая организация*), вначале в отношении частей тела, но почти одновременно с другими наименованиями в значении ‘внутренне организованное целое’. Это отмечает словарь Яновского, сопровождая пометой «в иносказательном смысле» иллюстрацию *организация политического корпуса*. Например, без зависимых слов: Все действователи, в природе известные, суть сложенные воедино, являют *организацию* превыше всего, чувствам нашим подлежащего (Рад. О чел.); с дополнениями в род. п.: *организация* моего сердца (ВЕ, 1804), *организация* человеческого ума (МТ, 1832); с определениями: духовная наша *организация* (Гал.), растения простейшей *организации* (ЭЛ).

Появляющееся в первые десятилетия XIX в. слово *организм* выступает в значении ‘совокупность частей живого тела’ (в ряду с *органическое тело*, *организация*) и в переносном смысле ‘единое целое’. Соотносительность этих слов подчеркивается, например, в словаре Кирилова (о явлениях живого мира): «для выражения этих понятий есть много слов подобнозначащих, как, например, *организм*, *организация*, *органическое тело*». Примеры слова *организм* в литературе первых десятилетий XIX в.: [место каждой вещи] во всеобщем *организме* (Гал.), *организм* государств (МВ, 1829). В дальнейшем происходит семантическое размежевание слов *организация* и *организм* (вытеснение первого из контекстов со знач. ‘живое тело’). С конца XVIII в. появляется и глагол *организовать*.

Текстовые пояснения и комментарии

§ 22. В практике XVIII— первых десятилетий XIX в. сложились некоторые приемы текстовой ассимиляции заимствований; использование их в ряде случаев может служить некоторой приметой вхождения слов в литературный обиход. Это прежде всего пояснения (словесные параллели), которыми сопровождались все новые или недостаточно знакомые слова. В XVIII в. данный прием составил традицию, своего рода жанр и явился результатом «поразительной тяги... к лексиконам и словарным комментариям» (Виноградов, с. 54), обнаружившейся особенно в ученой литературе. Пояснения применялись к заимствованной и собственно русской лексике. В этом отношении заимствования отличаются лишь количественно — большей регулярностью и постоянством пояснений. Но и здесь в зависимости от особенностей слов картина неодинакова. В качестве примера рассмотрим слово *субстанция*, история которого показывает типовые случаи текстовых пояснений и замен. В плане основной линии развития существенным оказывается для слова *субстанция* и его аналогов в XVIII в. осмысление ‘вещество, материальная субстанция (вообще)’: Исповедание единой только во всем мире *субстанции*, или существа (Прок. Безбож.). Другое получившее распространение во второй половине XVIII в. значение ‘предмет, (простое) тело’. Здесь возможно мн. число, и чаще выступают русские наименования *существо*, *тело*, *существен-*

ность и др.: *Субстанции*, которые ни пространства, ни разделения в себе не имеют, всегда присносущны (Кант. Письмо VIII); в «Статьях о философии» Козельского: свет произошел от собрания *существенностей* (substances) простых; также говорится *существенность* (substance) физическая, или тело физическое, противоположно духу, или *существенности* метафизической [72].

Одновременно со второй половины XVIII — начала XIX в. в русской ученой литературе идет напряженная выработка философско-обобщенного значения 'самостоятельная, неизменная сущность, начало' и поиски его терминологического выражения. Применяются различные наименования, среди которых *субстанция* вплоть до начала XIX в. остается нечастым (упрочение его совпадает с развитием и утверждением соответствующего философского понятия). В XVIII в. понятие субстанции еще связывается с вещью, ее свойствами, поэтому в состав применяемых названий обычно входят слова *вещь*, *существо* и др. (нередко в оборотах с *сам*, *себя*). Например: «Substance. Самобытное, от себя, собою состоящее *существо*, самобытная *вещь*» (Нов. лекс.); в сл. Татищева подобное же толкование имеет помету «филос[офское]». В рукописных переводах последней трети XVIII в. для передачи франц. substance используются слова *бытность*, *самостоятельность*, *самобытность* и др. [73] Большой вклад в разработку понятия субстанции во второй половине XVIII в. внес замечательный русский мыслитель Я. П. Козельский. На примере его словоупотребления можно также видеть характерные приемы ввода новых наименований. Это, например, следующие случаи.

1) Словосочетание (номинативный эквивалент термина), нередко включающее элементы толкования, например: Между всеми возможными истинами необходимо должно быть некоторое *само по себе пребывающее средство* (Ст. фил.).

2) То же — слово или словосочетание с иноязычным пояснением, например: Существо одногласно ли есть в

[72] См. соответственно два толкования в сл. Кронеберга: «Substantia (1) вещество, существенность... (2) существо»; сл. Даля: «Субстанция (1) материя, вещество... (2) тело».

[73] А. В. Чичерин. К вопросу о формировании русского философского языка в XVIII в. «Вопросы славянского языкознания», 3. Львов — Харьков, 1953, с. 181.

рассуждении *существенности*, или такой *вещи*, *которая имеет в себе действующую силу* (la substance) и случайности (l'accident)? (там же).

3) То же или толкование, замыкающееся самим новым термином; возможно иноязычное пояснение. Например: Та *вещь*, *которая имеет в себе действующую силу*, называется *сама по себе состоящая вещь*, или короче, *субстанция* (substantia), (Фил. предл.).

4) Заимствование, сопровождаемое в постпозиции эквивалентами (слово или словосочетание) или толкованием. Например: Чтоб представлять себе явственным образом ту *субстанцию*, или *существенность* (*вещь*, *которая имеет в себе действующую силу*), в которой они пребывают (Ст. фил.).

Текстовые пояснения занимают важное место в ученой литературе XVIII в. Они служат средством литературной ассимиляции, ввода новых слов и представляют практически существенный вид терминологической работы. Особенно распространены словесные комментарии в текстах первой половины — середины XVIII в., когда происходят напряженные поиски терминологических выразительных средств. Придерживаясь просветительских и популяризаторских целей, авторы ученых сочинений неизменно комментировали слова, нуждавшиеся, с их точки зрения, в разъяснении. Примечания, будучи лексическими (словарными), неизбежно включали в себя энциклопедический (относящийся к раскрытию понятий, реалий) материал. При заимствованиях почти неизменно указываются подходящие по смыслу русские слова, в других случаях — слова более «понятные»[74] или специальные (последние в силу своих особенностей казались определенными по смыслу). Повсеместное следование этой методе сделало ее своего рода нормой, обычаем письменности XVIII в., а самой работе придало самостоятельный характер. Постоянство пояснений при заимствованиях, например, приводило к тому, что пояснялись не только новые и действительно малознакомые слова, но и вообще все, в том числе старые и уже знакомые заимствования (см. одинаково понятные в XVIII в. слова *философия* и *любомудрие*, *центр* и *середина* и пр., из которых, однако,

[74] Критерий этот был весьма относительным и сталкивался с действием складывающейся традиции. О глоссах в исследуемый период см.: Василевская, с. 150—162.

обычно поясняются заимствования). Поясняющее слово оказывалось подчас не более (а иногда и менее) понятным, чем поясняемое.

В первой половине — середине XVIII в. встречаются в основном текстовые пояснения: 1) на полях (Сист., Сокр. мат., Комм. АН и др.); 2) внутритекстовые (Шаф. Расс., Варен., «Прим. вед.»); 3) подстрочные (внизу страницы) (Кант., Тред. и др.); 4) пристатейные и прикнижные перечни слов (Буж., Ген. регл., Тепл., Тред.). Эти разновидности, особенно первые три, не имеют принципиальных различий и употребляются по усмотрению авторов, часто совмещаясь в пределах одного произведения («Прим. вед.» и др.). Пояснения могли быть однословными и неоднословными, номинативными и описательными. Например: «Два тела **эластические*» — «**отпрыгные*» (Комм. АН), по образу *политизованных* (или *правильно расположенных* государств (Шаф.). Текстовые пояснения заимствований имеют целью не только раскрытие этих слов, но и представление русских эквивалентов: «*квадратное» — «*четвертное», «*циркумференция циркула»— «*округлость» (Сокр. мат.). По поводу таких примеров Шишков позднее писал: «При начале обучения в России математических наук *круг* называется *циркулем*, *окружность циркумференцией*; ныне весьма бы странно и смешно было, если бы кто вместо *окружность круга* стал писать *циркумференция циркуля*».Однако далее, пользуясь этой аналогией, Шишков старался доказать целесообразность замены уже утвердившихся слов *астрономия*, *физика* и др. на *звездочетство*, *естествословие* и др.[75] Даже при таком расположении компонентов (заимствование — русское слово), центр внимания нередко фактически находился на второй части. Заимствование оказывается в большей мере средством спецификации и идентификации выражения, отнюдь не всегда рекомендацией к употреблению. Например, в переводе «Географии генеральной» (1718): в *склопете пневматическом* (в *ружье духобойном*); такие примеры нередки у А. Кантемира.

Целенаправленный характер текстово-терминологической работы ощущается во многих источниках XVIII в. Разные способы подачи специальных выражений излага-

---

[75] Шишков. Приб., с. 72.

ет Ф. Поликарпов (см. его предисловие к упомянутой «Географии генеральной»). Он предусматривает употребление заимствований без пояснений, с пояснениями и попеременное (смешанное) употребление заимствованных и русских терминов: «Речения же терминальная греческая и латинская оставлях не преведена ради лучшего в деле знания, а ина преведена объявлях, заключая в парензеси [т. е. скобки]. Многие же и пременно писах ради лучшего учащемуся вразумления». Последнее относится преимущественно к наименованиям, «яже между собою взаимно едино вместо другого глаголются сих наук искусными» (попеременно Поликарпов употребляет *дистанция — расстояние* и др., без пояснения *центр*, *пункт*, *натура* и др.). Различие пояснений, используемых при слове даже в пределах одного издания, свидетельствует о поисках подходящего выражения понятий. Например, в реферате «О первых учения физического фундаментах» (Комм. АН) в разных местах слово *диссертация* поясняется: *рассудительные слова*, *разглагольствия*, *беседования*, *рассуждения*. Состав (подбор) слов для пояснения в источниках одной эпохи не совпадает. Поучительное назначение многих пояснений проявляется в том, что слова комментируются не обязательно при первом упоминании в тексте, а, так сказать, при особом обращении к ним. Например, Поликарпов слово *циркуль* поясняет («тож и *круг*») лишь в разделе, специально посвященном данному вопросу, до этого же употребляет без помет.

Прием текстового комментирования остается продуктивным в ученой, публицистической литературе вплоть до первых десятилетий XIX в. На протяжении этого периода он обнаруживает свою историю. Во второй половине XVIII в. отчасти меняется внутреннее соотношение пояснений. Если раньше комментировались в тексте (русскими словами) заимствования, то теперь часто пояснения относятся к русским словам, а средством спецификации служат заимствования и непосредственно иноязычные слова. Например, в сатире III Кантемира (1-я ред., прим.) в связи с изложением атомической теории древних употребляется слово *атом* и внутритекстовое пояснение к нему: Епикур.. основание всей твари поставляет в *атомах* (или *телах так малых и твердых*, которые никак *раздробиться на части не могут*). В конце XVIII в. у Радищева («Житие Федора Васильевича Ушакова») соотно-

РАЗСУЖДЕНІЯ

ДВУХЪ ИНДІЙЦОВЪ

Калана и Ибрагима

о человѣческомъ познаніи

сочинены

Статскимъ Совѣтникомъ

Яковомъ Козельскимъ

ТОМЪ ПЕРВОЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано съ дозволенія Управы Благочинія

у Шнора 1788.

Рис. 3. «Рассуждение двух индейцев» Я. П. Козельского

шение поясняемого и поясняющего уже иное: Если каждая *начальная порошинка* (*атом*) есть вещество чувственное... Распространенней становится спецификация с помощью собственно иноязычных слов; например, со значением ‘масса’ — лат. massa, франц. masse, нем. Masse: Притяжательные силы пропорциональны количествам материи (masses) (Магаз.). Что касается словесной структуры пояснений, то и здесь на протяжении изучаемого периода наблюдается определенная эволюция. В первой половине XVIII в. весьма распространены однословные текстовые пояснения, во второй половине XVIII — начале XIX в. больше становится развернутых (в том числе относящихся к определению понятия) комментариев. Это в немалой степени обусловлено развитием и общим состоянием литературно-книжной лексики: если в первой половине XVIII в. на первый план выдвигался подбор (и отбор) номинативных средств — слов и словосочетаний, то позднее эта задача осложняется потребностью в уточнении, спецификации многих из них, что соответствующим образом изменяет направленность пояснений.

ПАРНОЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

§ 23. В истории изучаемой лексики действенным было еще одно весьма характерное явление, тесно связанное с образованием новых слов и их функционированием. Оно также обусловлено общим состоянием литературно-книжной лексики XVIII — первых десятилетий XIX в., специфической вариантностью, распространенными тогда приемами литературно-текстового комментирования. На всем протяжении указанного времени типичным оказывается своего рода парное производство слов; например при новых заимствованиях часто выступают равнозначные русские слова, составляя смысловые параллели. Это явление приобретает черты некоторой закономерности. Парное производство особенно продуктивно в первой половине XVIII в. Установление парных соотношений обычно сопровождается семантическими изменениями в соотносительных словах, что также относится к существу парного производства).

Новое заимствование — существующее русское слово. Пары, объединяемые здесь, самые многочисленные, но неодинаковые по степени и

направлению лексико-семантических преобразований. Чаще всего в русском слове происходит смысловой сдвиг, специализация. Практически дело можно рассматривать так: определенное содержание получает как бы двойное выражение — посредством заимствования и семантически преобразованного своего слова. Например, слова *спутник* (*сопутник*) и *сателлит* (*сателлес*) 'космический спутник' входят в научное употребление в первые десятилетия XVIII в. (в данном случае русский термин утверждается на десятилетие раньше заимствования) [76]. Встречающиеся вначале вариантные формы заимствования *сателлит* и *сателлес* объясняются использованием при их образовании лат. ед. ч. satelles и мн. ч. satellites. Русский термин в процессе специализации соотносился как с заимствованием, так и непосредственно с иноязычным (общепринятым в науке) выражением. Ср. старое *съпутьник* (Срезн. «товарищ по пути»), еще словарь Вейсмана отмечает слово только в этом смысле: «Begleiter... *спутник*, провождатель». В новом научном смысле оно представлено в тексте и предисловии «Книги мировзрения» Брюса: *сопутники* звезд, Юпитера и Сатурна; там же слово в жен. роде по отношению к луне, что свидетельствует об осознании еще предметно-образной основы выражения: подобно убо яко же земля луну в *спутницу* имеет. Этот термин использует Горлицкий в переводе «Сокращения математического», однако он же вводит заимствование *сателлиты*, поясняя его русским словом *спутники*: И сии [маленькие планеты] нарицаются *сателлиты [*спутники] Юпитеровы.

Заимствование (особенно латинизм), лишенное образной основы и как бы непосредственно соотнесенное с иноязычным (общепринятым) термином, представлялось в данном случае специальнее и пригоднее в целях научной номинации. Показательно, например, что Кантемир, уделявший большое внимание популяризации национальной терминологии, использует тем не менее в своих произведениях *сателлес* (Сатиры) и *сателлит* (Разг.)— наряду с вариантными наименованиями *луна*, *малая планета*, *небольшая планета*. Слóва *спутник* среди них нет, оно встречается у Кантемира в прямом смысле: Гораций здесь называет гребцами Улиссовыми тех, что в другом месте

[76] Кутина, Яз. науки, с. 100—101.

называет его *спутниками*, его товарищьми (Письм. Горац.). В дальнейшем слово *спутник* распространяется в литературе (Тепл., Рум., Котельн., Поповск., Сойм. и др.) и уверенно вытесняет «парный» латинизм; однако в истории русского слова описанная соотносительность была важным этапом на пути его терминологизации [77]. Иное и сложное смысловое (и содержательное) соотношение и разграничение наблюдается в конце XVIII — начале XIX в. в словах *революция* и *переворот* в социальном и переносном смысле. История их далеко выходит за пределы изучаемого периода [78].

В XVIII в. парные соотношения наблюдаются у слов *кризис* (гл. II) и *перелом*. Слово *перелом* не распространено до середины XVIII в. [79]; оно встречается в прямом значении, например, в научном обиходе: Прочее же строение [растения], как из *перелому* видеть можно.... (Лепехин. Карт. XVIII в.). Состав па́ры в данном случае устанавливается не сразу и вначале иной. Как известно, Кантемир соотносил *кризес* с *премена*; ср. также Нов. лекс. (1, с. 612): «jours critiques *переменные* дни». Со второй половины XVIII в. вместе с *кризис*, в ряду с ним, упрочивается *перелом*, в котором соответственно происходит семантический сдвиг. Например, у Фонвизина слово представлено со значением ‘решающая перемена в болезни’: В самое то время, когда сделался *перелом* болезни и натура начала действовать сама собою... (Басн. Голб.).

В словарях XVIII в. при толковании *кризис* и *перелом* отмечается лишь это медицинское значение слова (Ян., САР). Однако практически слово *перелом*, как и кризис, охватывает более широкую сферу употребления — общественную, экономическую и др. Например: Для всех народов минуты образования бывают *переломом* (crise) — ВЕ, 1802, № 6 (из заметки Карамзина «Любопытная нота французского кабинета, напечатанна я в «Монитёре») За несколько лет пред тем два ужасные *перелома* разорили

---

[77] О последующей истории слова *спутник* см.: А. А. Брагина. К истории слова *спутник*. «Современная русская лексикология». М., 1966.

[78] Подробнее см.: В. В. Веселитский. *Революция*. «Русская речь», 1968, № 3.

[79] В «Материалах» Срезневского такие существительные с приставкой *пере-* отмечаются, например, *перелог* ‘пашня, оставленная под паром’.

некоторых банкиров (МВ, 1827). К рассматриваемой группе также относятся: *явление — феномен*, *определение — дефиниция*, *нравоучение — мораль*; *тело — корпус*, *подлинник — оригинал*; позднее: *неделимый — индивидуальный*, *безусловный — абсолютный*, *отвлеченный — абстрактный* и др.

§ 24. Новое заимствование — новое русское наименование. В этих случаях, как и в других, одно слово хронологически может предшествовать другому. Некоторые слова являются морфологически подобными (кальки и др.): *созвездие — констеллация*, *атом — несекомое*, *неделимое — индивидуум* и др. Однако чаще компоненты пары не имеют структурного соответствия. Так, выражение *сын отечества* по смыслу соответствует заимствованию *патриот* и франц. patriote (от лат. patria 'родина, отечество') и образует с начала XVIII в. тесную смысловую параллель *патриот — сын отечества*, но имеет самостоятельные истоки в русском языке. Оно образовано из весьма употребительных в XVIII в. и ранее слов *сын* (с богатой фразеологией) и *отечество*. Выражению *сын отечества* свойственны собственные смысловые оттенки и образная основа столь заметные, что Шишков не без основания писал: «...вы говорите, в нашем языке нет слова patriote, но скажите, есть ли во французском языке понятие, равносильное тому, какое заключается в нашем выражении *сын отечества*?» [80] Уже Шафиров (Расс., пред.) поясняет слово *патриот* выражением *сын отечества* (во фразе: Некоторый верный **патриот* из российского народа), в дальнейшем этот параллелизм постоянен: «Patriot, о отечестве своем великое попечение имеющий, *сын отечества*» (Вейсм.); «*Патриот*, ревнитель о пользе отечества, *сын отечества*» (Кург., Слов.)[81]; «*Патриот*... fils de patrie» [82] (Гейм); широкий круг синонимических выражений приводит Яновский, среди них на первом месте *сын отечества*: «*Патриот*. Гр[еческое]. *Сын отечества*. Отечестволюбец, любитель отечества, рачитель, ревнитель о пользе отечества».

---

[80] Шишков. Прим., с. 69—70.

[81] В толкованиях встречаются некоторые выражения, в данное время и впоследствии употребляющиеся в том же значении.

[82] Это выражение не представлено как употребительное во французских словарях XVIII в.; возможно, здесь лишь толкование слова «по-французски».

До конца XVIII в. выражение *сын отечества* более употребительно, чем *патриот*, и по существу формирует характерный для этой пары круг сочетаемости. Употреблению его присущ пафос гражданственности, обычны при этом определения *истинный*, *верный*, *правдивый*, *доброжелательный*, *полезный* и др. Например: Я не по пристрастию и не взирая на лицо, но как верному *сыну отечества* надлежит по присяжной должности поступаю (Лом. Мнение о речи Мюллера, 1749 г.) [83], всякий правдивый *сын отечества* (ЕС, 1763). Оно выступает в остром по содержанию высказывании Кантемира: Вельможа... свирепством своим того ж *дети Отечества* взаимну гибель подущает (Сат. V, 1-я ред.); о высоком предназначении патриота-гражданина говорит Радищев в «Беседе о том, что есть *сын отечества*». *Сын отечества* сближается с другими, тематически близкими выражениями — *член отечества*, *защитник отечества (ревностный)*, *член общества*, *истинный гражданин* и др.: Яко *сын отечества* и *гражданин* (Сох. Предм.), истинный человек и *сын отечества* есть одно и то же (Рад. Бесед.).

Отношения парного производства в целом представляют собой разновидность лексической вариантности XVIII в. (гл. II) и подчиняются тем же закономерностям. В конце XVIII — начале XIX в. параллелизм *патриот — сын отечества* распадается; специальный и отчетливо социальный характер приобретает слово *патриот*. В выражении *сын отечества* такой специализации препятствовало сохранявшееся прямое, образное восприятие его, например, Панкевич меняет свободно форму слов в сочетании, отчасти переосмысливая его: ...истинно усердных своему *отечеству сынов*, защитников оного, героев, *патриотов* (Ср. просв.); возможность лексико-семантического варьирования его (*сын отечества — сыновья*, *дети отечества*); живая соотносительность с упоминавшимися тематически близкими выражениями. Сыграло роль также отсутствие у указанного выражения адъективной формы и наличие ее у заимствования (*патриотический*), существительного с обобщенным значением (*патриотизм*).

Практически с конца XVIII в. выражение *сын отечества* в качестве термина выходит из употребления и в

---

[83] У Ломоносова рассматриваемое выражение весьма употребительно, особенно в переписке.

словарях не приводится. САР (IV, с. 535) приводит в качестве заголовочного композит *отечестволюбец*, и даже в тексте толкования рассматриваемое выражение отсутствует: «*Отечестволюбец*. Ревнующий о благе и пользах своего отечества» (в этом же словаре прил. *отечестволюбивый*). Словарь 1847 г., вводя в реестр *патриот*, толкует его также без выражения *сын отечества*. Сочетание *сын отечества* используется наряду с другими, подчас образными выражениями, например, у декабристов *сын отчизны* и др. [84] У Пушкина при наличии слова *патриот* (7 примеров — письма, журналистика) и широкой употребительности слов *отечество* (128) и *сын* (382 — с богатой фразеологией и перифрастикой: *сын брани, неба, ночи, России* и т. д.) выражение *сын отечества* отмечено около 30 раз, но лишь как название журнала (сл. Пушк., III, с. 207, 284; IV, с. 450—451; Карт. Пушк.) [85]. Определенную конкуренцию выражению *сын отечества* в исследуемый период составили также некоторые соотносительные по смыслу (в том числе однокоренные) наименования. Наряду с *отечестволюбец* слово *отечественник* (Гелт.: «отечественник, ein Patriot») встречается у Тредиаковского в переводе Вольтера (Разгл. церк., 1768): Находились [т. е. оказывались] *отечественниками* не меньше...— в переводе Мещерского (1776) это место представлено с заимствованием: Они также *патриоты*. В сл. Даля (II, с. 724; III, с. 24) при отсутствии *сын отечества* (и наличии *патриот*) перечисляется широкий круг слов, в том числе сложных — *отчизнолюб, отчизнолюбец, отчелюбец, отечественник, отчизник*.

Историческую преемственность слов в составе пары иллюстрируют слова *имагинация — умоначертание* (и *образование, воображение*) в значении ‘умственное представление’, ‘способность, сила умственного представления’. В словоупотреблении Кантемира представлены два пути выражения данного значения — заимствование *имагинация* (лат. imaginatio от imago ‘образ’) и как параллель (не перевод) собственный композит *умоначертание*. Пример латинизма: «*Имагинация*. В прямой своей силе значит

[84] Л. И. Ш о ц к а я. Общественно-политическая лексика гражданской поэзии декабристов 20—30-х годов XIX в. Канд. дисс. (рукопись), 1953, с. 335 и др.; Авилова.

[85] Оно не отмечается среди перифраз поэта: «Поэтическая фразеология Пушкина». М., 1969, с. 386—387.

действо души, которым понимаем чувствительные вещи, *умоначертание....*» (Разг.) [86], там же в тексте: Рассуждение о тех людях, которые всему тому не верят, чего они своими чувствами или *имагинациею* понять не могут. Сложные слова на *умо-* издавна известны в русском языке (Срезн.: *умодвижение*, *умоисступление*, *умопрелестник*, *умодельник* ‘художник’ и др.); образование слова *умоначертание* происходит в русле этой давней модели. У Кантемира оно встречается не только в дефиниции, но и в тексте: Надобно бы было, чтоб *умоначертание* наше представило нам тотчас их фигуру (Разг., в ориг.: imagination). Слово встречается и позднее, но не часто (Брянц., Лепехин и др.). Однако пара *имагинация — умоначертание* существует лишь на ранней стадии и со второй половины XVIII в. начинает вытесняться другими наименованиями. У Тредиаковского в данном значении выступает *образование* с корнем *-образ-* (продолжение указанной выше линии от лат. imago, imaginatio). Например: в Тилемахиде хотя, видимо, повсюду *образование* богатое, живое, острое, а однако при всем том разум твердый (Ир. пиим.; то же в Сл. прем., с поясн.: imaginatio).

Преобладающей в XVIII в. становится префиксальное наименование с этим же корнем *воображение*, известное ранее в прямом смысле ‘изображение’: великое ангельское *воображение* (т. е. образ, изображение ангела) (Требн., XVI в. ДРС). В новое время это значение получает развитие и специализируется (часто во мн. ч.) в значении ‘представление, мысленное изображение чего-либо’. Например: *Воображения* злых дел в уме ему да влагают (Сист. Карт. XVIII в.); Человек, слагая понятие с понятием и *воображение* с *воображением*, о свете рассуждает (Сум. Раз. чел.). В этом значении слово синонимично с *мечтание*, *мысль*, позднее *представление*.

Однако основным в слове в исследуемый период становится значение его, продолжающее ряд *имагинация*, *умоначертание* и другие и являющееся результатом сближения слова с данными наименованиями. Появляются смешанные построения с *умо-* и *-образ-*: Должно, дабы *умоображение* превышало видение (Сокр. мат.); Идеальная, или мысленная, связь [вещей] имеет токмо место в

---

[86] См. также: «Imagination. Мнение, воображение, мысль» (Нов. лекс.).

нашем *умообразовании* (Брянц. Св. вещ.). Их вытесняет *воображение*: Где *воображение* наше... комету представить должно (Опис. ком.); Все качества, как добрые, так и худые, состоят только в *воображении* нашем (Сум. Фил. сект.); Он стихотворец, и легко его *воображение* может быть управляемо.... (Храп. Пам. Зап. Карт. XVIII в.), Кант. Слово *воображение* приведено в перечне терминов Теплова: «*воображение* — perceptio — perception». Вытеснение старых наименований *имагинация — умоначертание* можно проследить и на переводах «Разговоров» Фонтенеля: и то не такая ли *имагинация* есть (1740) — *воображение* (1802); [идеи книги] представляют *умоначертанию* зрелище некое (1740) — *воображение* (1802). Курганов в «Прибавлении» среди слов, которых нет в его книге, упоминает и *имагинация*, но уже как такое, которое «напрасно введено» в язык. К рассматриваемой группе относятся в исследуемый период также *теория — умозрение* и др.

§ 25. Меньше случаев, когда при старом заимствовании в плане парного производства появляется новое русское слово. Примером служит *центр* (до XVIII в. нередко в греческой огласовке *кентр*). Слово употребительно на всем протяжении исследуемого периода, см. в самом начале XVIII в.: Колико будет с единого угла чрез *центр* к противному полю (Магн.). Вместе с тем в первые десятилетия XVIII в. возникает слово *средоточие*, которое становится постоянным смысловым соответствием к заимствованию *центр* и образует с ним пару. В основу его легли давние *средина*, *средняя точка* и другие, которые в новое время функционируют как варианты со значением ‘центр’. Например: Нарицается **центр* сферы [поясн.: **средина* шара] (Сокр. мат.); О земле он думал, что она, конечно, движется, только не в *центре* мира стоит. В самой *середней точке* всего мира он разумел солнце (Тепл.). Ранние примеры слова *средоточие* находим у Кантемира, который разъясняет слово (возможно, оно является его новообразованием) и соотносит с *центр* (и *средняя точка*): Она [земля] обтекает великий круг около солнца. Смотрю убо на *средоточие* того круга и вижу там солнце (Раз.); примечание к этой фразе: «*Средоточие*. Средняя точка, центр». Один случай замены слова *центр* на *средоточие* встречается в редакциях сатир Кантемира: Земля вместо *центра* всего система имеется (Сат. I, прим., 1-я ред.) — вместо *средоточия* (2-я ред.).

Однако в дальнейшем вплоть до конца XVIII в. слово *средоточие* встречается редко.

Слово *центр*, кроме значения 'средняя точка круга или сферы', в XVIII в. выступает в ряде иных контекстов. Расширительное осмысление лежит в основе употребления слова 'центр физических сил': Сия линея всегда чрез *центр* тяжести его [тела] проходит (СУР, III), *центр* сил (там же); о деятельности: Тир был общий город всех народов, также *центр* (*средина*) всякой коммерции (Сав. лекс.), град всех племен и **кентр* [сноска: **центр*] купечества обща (Тред. Тилем.), Иркутск, будучи теперь истинным *центром* сибирской торговли, будет распространяться паче и паче (Рад. Кит. торг.) [87]. На протяжении второй половины XVIII в. лексический состав подобных контекстов с *центр* расширяется, а само употребление слова становится более отвлеченным: Здравым рассуждением приближаемся мы к *центру* познания (Сум. Неспр. осн.); в *центре* общего блага (Панк. Ср. просв.).

В основном такое употребление свойственно парному соответствию рассматриваемого слова — композиту *средоточие*, у которого имеются примеры прямого и расширительного употребления: Среди знаменитого града, *средоточия* толико пространной империи (Сох. Торж. сл.); Тело падает к средине земли, и частицы вещественности стремятся к их *средоточию*; Побуждения наши, сосреждаяся, так сказать, в духе яко в *средоточии* зажигательного зеркала.... (Рад. О чел.). Это слово встречается наиболее часто в отвлеченных контекстах. Например: Самолюбие требует, чтоб вещи сами к нам привязаны были, и делает себя во всем *средоточием* (Любв.), беспрестанно погружаюсь в глубину чувственности, влекущей меня к своему *средоточию* (А. М. Кутузов — И. В. Лопухину), 18/29 декабря, 1790 г., [человек] вознесется до общего начала, которое, как *средоточие истины*, озарит все стези, к оной ведущие (Рад. О чел.); *средоточие* всемирной торговли; думать, что я *средоточие* нравственного мира (ПРП. Карт. XVIII в.); человеков за истинное *средоточие* сей сотворенной земли и всех вещей почитаем (УС, 1777). Слово употребительно в журналистике первой трети XIX в.

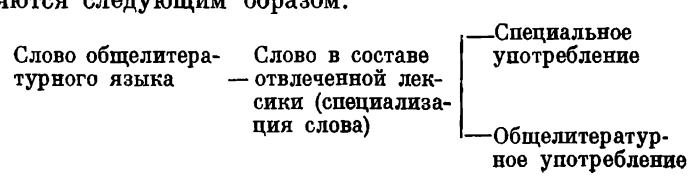
[87] *Центр* при обозначении географического положения относим к «прямым» употреблениям слова.

Глава IV

НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

§ 1. Смысловые изменения составляют другой основной (помимо новых слов) источник отвлеченных наименований. Явления, наблюдающиеся здесь, отличаются сложностью, демонстрируя разноплановые процессы, происходящие в лексике. Этим объясняется, что существующие семантические классификации нередко оказываются чрезмерно дробными или общими и неполными. Для изучаемой лексики характерно направление ее функционально-семантического развития. В составе отвлеченной лексики слова претерпевают на протяжении XVIII в. интенсивную специализацию. Дальнейшая их эволюция в 20-е и особенно 30—40-е годы XIX в. заключается в том, что они в новых значениях распространяются в общелитературном употреблении (при сохранении в специальных сферах собственно терминологических значений).

Подобный путь является типичным для многих слов. Например, с появлением во второй половине XVIII в. слова *отвлеченный* (ранее *отделенный*) в философском значении ‘абстрактный’ оно закрепляется в специфических контекстах, преимущественно связанных с определением форм познания и мышления (*отвлеченные* понятия, истины, рассуждения и др.). Однако уже в 20-е годы XIX в. обнаруживается употребление слова в общем смысле ‘умозрительный непредметный’. Схематически процесс вовлечения слов в круг отвлеченной лексики и дальнейшее развитие их в изучаемый период представляются следующим образом.

Подобное направление эволюции обнаруживается в истории слов *относительный, абсолютный, положительный, отрицательный* (см. ниже); субстантивные образования на *-ое*, которые еще в 20-е годы XIX в. были принадлежностью сугубо философского языка, к середине XIX в. в значительной мере теряют свою специфичность (гл. III, § 6).

Как и в области словопроизводства, семантические процессы показывают постепенное формирование некоторых типов эволюции слов. Это, например, переносное употребление терминов, явления семантической индукции, лексико-смысловые противопоставления и др. С течением времени действие этих образцов вовлекает в русло изменений все новые единицы, предопределяя сдвиги в их семантической структуре. При этом судьба старых и новых значений, их генетические и собственно смысловые соотношения, короче говоря, конкретная схема изменения в отдельных словах могла не совпадать. Однородные в одном плане слова в иных своих свойствах подчиняются другим закономерностям и соответственно по-разному группируются.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ИНДУКЦИЯ

§ 2. В развитии отвлеченной лексики XVIII в. определенную роль сыграло соотношение с иноязычной терминологией. Однако до сих пор в науке явления этого рода определяются по-разному, а понятие «кальки» чрезмерно расширяется. Ю. С. Сорокиным было введено понятие «семантической индукции», которое включало в себя «калькирование» и «семантическое переосмысление слов с учетом значений соответствующих иноязычных синонимов» (Сорокин, рец., с. 112; ср. Развитие, с. 165). У В. В. Виноградова для некоторых видов рассматриваемых явлений используются выражения «сближение» (как в слове *очерк*)[1], «соотношение» (*воззрение*)[2] и др. Несомненно, в данной сфере необходимо различать сильные и слабые ситуации, как и вообще разные типы явлений.

То, что обычно называется «семантическими кальками», представляет собой по существу смысловое заимствование. Основой заимствования при этом служат разные черты

[1] Докл. и сообщ. Ин-та языкозн. АН СССР, т. XII. М., 1959, с. 41—42.

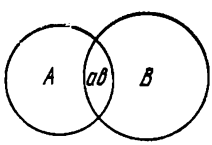
[2] ЭИРЯ, вып. 1, 1960, с. 54 и сл.

сходства или общности слов — значение, структура, звучание.

I. Рассмотрим первый случай — соотношение на основе общности одного из значений слов. Классический пример данного рода представляет слово *трогать* в значении ‘возбуждать чувства, сочувствие’; он используется еще Шишковым. Значения, указывал Шишков, могут основываться на «вещах видимых» (прямые, предметные значения) и «умственных» (отвлеченные, переносные значения). Семантический состав слов разных языков неодинаков из-за разного «сцепления понятий» и совпадает лишь частично, преимущественно в прямых значениях (рис. 4). Сегмент *ab* — общая часть франц. toucher и

toucher ——— *трогать*

Рис. 4

русск. *трогать* (например: toucher avec le mains ‘*трогать* руками’). A — область слова toucher, отличная от *трогать* (например: *toucher* le clavecin не ‘*трогать*’, но ‘*играть на* клавикордах’), B — значения *трогать*, отсутствующие у французского слова (Шишков поясняет это: *тронуться с* места — partir). Ошибка состоит в том, считал Шишков, что «уравниваются... круги знаменования слов» и на основе общности прямых значений из одного языка в другой переносятся значения отвлеченные — в данном случае значение франц. toucher ‘возбуждать чувства, сочувствие’, которого раньше слово *трогать* не знало [3] (Шишков. Расс., с. 29—46).

Слово *трогать* в новом смысле встречается уже в трагедии Сумарокова «Гамлет», где Гертруда, раскаиваясь

[3] Следует заметить, что Шишков довольно точно указывает здесь основные случаи семантического соотношения слов разных языков, и имеющиеся исследования констатируют примерно то же: A = B, A пересекается с B, A внутри B (или наоборот), A ≠ B (J. Filipec. Zur innersprachlichen Konfrontation von semantischen Teilstrukturen im lexikalischen System. «Travaux linguistiques de Prague», 3. Prague, 1968, с. 109).

в убийстве первого мужа, обращается к королю Клавдию и придворным:

...Вы все, свидетели моих безбожных дел:
Того противна дня, как ты на трон возшел,
Тех пагубных минут, как честь я потеряла
И на супружню смерть *нетронута* взирала [4].

Такое словоупотребление казалось в то время весьма необычным и было отмечено Ломоносовым и Тредиаковским в отзывах (1748) на трагедию. В силу разного значения сло́ва весь отрывок оказывался даже двусмысленным, что нашло отражение в известной эпиграмме Ломоносова:

...Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружню смерть *не тронута* взирала [5].

Тредиаковский привел это место в числе «негладких и темных» выражений трагедии и писал: «*Тронуть* вместо *привесть в жалость* за французское toucher толь странно и смешно... Кто из наших не примет сего стиха в следующем разуме, именно ж, что у Гертруды супруг скончался не познав ее...» Тредиаковский предлагал исправить спорное место: «без жалости взирала» [6]. Однако Сумароков настаивал на своей редакции и в «Ответе на критику» утверждал: «*Тронуть сердце* вместо *привесть в жалость* говорит весь свет» [7]. Данные стихотворные отрывки, воспроизведенные Шишковым, шокировали карамзиниста Макарова (рец., с. 193), но фактически это один из первых эпизодов литературной полемики о слове.

Регулярно слово встречается с конца XVIII в.: Сии печальные слова нас *тронули* (Фонвиз. Сидн.), похвален Степан Хр[аповицкий], что *тронул*, говоря речь (Храп. Дневн., 1787, январь); сие меня чувствительно *тронуло* (А. И. Плещеева — А. М. Кутузовой, 10 ноября 1790 г.); картина благосостояния и порядка *трогает* человеческое сердце (Руссо. Мысл.). Карамзин употребляет слово в разных произведениях: сходство изумляет и *трогает* (ВЕ, 1802), я был размягчен, *растроган* (ПРП, I); Агл. [8], СВ

[4] Сумароков, III, с. 76.
[5] Ломоносов, VIII, с. 211.
[6] Тред., II, «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух епистол, писанное от приятеля к приятелю» (1750).
[7] Сумароков, X, с. 111 — Несомненно, писатель имел в виду не русск. *тронуть*, а его иноязычные соответствия.
[8] Ср. также в переводах Бюффона: [эти явления] всего меня *оживляли — одушевляло* (Ф) — *трогает* (Кар.)

и др. В словаре Нордстета (с. 805) примеры в прямом смысле *не трогай, не тронь*, и новые *тронуть чье сердце, сие меня трогает*; последнее у Гейма (III, с. 256) с пометой «фигуральное»; то же в CAP (VI, с. 784): «* Подвигать кого на гнев, на жалость, к чувствительности. *Печальная весть тронула его чрезвычайно*». Тогда же *трогаться*: Никто не *тронулся* (Фонвиз. Сидн.); какое сердце могло бы не *тронуться* такой переменой (BE, 1802); наши ощущения, наши опыты ничто иное суть, как способ *трогаться* (СВ, № 7) и др. В DAF 1762 (II, с 850—852) toucher 'касаться рукой вещи' и образно 'вызывать эмоции', всего 11 рубрик статьи.

Остальные производные, обнаруживающиеся в это время, вполне вероятно, оригинального образования в русском языке по продуктивным образцам на основе нового значения *трогать*. Все они встречаются у Карамзина — *трогательный*: Все оставленное мною представлялось мне в таком *трогательном* виде (ПРП—МЖ, *I*) [9]; ср. наряду с этим *трогающий*: *трогающие* чувствования, начертания (Бюфф. Ф); *трогательно*: представляет Эйлалию очень *трогательно* (МЖ, II); *трогательность*: жаль, что здесь искусство не соответствует *трогательности* предмета (там же, I); ММ, Дашков и др. В конце XVIII— начале XIX в. рассматриваемые слова выступают на месте старых описательных выражений; например, в разных переводах «Разговоров» Фонтенеля: Красота ночи подобна черноволосой красавице, которая к *большему ощущению приводит* (Разг., 1730, в ориг.: plus touchante)— гораздо *трогательнее* (1802). Последний пример, в частности, показывает, что на ранней стадии *трогательный* и другие обладали ббльшим смысловым диапазоном, чем позднее: это не только 'вызывающий жалость, сочувствие', но вообще 'производящий впечатление'.

(*Трогать* — ясный случай семантической «кальки»: существующее (старое) слово на базе общности прямого значения перенимает новое значение («уравнивание кругов»). Важно заметить, что семантического преобразования, т. е. превращения имеющегося значения в иное, в таких случаях не происходит: новое значение попросту заимствуется, переносится. Это обстоятельство в настоя-

[9] Шишков (Расс., с. 207—209) отмечает *трогательный* среди новых слов.

щее время отмечается исследователями и дефинитивно указывается в некоторых курсах и литературе [10]. Поэтому трудность состоит не столько в теоретическом определении данного явления, сколько в практическом выделении относящихся сюда фактов, в отграничении их от структурных ка́лек и разных видов семантического сближения и соотносительности (индукции). Целесообразно рассмотренное явление трактовать по природе его как семантическое заимствование (условно «семантическая калька»).

Чистые «кальки» этого рода нечасты (ср. позднее в XIX в. *плоский* и др.). Чаще семантическое заимствование совмещается с собственными смысловыми свойствами слов. Один из типичных примеров этого рода представляет слово *вкус*. Ранние примеры его в новом значении ‘разборчивость, понимание (чего)’ находим у Кантемира: *Вкус* в платьях опять кому больше знакомый? (Сат. II, 1-я ред.); выражение *вкус в платьях* разъясняется писателем с указанием, что «*вкус* только в кушаньях говорят», здесь же взято «с французского языка» (там же, прим. к стиху 231). Словари первой половины XVIII в. приводят слово только в прямом смысле: «in der Speise, укус, *вкус*» (Вейсм., с. 140); Целл. Но уже Новый лексикон (II, с. 38—39) переводит: il a le *goût* bon, у него рассуждение доброе, *вкус* добрый.

С середины XVIII в. слово *вкус* в новом смысле быстро распространяется, складывается круг его сочетаемости и употребления: *Вкус* наш происходит от многого читания сочинителей (ЕС, 1755), Сум. [11]; истины *вкуса* и чувствования (Тред. Фил. Бак.): судия *вкуса* (Коз. Ст. Фил., I); к заимствованию... некоторого *вкуса*, учтивства в обхождении (Барс. Перв. седм.), то же Фонвиз., Рад. У карамзинистов *вкус* выступает как эстетическая категория: Эстетика есть наука *вкуса* (ПРП — МЖ, II). Определения при слове указывают сферу приложения и характер суждений: *вкус* добрый (Тред. Ир. пиим.); хороший *вкус*: чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение,..хороший *вкус*, знание свойств русского языка (II, пред.), изящный (Сох. и др.), нежный, тонкий *вкус*, тонкость

[10] Н. М. Ш а н с к и й. Лексические и фразеологические кальки в русском языке.— РЯШ, 1955, № 3, с. 30; А. В. К а л и н и н. Лексика русского языка. М., 1966, с. 66; Випокур, с. 130.

[11] Таким образом, слово встречается ранее, чем у Тредиаковского (ср. HWB, с. 86).

вкуса: переводчик присовокупляет к сему некоторую тонкость разума и *вкусу* (ЕС, 1760)— утончение *вкуса* (ВЕ, 1810); чистый *вкус* (ТП)— *вкус* очистился (Макар.); народный *вкус*, философский *вкус* (Коз. Ст. фил., II), естественный *вкус* (ПРП), здравый *вкус* (ВЕ, 1806). В сочетаниях, представляющих вкус как предмет воздействия, описания: Для очищения *вкуса* возлюбил бы рассматривание живописи великих художников (Рад. Бесед.), ода о *вкусе*, критика *вкуса*, учение о *вкусе*; принадлежность вкуса: *вкус* [ваших] приятелей (УС, О добр.), *вкус* наций переменяется со временем (Кар. ПРП), напыщение в стиле [было] господствующим *вкусом* того века (Тред. Жит. Бак.).

Уже в этих примерах сталкиваемся с существенным для слов данного рода обстоятельством. Наряду с некоторыми сочетаниями, взятыми из французского (*тонкий, изящный вкус* — ср. DAF 1762: le goût delicat и др.), наблюдается большое число таких, которые кальками не являются. Таковы конструкции с *по* ('в соответствии с'), которые лишь сопоставимы в смысловом отношении с франц. *de* (mon) *goût* (DAF), но не равны, не аналогичны им: Растрелли столь искусно не весть строить домы, Как ты кафтан по *вкусу*, по времени года (Кант. Сат. II, 1-я ред.), разные [у людей] по разности *вкуса* умствования (Сум. Неспр. осн.). Ср. в Новом лексиконе аналогичные конструкции со словом *нрав*: un homme *de* mon *goût* 'человека *по* своему *нраву* нашел'. Характерно, что Шишков, посвятивший слову длинный разбор (Расс., с. 199—206, 304; Приб., с. 77), возражал не вообще против новых свойств слова (он допускал расширение первоначального, прямого значения *вкушать пищу — вкушать утехи*, признавал «непротивными» контексты: у всякого свой *вкус*, это платье не по моему *вкусу*), а против тех сочетаний (например, *тонкий, верный вкус*) и конструкций, которые носили следы иноязычной соотносительности.

Некоторые же конструкции, известные во французском (со словом goût), в русском вообще не получили распространения, например, с родительным падежом, который соответствовал бы французскому de (DAF: des choses *de goût*); даже с определениями они нечасты (хотя встречаются до сих пор): это платье хорошего *вкусу* (Кант. Сат. II), платье последнего *вкуса* (ВЕ, 1813); Крыл. Сочетания с предлогами *в*, *к* (к концу XVIII в.) при обозначении предмета вкуса: *вкус в чем*, *вкус к чему* и с предлогом *с*

(САР, I, с. 536—537), которые Шишков определял как «не собственно наши выражения»,— также не копия французских, а результат частичной индукции (ср. DAF: goût *pour*). Они имели собственное развитие в русском языке, предлог *в* наблюдается в первых случаях употребления слова (см. выше Кант.). Например: Такой же *вкус* имела она *в* том, что надлежит до пяти чувств (Фонвиз. Басн. Голб.); *вкус к* наукам и *к* должности (Восп. дет., I, прим.); Панк., Кар.; человек *с* чистым естественным *вкусом* (ПРП — МЖ, П); правильно и *со вкусом* критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять (П, пред.). Во второй половине XVIII в. слово отмечается во мн. числе: все согласия, *вкусы* и степени света (Кант. Письмо VI), о *вкусах* спору иметь не должно (Вениам. Пост.); Нов., Кар., Ферг.

Ближе к калькам конструкции *во вкусе чего* ‘в манере кого-чего’ о произведениях искусства (САР — пример из DAF: *сочинение во вкусе Мальгерба*), появляющиеся к концу XVIII в.: *В* готическом *вкусе* (Кар.), сочинение *во вкусе* «Сельских ночей» (название издания, 1790), «Влюбленный Роланд», поема *во вкусе* древних рыцарей (СПб. вед., 1789). Такого же происхождения выражение *иметь вкус* с цельным значением ‘быть разборчивым, разбираться в чем’ (Нов., Кар. и др.) Ср., однако свободные сочетания с *иметь*: мы имеем разные *вкусы* (Фонвиз. Письм., 26 июня 1766 г.); иметь *вкус* неиспорченный (Гейм, I, с. 82). Производные от рассматриваемого слова — *невкусный* (Гесн., с. 663; Тред. Феопт., пред., там же противоп.: *добровкусность*), его известия совершенно *не вкусны* (ПЖ, 1796) [12]; *без вкусу*: в творениях поетов *без вкуса* истинный огонь почти гаснет в дыму (Мн., 1824); *безвкусный*: *безвкусная* пестрота одежды (ВЕ, 1826), доказывал собственное свое *безвкусие* (ЭЛ, X).

На грани прямой «кальки» стоит слово *тонкий* и его производные. В изучаемый период слово выступает при обозначении физических свойств тел, материи; примеры часты, приведем один: Когда светлые лучи от *тонкого*, в гущший воздух происходят («Прим. вед.», 1729); Лом., Тред. и др. Новое значение слова формировалось в XVIII в. на базе давних и живых еще осмыслений (Срезн. ‘подробный’, ‘тонкий, незаметный’: *тънъкоразумьный* ‘с утонченным умом’, *тънъкотворение* ‘тонкая работа’, ср.

[12] Ср: САР *невкусен* в значении «непричастен».

в названии руководства XV—XVII вв. «Речь *тонкословия* греческого») и усилившегося соотношения с франц. subtil. В Новом лексиконе subtil переводится «остроумен, хитр», т. е. без слова *тонкий*, которое здесь представлено только в прямом смысле; Геснер (с. 785) дает все словообразовательное гнездо: *тонкий*, *тонко*, *тонкость*. В литературе XVIII в. *тонкий* встречается при характеристике исследовательской деятельности, способности кого-либо проникнуть в детали: Они [не] были *субтильны* [13] и *тонки* в своей философии (Тепл., II), *тонкие* и остроумные рассуждения (СУР, IV, Физ.); Тред. Тогда же *тонкость*: *тонкость* вещей; да покажут *тонкость* своего разума (Тред. Феопт.); *тонкость* разума и вкусу (ЕС, 1760); СУР (о кальке мн. ч. *тонкости* см. гл. III).

В подобных случаях может заимствоваться не столько само значение, как образно-смысловая схема, которая и индуцирует дальнейшее развитие слова в определенном направлении. САР (VI, с. 735) уже представляет слово в двух значениях «разборчивый, нежный» (о чувствах: *тонкий вкус*, *слух*) и «проницательный». Фактически в последнем случае имеются в виду в свою очередь два осмысления: ‘проницательный, разбирающийся в деталях’ (*тонкий человек*, этот же пример у Гейма, III, с. 247 с пометой «образно») и что-либо, содержащее трудноразличимые детали (*тонкое понятие*, DAF: «то, что большинство других людей не может заметить»). См. некоторые примеры конца XVIII — начала XIX в.: был я у славного Канта, глубокомысленного, *тонкого* метафизика (ПРП — МЖ, 1); кто вздумает искать под тяжелым шлемом [офицера] *тонких* идей (ММ, октябрь). Тогда же — *утонченный*, *утончение*: *утонченные* действия разума, *утонченное* лицемерие (Анг. Нечт. наук.), *утончение* вкуса (ВЕ, 1810).

II. Рассмотрим теперь указанный выше случай соотношения на основе сходства морфологического с о с т а в а слов. Наглядный пример представляют в XVIII в. слова *развитие*, *развивать(ся)*. Слова с этим же корнем приводятся в словарях изучаемого периода, но только в прямом смысле от глагола *вить(ся)*: *развитию* replico, exolvo ‘развязываю, раскрываю’ (Пол.); Геснер. (с. 545): «отгибание, *развивание*», «*развитый*, разогнутый»; Гелт.; Норд.; Гейм (III, с. 8): «*развиваюсь*... коса *развилась*»; то же

[13] Заимствование, употребляющееся в одном ряду с *тонкий*.

АР (V, с. 807—809): *развивать*, *развиваться*, *развивание*, *азвивка*, *развитый* (ср. старые примеры: Срезн. *развиватися* ‘развертываться’; Курб.). Но и в указанном значении данные слова в словарях XVIII в. регулярно сопоставляются с латинскими и французскими терминами на de-, ex- и др. В Новом лексиконе (I, с. 725) developper соотнесено с тремя различными глаголами на *раз-*: *развить*, *развертеть*, *размотать* и др. Русские слова при этом не новые, они подбирались из имеющейся лексики; лишь существительное *развитие* появляется специально (или преимущественно) в новом смысле (как и *влияние*, *впечатление*, *представление* и др.).

Шишков, рассматривая «отколь взято... новомышленное» слово *развитие* и другие (этому посвящено несколько страниц: Расс., с 129, 299, 304, 311), не оспаривал вообще возможность подобных образований. Возражения вызывало новое истолкование слов, которое, как считал Шишков, как раз и представляло собой «перевод... по точному составу французских слов». Аналогичность структуры («состава») слов облегчало заимствование значения. В новом смысле слова *развивать(ся)*, *развитие* и др. распространяются в книжно-публицистической речи конца XVIII — первых десятилетий XIX в.

В это время наблюдаются и иные, не утвердившиеся затем наименования. Еще Шишков настаивал на пригодности старого *прозябать* для передачи значения ‘развивать(ся)’, оно означало не только ‘расти (о растениях)’, но употреблялось и расширительно (о «бестелесных вещах»): хотяху ереси *прозябнути*. Фразу из статьи Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона»: *развивались* первые мои метафизические понятия — Шишков считал возможным заменить на «понятия *прозябали*». Такое соображение не было безосновательным, поскольку слова *прозябать*, *прозябение* и другие отчасти встречались в рассматриваемом смысле (хотя образность их ощущалась): *Прозябение* философии (Тред. Жит. Бак.), лавры, *прозябшие*... из побед российских (из названия издания, 1790), прежде совершенного *прозябения* умственных способностей (МТ, 1829). Ср. в такой же роли *растение* в (глагольном смысле) *произрастать*: *растение* наук (Коз. Расс.), науки начали *произрастать* (МЕ) [14].

[14] В рецензиях на книгу Шишкова слово *развитие* отстаивалось — Макар., с. 168; СВ, I, с. 26 (в сочетании *развитие ума* и др.).

Иллюстрируем слова *развиваться*, *развитие* в конце XVIII в.: Когда наблюдаешь младые детские души по всем степеням их *развития* («Приб. вед.», 1783. Карт. XVIII в.), с *развитием* наших способностей, моральных и разумных (МЖ, 1791, I); в основном же с первых десятилетий XIX в.; Способности ее [женщины] превосходнее наших и требует только *развития* (ММ, № 1. Карт. XVIII в.), там с чрезвычайной быстротою *развились* отличные его таланты (ЕМ, № 2). Эти слова широко представлены в журналистике 20-х годов XIX в.: *Развитие* понятия (ВЕ, 1821), важнейшая и лучшая эпоха в нравственном *развитии* частного человека есть любовь (МВ, 1828); [закон], по которому *развивались* и *развиваются* царства прозябаемых (МВ, 1827). В словаре 1847 г. отмечены значения слов *развивать* «раскрывать умственные способности», *развиваться* «приумножаться»; в словаре Кирилова: умственное *развитие*, естественный ход *развития*, общественное *развитие* (здесь же — *неразвитость*); в словаре Даля: телесное, духовное *развитие*.

На тех же основаниях происходит во второй половине XVIII в. семантический сдвиг в старом славянизме *влияние*. В связи с этим слово отчасти возрождается, выходя из прежней относительно узкой сферы своего бытования. Как славянизм оно оказывается более пригодным для выражения отвлеченных значений, чем некоторые параллельные наименования из средних слоев лексики (*вливание*, *втечение* и др.). Словари довольно наглядно показывают это соотношение. До середины XVIII в. *влияние* значит то же, что *вливание*, и отличается от последнего лишь стилистически. Срезн. (I, с. 379): *вълиѣати*, *вълияти*, *вълияние* 'вливание'; Пол.: *влияние*, infusio — в прямом смысле; Геснер (Реестр, с. 22) и Гелтергоф (с. 58) отражают период лексикографического забвения слов на *влия-*(здесь только слова на *влив-*: *вливать*, *вливание*); Нордстед (с. 71) приводит оба слова *вливание* и *влияние* как синонимы, но только в прямом значении.

Стилистическое разграничение слов представлено в САР (I, с. 549—550)— *влияние* с пометой «сл[авенское]», здесь же смысловой параллелизм: «*Влияти*. Сл. То же, что *вливать*». Сдвиг резче и последовательнее осуществляется в существ. *влияние*. Гейм (I, с. 85) и последующие словари приводят два разных значения слова, см. в иллюстрациях: (1) реки при *влиянии* своем ..; (2) воспи-

тание имеет *влияние* на всю прочую жизнь [15]. В рассматриваемом плане происходят изменения также в словах *представление* 'воображение, мысль'; *нераздельный, неразделимый, неделимый*, 'отдельный, индивидуальный'; *предлежащий* 'объективный, предметный'; *предложение, предлог* 'предмет рассмотрения' (гл. II).

III. Более редки случаи заимствования значений на основе з в у к о в о г о сходства слов. Это *сальный* и *сальность* (первая половина XIX в.)— русск. *сало* и производные от него, осмысленные по аналогии с франц. saleté 'словесная непристойность' [16]. Другой пример — бытовавшее в «Московском телеграфе» слово *рамы* 'границы, пределы' от известного *рама* (Ян.— в прямом значении предмета) и нем. Rahme(n) 'пределы': Это входит в *рамы* знания; заключил в *рамы* истории; в широкой *раме* романтизма (МТ, 1828—1830)— в ряду с *границы, предел(ы)* и др. (Отвл. лекс. XIX в., с. 83). Данное явление встречается в разное время; например, в современном нам языке старое *довлеть* 'быть достаточным' по внешнему (графическому и звуковому) сходству с *давить, давление* приобрело новое осмысление 'влиять, тяготеть, понуждать' (Совр. лекс., с. 111).

§ 3. От рассмотренных отличаются случаи структурно-семантического соотношения в н о в ь в о з н и к а ю щ и х слов. У части новых слов прямые значения практически представлены мало, с самого начала литературные примеры показывают их смысловую специализацию. Морфологический состав таких слов сходен (или отождествляется) с иноязычными наименованиями и служит основанием для смыслового сближения, хотя возникают данные слова исключительно в результате собственного словопроизводства. Так, слово *впечатление* для XVIII в. не встречается (Срезн., ДРС), в древнерусских памятниках находим (в близком значении) бесприставочные формы *-печатлевати*. Нет его в словаре Поликарпова, где много образований с *в-* направленного действия (*впадение, впи-*

---

[15] Об истории слова см.: Ю. С. С о р о к и н. К истории семантических слов в русском языке XVIII в. (*влияние* и его синонимы). «Вопросы современной филологии». М., 1965, с. 258.

[16] Белинский указывал на неправомерность отнесения слова *сальность* к заимствованиям (X, с. 170).

сание, вплываю и др.); Новый лексикон (II, с. 156) при переводе франц. impression 'восприятие, воздействие' ни разу не употребляет слова *впечатление* (следует учитывать, правда, что этот лексикон крайне сдержан по отношению к новообразованиям): cela ne *fait* point d'*impression* sur mon esprit 'это меня ни мало *не колеблет, в движение не приводит*'.

Ранние случаи употребления слова обнаруживаются у Тредиаковского; например, со значением 'воздействие (на ум сознание)': Часть тела, где ум все **впечатления* [в сноске: *impressio], от чувств производимые, восприемлет (Сл. прем.); Феопт. В словнике, приложенном к упоминавшемуся «Слову» Тредиаковского, приведено соответствие лат. impressio — франц. impression (наряду с русско-латинским *впечатления* — impressio). Все же во второй половине XVIII в. слово нечасто, в словарях отражается его общее глагольное и конкретное значение. В словаре Нордстета (I, с. 89) это подчеркивается акцентуацией: «*Впеча́тлеваю*, eindrücken, imprimer.. *Впеча́тление*, см. *впеча́тлевание... Впеча́тлевание*, der Eindruck, l'impression»; словарь Татищева: «Impression. Натиск, надавление, *впечатление*». Трудно сказать, были ли фактически распространены в литературе эти прямые значения; последние десятилетия XVIII в. представляют слово исключительно в отвлеченном смысле 'вкоренение внедрение', хотя и с сильным глагольным оттенком: «*Впечатление. Впечатлеваю... впечатлеть в* кого страх» (Гейм, I, с. 134); «*Впечатление*. Вперение, вкоренение. *Впечатление любви к добродетели*» (САР, I, с. 702—703). Контексты с родительным объекта (*впечатление чего*) нередки в литературе вплоть до середины XIX в.: от случайного *впечатления* отдельных предметов (Гал.), расположение души к *впечатлениям* таинственного (Кир.).

Специализация слова в конце XVIII в. связана с преодолением его семантической прозрачности и глагольности. Превалирующими становятся сочетания с абсолютивным положением слова или с предложными дополнениями, указывающими объект действия. Предлог *в*, соответствующий приставке слова, встречается только при глагольном осмыслении; уже в рассматриваемое время он решительно вытесняется предлогами *на, над*. Например: Я действую по *впечатлению*, производимому *надо* мною наружными предметами (Руссо. Мысл.), действие, *впе-*

чатление какое *над* кем или *над* чем (САР, I, с. 549 — статья *влияние*); внутренние образы (images) не суть следствия одной причины, они происходят и от внешних *впечатлений на* одно или *на* многие чувства (МВ, 1829), Якушк. Глагол: природою *впечатленный* (САР), *впечатлелись в* (сл. Пушк.).

Наблюдающаяся на протяжении истории слова вариантность предложного управления (*в — над — на*) сменяется в конечном счете победой конструкций с *на*. Дальнейшее развитие слова связано с его специализацией (терминологизацией) и распространением абсолютивного употребления: *Впечатление*, принятие душою действий внешнего предмета (ЭЛ, XII), одна нить пары [нервов] служит к принятию *впечатлений* и называется воспринимающей (Кир.). Особенности соотношения в слове собственной и иноязычной семантики вызывают различия в его оценке, наблюдающиеся в современной научной литературе. Оно относится к калькам [17], определяется как переосмысление старого слова [18], вместе с тем отмечается недостаточность таких квалификаций, как «сужение значения» (Сорокин, с. 334).

Другой пример рассматриваемого рода — слово *положительный*, которое является оригинальным образованием в русском языке (в других славянских языках оно появляется позже, и, возможно, как заимствование из русского). Слово основано на старом глаголе *положити* ‘постановить, установить’ (Срезн., II, с. 1133—1134) и образовано в период растущей продуктивности суффикса *-тельн-*. С самого начала слово обнаруживает соотносительность с лат. positivus и франц. positif и выступает в значении ‘установленный, введенный’; практически в нем не наблюдается совмещения этого значения с прямым осмыслением (как это имеет место в *относительный*, *отвлеченный* и др.) [19]. Одно из основных употреблений слова уже в первые десятиления XVIII в. при обозначении распространенного в социологии того времени понятия по-

[17] В. П. Уткина. Лексика ранних повестей Н. М. Карамзина. Канд. дисс. (рукопись). 1948, с. 98.

[18] Карпенко, с. 107 (проблематично, что́ понимать под «старым» значением слова — см. выше).

[19] В прямом, т. е. глагольном, смысле (от *положить* ‘ставить, класть’) встречаются собственно причастные формы, и они соотносительны не с лат. positivus, а с positus (от ponere ‘класть, ставить’); например: «*Положенный*, gelegt, positus» (Гелт.).

ложительных (т. е. введенных в обществе людьми) законов, права и т. д. в противоположность естественным (идущим как бы от природы) законам, праву. Сочетания *положительный закон*, *положительное право* и пр. (как и *естественный закон*, *естественное право* и др.) быстро становятся устойчивыми.

Положительные уставы, закон *утвердительный* (Буж. Обр. к Ек., Реестр), *положительный* [закон], то есть установленный (Должн., I), *положительный*, или предписанный, закон (Тред. Рим. ист., XI, пред.), спокойствие, порядок, ..к произведению которых *естественные* законы не довлели, восстановлены были законами *положительными* (Ланг.); Рад.; *Естественное* [право] от *положительного* или предписанного, тщательно различая... (Тред. Рим. ист., V, пред.); Коз.

В XVIII в. выявляются и другие употребления слова *положительный*. С наименованиями некоторых наук: *положительная* юриспруденция (Коз., Ланг.) — *естественная* юриспруденция и др. Виды электричества: Электрическую силу разделить на *положительную* и *отрицательную* (Ф. Эпинус. Речь о сходстве электрической силы с магнитною, 1758), первая сила, когда ефир будет больше сжат или больше упруг, называется *положительная*, или от избытка; другая когда ефир будет реже или меньше упруг, называется *отрицательная* електрическая сила, или от недостатка (Эйл., II, в ориг.— positive, négative). В составе грамматического термина: *Положительный* степень (Гейм, II).

В некоторых значениях слову *положительный* предшествуют варианты о способах выражения (мысли), дефинициях в противопоставлении слову *отрицательный*: Определение должно делать *утвердительным*, а не *отрицательным* образом (Коз. Фил. предл., I) [20]; жить честно в разуме *утвердительном* есть каждому собственное его отдавать, а в *отрицательном* разуме никого не вредить (Тред. Рим. ист., VI, пред.). Иногда слово *утвердительный* ‘утверждающий, не отрицающий’ оставалось в таких случаях предпочтительным: ежели о какой материи будут с одной стороны *утвердительные*, а с другой *от-*

---

[20] Ср. ранний морфологический вариант к *положительный* — *полагательный*: имена *отрицательные*, а не *полагательные*, например, бесконечный, непостижимый... (Должн., 1).

рицательные речи, то такой разговор называется спор (Коз. Фил. предл.). В XVIII в. *положительный* еще не выражает прямо согласия, а преимущественно имеет значение ‘содержащий решение, утверждение, определенный’; ср. САР (IV, с. 1441): «Утвердительный, решительный. *Дать, сделать на что положительное мнение, определение*»; Даль. То же в наречии *положительно*: Сие кратко и *положительно* объяснено быть не может (Чеб. Сп. просв.); Фонвиз., Коз., Баум. Таким образом, *положительный* (ответ) означал «определительный, ясный» и лишь позднее получил еще осмысление «изъявляющий согласие, ответ да»; эта двусмысленность, обусловленная семантическим развитием слова, отмечена Далем (III, с. 665—666), в дальнейшем (вторая половина XIX в.) она устраняется за счет сокращения в слове первого значения.

В первые десятилетия XIX в. слово получает дальнейшее развитие. В это время формируется значение его ‘определенный, основанный на данных, конструктивный’: *Положительные* и видимые качества предметов (Л, I), *положительные* доказательства (ВЕ, 1806), *положительные* принадлежности вещи (Снелль) и другие, однако в полной мере это значение выявляется позже на протяжении XIX—XX вв.

Развитие слова *положительный* в XVIII в. связано с другими словами того же корня — *положить* ‘определить’, *положение* ‘определение’; например: при *положении* существа вещи *полагаются* ее свойства (Коз. Фил. предл., 1). Противопоставление с *отрицательный* заметно на протяжении всей истории слова *положительный*. Тем не менее развитие слова *отрицательный* оказывается сравнительно плавным и менее фрагментарным, чем *положительный:* схему его можно представить так: *отрицательный* ‘содержащий отрицание’ >‘значащее отсутствие (чего)’, ‘определяемое путем отрицания (чего)’. Дополним приведенные уже примеры: О бесконечном мы имеем понятие токмо *отрицательное*, потому что понимаем его не иначе, как через отрицание конечного (Д'Аламб.); *отрицательные* принадлежности вещи заключают в себе отрицание, или неимение, оною какого-либо свойства (Снелль).

§ 4. Наиболее обычными в сфере рассматриваемых явлений оказываются случаи семантической индукции, когда речь идет не о трансплантации значений (заимство-

вании), а о преобразовании своих, уже существующих значений слов. Индукция сводится к усилению, коррекции и т. д. собственной смысловой эволюции слов в том или ином направлении. Степень и содержание семантических сдвигов при этом неодинаковы.

В XVIII в. наиболее существенные семантические изменения этого рода представлены словами *личный* и особенно *личность*. В литературных текстах XVIII в. слово *личный* имеет широкий, недостаточно дифференцированный смысл; обычное словарное определение его в это время «до персоны принадлежащий» (Гесн., с. 525; Норд., с. 333). Лишь с конца XVIII — начала XIX в. можно констатировать специализацию слова *личный* соотносительно с *лицо* ‘человек, индивидуум’, ‘человек как член общества’. Слово встречается в отдельных терминированных сочетаниях (*личное* право, *личный* иск и др.): *Личные* свойства (Нов.); *личное* [относящееся к лицу] нравоучение (Мысл.); Материя права есть или *лицо*, или вещь. Первое называется личным правом (Якоб, VII); *личная* деятельность (МВ, 1828). В 30—40-е годы XIX в. слово *личный* выступает в прямых контекстных соотношениях с *индивидуальный*: Суждения вкуса [происходят] из ощущений, всегда *личных*, всегда *индивидуальных* (ЭЛ, X).

Отмеченное в первых академических словарях значение слова *личность* ‘пристрастное мнение, отношение’ основано на давнем значении прилагательного *личный*. См. некоторые примеры: Я не подозреваю его ни в *личном*, ни в местном пристрастии (Мн.) «*Личность*. Отношение в каком-либо случае собственно к одному чьему лицу» (САР, III, с. 582); Сокол. Словарь 1847 г. представляет еще более узкое осмысление слова *личность*: «колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбление». Данное употребление сохраняется и в дальнейшем (см. ММ, Дашков, Белинск., Даль и др.).

В другом направлении слово *личность* проходит в своем развитии как бы две ступени. К концу XVIII в. оно выступает, как говорилось, в широком смысле ‘все связанное с лицом, относящееся к лицу’, абсолютивно, но чаще с определениями. Например, об индивидуальных чертах, сущности кого-либо: Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя *личность*, что ты есть ты? (Рад. О чел.); глас внутреннего его чувствования, столь явная его *личность*, единственное его я (там же). Слово употребительно в жур-

налистике 20-х годов XIX в.: понятие о нашей *личности* (Мн.).

В 30—40-е годы XIX в. *личность* все более утверждается в значении, соотносительном с *существо*, *человек*, *характер*, затем *индивидуум* и др. [21] Закреплению слова *личность* в книжно-публицистической лексике способствовало широкое употребление его у Белинского, Герцена [22] и др. Слово указывает индивидуальность, существо, характерные черты кого — чего-либо: Судьба субъекта, индивидуума, *личности*; человеческая *личность*; *личность* поэта (Белинск.). Изменения, происходящие в слове в этот период, столь значительны, что позволяют говорить об омонимии (Сорокин, с. 201—205),— ср. новые свойства слова со старым значением его 'пристрастное отношение'.

Не столь сильна и рельефна индукция в случаях расширения смыслового приложения и сочетаемости слова. Вместе с тем это один из самых показательных и распространенных видов индукции. Например, принадлежащее к славянокнижному фонду многозначное слово *дух*. Статья его в САР (II, с. 287—289) указывает 16 значений. Шишков отмечает фразу: «Тусент был великий *дух* между неграми», где слово *дух* «не есть русское» [23]. Здесь, действительно, перед нами «калька» (семантическое заимствование) с франц. ésprit 'лицо с выдающимися свойствами' (например: c'est un grand *ésprit*), не имевшая, однако, существенного распространения в русском языке XVIII в. См. еще отдельные иллюстрации: Густав [Шведский], сей смелый и предприимчивый *дух* (ПЖ, 1791); УС.

Основные же линии развития слова в XVIII — начале XIX в. представляют собой распространение и преобразование давних свойств слов, осложненных внутренней контаминацией. С представлениями о роли разумной человеческой личности связано обозначение познавательных, творческих способностей человека; в этом смысле слово *дух* могло соотноситься с *ум* и другими: имеем *дух* любо-

---

[21] В. В. Виноградов. Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1946, № 1.

[22] Мищенко, с. 245.

[23] Шишков. Расс., с. 42—43 (сноска).— Макаров (рец. с. 178) с иронией и неодобрением отнесся к этой цитате, не считая ее принадлежностью «хороших сочинений».

пытный, да глаза худые (Кант. Разг. — в ориг.: qu'on a l'*ésprit* curieux); разумный *дух* (ЕС, 1755). Такое употребление базируется на отмеченных в САР старых значениях слова *дух* ‘ум, мысль’ и др.

В XVIII в. при этом часты определения *мой*, *наш* и др.: [Философия] расширяет пространство нашего *духа* ко вмещению вдруг большого числа понятий (ЕС, 1756); контексты со словами *человек*, *человеческий*, *человечество*: человек делается способнейшим к приличным его *духу* упражнениям (ПТ), *дух* человечества стремится непрестанно к благородному и возвышенному (Мн.); МВ и др.

Наиболее же распространено в лексике XVIII в. употребление слова *дух* как ‘настроение, выражение, мотив’, основанное на старом значении «настроение, направление» (Срезн.): наплънився ратного *духа* (Сл. полк. Игор.); *дух* целомудрия, кротости, праздности. Шишков подчеркивал, что именно в таких контекстах слово *дух* выступает «в прямых русских знаменованиях и выражениях» (Расс., с. 42—43). Однако в XVIII в. данные примеры отмечены сближением со сходными значениями франц. ésprit ‘начало, мотив, поведение’ (DAF, I, 666—667), что приводит к расширению и частичным преобразованиям семантики слова. Но и в новом качестве слово не однородно. Ближе всего к исходному смыслу оно при обозначении настроения, состояния, обстановки; например, у Тредиаковского: тот же *дух* любви; *дух* жизни и крепости; *дух* содружного пребывания; надобно ль, чтоб *духом* гордости и зависти воспламеняемы были таланты? (Фил. Бак.); в других источниках: *дух* суеверия (ТП); *дух* хуления противен учтивости (Восп. дет., II). О расположении, устремлении к некоторой деятельности: *дух* стихотворческий (Тепл., пред.); природный *дух* стихотворства (ЕС, 1755); философский *дух* разливается по смеси наук (Тред. Фил. Бак.); торговый *дух* (Мысл.). К концу XVIII в. наблюдаются контексты, где *дух* означает ‘выражение сути содержания (чего)’: *дух* поэзии (Вяз. Ж. П.); истинный *дух* гражданства (ПЖ, 1793). Сочетания с *народ*, *народный*: изведать народный *дух* (Посл.); воинственный *дух* народа (Гриб. Зквк. комп.).

Во второй половине XVIII в. более или менее устойчивой «калькой» (семантическим заимствованием) в слове *дух* является лишь значение ‘извлечения из произведений писателя, его мысли’: *дух* Аристотеля, *дух* Монтескье (не-

редко в заглавиях) [24]: «Европейский журнал» может быть почитаем извлечением, или *духом*, журналов (ésprit des journaux) (ЕМ, № 1). Ср. внешне сходные, но иные по смыслу контексты со значением ‘стиль, манера, способности’: творческая сила Ричардсонова *духа* (МЖ, IV). *В духе* чего: мысль не в *духе* сего (Мн.). Как и в других аналогичных случаях, индукция в развитии данного слова трактуется исследователями по-разному: как особого рода «двойниковые» значения (*дух* законов) [25]; «обновление» значения слова; вместе с тем ведущей во всех случаях остается исходная семантическая основа слова (Сорокин, рец., с. 117).

§ 5. Существительное *потребность* также фигурирует в полемике конца XVIII в. о «новом» слоге. Шишков делал замечание к фразе «из нынешних сочинений и переводов»— «Когда путешествие сделалось *потребностию* души моей» (Карамзин. Цветок на гроб моего Агатона): «Свойственно ли по-русски говорить *потребность души* моей и можно ли путешествие называть *потребностию*, *надобностию* или *нуждою* души?» (Расс., с. 176). В «Прибавлении» (с. 149—150) он указывал, что выражение неудачно «по связи, по обороту своему». Макаров отстаивал правомерность таких выражений, доказывая, что *потребность* не во всех контекстах совпадает с рекомендуемыми Шишковым заменами *желание*, *вожделение* и др. (Макар., с. 191—192). В тексте самого Макарова встречаются: *потребность* души его [любовь], *потребность* в чувстве (ММ, октябрь—ноябрь). Ставилось под сомнение, таким образом, употребление слова с род. п. принадлежности (*потребность кого-чего*) и использование слова (собственное его значение ‘надобность, нужда’) в сочетании с отвлеченной лексикой (*душа* и др.). В ДРС примеры слова с XVI в.: ластовицы той травы не емлют к своей *потребности* (Травн. Любч.). В первых десятилетиях XVIII в. слово предстает с суженным значением ‘предмет потребления’: датский флот всякою *потребностию* запасен («Вед», 1710); Посошк. [26] Эта линия в сло-

[24] Отмечено как одно из значений в САР; то же — DAF [6].

[25] А. И. Ефимов. Фразеологический состав повести Карамзина «Наталья, боярская дочь».— МИИРЛЯ, I, с. 77—78.— Здесь же замечания в том, как новые осмысления (значения) слов вычленяются в составе сочетаний.

[26] У Посошкова и в некоторых других источниках, включающих разговорно-обыденные лексические элементы, в несколько ином смысле встречается еще *потреба* ‘надобность, употребление’: [лес] рубили на всякие домашние *потребы* (также Срезн.).

ве отчасти сохраняется и позднее: Иные [плоды] в замену на *потребности* и в продажу на сокровища обращает (Десн. Происх. супр.); [науки] доставляют нам все *потребности*, способности и выгоды в жизни (Чеб. Сп. просв.); ВЕ [27].

Активизация слова наблюдается с середины XVIII в., когда определяется круг его распространения и конструкции. Например: Чем далее рачение наше в [натуре] простирается, тем обильнее собирает плоды для *потребностей* житейских (Лом. Происх. св.), телесные *потребности* (Сох. Предм.), физические *потребности* [человека] — Агл. Нечт. наук., общественные *потребности* (Панк. Отл. св.), работа есть первая *потребность* всякого произведения (СЖ, II), классический автор есть тот, чьи сочинения составляют *потребность* народную (МТ, 1829). С конца XVIII в. чаще встречаются контексты социального и гуманитарного содержания: *Потребности* наших детей (СВ); *потребности* людей (МТ, 1827), духовные *потребности* человека (МВ, 1828), благороднейшие *потребности* гражданина (Мв, 1828), природы человеческой (Кир.), века.

В первые десятилетия XIX в. появляются сочетания с инфинитивом: *Потребность* блистать остроумием (ВЕ, 1818); *потребность* высказать себя (МВ, 1828); с дополнением и предлогом *в*, указывающими содержание потребности: *в* таком указателе давно уже ощущали *потребность* (МВ, 1827). Соотносительность с французскими терминами больше проявилась в форме мн. числа: *потребности* — besoins (гл. III, § 15) и в указанной инфинитивной конструкции: *потребность* + инф., ср. necéssité + инф. (DAF, II, с. 202), но лишь отчасти в предложной: *потребность* в чем — *besoin de* quelque chose; ср. в Новом лексиконе (I, с. 247): мне *в* этой вещи *нужда*. Таким образом, ставший известным благодаря полемике пример из Карамзина представляет лишь одно (причем не самое распространенное) направление в смысловом развитии слова [28].

Не ново в исследуемый период и существ. *склонность* в значении ‘расположение к чему’ с обычным предлогом *к*.

---

[27] Аналогичное внутреннее смысловое соотношение наблюдается в исследуемый период и у некоторых других однотипных слов, например, *удобность* как ‘товар’ (гл. V, § 16).

[28] Ср. Виноградов, с. 178; HWB, с. 44, 155 — здесь хронологически поправки не всегда показательны именно из-за смысловой неоднородности в слове.

Такие примеры представлены в ДРС уже с XVI в. Поэтому, заметим, *склонность к* по отношению к франц. inclination pour, à в новое время — не более как соответствие, отнюдь не калька (ср. *потребность в*; *вкус в, к*). До начала XVIII в. слово встречается в основном среди документов дипломатического и административного характера. См. некоторые примеры первых десятилетий XVIII в.: *склонность* и тщание *к* службе (Докл. в Сен., II, 1712), столько *склонности к* работе (Кант. Разг.— в ориг.: tant d'*inclination à* la servitude), Галилей... из самого младенчества великую *склонность* имел *к* математике (там же, прим.); как вариант: *приклонность* к сему или овому предлогу (Должн., 1). На протяжении XVIII в. слово распространяется в научных и отвлеченных контекстах: Плоды не токмо натуральную *склонность*, но и природную противность между собою взаимно имеют (Флор. эк.); главная его *склонность* была *к* театру (Нов. Сл. пис.); *склонность* делать добро (УС) [о кальке *склонности* (мн. ч.) — гл. III, § 15].

Калька *положение, -ия* (чаще мн. ч.) возникает к концу XVIII в. — о литературных, драматических произведениях: многие *положения* в «Вертере» (МЖ, П). Индукцией отмечены некоторые развивающиеся значения и употребления в слове: 1) ‘принцип’ (САР «краткое изречение истины»: *положения* философические), недоказанные *положения* (СВ)[29]; 2) ‘обстоятельства, состояние’ — у Радищева: будущее *положение* человека, человек в естественном *положении* (О чел.), гражданское *положение* (Путеш.); Уш. Тогда же *ситуация*: Пусть изобразит сей берег со всеми подробностями и натуральными *ситуациями* (СВ) [30]. Аналогичные изменения происходят в словах *потреблять*, *потребление*, *потребитель*, *потребительный* (гл. V, § 13).

§ 6. В основе индукции может лежать переосмысление и отчасти перевод слова. В качестве примера рассмотрим прил. *изящный* и его производные. Исходное (давнее) значение его ‘лучший’ (Срезн., I, с. 1086: *изящьное* моужьство, *изящен* воин, *изящный* послушник; *изящьство*), оно сохраняется до XVIII в. (‘лучший, совершенный’). Например: идея самых *изящных* добродетелей (Тред. Фил. Бак.);

[29] См. еще раньше в знач. ‘установления, пункты договора’: по сим учиненным *положениям*, он должен был оставить... (М. П. Бестужев, нота 1720 г.).

[30] Ранние примеры (предыстория) этого слова — в Петровскую эпоху (Смирнов, с. 277).

исключительно в этом смысле САР (II, с. 1130): *Изящный.* Превосходный, отличный, изрядный, отменно хороший. *Изящные дарования. Изящный труд..; изящно, изяществовать, изящество, изящность.* К концу XVIII в. слово соотносится по смыслу с франц. élégant 'изысканный, грациозный', élégance.

Эта соотносительность в XVIII в. проявляется главным образом в следующих случаях: 1) о хорошем вкусе в произведениях искусства. Фр.-рос. (I, с. 376): *l'élégance* du pinceau du Corrège, *приятность* кисти Корреджио (почти такой же контекст в ПРП, I, с. 274); 2) о художественной литературе — перевод франц. belles-lettres. DAF (1778, II, с. 18) толкует lettres: «все виды наук и учения» [31], «посредством [belles-lettres] называют грамматику, элоквенцию, поэзию». Еще в 60-е годы XVIII в. в том же смысле, что и belles-lettres, употреблялось сочетание *словесные науки.* У Тредиаковского встречаем его вместе с неоформленным еще заимствованием: Академия... *словесных наук*, называемых *бель-летр* — ср. собственное наименование этого учреждения: L'Académie des inscriptions et *belles-lettres* (с 1663 г.); преподавание в *словесных науках* известного Геллерта (Рад. Уш., I).

У Карамзина в этом же значении *словесность*: Академия надписей и *словесности*... более ста лет ревностно трудится для обогащения исторической литературы (ПРП, V). С конца XVIII в. в данный круг вовлекается слово *изящный*: Какой или каким наукам вы особенно себя посвятили? — спросил он... *Изящным* *,— отвечал я [сноска: *Приятель мой под *изящными науками* разумеет les belles-lettres]. (Кар. ПРП — МЖ, II; то же 2-я ред.) [32]. Слово *науки* в этих выражениях вскоре сменяется словами со значением 'литература', различия в употреблении которых обусловлены их собственной вариантностью: *изящные* письмена (М. Муравьев), *изящная* литература (МЖ, IV); Тург. Общ. Позднее здесь закрепляется *словесность* (сл. Пушк., II, с. 215), словарь 1847 г.: *изящные* письмена, словесность

[31] Перевод lettres как 'науки' встречается в литературе: читали в актах *литеральных* (деяниях, *до наук* касающихся). («Прим. вед», 1729, § 12; см. ниже).

[32] В. В. Виноградов. История слова *изящный* (В связи с образованием выражений *изящная словесность, изящные искусства*). «Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры». М.— Л., 1966.

(III, с. 221); *изящная* проза (1830) [33]. Можно отметить имевшую место контаминацию в передаче франц. belles-lettres и другого термина beaux-arts ‘изобразительные искусства’ (в наименовании академии: L'Académie des beaux-arts, с 1655 г.): удовольствия в *изящных* искусствах и науках (МЖ, II), *изящные* искусства (сл. 1847 г.).

Указанные случаи в употреблении слов взаимосвязаны, в основе их лежит эстетическое восприятие явления. Например: Эстетика учит нас наслаждаться *изящным* (ПРП, II). В конце XVIII в. примеры слова *изящный* в новом качестве не часты; например, словоупотребление Новикова еще не иллюстрирует сдвига в слове: *Преизящные* сочинения (УС), о *изящности* воли и разума (МЕИ), *изящность* нашей природы (Бюфф. Ф). Даже в полемике о старом и новом слоге слово не встречается. Излагая свою известную периодизацию новой русской литературы, Карамзин использует слово *приятность*, прямо соотнося его с франц. élégance: «четвертую [эпоху должно начать) с нашего времени, в которое образуется *приятность* слога, называемая французами élégance» (Пант. рос. авт.); ср. также в «Аглае»: *приятные* искусства — *изящные* искусства (Нечт. наук.). Таким образом, нашли применение некоторые существовавшие уже выражения (ср. выше élégance — *приятность* в Фр.-рос.). Наименования «приятный», «(писать) приятно» обычны для карамзинской школы, соответствуя определенному эстетическому критерию; у Макарова (рец.): *нынешний*, *прежний*, *новый*, *старый* — *слог*, *сочинения* и др. В текстах «Московского Меркурия», носящих яркие приметы «нового» слога, иных выражений также не обнаруживается. Что касается варваризма *элеганс*, то он встречается у Шишкова лишь в пародированных примерах: не знает французского в штиле *элегансу* (Расс., с. 29).

Слово *изящный* в конце XVIII — начале XIX в. употребляется чаще всего с *вкус*, *предмет*, *явление* и др.: Влияние *изящного* вкуса на счастие жизни (Сох.); предметы, производящие эстетическое удовольствие, называются *изящными* (Якоб.); нередко в субстантивной форме на *-ое:* явление *изящного* (МВ, 1827), идея *изящного* (ЭЛ), чувство *изящного* (Пушк.). В 20—30-е годы XIX в. наблюдается некоторая дифференциация однокоренных образований —

[33] И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969, с. 153—154.

изящество (эстетическая категория и качество чего: суждения об *изяществе*) и *изящность* (качество). Общеобиходное значение ‘грациозный, милый’ (о конкретных предметах) появляется у слова *изящный* позже других свойств.

§ 7. Семантическая индукция вызывается структурно-смысловой соотнесенностью слов. Отвлеченные значения здесь как правило совмещаются с прямыми; эти случаи отличаются от семантических заимствований и от слов типа *положительный* (см. выше.). Характерный пример такого рода представляет слово *относительный*. Основанием для сближения его с лат. relativus (и франц. relatif) послужила аналогичность исходных лексем *относить* — referre ‘относить, адресовать (кому)’, Однако слово отнюдь не сразу втягивается в сферу отвлеченной лексики, а первоначально имеет причастное осмысление ‘относящийся’. Это прямое значение слова, особенно показательное в предложных конструкциях с *к*, *до*, обычно в XVIII и XIX вв. В словаре Гелтергофа (с. 515) слово дано с толкованием «sich auf etwas anders beziehend»; в разных статьях САР: «*Относительный*. Касательный, принадлежащий, имеющий отношение. *Относительные качества* [т. е. качества, принадлежащие кому—чему-либо]» (IV, с. 601—602), «принадлежащий, *относительный к*» (III, с. 1174); в законах, *относительных до* торговли (Смит). В составе грамматического термина — *относительное местоимение*; САР приводит также *возносительное местоимение* с толкованием «местоимение, *имеющее отношение к* имени лица или вещи», с отсылкой от первого ко второму; в последующих словарях только с *относительный* [34].

В XVIII в. *возносительный* и другие варианты предшествуют слову *относительный* (например, в словаре Поликарпова только: «*Возносительный*, relativus»). С середины XVIII в. в словах этого рода развивается отвлеченное значение ‘понимаемый в соотношении, сопоставлении (с чем)’, противоположно словам со значением ‘абсолютный, независимый (в своих свойствах)’ — *совершенный*, *безусловный*, позднее *абсолютный* (гл. II). Например: Постигаем свойства... совершенные [т. е. существующие сами по себе, независимо от других] и **возносительные* [т. е. соотноси-

[34] *Относительное местоимение* — единственный контекст, где прямое значение рассматриваемого слова сохраняется до наших дней как своего рода реликт; в ССРЛЯ это значение определяется как устарелое (VIII, с. 1489).

тельные, рассматриваемые в связи с другими] (Тред. Сл. прем.), сноска: *relativa; у него же еще более яркий и показательный в смысловом отношении контекст: Бытие [явлений] токмо есть *возносное*, или *срассудительное*, то есть такое, которого без *возношения*, *срассуждения*, *сравнения*, *сходства* и *несходства* с другими познавать невозможно (Рим. ист., XII, пред). У Козельского в такой же роли варианты *зависящий*, *зависящим образом*, *случайный* и др. Например: Рассуждает он о движении и спокойстве тел как совершенном, так и *зависящем* (Расс., О тяж.), вычисление свойств совершенных и *случайных* (absolus et *respectifs*) вещи (Ст. фил., I). К концу XVIII в. в этом смысле определенно закрепляется слово *относительный*, а более частные варианты отпадают; *возносительный* (от *возносить*), например, носило отпечаток книжнославянской лексической среды, употребление его вообще сокращается.

В конце XVIII — первых десятилетиях XIX в. примеры с *относительный* в отвлеченном смысле регулярны, хотя глагольность в слове еще заметна: Как разделяют движение? На совершенное и *относительное* (Грам. фил. наук) — ср. выше у Козельского в таком же контексте: движение... совершенное и *зависящее*; Сие свойство [приведение в действие] не есть качество существенное существенности, но *относительное*, поелику ее почитать можно лишенною движения (Рад. О чел.). Слово встречается в форме на *-ое*, служившей специфическим средством выражения отвлеченных значений: Обозреть, каким образом безусловное содержится к *относительному* (Гал.), самобытное происходит от *относительного*, необходимое от случайного (ВЕ, 1822). В словаре 1847 г. (III, с. 117) слово дано с пометой «фил [ософское]», причем в характерном противопоставлении: «противоположный абсолютному, ограниченный, условный». Специализация слова сопровождается освобождением его от глагольных (причастных) свойств [35]. Значения слова отчасти разделены и функционально: прямое ‘относящийся, имеющий отношение к чему-н’. остается общелитературным, отвлеченное с самого начала принадлежит собственно книжной ученой речи.

---

[35] Причем дело не исчерпывается общим грамматическим процессом девербализации, действенными оказываются и лексические обстоятельства, касающиеся отдельных слов (ср. Словообр. существ. и прил., с. 401 и сл.).

Уже в первые десятилетия XIX в. эволюция слова *относительный* закономерно приводит к тому, что сформировавшееся в специальных контекстах значение слова заметно расширяет круг своего применения. Некоторые сочетания с ним перестают быть достоянием только философского языка. Это, например, ставшие в дальнейшем устойчивыми *относительное понятие*, *относительное значение*, *относительная польза* и др. Таким образом, помимо специального употребления в литературной речи, складывается общеобиходное значение слова ‘сравнительный, ограниченный, условный’: многие вставочные известия [в книге] имеют *относительную* пользу (МВ, 1827), принимает в соображение *относительную* древность каменных пород (ЭЛ, XIV). В это же время появляются основные производные слова: наречие *относительно* ‘в известной мере, сравнительно’ и предлог *относительно* ‘по поводу кого—чего’ (примеры см.: сл. Пушк., III, с. 221); в 30—40-е годы XIX в.— существ. *относительность*. История функционально-смыслового развития слова *относительный* в изучаемый период схематически представляется так: ‘относящийся к кому—чему’ > ‘рассматриваемый только в связи с другими предметами’ и ‘сравнительный, условный’.

§ 8. Аналогичные соотношения обнаруживаются в словах *отдельный*, *отвлеченный*, выступающих с середины XVIII в. в специальном значении ‘абстрактный’: ср. лат. ab-stractus, франц. ab-strait — *от-деленный*, *от-влеченный*. Уже в 50—70-е годы XVIII в. слова *отделенный*, *отделение*, *отделять*, *отделенно* (*отделительно*) употребляются в отвлеченных контекстах при указании явлений, представляемых в уме, обобщенно, в отвлечении от конкретных свойств предметов. Эти же слова широко употребляются в прямых значениях и в словарях XVIII в. отмечаются исключительно с этой стороны. Элемент глагольности в семантике этих слов сохраняется долго при специальном употреблении, что особенно ярко проявляется в конструкциях с предлогом *от*. См. разные примеры с *отделение* и другие при истолковании существа абстракции: Когда мы во многих вещах находим некоторые свойства и приметы одинакие, то понятие таких свойств и примет называется генеральное, то есть общее, или *отделенное от* понимаемых вещей (Коз. Фил. предл.). Примеры, где *отделение* — наименование акта абстракции или действия: В *отделении*, или во *отлучении*, или вне субъекта (Кн. сист., IV, на полях), об *отде-*

лении и понятиях (Эйл., в ориг.: sur l'abstraction), мы получаем понятия о единственных вещах одними чувствами, а понятия об образах и родах — чрез искусство *отделения* (artificio *abstrahendi*) (Коз. Фил. предл.).

Прил. *отделенный* 'абстрактный' распространяется в разных сочетаниях (в том числе без предлога *от*) — в работах Козельского: все общие и *отделенные* понятия (Ст. фил.; здесь показательно текстовое соотнесение слов *общий* и *отделенный*); легкий способ, которым он предлагает материю, подает много ясности самым *отделенным* истинам (там же); она [книга] содержит в себе одну только *отделенную* теорию (там же); *отделенные* вещи (Аничк.); *отделенные* рассуждения (Руссо. Расс.); Тепл.

Несколько позже в этот же круг наименований вовлекаются слова *отвлеченный*, *отвлечение* и др. Как и у *отделение* словари XVIII в. отмечают исключительно прямые значения указанных слов, соотнося их с определенными латинскими и французскими терминами: «*Отделенный*, séparé, divisé» (Гейм); «Abstraire. *Отвлечь*, оттянуть, вычесть» (Нов. лекс.); «Abstraction. Abziehung. Снятие, отвлечение» (Виньер.); «*Отвлеченный*, abgezogen, abgebracht» (Норд.). Слова встречаются в тех же специальных контекстах, что и *отделение*, быстрое распространение их облегчается наличием утвердившихся уже ранее вариантов. Здесь также представлены сохраняющиеся в XIX в., ставшие характерными контрукции с *от*. Например: Они [схоластики] гонялись за качествами сокровенными, за *отвлеченными от* вещества (Тред. Жит. Бак.); Рад.; когда делаем *отвлечение от* Я (ВЕ, 1823); совопрошения, *отвлеченные от* вещественности (Тред. Фил. Бак.— в ориг.: questions *abstraites*); самое высшее понятие, до которого доходит разум, есть бытие, общее, *отвлеченное от* всего, о чем можно сказать: есть (Мн.).

Известная смысловая прозрачность, поддерживаемая в слове подобными конструкциями, делает его более понятным в отвлеченном употреблении, чем «невразумительное», по отзывам современников, на первых порах франц. abstrait и заимствования от него (см. ниже) [36]. Во второй половине XVIII — начале XIX в. слова *отвлеченный* и другие представлены в контекстах, связанных с познанием и умозре-

[36] Замечания на этот счет Г. Глинки см.: ВЕ, 1813, № 13.

нием. Характерно при этом сближение понятия отвлеченного и общего, обобщенного; помимо конструкций с *от* обычно абсолютивное употребление слова. Например: Составление понятия *общего*, или *отвлеченного* (Рад. Уш., II), понятия *повсемственные* или *отвлеченные* (notiones universales vel abstractae — Баум.) идеи (Панк.); заниматься всегда едиными *отвлеченными* истинами (Арш. Нач. мат.); Гал; *отвлеченные* материи (Арш.), вещи (ср. выше с *отделенный*); чрез *отвлеченные* сущие, инако называемые *всеобщими* (abstracta seu universalia), разумеются такие сущие, которые приличествуют многим, например, животное, также человек и проч. (Аничк. Позн. чел.), существа (Д'Аламб.); переходя от *отвлеченных* умозрений к самым вещам (Панк. Подл. Цел.) умствование (Тимк.), положения (Панк.); *отвлеченные* и глубокомысленные науки (Тимк.).

Аналогичны примеры с *отвлечение*, *отвлеченно*, *отвлекать* и другие: *Отвлечение*, то есть способность всеобщие о вещах производить понятия, много вспомоществуют нам в просвещении нашего разума (Аничк. Позн. чел.), [душа] не вещество, единственно *отвлечение*.. воображение, сон (Рад. О чел.), Панк.; [Величина],.. будучи представляема *отвлеченно* (Панк. Подл. цел); Мн.; Ум наш... *от* особенных вещей *отвлекает* всеобщие понятия (Аничк. Позн. чел.); МВ [37]; Общие понятия... суть проявления *отвлекающего* ума (abstrahierend) (сл. Кир.). Прилагательное выступает в числе образований на *-ое*: *Отвлеченное* может быть для нас понятным не иначе как посредством вещественного (ВЕ, 1824). С конца XVIII в. регулярны примеры с существ. *отвлеченность* — при обозначении качества и самого отвлеченного предмета, понятия (ед. и мн. ч.): [Философские] понятия, при всей их *отвлеченности*,.. служат надежным средством к познанию (Панк. Подл. цел.); естествословы.., уобщая понятия и восходя от одной *отвлеченности* к другой (Рад. О чел.): Д'Аламб., Якоб, Гриб., МТ.

Слова *отвлеченный* и другие особенно быстро выходят за пределы собственно специальных контекстов. В первые десятилетия XIX в. чаще встречаются примеры общелитературного применения слов за счет расширения сферы их приложения. Например, у Радищева: Понятие *отвлеченные* — добродетель, красота (Уш., II); о характере самих слов:

[37] Глагол чаще выступает с предл. *от*.

имена существительные *отвлеченные*, невещественные (terminus abstractum) (МТ, 1828); другие примеры из ученой литературы и журнальной публицистики: чрезмерные *отвлеченности* и заоблачные... умствования, отчужденные от всякого вкуса (Сох. Предм.). Слова *отвлечение*, *отделение* и пр. в начале XIX в. еще встречаются в текстовом соотношении: *отвлечение*... есть *отделение* представлений в уме (Снелль), в САР и словаре 1847 г. *отвлечение*, *отвлеченный* толкуются с применением слов *отделение* и др. [38] Однако во всех случаях *отделение* и другие слова играют вспомогательную, поясняющую роль и как термины вытесняются; САР не отмечает былых специальных свойств слов. С 30—40-х годов XIX в. появляются заимствования *абстрактный* и др. Они образуют с *отвлеченный* и другими устойчивую параллель, в основу которой ложатся уже не вариантные, а стабильные синонимические связи. См. пример раннего заимствования у Карамзина: всякое прилагательное имя есть *абстракция* (Агл. Нечт. наук.). Индукция рассматриваемого типа имеет место также в словах *состояние*, *переворот* и др.

РАЗВИТИЕ ОТВЛЕЧЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ У СЛОВ ОБЩЕЙ И КОНКРЕТНОЙ СЕМАНТИКИ

§ 9. Приводимый ниже материал иллюстрирует собственные внутренние семантические процессы, выявляющиеся в отвлеченной лексике или захватывающие ее. Некоторые из этих процессов являются сравнительно общими для книжного словоупотребления XVIII— начала XIX в., другие более специфичны. Так, известная часть новых значений возникает на базе слов с общей и конкретной семантикой, определяя в совокупности эволюцию многих слов, вовлекаемых в сферу отвлеченной лексики. Новые значения могут представлять собой сужение и расширение первоначальной семантики слов. Старые и новые значения часто сосуществуют в лексике XVIII в. и претерпевают функционально-смысловое и стилистическое разграничение.

Новые значения или непосредственно вытекают из исходной семантики слова, составляя прямую линию

[38] В словаре Даля этого уже нет, см. там описательные обороты: *Отвлеченное* понятие,.. общее, не прилагаемое к предмету,.. а *отрешаемое* от него.

развития, или как бы отпочковываются от нее. В первом случае прежние качества слов со временем, как правило, сокращаются или отпадают. Рассмотрим это на материале некоторых употребительных в XVIII в. слов. *Гражданин*— старое структурно-семантическое соответствие греч. πολίτης (не калька)[39] до XVIII в. выступает наряду с *горожанин*, *гражанин* в значении 'житель города', кроме того (первоначально в текстах, переведенных с греческого) 'житель страны, подданный'. В начале XVIII в. слово сохраняет это осмысление, что и определяет его синонимические отношения в этот приод — *мещанин*, *обыватель*, *житель* (последнее, как правило, с определениями), *посадский человек*. Например, в одном ряду встречаются: «Oppidanus. *Гражданин*, *мещанин*, *обыватель*» (Целл.— ср. здесь же: «oppidum. Город, место»). В близко расположенных контекстах ПБП: [деньги] с ельбинских *граждан* собрать — деньги на то с *мещан* ельбинских собрать (Петр — Ф.—Г. Ностицу 26 июня 1710 г.); в «Ведомостях» Петровского времени: *мещаня*, *жители градские* и др.

Значение 'житель города' присуще слову *гражданин* в XVIII в. (живо оно и в XIX в.): Благополучие, какое воспоследовало сему граду и его *гражданам* в прошедшие пятьдесят лет (Лом. Явл. возд.); САР, сл. 1847, сл. Пушк. (I, с. 536 — 8 примеров из 48). Вместе с тем именно в исследуемый период у слова формируется терминологическое значение 'член (гражданского) общества'. Яркие примеры слова *гражданин* в новом его качестве находим в сатирах Кантемира и примечаниях к ним, проникнутым гражданским пафосом: Все, что я пишу,—пишу по должности *гражданина*, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может (Сат. II, 1-я ред., пред.) [40].

Основную роль в развитии слова *гражданин* сыграло широкое использование его в работах русских общественных и литературных деятелей, мыслителей и ученых XVIII—XIX вв.— Тредиаковского, Козельского, Поленова, Фон-

[39] И. С. Улуханов. История слов *горожанин — гражданин*.— ЭИРЯ, VI, 1968, с. 167—168.

[40] По поводу аналогичных примеров исследователь Катемира Стоюнин замечал: «Здесь у него слово *гражданин* является уже не в прежнем значении «горожанина», а в смысле общественного деятеля, проникнутого не личными, а общими интересами» (В. Я. Стоюнин. Антиох Кантемир. «Сочинения, письма и избранные переводы Антиоха Дмитриевича Кантемира», т. I, с. 101).

визина, передовых профессоров Московского университета, Новикова, Радищева, декабристов, Пушкина и др. Здесь слово приобретает высокое патриотическое звучание. Оно утверждается в контекстах, выражающих любовь к отечеству, заботу о его благе: *Гражданина*, бывшего славою отечеству своему и благодетелем потомству (Тред. Жит. Бак.); добрые *граждане* общества (СП, 1758), лучшие *граждане* (Нов. Отв.): в обществе пребывающие *граждане* (Гоббс, II); Коз., Зыб.; *Гражданин*, пекущийся радетельно о тишине общенародной (Тред. Фил. Бак.).

Весьма высокое социальное осмысление в русской публицистике XVIII в. придало слову *гражданин* особую остроту. Именно этим объясняется попытка Павла I запретить слово в 1797 г.[41] Изменения в слове *гражданин* способствовали активизации также слова *согражданин*. Если САР дает старое определение слова *гражданин* («городской житель, обыватель»), то словарь 1847 г. помимо этого указывает «член гражданского общества» (о городе). Словоупотребление Пушкина показывает живое соотношение в слове *гражданин* старого и указанного выше нового специального значения: из 48 примеров — 8 'житель города' 26 'полноправный член общества', 7 'человек, исполненный сознания общественного долга' (Сл. Пушк., I, с. 536—537). Наблюдаются и контексты со словом, когда оно означает не более как 'человек, житель' (в обществе, в государстве): Вобан... сей военный *гражданин* (Фонвиз. Торг. двор.).

Соотношение с *мещанин* особенно показательно для слова *гражданин*. В значении 'житель города, горожанин' оба слова являются синонимами. Параллелизм слов *гражданин* и *мещанин* обычен в словарях до конца XVIII в.; Новый лексикон (I, с. 295): «гражданин, мещанин», «мещанин, гражданин» (с. 457). Вместе с тем, с самого начала слово *мещанин* совершенно лишено того высокого осмысления, которое присуще слову *гражданин*. К концу XVIII в. наименование *мещанин* приобретает (по указам Екатерины II 1775 и 1785 гг.) определенное социально-правовое содержание — так стали называть низший слой

---

[41] «Русская старина», 1871, т. III, апрель, с. 531—532. — Эти меры фактически не повлияли на употребление слова, и даже в тексте ПСЗ за тот же 1797 г. встречаем *гражданин*, *гражданский*, *общество*, *отечество* и др.

городского населения в отличие от купцов и дворян [42]. Соответственно новому значению слова *гражданин* развивается в XVIII — начале XIX в. прил. *гражданский*, круг характерных сочетаний которого складывается рано. Оно может означать в XVIII в. (особенно в первой половине столетия) 'вообще относящийся к обществу, жителям', 'городской', 'светский (не военный)' и др. Вместе с тем в ученой и публицистической литературе изучаемого времени выявляются специальные контексты со словом. *Общество* (как ступень в развитии человечества): сие было рождение *гражданских* обществ (Страх.), благо *гражданских* обществ (Гос. правл.); в противопоставление: человеческие *общества* как *гражданские*, так и необразованные, скитающиеся еще по лесам и в пещере укрывающиеся (Тимк.); сообщество *гражданское* (Поповск.). *Житие* и др.: Нравоучение, или правило *гражданского* жития (Кант. Разг., прим.), сожитие *гражданское* (Должн., I), член *гражданского* содружества (Тред. Рим. ист.,III,пред.), законы *гражданского* общежития (Фергюс.), в *гражданском* быту (Мал. Расс), *гражданское* бытие [России] (Пест. РП); противопоставление: перемены в *гражданской* и *частной* жизни (Тимк.). *Состояние*: состояние членов общества в отношении одного к другому называется *гражданским*, status civilis (Куниц.); Кург. *Правление* и др.: Знание прав правительства *гражданского* (Кант. Сат. VII, прим.), *гражданское* правление (Кант., Десн.), *гражданское* управление народов (Мал.). *Закон* и др. — контексты этого рода и некоторые другие возникают рано, но смысл их неодинаков вследствие смысловой эволюции слов *гражданин*, *гражданский* (*гражданский закон* в первые десятилетия XVIII в. нередко относится к городскому обществу и лишь затем к обществу в целом; *Гражданские* уставы (Кант.), изыскивать начала *гражданских* законов (Десн. Пр. сп.); противопоставление: *гражданский — естественный*, *натуральный*. *Право* и др.: *Гражданское* [право основано] на взаимном отношении граждан (Раевск.); Вейсм., Кант.; *гражданская* должность; *гражданская* вольность, *гражданская* свобода (Ферг. и др.).

В наименованиях наук: *гражданская* история (Регл. АН 1747), противопоставление: *естественная* история

[42] Ю. А. Бельчиков. Из истории словарного состава русского языка. История слова «мещанин».— «Вестник Моск. ун-та», 1953, № 1.

(Тред. Фил. Бак.); юриспруденция экономическая, или домовая, и политическая, или *гражданская* (Кург., VI). У Пушкина слово *гражданский* совсем не связано с *город* (сл. Пушк., I, с. 537). Слово *мещанский*, напротив, не представлено применительно к обществу, его устройству. Оно встречается в некоторых сочетаниях, связанных с ‘город’, ‘городская жизнь’ (Нов. Лекс.: *мещанское*, *гражданское* право) и лишь в таких случаях синонимично слову *гражданский*.

Семантические изменения затронули и остальные слова данного гнезда. *Гражданство* (и *мещанство*) известно к началу изучаемого времени в значениях — собирательном ‘совокупность граждан (мещан)’: «*мещанство*, *гражданство*, мещане, граждане, гражданские жители» (Вейсм.) и старых ‘состояние гражданина’, ‘гражданское устройство’ (отмечены Срезн., I, с. 577). В XVIII в. распространяется и внутренне дифференцируется первое значение и, наоборот, сужаются и отчасти сливаются вторые. См. некоторые примеры: Она ж [философия] делает нас способными членами *гражданства* (Тимк.), члены оного поступают в общий состав российского *гражданства* на основании общих правил (Пест. РП); Арш., Рад. В ученой литературе изучаемого времени формируется понимание слова ‘(исторически возникшее) гражданское общество’, распространяются контексты, содержащие историческую интерпретацию и определение понятия: Учреждение *гражданства* (ТП); первоначальное народов *гражданство* есть пустыня общая со зверьми (Десн. Происх. супр.); в первоначальном *гражданстве* разделение трудов не могло быть известным (Трет. Прич. из.); *гражданство*, гражданское общество (Гоббс, II); Куниц., Пест. В значении ‘состояние гражданина’ слово часто в выражении *право гражданства* (ед. и мн.): позволяя право *гражданства* и... все права и привилегии (Тред. Рим. ист.), Н. Мурав., Пест. Это выражение отмечено в переносном смысле уже в первой половине XIX в.: человеческий разум, получивши права *гражданства*... (Якушк.). Слово *мещанство* неизвестно в значении ‘(исторически возникшее) гражданское общество’. Оно указывает в основном ‘совокупность горожан (мещан)’, ‘состояние горожанина (мещанина)’, а к концу XVIII в. — определенное сословие городских жителей (см. выше); этим и ограничиваются его смысловые соотношения с *гражданство*.

С начала XIX в. появляются примеры со словом *гражданственность* в значении ‘общественное развитие, прогресс’, ‘уровень общественного и культурного развития’: успехи *гражданственности* (civilisation) (ВЕ, 1802); римляне, прошед все степени *гражданственности*... (МВ, 1827); правила *гражданственности* (Тург. Общ.); ЭЛ. Это слово вступает в определенный ряд с другими наименованиями. Именно в данном ряду появляется в 30—40-е годы XIX в. слово *цивилизация* (отдельные случаи еще ранее: *сивилизация* киргизцев послужит примером. Храп. Дневн., июнь 1786 г.). Например: *Цивилизация*, или *гражданственность* (ВЕ, 1828); картина вековых плодов просвещения, успехов *цивилизации* и общественного образования (Бел. Лит. мечт., VII); Р-ф-ц; страны более *цивилизованные* (Кир.).

§ 10. Конкретная семантика лежит в основе нового значения слова *понятие*. В учебных текстах начала XVIII в. слово выступает в значении ‘понимание, усвоение (чего)’. *Понятие* [‘усвоение’] обучения (Магн.); ради лучшего *поятия* во исчислении (там же). Такое употребление соответствует глаголу *по(н)яти*; у Срезневского (II, с. 1342) он представлен примером XV в.: могущи *понятии* [‘понять, представить себе’] величество толикой брани (И. Флав.). На протяжении XVIII — начала XIX в. происходит интенсивная специализация слова *понятие*, устанавливаются характерные для него конструкции; при этом развитие слова идет по нескольким направлениям. Так, сохраняется указанное «глагольное» употребление с родительным объекта ‘понимание, познание (чего)’. Например, распространенная в XVIII в. формула *понятие вещей*: Способность [человека] к *понятию* вещей (Тред. Сл. прем.); Коз., Десн.— ср. показательные варианты: *внимание* натуральных вещей (Лом. Явл. Вен.); у Татищева: в философии... *понятность* действа и мнений (Разг.). Ср. также: Упражнение мое в других науках... не мало облегчило мне *понятие* философии (Коз. Фил. предл.); *понятие* натурального права (Он же. Ст. фил.). Это значение позднее представлено у Даля в примере (*пониманье* наряду с *понятие*]: ясное *понятие* приказаний.

В основном же в слове развиваются значения ‘образ, мысль (чего, о чем)’ и ‘способность к разумению, познанию’. Оба значения встречаются у Кантемира, которому слово во многом обязано литературной популяризацией.

Он сближает греч. *идея* и *понятие*, даёт их толкование: *Йдея.* Греческое слово, значит начертание предлежащей вещи, которая в уме нашем изображается чрез чувство или чрез другой какой образ разумения... Я бы идею назвал по-русски *понятием* (Разг., прим. 10). Слово в этом смысле широко распространено на всем протяжении XVIII в., в ед. и часто мн. числе. Например: «Idea. Образец, образ, изображение, *понятие*» (Целл. Приб.); «идея — мысль, *понятие*» (Кург.); слово включено в философские словники Тредиаковского («*понятие* — idea»), Теплова («*понятие* — notio [или] idea — ideé»). В литературе XVIII в. *понятие* тесно связывается с воспринимающей способностью человеческого сознания, его системой чувств: Действия сих вещей производят *понятия* в разуме (Кург., VI); *понятие*, в душе от того [ударения чувств] рождающееся (Рад. Уш.); вывесть из *понятий* и начал, подаваемых натурою (Коз. Ст. фил., I); [человек], слагая *понятие* с *понятием*,.. о свете рассуждает (Сум. Раз. чел.). В переводах Бюффона слово варьируется с синонимами: *понятия* мои — *мысли* (Ф) — *идеи* (Кар.); Лом., Эйл, ПТ, Якушк.

Показателен круг определений при слове, в них находят отражение точки зрения и теории, существовавшие в XVIII в.: Простое *понятие* (Тред. Сл. прем.), общие *понятия* (Коз. Фил. предл.; СВ), всеобщие *понятия* вне разума человеческого точно ли существуют? (Брянц. Св. вещ), первый источник человеческого познания составляют так называемые исторические *понятия* (Чеб. Сп. пр.). Употребительно в XVIII в. определение *здравый*: откуда вы получили такие здравые *понятия* (Разг., 1802— в переводе 1730: здравые *знания*); отвлеченное *понятие*, общепринятые ныне *понятия* (Кир.); в связи с обсуждавшейся в XVIII в. теорией врожденных понятий: Врожденные *понятия*, небытие коих доказано с очевидностью (Рад. Уш.); Сум., Кар.

Содержание понятия раскрывается в конструкциях с предлогом *о*. Это распространенный в литературе контекст *понятие(-я) о вещах* (*вещи*) — ср. выше оборот *понятие вещи* с иным, «глагольным» смыслом 'понимание, познание'. Например: Чтобы уметь хорошо сочинять, то надобно... истинное *о* вещи *понятие* (П, пред.); *понятие* о священных вещах (Рад. Уш.); Арш., Полит.; не ведущий генеральных *понятий о* физике (ЕС, 1755); *по-*

нятие о вещественности (Рад. О чел.); *понятия* наши *о* добродетели (Коз. Ст. фил., II); *понятия о* гражданской вольности (Рад. Прибр. Сиб. Карт. XVIII в.) [43]. Аналогичную смысловую роль выполняют сочетания с род. п. (отличные от указанных выше «глагольных»). Соотносительные с *идея* выражения типа *понятие чего* обладают в это время семантической прозрачностью, обозначая ‘образ, представление чего (в сознании)’; одновременно они сохраняют элемент глагольного осмысления ‘воображение, понимание чего’.

Примеры таких недостаточно разграниченных по смыслу сочетаний часты у Козельского и других писателей; с течением времени развивается их внутренняя дифференциация. Например: Чувствие или *понятие* какой вещи есть представление ее в мысли нашей (Коз. Фил. предл.); отчего мне приходит точное *понятие* счету (Кант. Письмо VII); разум познавает [узаконения] по *понятию* содружности (ex *idea* socialitatis) (Тред. Рим. ист., II, пред.). У Радищева: да возникнет в разуме и сердце его *понятие* будущей жизни; *понятие* великого, мелкого; *понятие* непроницательности, протяженности (О чел., Уш.); вот *понятие* сего закона (Брянц. Вс. зак.); рассуждение есть совокупление или разделение понятий, например, ежели мы *понятие* добродетели с *понятием* похвальной снесем, [то] узнаем, что добродетель есть похвальна (Коз. Фил. предл.). От этих сочетаний отличаются контексты с род. п., передающие принадлежность или отнесение понятия; *Понятия* чистого разума (ПРП), *понятия* нравственности (Мысл.).

Довольно многочисленны сочетания слова *понятие* в рассматриваемом смысле с глаголами (чаще с *иметь*), они означают наличие, возникновение, сообщение и т. д. понятий. Например (ед. и мн. ч.): *Иметь* ясные *понятия о* вещах, чувствам нашим предлежащих (Эйл., II); разные *понятия*, какие *имеют* народы о собственности имения (Десн. Собств.); об оных [словах] не *имеем* мы в самом деле всеобщего *понятия* (ЕС, 1755). Очень скоро некоторые из таких оборотов фразеологизуются (*иметь понятие* ‘знать’, *не иметь понятия* ‘не знать’): ни *о* чем *не имети понятия* (Сум.); ни малейшего (никакого) *не иметь понятия о* (Фонвиз.); ср.: кто глух родился, тот *о* музыке ни ма-

[43] У Кантемира ранние варианты: *мнение о*, *знание о* (Разг.).

лейшего *представления не имеет* (Сум. Раз. чел.). *Подать*: Науки подают ясное о вещах *понятие* (Лом. Польз. хим.); чтоб обществу подать достаточное *понятие* о сем явлении (ЕС, 1760); Тред., Эйл.; *получить*: получить совершенное или ясное о каком-нибудь предмете *понятие* (Эйл., II); ЕС, Коз., Чеб.; также со словами *производить*, *составить*, *приводить*, *преподавать*, *сооружать*, *приобретать*, *устроить* и др.

Второе направление в развитии слова ('способность к разумению, познанию') также представлено ранними примерами в ученых текстах. Данное значение в свою очередь не является однородным, здесь различаются случаи, имеющие довольно широкий смысловой диапазон. Прежде всего это разумная, мыслительная способность, свойственная вообще человеку: Если мы рассмотрим его [человека] существо, то найдем его одаренного *понятием* (то есть свойством составлять идеи и оные сравнивать) (Рад. Уш.); я в своей натуре двойного существа не знаю: одно, которое познавает, а другое то, что *понятия* не имеет (Кант. Письмо V); существо, награжденное разумом и *понятием* (там же, VII); Лом. Как общее свойство человечества: Он нам к *понятью* дал разум отверзтый (Кант. Песнь 1); в устойчивом сочетании *понятие человеческое*: Писатели, которые старались *понятию человеческому* дать градусы и степени (Тепл., I); что же свыше *понятия* человеческого (там же); Зыб. Применительно к научному познанию и обучению: Великая тонкость *понятия* (Тред. Феопт.); способность к *понятию*, приобретенная упражнением в науках (Коз. Фил. предл); когда еще память у них свежа и острота к *понятию* не угасла (Чеб. Сп. пр.); ныне *понятие* [стало] тонее и вкус нежнее (Руссо. Расс.— перев. 1792: проницательнейшие изыскания); *понятие* наше вознестися может до познания первых причин (Рад. О чел.). При обозначении человеческого мышления: Без него [мозга].. исчезает *понятие*, воображение, память, рассудок (Рад. О чел.).

Слово выступает и в менее специальных контекстах, например, в значении 'способность, пределы понимания данного человека': На всякой странице находил он не ясные о системе мира предложения, но тьму непроницаемую и удаляющуюся от его *понятия* (Тр. 1769), идеи, превосходящие его *понятие* (Восп. дет., II); 'сообразительность, понимание': для всех скорых в *понятии* (сл.

Виньер, пред.), природа одарила его изрядным *понятием* (Тр, 1770), мальчик хорошего *понятия* (Гейм); ‘воображение, умозрение’: в мысли и *понятии* представлять должно все собрание... наук (Барс. Польз. ун.). Встречающиеся в этом кругу контексты с *иметь* (например: соглашаются в том, что скот никакого *понятия* не имеет. Кант. Письмо II) по существу омонимичны упомянутым выше. Рассматриваемое значение слова *понятие* живо и в первой половине XIX в. В САР (IV, с. 1508) оно фигурирует на первом месте, хотя толкование этого словаря («сила, дарование, способность к разумению») неполно учитывает употребление слова в отвлеченной лексике (так же: сл. 1847, Даль). Позднее данное значение начинает затухать, причем прежде всего в книжно-литературной сфере [44].

С самого начала *понятие* соотносительно по смыслу с *идея* (см. выше определение Кантемира),— но лишь в значении ‘представление, мысль’. Зато это значение, не осложненное другими, выступает в заимствовании вполне четко. Слову *идея* в XVIII в. свойственны те же основные конструкции, что и существ. *понятие*. Абсолютивно: Богатство к сильному изображению *идей* важных и высоких (Лом. Польз. книг), сочетание наших *идей* (Рад. О чел.); с предлогом *о*: Не твердится употребление без точной *идеи* об употреблении (Тред. Чист. росс. яз.), генеральная о коммерции *идея* (ЕС, 1755); с *иметь* и другими глаголами: Первая *идея*, которую мы о какой вещи имеем (Баум., I), дать, приобретать и др.; с родительным принадлежности: *идеи* моей книги (Кант. Разг.), *идеи*, которые мы получаем из книг, можно назвать мертвыми в сравнении с *идеями* очевидца (Кар. ПРП).

С родительным содержания слово обнаруживает широкую сочетаемость и весьма характерно поясняется на ранней стадии: Прежде несведомые ему вещей **идеи* [**образы*, или *виды*] (Сист., VI) [45]; ум наш предложенных вещей *идеи* (виды в понятии) понимает (Тред. Рим. ист.,

---

[44] До наших дней дошли лишь отдельные этого рода типы контекстов и выражения разговорного и просторечного характера — *человек с понятием*, *без* (*всякого*) *понятия* и др. (В. В. Веселитский. *Человек с понятием*. «Вопросы культуры речи», VIII. М., 1967).

[45] Сочетание *идея вещей* также является постоянным (Прок., Аничк. и др.).

V, пред.)[46]; открывается на той карте *идея* Сатурна (Аничк.); имя [*его*] произносится с *идеею* честного человека (Фонвиз. Письм.); *идея* скорости, времени, пространства (Арш. Чист. мат.); *идея* самых изящных добродетелей (Тред. Фил. Бак.). Именно в русле такого употребления у слова *идея* (как и у *понятие*) позднее возникает отвлеченное значение ‘образ, сущность (чего)’. Сочетания с род. п. (*идеи* богатства) прежде всего вызывали возражения Шишкова как «новые»; сам он употреблял *понятие* в смысле ‘(по) знание’, ‘понимание, разумение’ (например: какой странный и чуждый *понятию* и слуху нашему слог). (Расс., с. 1, 10, 53, 147 и сл.). Схема основных значений слова *понятие* в XVIII в.:

Воображение, понимание, усвоение (чего)

‘понимание, (по)знание чего’	‘образ, представление, мысль (чего о чем)’	‘способность к разумению, познанию’

§ 11. Смысловые свойства, соотносительные с глаголом, ложатся в основу развития слова *явление*. Самое обычное и распространенное значение его в ученой литературе XVIII в. ‘случай, событие, факт’; примеры часты. Как правило, это наименования конкретных физических процессов и фактов: Ученые люди не довольно еще испытали о причинах таковых в натуре *явлений* (Тепл., прим.); *явление*, каков есть магнит (Тред. Фил. Бак.); примечаем *явление* (phénomène) почти подобное в магните (Коз. Расс); когда видим вниз падающий камень, то сие *явление* называется тяжестью (ПТ). К концу XVIII в. распространяется более обобщенное употребление слова, обычно с определениями (часто мн. ч.): электрические *явления* (ВЕ, 1807), вулканические *явления* (ЭЛ, VII), *явления* природы (Мн., 1825). Слово расширяет сочетаемость применительно к живым телам и человеку: В чувственности примечать можно *явления*, электрической силе подобные (Рад. О чел.), *явления* человеческой чувствительности (Крюк.), размышлять о *явлениях* жизни внутренней (МВ, 1827); в разных других областях: *явления* нравственности слишком тонки (МВ, 1827), язык его представлял необыкновенное лингвистическое *явление* (ВЕ, 1829);

[46] Здесь *идея* и *понятие* в разных значениях, этим объясняется их нетавтологичность в тексте.

общее наименование факта, события: когда одно *явление* изъясняется другим (Брянц. Св. вещ.), теория есть представление внутреннего хода *явлений* (Мн., 1825), природа как совокупность *явлений* (там же), физическая природа *явлений* (МВ, 1827), Гал.

Однако еще ранее слово обнаруживает свойства, тесно связанные с глаголом *являть(ся)* (Срезн., III, с. 1633—1635). В значении ‘обнаружение, показание’ слово *явление* в XVIII в. известно не только в славянокнижных примерах, но и в ученом словоупотреблении, сохраняя это значение в литературе XIX в. САР приводит иллюстрацию: *явление* словес твоих просвещает; сл. Вейсмана: «Erscheinung, *явление*, призрак». Еще у Пушкина из 24 примеров слова 6 указывают действие по глаголу, например: как сладостно *явление* ее Из тихих волн (сл. Пушк., IV, с. 1026). В XVIII в. слово употребляется при обозначении астрономических феноменов (букв. ‘то, что появляется на небе’). Так же франц. phénomène (DAF II, с. 364) с пометой «terme didactique» [ученое]. См. литературные примеры: Хвосты и бороды [комет] не ино что суть, разве простые *явления* (Кант. Разг., V; в ориг.: pures apparences), *явления* естественные (Кант.), для наблюдения редко бывающих *явлений* небесных (Лом. Явл. Вен.) — у него же варианты: почти повседневное их [северных сияний] *оказание* (Сев. сиян.). Столь же обычно слово применительно к небесным светилам: *явления* планет без помощи зрительных труб видеть не можно (Тепл., I), *явление* звезд небесных (Тат.), *явление* Венеры (СУР), комет (Кант.), САР.

В середине XVIII в. слово употребляется по отношению к некоторым другим естественным явлениям как ‘проявление, действие (чего)’: о *явлениях* и действиях электрической силы (Лом. Сев. сиян.), *явление* его [магнита] открывается почти только случаями (Коз. Расс.). Эти случаи в дальнейшем смыкаются с указанными выше (‘событие, факт’), но они же ложатся в основу развивающегося позднее философского осмысления слова *явление* ‘обнаружение свойств, внешнее выражение’ в противоположность сущности вещи. См. с конца XVIII в.: Почитают сии свойства не *свойствами*, но *явлениями* и действиями причин (Рад. О чел.); мы о *вещах* чувственных собственно никакого познания иметь не можем, а только о их *явлениях* (СВ, 1805); различие между миром

явлений и *вещами* своесущными (Гал.); от *явлений* восходят к *началам* (Мн., 1824); *явление* может ли предшествовать *сущности*? (МВ, 1827).

В 20—30-е годы XIX в. специально в этом смысле выступают *проявление*, *проявляться* (их следует рассматривать как возрождение старых слов — отмечены у Поликарпова): греческая жизнь во всех своих *проявлениях* и сферах (МВ, 1827), ср. в плане этого же противопоставления еще: истинное бытие и *являемость* (ВЕ, 1830).

В значении ‘обнаруживать(ся)’, затем ‘проявлять(ся)’ в изучаемое время широко употребляется также глагол *являть(ся)*, развитие которого сходно с существ. *явление*: *Являющиеся* на солнце пятна (Кант. Разг.); в конце лета чаще северные сияния *являются* (Лом. Явл. возд.); как они [вещи] нам чрез наши чувства во времени и пространстве *являются* (СВ, 1805). На протяжении всего изучаемого времени параллельно со словом *явление* функциопирует его парное соответствие *феномен*: *Феномены* неба и земли (Комм. АН); «Прим. вед», Тред.; *феномен*, или натуральная перемена, или натуральное действие, есть то, что мы находим в телах помощию наших чувств (Коз. Ст. фил.); сии свойства,.. поелику *являются* нам посредством вещественности, почитаются токмо видимыми действиями, или *феноменами* (Рад. О чел.); *феномены* естественные (ВЕ, 1802), *феномены* природы (ЭЛ), натуры (Кар.), умственные и нравственные *феномены* (МВ, 1828); Гал., Мн., Р-ф-ц, Даль. См. в соотносительном с указанным смысле также прилагательное: бытие преходящее и *феноменальное* (ВЕ, 1830).

§ 12. Семантически не столь рельефно, но в том же плане происходит развитие слов *познание*, *познавать*, широко распространенных в учепой и просветительской литературе XVIII в. Эти слова издавна употребительны. Срезневский определяет познание как ‘знание’: Премудрости вящее *познание* (Гр. Наз., XI в.). С этим значением оно известно также в исследуемый период, сохраняя некоторые идущие с древности сочетания (*познание* истины и др.). Например: «знание, ведение, разумение, *познание*» (Вейсм.); «знание, разумение, ведение чего» (САР, IV, с. 1382). Постепенно слово специализируется в новом смысле, при указании научного познания. При этом расширяется круг его употребления в отвлеченной лексике, утверждаются свойственные ему типы конструкций.

Оно обычно с родительным падежом, раскрывающим содержание познания: К приобретению большего *познания* комет (Опис. ком.); частый оборот — *познание вещей*: ищут *познания* всех возможных, всех существующих вещей (УС); Тред., Зыб.; как *познание* предметов внешних... снискивается людьми (Д'Аламб.); для яснейшего *познания* дружества и недружества в полюсах (Лом. Волф. физ.— у него же: частиц, веществ); надобно... иметь общее *познание* тварей (Коз. Ст. фил.); всюду приобретает *познание* нравов, законов (Тред. Тилем).

Аналогичны по смыслу сочетания с предлогом *о*: Можно чистую пить воду и не имети точного *познания* о ее источнике (Сум. Мораль); *о* ефире, *о* движениях воздуха (Лом.); бытие вещей независимо от силы *познания о* них и существует по себе (Рад. О чел.); с предлогом *в*: к *познанию во* других [вещах] (Кн. мирозр.). Абсолютивно как общее наименование знания, сведений: Один ясного *познания* приятным сиянием увеселяется, другой в мрачной ночи невежества едва бытие свое видит (Лом. Польз. хим.); разум извлекает особенное *познание* из общих правил или начал (Якоб); Эйл., Держ.; с определениями, указывающими область знаний: чем обширнее историческое *познание* произведений природы и явлений, происходящих в ней, тем пространнее быть может философское, или *познание* причин (Панк. Подл. цел.); опыты суть основание всего естественного *познания* (Рад. О чел.); Тепл. В указанном смысле слово имеет синонимы и варианты — *знание*: основательное и ясное *знание* дел естественных и преестественных достается прилежным рассуждением (Кант. Разг.); строение человеческого *знания* (ЕС, 1763), всеобщее *знание* человека (УС), *ведение*: что нужнее к *ведению* в физике (Кант. Разг.); *разумение*.

Однако в ряде контекстов значение слова может представляться не вполне расчлененным как ‘знание’ и ‘узнавание, изучение’ (см. старые примеры у Срезневского). Например: Здравым рассуждением приближаемся мы к центру *познания* (Сум. Неспр. осн.); истина есть конец всего нашего *познания* (Тред. Сл. прем.); нередко в распространенном цельном сочетании *познание человеческое* как наименования общей познавательной способности человека: Слово о свойствах *познания* человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заб-

луждений (Аничк.); о первых человеческого *познания* началах (Баум., I), источник (Чеб.), ветьви (Тред.), система (Брянц.); в сочетании *познание натуры*: Чтоб люди могли достичь до совершеннейшего *познания* натуры (Коз. Ст. Фил.); с другими словами: преддверие учености есть *познание* языков (Рад. Путеш.).

Именно стремление к смысловой дифференциации в немалой степени способствовало в XVIII в. закреплению формы мн. ч. слова исключительно в значении ‘знания, сведения’: Учением приобретенные *познания* разделяются на науки и художества (Лом. Польз. хим.), от нее [философии] зависят все *познания* (Поповск. Речь нач.), *познания* наши состоят токмо в сведении бытия вещей в пространстве и времени (Рад. О чел.), обширные *познания* (ЕМ, № 2), ход *познаний* (Панк. Ср. просв.), успехи *познаний* (Тред. Фил. Бак.— в ориг.: le progrès de *connoissances*), светильник *познаний* не предрассудком возжигается (Рад. Путеш.); с классифицирующими определениями, как и *познание* выше: физические *познания* (Панк.), физико-математические (Д’Аламб.) — еще ранее: *знания* естественные («Прим. вед.», 1728).

Все же превалирующей в ученой литературе XVIII в. оказывается глагольная линия в слове — его значения ‘узнавание’, ‘получение сведений, знаний’, ‘изучение’. В этом качестве слово представлено примерами, охватывающими широкий круг отвлеченной лексики. Фактически и многие перечисленные выше контексты в целом передают узнавание, получение сведений (*снискать*, *получить*, *приобрести* и т. д. *познание*, *-я*). Процессуальные свойства слова указываются как основные или единственные в некоторых словарях — Гелт. (с. 596): «*познание*, см. познавание», сл. 1847 (III, с. 298) [47]: «действие познающего и познавшего». В сфере изучаемой лексики слово чаще всего выступает с зависимым именем в род. п., указывающим объект познания. Учитывая широту семантики слова, для уточнения его значения существенны условия контекста. Например: *Познание* живой связи всех наук (Мн., 1824); поступая в *познании* естества (Рад. Путеш.), натуры (Лом., Полит.); упражнялся в *познании* природы (Рад. Путеш.; Мн., ЭЛ), естественности (Рад. О чел.); все те науки заняты... *познанием* общей натуры вещей (Коз.

[47] В отличие от САР, см. выше.

Расс.), жизни вещей (МВ, 1829), предметов чувственных [и] вышечувственных (СВ, VII); пространства и времени (Мн.); человека и его естества (УС).

Слово *познание* в род. п. с управляющим именем указывает средства, возможности, формы познания; такие контексты усложняются с конца XVIII в.: Средствия *познания* истины (Должн., I), он [человек] имеет силу *познания* (Рад. О чел.), форма *познания*, способ соединения известных представлений (Гал. Фил. сл.), предмет *познания* (МТ, 1828), путь *познания* (Кир.). С определениями слово указывает виды, способы познания: Она [эстетика] трактует о чувственном *познании* вообще (Кар. ПРП), разумное *познание* (УС), практическое *познание* (ВЕ, 1808), условия обыкновенного опытного *познания* (Кир.). Слово *познание* с *сам*, *само-*; *познание самого себя*, *самопознание* (см. гл. III).

Такая же специализация на протяжении изучаемого времени наблюдается в глаголе. См. обычные в начале XVIII в. примеры с прямым значением ‘узнавать’: «проведати, *познати*, узнати» (Вейсм.), *познаваем* чрез карты морские, в которую сторону надобно итти (Сокр. мат.); Посошк. Такие контексты приобретают все более отвлеченный характер ‘узнавать через размышление, рассмотрение, изучать’: через величину тягость без весу *познавает* (Лом. Польз. хим.); научились *познавать* природу вещей, их силы (Чеб. Сп. пр.); тогда мы что-нибудь опытом *познаем*,.. углубляя внимание в свои представления (Аничк. Разн. сп.); *познать* все сущее (Гал.); Кант., Тред., Коз, Кург., Нов. В причастных формах и оборотах, особенно с конца XVIII в.: [понятия] должны быть *познаны* (Д’Аламб.); вещи... *познаваемы*, предмет... *познаваемый*, *познанное* (Гал.); *познаваемая* действительность (ЭЛ, X); все, его окружающее, совершенно другое, отличное от его *познающего* Я (МВ, 1829). Прил. *познавательный* имеет еще сильный причастный оттенок ‘познающий’; действия способности *познавательной* (Аничк. Позн. чел.); СВ, согласная деятельность *познавательных* сил (Якоб).

В слове *определение* значениями, стоящими вне научно-отвлеченной сферы, в XVIII в. являются общеобиходные и деловые — ‘назначение’ и ‘узаконение’. Например, в языке первой половины XVIII в.: Положить им крепкое *определение*, чтобы безотложно детей своих

отдавали учить грамоте (Посошк.); *определение* им [академикам] жалованья отдается на волю и рассуждение президента (Регл. АН 1747), «узаконение, законоположение, *определение*» (Вейсм.). Ср. в конце XVIII в. еще как 'предназначение': *определение* сердца есть любовь (Кар. ПРП). Указанные значения известны на всем протяжении изучаемого времени, отмечаются в словарях (САР и др.). Напротив, в отвлеченных контекстах слово выступает главным образом в другом качестве, не перекрещивающемся с предыдущими. Чаще всего это установление естественных обстоятельств существования тел, в том числе (особенно в ранний период) в ходе наблюдения. Например: Обсервации и *определения*... высот тех мест (Дел.); для точного *определения* течения главных тел сего видимого мира (Лом. Явл. Вен.); *определение* его [человека] между тварей (ЕС, 1763); *определение* видимого поля в карманных трубках (Эйл., III); образ есть не что иное, как *определение* протяженности (Рад. О чел.).

Это значение представлено и в более узком понимании (соотносительно с лат. definitio, франц. definition) 'указание существенных свойств, описание, формулировка', оно закрепляется за словом. Например: Сие правила *определение*, дабы лучше уразумелося (Должн.); *определения*, или вещные описания (Тред. Фил. Бак.— в ориг.: les définitions); *определение* вещи (definitio) есть явственное и полное ее понятие, выраженное речью (Коз. Фил. предл.); *определение* устойчивости (Эйлер. Письмо К. Разумовскому о корабельной науке, 1749); веществ *определения*, которые подробную явлений производят идею (Брящ. Св. вещ.); СУР, СВ. САР (IV, с. 352—353) дает именно такое толкование слова (ставя его на первое место) «изъяснение свойства или существа какой вещи по ее роду, употреблению, разности и др.» Соответственно употребляется на протяжении изучаемого времени глагол *определять(ся)*. См. некоторые примеры: Чтобы *определить* течение комет (Опис. ком.); сколько тело какое больше плоских боков имеет, которые его с наружи *определяют* (Кант. Разг.— в ориг.: qui le *terminent*); слово или вещь, которую *определяем* (Коз. Фил. предл.); *определять*... значит некоторые свойства и пределы какой-нибудь вещи ясно придавать и оную от других отличать (Баум., I); Тред., Зыб., Кар.

Отдельную семантическую историю имеют причастия этого корня. Страд. причастие прош. вр. может иметь глагольный смысл или оттенок (сл. 1847 — *определенный* «прич. страд. гл. *определить*»): Силы, естественные, правым разумом расположенные и *определенные* (Тред. Рим. ист., III, пред.); то слово или вещь, которую *определяем*, называется *определенное*, или определенная вещь (Коз. Фил. предл.). Вместе с тем оно могло иметь разные специфические для философии XVIII в. осмысления — как ‘конечный, ограниченный’: *определенные* и конечные существа сами по себе не имеют достаточной причины своего бытия (Рад. О чел.); предметов... *определенных* (finis) (МТ, 1826); ср.: «предел, конец, *определение*» (Целл); *определенный* в противопоставлении *неопределенный* (Баум.). Основное же употребление страд.прич.наст.вр.— в адъективной роли, с отчасти индуцированным значением ‘заданный, установленный’: *Определенное* время их [планет] обращения вокруг своего центра (Краш.); другие [тела] распускаются при *определенном* градусе огня в жидкость (ЕС, 1763); каждая [вещь] в *определенном* порядке представится (Брянц. Св. вещ.); Поповск. [48] Ср. в DAF défini как причастие, с возможным адъективным употреблением (un nombre *défini*). В аналогичном смысле встречается у разных авторов краткое страд. причастие: противострастие не *определено* [‘не установлено, не выражено’] натурою (Брянц. Св. вещ.); Дел., Кант., Опис. ком.

На базе указанных свойств у слова *определенный* с конца XVIII в. вырабатывается довольно широкое значение ‘точный, установленный, известный, некоторый’. Оно еще долго (в первые десятилетия XIX в.) сохраняет оттенок новизны и принадлежности к книжной лексике. Например: Читал я им русские стихи разных мер, и они чувствовали их *определенную* гармонию (Кар. ПРП — МЖ, III), для осуществления идеи треугольника она необходимо должна отразиться в *определенном*, частном треугольнике (Мн., 1824), для извлечения *определенных общностей* (МТ, 1826 — в приведенных образцах курсив вез-

[48] У Тредиаковского еще *определительный* ‘определяющий, влияющий’: Предосторожность, привесьма *определительная* для здравия (в смысле, отличном от указываемого в САР, IV, с. 353 «точный, положительный)» и *определительность* ‘установление’: Законы и *определительности* действа материи.

де авторский). Вместе с некоторыми другими словами *определенный* образует весьма характерный для книжной речи нового времени ряд с общим значением ‘известный, данный’. Уже в XVIII — начале XIX в. эта лексика приобретает свойственный ей выветренный, полуформальный характер — *данный* (гл. III, § 12); *известный*: одно из свойств тел, по коему оные *известное* имеют протяжение (САР, I, с. 435), к какому-нибудь одному человеку или *известному* только числу людей относящийся (там же, III, с. 583); *некоторый*: всякое тело имеет *некоторую* величину (Нем.-рос., статья Große); позднее *конкретный*: «*Конкретный.* Данный, определенный» (Кир.).

На протяжении всего изучаемого периода наблюдается парный параллелизм слов *определение — дефиниция* в значении ‘указание существенных свойств, описание, формулировка’, что способствовало специализации слова *определение*. Текстовые соотношения их обычны с начала XVIII в. и позднее. Например: *Дефиниции* (или *определения*) рек, струй (Варен., огл.); в некоторых текстах *дефиниция — изъяснение*: *Изъяснение* слова, что называют ученые *дефинициею*, быть должно коротко, ясно и свойственно (Тепл., I). ЕС; об *определении* (*дефиниции*) естественного закона писатели... между собою не согласны (Гоббс, I). Такие же словесные корреляции представлены в журналистике 20—30-х годов XIX в. В словарях *дефиниция* толкуется чаще всего через *определение* и другие вариантные наименования (*изъяснение*, *описание*, *истолкование*, *объяснение* и др.) (сл. Ян., Тат., Р-ф-ц, Даль).

Слово *просвещение* по происхождению в изучаемый период тесно связано с славянокнижным словоупотреблением. См. примеры из памятников XVII в.: духовное *просвещение*, *просвещение* разума (ДРС; Срезн., с XI в.). Некоторые подобные контексты сохраняются и в новое время. Однако, попадая в сферу ученой и публицистической литературы, слово получает специальное осмысление ‘обучение, обогащение знаниями’ и ‘совершенствование общества, людей посредством разума, знаний’. Соответствующие популярные в XVIII в. взгляды оформились как просветительство (просвещение) в России и других странах, хотя наименование их сложилось гораздо позднее.

У слова *просвещение* (и других однокоренных образований) в исследуемый период обычны конструкции с род.

п. зависимого имени и адъективные. Например, совершенствование самого разума, ума: Воспитанный в *просвещении* разума человек (Коз. Фил. предл.), *просвещение* ума (Восп. дет., I); *непросвещение* ума и необузданность сердца всегда находятся вместе (УС, 1780); роль просвещения в обществе: *Просвещение* человеческого рода (Полит. Пр. ист. нат.), человеческое *просвещение* (Фонвиз. Расс.), *просвещение* нравов народных (Десн. Происх. супр.), дарований; *просвещение* и преуспевание народное (Десн. Собств.). Вера в силу и величие просвещения: Распространение *просвещения* (Рад. О чел.), противоборствие невежества и пристрастия должно быть опровергаемо великою силою *просвещения* (Сум. Ст. добр., II), [народы] от первобытного своего общежительства со зверьми восходили до высочайшего степени величества и *просвещения* (Десн. Собств.); Панк., Лом., век [XVIII] *просвещения*, плоды *просвещения* (Агл.), торжество *просвещения*.

Аналогично употребление глагола *просвещать(ся)*: *просветить* разум или нравы исправить (Тред. Фил. Бак.); разумение *просвещается* чувствами (ТП), [науки] человека *просвещают* (Сум. Фил. сект.); *просветить* народ учением, сохранить его здравие (Полен.); Фонвиз., Энц. Распространено в исследуемый период прил. *просвещенный*, круг сочетаний его характерен для рассматриваемых слов: Гордиться своим *просвещенным* умом (Ист. пол., VI), разум (Аничк.); Словц.; *просвещенный* и вычищенный народ (Десн. Пр. сп.); Руссо; ученые, то есть *просвещенные* люди, столько умны и великодушны (Коз. Расс.); философ *просвещенный* (Фонвиз.); *непросвещенное* невежество (Буж. Рос. чит.). У Пушкина *просвещение* почти исключительно в значении ‘образованность || цивилизация’ — всего 74 примера (сл. Пушк., III, с. 836).

Примеры слова *отечество* в конкретном значении ‘принадлежность по родству, место рождения’ (соотносительно с *отчизна*, *родина* и др.) еще нередки в исследуемый период: Учеников отсылать не по *отечеству*, ни по богатству, ниже по прошению,... но по разуму (Посошк., I), «Heimath, patria, *отечество*, родина» (Вейсм.); [Улисс] десять лет блудил в море, возвращаясь в *отечество* (Кант. Сат. V, прим., 2-я ред.) и др. Вместе с тем уже с начала XVIII в. слово вместе с некоторыми другими наименованиями (*гражданин* и др.) претерпевает существенные изменения и осмысливается в социаль-

ном плане как ‘родная страна, государство’, с которым тесно связаны идеи заботы и блага. Например: Храбро идти на войну и жизнь свою положить за *отечество* весьма хвально (Кант. Сат. V, прим., 2-я ред.); Разгр. Эразм.

Тема служения родине, отечеству развертывается в выступлениях русских мыслителей и просветителей XVIII в.— Ломоносова, передовых профессоров Московского университета, Новикова, Радищева и др. Именно в этих случаях складывается характерная для слова сочетаемость. Например: вы... примерами доказали вашу к *отечеству* любовь (УС, 1780); Должны... пóтом и мозолями в пользу *отечества* доставать себе славу (Кант. Сат. II, 1-я ред., прим.); большую пользу *отечеству* произвести уповали (Лом.— М. И. Воронцову, 18 февраля 1761 г.); природных россиян трудолюбие и доброжелательство о умножении пользы своего *отечества* (Поповск. Речь нач.); их полезные *отечеству* труды с достойною похвалою обнародованы будут (ВЭО, 1779); ЕС, Барс., Нов. Распространенный мотив в употреблении слова — служение отчеству: Сие подает охоту ко снисканию достоинства, ревность ко услугам *отечеству* и отвращение от тунеядства (Сум. Сон); достойному мужу, оказавшему *отечеству* истинные заслуги (Фонвиз. Расс.); усердие к своему *отечеству* (Ферг.); Кант. Почти во всех случаях социальные установки просветителей сочетались с идеями общественного воспитания, образования, распространения наук. Такие контексты встречаем и со словом *отечество*, например, в известном письме Ломоносова Г. Н. Теплову (30 января 1761 г.): ...не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в *отечестве*, что мне всего в жизни моей дороже (здесь же в тексте: утверждение наук в *отечестве*); Чеб.

Находим слово в указах Пугачева: Когда вы устоите за свое *отечество* и не истечет ваша слава (Указ. Пуг., I). Традиции употребления слова в русской публицистике XVIII в., связанной с идеями освободительной борьбы, придают слову большую социальную остроту. В числе других слов Павел I пытался запретить существ. *отечество*. В специальном распоряжении *общество* предписывалось «совсем не писать», вместо *граждане* говорить «жители, или обыватели», вместо *отечество* «государство» и

т. д. [49] В действительности это не повлияло на судьбу слова, и в литературе конца XVIII в. оно употребляется в различных контекстах. В изучаемый период слово выступает в составе цельного словосочетания *сын отечества* 'патриот' (гл. III). Слово сохраняет широкую употребительность и социальную остроту в XIX в.; у Пушкина 128 примеров слова (сл. Пушк.) [50]. Прил. *отечественный* встречаем в сочетаниях со словами: *закон* (Рад.), *язык* (Крыл.), *литература* (Пушк.) и др.

Примеры переосмысления при выражении научных понятий дают слова *тварь*, *вихрь*, *преломление* и др. Слово *тварь* — действительный еще в XVIII в. славянизм (как и *просвещение*). САР (VI, с. 680) определяет его «всякое создание, богом сотворенное», «весь род человеческий»; так же в «Церковном словаре» Алексеева [51]. Распространяясь в научном и общелитературном обиходе, слово обнаруживает смысловую дифференциацию и специализацию, отличную от церковнославянского. Наиболее характерно применение слова в ранних произведениях Кантемира, здесь оно прямо синонимично латинизму *натура*: «Натура. Такожде значит собрание всех созданных вещей, *тварь* по-русски» (Кант. Разг., прим. 25). Фактически слово может означать мироздание в целом. См. разные примеры: Пойдем, станем на всех оных разных зрения местоположениях и оттуду начнем рассматривать всю *тварь* (Кант. Разг., III; в ориг.: de là considerons l'*univers*); все телеса в *твари* взаимно себя по некаким правилам привлекают (Сат. VII, прим.); нет порожнего или пустого в *твари* (Сат. III, прим., 1-я ред.); во всей *твари* и во всей *натуре* (Письмо IV) [52]. Однако такое собственно научное употребление не получило прямого продол-

---

[49] Высочайшее повеление 1797 г. об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими. Сообщил В. С. Глинка из бумаг покойного издателя «Русского вестника» С. Н. Глинки. «Русская старина», 1781, г. III, апрель, с. 531—532.

[50] Ю. А. Бельчиков. Слова *отечество* и *патриотизм* в публицистике 40-х гг. XIX в. «Очерки по стилистике русского языка». М., 1959.

[51] Алексеев (с. 338): «вещь созданная от бога»; там же, изд. 2: «ипогда ...только человек разумеется»; изд. 3, кроме того: «*тварь вся*, то есть люди всех стран».

[52] В. Истомин. Главнейшие особенности языка и слога произведений Кантемира в лексическом и стилистическом отношениях. Сб. «Антиох Дмитриевич Кантемир». М., 1910, с. 159—160.

жения, и в позднейшем (1802) переводе «Разговоров» *тварь* в подобных случаях часто заменяется иными словами: Кажется тогда, что во всей *твари* одни мы только (Разг., 1730) — во всей *природе* (1802, в ориг.: dans toute la *nature*); день есть прекраснейшая вещь в *твари* (1730) — изящнейшее творение в *природе* (1802).

В литературных текстах XVIII в. слово более известно в несколько ином, также не совпадавшем с церковнокнижным смысле ‘мир, все окружающее (созданное)’; здесь нередки текстовые соотнесения со словами *мир*, *свет*, *вселенная*, *естество* и др. Например: Состояние в целости всей *твари* и премудрый состав всего *мира* (Тред. Сл. прем.); хитрое строение и красоту всея *твари* (Лом. Польз. хим.); кто лучше ведает состав всея *вселенной*, И проникает в чин всей *твари* непременной (Опыт чел., IV); ныне вся *тварь* оным [воздухом] оживляется и свое бытие продолжает (Зыб. Действ. возд.); и тако оное [солнце] находится в центре, откуда разделяет и одушевляет всю *тварь* теплотою своею (Сойм.). При таком понимании слово так или иначе может соотноситься с исходным значением ‘все созданное’, ‘все живое’ и т. д. Это контексты типа: Тогда мы знаем причину, для которой созданы, и знаем свое преимущество пред всею земною *тварью* (Краш.).

Чаще же слово *тварь* означает не собирательный, а единичный предмет. В XVIII в. оно обозначает ‘(созданное) существо, вещь’, синонимичное словам *существо*, *вещь*, *тело* и др.: Кометы натуральные *твари* суть («Прим. вед.», 1728); бездушные *твари* и вещи (Флор. эк.); не меньше бесконечности в малых тех *тварях* и вещах (Кант. Письмо IV); естественные вещи, или *твари*, действуют на чувства (Кург., VI); от [огня] все другие чины *тварей* и существ произошли (Тепл., II); о *тварях* и их качествах и количествах (Тред. Сл. прем.); вся бездна естества от растения до человека наполнена различными родами *тварей* (ЕС, 1760). Уже к концу XVIII в. заметно сокращение такого употребления за счет других слов; например, в разных по времени переводах Виргилия Полидора находим: Мысль движет здание и великой себе *твари* примешивает (Изобр. вещ., 1720) — и великому присоединяется *телу* (1782).

Слово *тварь* служит также обозначением живых существ (животных). Здесь встречаются характерные опре-

деления и дополнения к слову: Живые *твари* (Кн. мирозр.); не только растущее на земле, но и животная *тварь* (Кант. Письмо IV); *о тварях*, одаренных чувством (Восп. дет., II); Вениам.; ястребы, рыси и прочие остроумные *твари* (Фонвиз. Басн. Голб.); во всех сообществах, как у человеков, так и у других *тварей* (Сум. Добр. худ.). О человеке: Человека напиши, пиши без оглядку, Где так чудну сыщешь *тварь* (Кант. Сат. V, 1-я ред.); обычны определения *разумная*, *умная* и т. д.: ничего [человеку] не делать, что не соответствует достоинству и превосходству разумной *твари* (Восп. дет.); ТП, Рад.; умная *тварь* (Коз.); мы, разумом одаренные *твари* (Сум. Пасс.). Слово выступает в значении 'человек' и в общелитературном обиходе, причем без свойственной нашему времени сниженной экспрессивной окраски: сих младенцев, сих невинных *тварей* (Фонвиз. Сидн.); см. и такие примеры, в дальнейшем (XIX в.) уже невозможные: В сию-то школу должна молодая девушка ходить, если хочет быть совершенною *тварию* (ЕС, 1755); у Карамзина отмечается замена устаревающего в этом смысле *тварь* на нейтральное *существо*. На всем протяжении изучаемого времени параллельно с *тварь* употребляются (в основном в значении 'существо, человек') *творение*: человек вне общества есть *творение*, беспрестанному страху подверженное (Гоббс); *сотворение*: малейшие существа и *сотворения* (Кант. Письмо IV); *создание*: преизящность человечества из всех видимых в прекрасном естестве *созданий* (Тред. Сл. прем.)[53]. Эти же слова служат наименованием действий, реже — окружающего мира. В литературном словоупотреблении первых десятилетий XIX в. слово *тварь* отмечается как '(живое) существо; человек; люди' (сл. Пушк., IV, с. 482).

Еще в большей степени разрыв между собственным (исходным) и терминологическим значениями создается в слове *вихрь*. Прямой смысл слова «заверть, сильный, крутой ветр» (САР, I, с. 526), примеры в этом роде приводит Срезневский (I, с. 266): от великих ветр и *вихров* развеяны быша корабли (Игн. Пут. 1392 г.). С первых десятилетий XVIII в. слово используется для передачи определенного понятия космогонической теории Декарта[54], в дальней-

[53] Параллелизм их наглядно выступает в словарях, особенно ранней поры (Пол., Вейсм.)

[54] Об этом понятии см.: Кутина. Яз. науки, с. 142—143

шем этот термин разделяет судьбу самого понятия. Существ. *вихрь* и прил. *вихорный* представлены в «Комментариях» АН: О причине тяжести от движения *вихрей* (название реферата академика Билфингера в переводе И. Горлицкого), не малое произведено о *вихрях* учение; движение воздуха *вихорное*. Разъяснение и популяризация термина принадлежит А. Кантемиру, который соотносил слово с франц. tourbillon, посвящая этому специальное примечание: «Великое некое число частей вещества, которые согласилися двигатися около одной точки, есть турбильон, или *вихрь*» (Разгр., прим. 5 — тот же термин в переводе 1802 г. «Разговоров»). Аналогичное толкование имеет франц. tourbillon в DAF (1762): «количество материи, обращающееся вокруг небесного тела», с замечанием «философы называют».

Вся вселенная, согласно вихревой теории, состоит из вихрей, взаимодействующих друг с другом; центром вихрей являются небесные тела — звезды, планеты. Слово *вихрь* обычно у разных авторов: Там *вихри* пламенны крутятся, Борющись множество веков (Лом. Утр. разм.); о мире, имеющем неисчетные *вихри* (Тред. Сл. прем.), будто бы планеты плавали в *вихре*, который, обращаясь около солнца, уносил их с собою (ЕС, 1757); наше солнце в сравнении с солнцами других *вихрей* (Сойм.). Слово встречается в расширительном употреблении и в сравнениях: Сие магнитной материи около магнита движение есть то, что мы называем магнитным *вихрем* (Эйл., III — в ориг.: tourbillon magnétique); *вихрь* электрического тела (Эпинус); между многими сопротивными себе *вихрями* государи суть как светила (Тред. Фил. Бак.). С начала XVIII в. таким же образом происходит специализация слов *преломление*, *преломлять(ся)*.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ НА БАЗЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ

§ 14. Рассмотрим один из своеобразных путей образования новых значений в сфере отвлеченной лексики. Слов служат обозначением тех или иных понятий и категорий и в силу этого выступают в словесных противопоставлениях разного рода, отражая состояние и течения научной, общественной мысли XVIII в. Это усиливает процесс смысловой специализации слов. Характер функциони-

рования лексики в этом плане можно наблюдать на многих примерах, включая прямое контекстуальное соотнесение слов. В ученой и публицистической литературе XVIII в. распространено противопоставление ‘телесный’ — ‘духовный’, ‘тело’ — ‘дух’, тесно связанное с формирующимся философским разграничением материального и нематериального (духовного). На основе прямого значения слова *телесный* ‘относящийся к телу, особе’: *телесная* стража (Гол.-рос.), *телесные* органы (Кант. Письм.), *телесные* премены (Комм. АН) — в XVIII в. развивается специальный смысл его ‘вещественный, материальный’. См. в некоторых устойчивых сочетаниях, отчасти сохраняющих связь с *тело*: Частицы *телесные* [частицы тел], вещи *телесные* (Прок., Тред., ЕС), существо [кого-чего] *телесное* (Тепл., ТП), мир *телесный* (Поповск., Рум., Брянц.) — *телесный* свет (ЕС, 1760). Это же осмысление обнаруживается у слова в более широком кругу отвлеченной лексики: Нашею *телесною* жизнию (Аничк.), *телесное* бытие (Кург.), побуждений *телесных* (Панк.), если бы начало чувствующее было *телесно*, то было бы протяженно и разделимо (Рад. Уш) [55].

Употребление слова *телесный* в данном смысле сопровождается установлением характерной синонимии: *материальный* (Прок.), *вещественный*, *естественный*: о чем бы *телесном* и в *естестве обретающемся* физика не мудрствовала (Тред. Сл. прем.), Рад.; *физический*: если в *телесный* мир приникнем и станем примечать связь, которую философы называют *физическою* (Брянц. Св. вещ.), Рад.; и противопоставлений: *телесный — душевный* и *духовный*: известны нам силы только двух родов, силы *телесные*, из непроницательности тел проистекающие, и силы *духовные*, существующие токмо в животных (Рад. Уш.); способность (Тепл.), действия (Зыб.), явления (Гал.); — *нравственный*: в *телесном* и *нравственном* мире (Рад. Уш.), воспитание *телесное* и *нравственное* (Зыб. Прав. восп.); — *разумный*: не скотский и *телесный*, но

---

[55] В первые десятилетия XIX в. с распространением в данном смысле слов *вещественный*, затем *реальный* и других слово *телесный* отчасти возвращается к прямой соотносительности с *тело* и в конечном счете сохраняется лишь в этом значении: Геометрия, отвлекая ум от всякого *телесного* образа (МВ), *телесные* потребности (Кир.).

человеческий, *разумный* (МЕИ). Некоторые старые противопоставления получают в XVIII в. специализацию.

Бестелесный: «Incorporelle. *Бестелесный*, бесплотный» (Целл.), *бестелесный* и бессущественный (Тред. Фил. Бак.); разум есть существо *бестелесное* (ТП, Коз.); в том числе в текстовых противопоставлениях: существенность *бестелесная* быть не может, потому что имеет *телесные* принадлежности (Коз. Расс.), через посредство чувствуемых вещей понимаем мы вещи *бестелесные*, *моральные* (Аничк. Позн. чел.); Прок., Тред.; перемены (ЕС); *бесплотный*. Подобные параллели и противопоставления подчеркивают и специализируют семантические свойства, заложенные в самих словах.

Частым употреблением представлено в XVIII в. противопоставление ‘конечный’ — ‘бесконечный’. Оно содержит указание на предельный, зависимый (соответственно часто материальный) и, напротив, независимый в своих свойствах (соответственно часто нематериальный) характер явлений. Данные значения в исследуемый период передаются словами *конечный* и *бесконечный*, их синонимами и антонимами. Контексты с *бесконечный* относятся к определению пределов чего-либо: *бесконечные* небесные пространства (ЕС); связи вещей в мире: *бесконечное* множество вещей (Зыб. Сложн. чел.), материя, *бесконечну* цепь вещей связуя’ (Словц.); различия вещей: идея *бесконечного* различия [вещества]. Кант. Разг.; о разуме: человеческий разум не *бесконечный* есть (Тепл.); *безначальный*, *безграничный*. Наречие *бесконечно* чаще всего выступает при обозначении количества и степени проявления чего-либо: Вещество *бесконечно* текущее [т. е. текучее], нежели вода (Кант. Разг.); основания материи *бесконечно* разделительны (Сум. Пер. письм.); *бесконечно* малые частицы (Арш. Нач. мат.).

Антоним слова *бесконечный — конечный* в XVIII в. совмещает оттенки ‘предельный, ограниченный во времени и пространстве’ и ‘определенный, намеренный’ — последнее соотносительно со словом *конец*: «предел, *конец*, определение» (Целл.); намеренный *конец* естества (Тред. Фил. Бак.). Например: Всякое *конечное* сущее (Баум.), закона *конечное* утверждение (Должн.), Тред., ЕС, Баум.; *конечная*, крайняя, последняя причина (Нов. лекс.), Коз., Брянц.; предлоги *конечные* и предел имеющие (ЭЛ). Часто в текстовых противопоставлениях: что

имеет пределы, то называется сущее конечное, или ограниченное, но что не имеет пределов, то называем неограниченным, или *бесконечным* (Баум.); одна *беспредельная*, несколькие *конечные* субстанции (Гал.). В подобном же соотношении развиваются в XVIII в. существительные *бесконечность* (уже Пол. — гл. III) и *конечность*. Примеры этих слов встречаем в середине — второй половине XVIII в.; см. в «Письмах» Кантемира: Кто вложил *бесконечности* идею, т. е. совершенство, в *сокращенное* существо? (Кант. Письмо VII); Тепл., ЕС, ПТ, Рад., МЕИ; в той самой *бесконечности* ум мой *конечность* познавает (Кант. Письмо VI); Коз., Аничк., Баум.

Особенно широкий круг слов входит в соотношение по линии 'вещественный' — 'невещественный'. Слово *вещественный* в XVIII в. выступает не только в значении, непосредственно производном от *вещество* 'состав тел', но и в философском смысле 'материальный, действительный, реально существующий'. Например: *Вещественные тела*, предметы (Тепл., Коз.), *вещественная* вселенная (Полит.); особенно с неконкретной и отвлеченной лексикой: вина *вещественная* (Прок.), *вещественное* тел бытие (Аничк.), *вещественною* называем ту [связь], которая в природе между самыми вещьми, вне нашего представления вечно находится (Брянц. Св. свещ.). Ср. еще у Поликарпова наряду с *вещественный — невещественный* и *безвещественный: вещественное* богатство... *невещественное* богатство (Кн. мудр.). В новое время подобные соотношения приобретают специальное содержание и сочетаемость: [восходить] от познания всех в мире вещей *чувствительных* и *вещественных* к познанию вещей генеральных и *невещественных* (Тепл.), *вещественный* мир... *одушевленный* мир (ЕС, 1760). Слову (и значению) *вещественный* в текстах противопоставляются также — *бестелесный*, *идеальный*, *нравственный*, *моральный* (Посошк., Кант., Эйл., Аничк., Коз., ПТ, Зыб., Панк., Брянц., Рад.). Слово *вещественность* имеет, как и некоторые другие слова этого рода, широкий и не вполне дифференцированный смысл 'реальность, материальность (чего)': Сильное к чему вероятие бывает вместо *вещественности* (Тред. Фил. Бак., в ориг.: réalité), исходящие из нее [розы] пары в нервах носа произведут некоторое сотрясение, которое, простираясь даже до мозгового одра, причинит в нем некоторую перемену, в сем состоит *вещественность*, бываемая при сем

случае (Эйл., II, в ориг.: le *materiel* qui arrive à cette occasion); как противопоставление — *невещественность*.

'Натура, натуральное' — 'социальное; умственное'. Соотношения данного рода также распространены в лексике XVIII в., хотя представлены не столь большим числом примеров. *Натура — общество*: приключения, в *натуре* и *обществах* бывшие (Лом. Польз. хим.); *естество — мораль* (Сум.). *Естественность — умственность*: Климат и вообще *естественность* на *умственность* человека столь сильно действует (Рад. О чел.); *воображение*. Здесь все связанное с природой предстает как внешнее по отношению к общественным установлениям и внутреннему миру человека. Особенно ярко и последовательно выражены данные соотношения при обозначении человеческого общества, истории, права и т. д.: *естественное, натуральное, природное, первоначальное, необразованное состояние — гражданское, политическое состояние*; *естественное, натуральное право — гражданское право*; *естественная история — гражданская история*. Например: В *естественном* человеческом состоянии, до учреждения сообществ (Гоббс, I), соединение многих человеков, которые между собою пребывают в обществе, именуется состояние, сие есть или *естественное*, или *гражданское* (Тред. Рим. ист., III, пред.). *Естественный — нравственный*: воспитание *естественное* и *нравственное* (Тред., Коз.). В первые десятилетия XVIII в. находим еще *натуральный — художественный* 'технический, искусственный' (Регл. 1747, Комм. АН). Отметим также слово *неестественный*, имевшее в XVIII в. различный смысл 'необычный': «*неестественный*, чудный, удивительный» (Вейсм.), 'ненормальный, нарочитый': стихи весьма *неестественны* (Шишк. Расс.). *Естественный* в противоположном смысле, возможно, появляется на основе *неестественный*.

В ряду слов с общим значением 'естественный, природный' до конца XVIII в. выступает *физический*: «физический, натуральный, естественный» (Целл. Приб.), о вещах *физических* (Комм. АН), *физические* рассуждения о строении мира (Лом. Явл. Вен.), *физическое* бытие мира (Мысл.). Основные антонимы слова *физический* в XVIII в. — слова *нравоучительный, нравственный моральный*, особенно в контекстах с существ. *мир, свет*: Перемены в свете *моральном*... и в *физическом* (Браун, у него же: *физиче-*

ский и *нравственный*); воспитание *физическое* и *нравоучительное*, *нравственное* (Сырейщ.); Рад., Панк., Кар. В свою очередь, слова *нравственный*, *нравоучительный* во многих контекстах противоположны по смыслу словам *естественный*, *природный*, *физический*, *телесный*, *вещественный* и др. См. примеры с прямым текстовым соотнесением слов: *Природные* свои порочности и *нравственные* (Тред. Сл. прем.), *нравственно* воздержная жизнь больше пользует здоровью, нежели строго наблюдаемая *вещественным образом* (Зыб. Прав. восп.).

'Внутренний' — 'внешний'. Это отчетливое в XVIII в. смысловое соотношение чаще всего выступает в сочетаниях с наименованиями предметов, свойств, действий, сил и т. д. Примеры слова *внутренний*: Движение есть нечто *внутреннее* и существенное материи (ЕС, 1759), количество силы *внутренней* [в материи, теле] (Комм. АН); Тепл., Тред., СУР. Антонимы слова — *внешний*, *наружный* и другие часто в контекстах с *тело*, *вещь*, *предмет*: Сцепясь с прикасающимися им *внешних* тел частицами (Лом. Происх. св.), *внешние* вещи (ЕС), *внешние* предметы (Аничк.), когда *наружные* вещи действуют в чувственные орудия (Коз. Фил. предл.) — ср. *видимые* вещи (Нов.), *внешняя* сила (Лом.), *внешнее* начало (Должн.). Нередки прямые текстовые соотнесения указанных слов: Если б между *внутреннею* мыслию и *наружным* ее именем была... союзность (Тред. Рим. ист., VII, пред.); всех наших действий, *внешних* и *внутренних* единственная причина (Поповск. Речь нач.). Аналогичное соотношение в существ. *внутренность — внешность*, *наружность*: проникнуть во *внутренность* предметов (Бюф. Ф); *внутренность* натуры (СП); рассмотреть человека по *внешности* и по *внутренности* (Тред.); Коз. В более специальном плане данное соотношение предстает в XVIII в. как противопоставление существа, сущности и внешнего выражения формы чего-либо. Контексты данного рода охватывают в основном неконкретную лексику: *Явление — существо* (см. выше), *наружность — существо*; *существо* (*сущность*) — *форма*: *бытие* народов и *формы* их жизни (МВ, 1828).

'Простой', 'первоначальный' — 'сложный', 'производный'. В плане этого соотношения в литературе исследуемого периода наблюдаются разные частные случаи и линии развития. Наименование *простой* 'несложный, непроизводный' (его синоним — *несложный*, *несмешанный*,

первоначальный, *нераздельный* и др.) применяется к явлениям, телам и веществам, видам движения. Например: *простые* и *несмешанные* материи, *простые* существа [о частицах, не имеющих протяжения]. Лом., *простые* тела (Полит.); движение *простое* (Сокр. мат.), *простые* действия, или явления, натуры (Арш.); *простое* понятие (Тред.). Антонимы (слова со знач. 'сложный, производный') *сложный*, *сложенный*, *смешанный*, *составной* и др.: Движение, которое от течения множайших ударений происходит, называется сложное (Комм. АН); *смешенные* вещи (Сум.), материи, тела (Лом.), *чистые — смешенные* (существа) (ПТ); движение *простое... сложное* (Арш. Чист. мат.); понятия *простые* и *сложные* (Эйл., II).

'Общий' — 'отдельный, индивидуальный'. Данное соотношение часто встречается в различных контекстах, отчасти включая рассмотренную выше (гл. II) лексику. Это *нераздельный*, *особенный — общий*, *всеобщий* (Аничк.), *общественный*, *общий — единственный* (Коз.), *общий — нераздельный* (Эйл.), *общественный*, *всеобщий — частный* и др.; *единственный*, *особенный* человек — *общество*, *общее* благо и др. Характерными противопоставлениями отмечено развитие и многих других слов: *объект — субъект* (гл. II), *анализ(ис) — синтез(ис)*, *аналитический — синтетический* (гл. III), *положительный — отрицательный*, *относительный — самостоятельный*, *совершенный*, *безусловный*, *абсолютный* (гл. II, IV). Это же явление широко представлено, как указывалось, в наименованиях физических величин и свойств вещей.

ПЕРЕНОСНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВ СО СПЕЦИАЛЬНОЙ И КОНКРЕТНОЙ СЕМАНТИКОЙ

§ 15. Использование слов со специальной и конкретной семантикой для выражения отвлеченно-переносных значений ярко отмечает историю литературно-книжной лексики нового времени. Это явление связано с такими общими процессами, как расширение сферы литературного языка, рост знаний естественных, точных и других наук. Выход многих специальных и конкретных слов за пределы своего первоначального семантического ареала и закрепление их среди отвлеченных наименований послужили одним из существенных ресурсов пополнения изучаемой лексики. Семантический сдвиг, происходивший вследствие такой перемены в употреблении слов, представлял новые

значения как переносные по отношению к исходным. Как явление массовое перенос на базе терминологической лексики развертывается в языке XIX в. [56] Однако изучение предшествующей эпохи показывает, что и в XVIII — первой трети XIX в. метафоризация и детерминологизация наименований протекает активно, а сам тип данных лексико-семантических изменений выступает достаточно отчетливо [57].

Начальные стадии преобразований в словах относятся к первым десятилетиям XVIII в. (ср. Совр. лекс., с. 167, 172), когда собственно начинают формироваться литературно-языковые условия и предпосылки рассматриваемого явления. Переносные значения составляют существенную часть семантических новообразований изучаемого времени и тесно связаны с отвлеченной лексикой в своем зарождении и функционировании. Возникнув в результате заимствования или самостоятельно, новые значения утверждаются в сознании говорящих как производные (переносные), хотя эта производность может быть относительной или по существу отсутствовать в слове на ранней стадии. В конечном счете дело определяется системой логико-смысловых отношений, существующих в данном языке.

Не все наблюдающиеся при этом случаи поддаются удовлетворительной классификации прежде всего по недостаточной очевидности самих признаков: степень оригинальности или «иноязычности» переноса, смысловая мотивировка (близость или далекость) исходных и производных (переносных) значений, быстрота осознания переноса. По мере распространения явлений переноса в XVIII — XIX вв. они приобретают все более моделирующие и организующие свойства. Под складывающийся образец чаще всего подводятся слова, первоначально (иногда по существу) не содержащие переноса, но по аналогии с другими случаями получающие специфическое осмысление. Поэтому к переносам тяготеют и такие случаи, как *форма*, *пределы*, *ход* и другие, конкретное и отвлеченное употребление которых в XVIII в. часто не выходит за пределы контекстно-фразеологических разли-

---

[56] Сорокин, с. 326—332 и сл.

[57] Об этом свидетельствует довольно большой материал, извлекаемый из языка конца XVIII — первых десятилетий XIX в. (Отвл. лекс. XIX в., с. 89—105).

чий (в дефинитивном плане такие случаи представляют наибольшие затруднения).

Применительно к рассматриваемой эпохе приходится учитывать, что многие случаи переноса находятся еще в начальной стадии. Поэтому подчас трудно различить прямые, расширительные и собственно переносные употребления слов. Лексика, в сфере которой обнаруживаются переносы, в XVIII в. отличается от позднейшего времени предметностью. Самый ранний слой ее — это слова типа *форма*, *машина*, *тело*, *пределы*, *театр* и другие; в середине — второй половине XVIII в.— *сфера*, *сцена*, *круг*, *картина* и др. Лишь с конца XVIII — первых десятилетий XIX начинается массовое использование в переносном смысле собственно научных наименований. Ниже термин «перенос» применяется обобщенно ко всем рассматриваемым явлениям.

§ 16. Некоторые слова обнаруживают переносные свойства с первых десятилетий XVIII в. Встречающиеся примеры разнородны. Отдельные употребления лежат у истоков расширительно-переносных свойств слов *машина* (*махина*). Слово выступает при обозначении мира, вселенной как единого целого: Может быть, вся целого света разрушилася бы **махина* [на полях: **здание*] (Сист.), *махина* света («Прим. вед.», 1732). Это распространенное в XVIII в. сравнение раскрывается А. Кантемиром в примечании к фразе «так увесил все *махины* части» следующим образом: «здесь *махиною* весь мир повсемественный, которого части суть солнце, планеты, звезды и проч. означается» (Песнь I, прим.); как всю из них [небесных тел] вселенной *машину* ...утвердил (Опыт чел.); приобрел себе совершенное познание звезд и всей небесной *машины* (Тред. Арген.); натура есть неизмеримая *машина*, коей начальные пружины от нас сокровенны (Д'Аламб). Другой круг характерных для слова контекстов — о человеческом теле, о человеке, животных: Единые материальные двизатели всей *машины* телесной (СП, 1758); *машина* всего тела (Аничк.); во всяком животном я вижу только *махину* хитрую (Руссо. Расс.); в *махине* человеческой (там же); и — душа человеческая есть как бы некоторая духовная *машина* (Аничк. Разн.сп.).

Как видно, слово *машина* (*махина*) обозначает уподобление предмета машине, механизму со стороны строения, согласованности частей. Словарь Яновского пред-

ставляет этот перенос иначе: «О человеке, который не по собственному разуму, но по внешним или посторонним действует побуждениям»; ср. ниже в этом смысле *механический* (*машинальный*), *машинально*. Во второй половине XVIII в. в рассматриваемый круг сравнений попадает народ, общество: Когда рассудим со вниманием столь огромную и многосложную оного [народа] *машину* (Десн. Пр. сп.); государство: Государство есть великая *махина*, коей цель есть блаженство граждан (Рад. Опыт); сочетание *махина государственная* (Гал., ВЕ и др.)

В отвлеченно-переносных контекстах представлено и слово *механизм*: Предивный *механизм* сей в жилках всяка листа (Тред. Феопт.); *механизм* природы (Бюф. Ф.); для чего *механизм* каждого чувства от другого начала происходит? (ПТ); я не разыскивал того прежде, но и теперь того же воздержуся, какой существует *механизм* в подражании и соучаствовании (Рад. О чел.); в новых его пиесах надобно удивляться круглости, чистоте и гармонии, т. е. искусству его в *механизме* поэзии (ПРП — МЖ, II). Такое употребление слова распространяется в первые десятилетия XIX в. (Отвл. лекс. XIX в., с. 90). Соответственно расширяется в исследуемый период круг употребления прил. *механический*: Движение *механическое* (Тепл. К чит.) — *механическое* строение тела (Аничк. Разн. сп.) — *механическая* привычка (ВЕ, 1822). Отчасти в связи с развитием всего данного гнезда, но и в результате прямого перевода появляется слово *машинально*, ему свойствен только переносный смысл. Например: Он пошел, друзья его за ним, и все *машинально* ему следовали (Рад. О чел., I), *машинально* пересказывает (МТ, 1831); словарное определение слова «невольно» (Р-ф-ц).

§ 17. Не всегда расширительно-переносные употребления вычленяются в словах достаточно четко, особенно на ранней стадии. Это наблюдается, например, в существ. *форма*. Уже в начале XVIII в. оно имеет непредметное значение ‘правило, образ(ец)’: *формы* присяги (Дух. Регл., 1721), рассуждение *формою* письма (Тред.) и др. Такое употребление (оно заимствовано вместе со словом) — «переносное» по сравнению с «прямым» (‘модель, фигура’), представленным в словарях XVIII в. Например, Гол.-рос.: «чекан денежный или монетный, тож штемпель; *форма*, чем монеты или медали печатают» (Вейсм.), ср. САР: «образец, лияло». Слово выступает в XVIII в.

в контекстах, означающих образ общественного и государственного устройства. См.: Разные *формы* правления (Коз. Ст. фил.); Тред., ВЕ; какая *форма* будет общества (ЕС, 1757). С конца XVIII — начала XIX в. на основе контаминации разных свойств слова складывается общее значение его ‘образ, вид (разновидность) чего’. Оно широко распространяется в литературно-книжном употреблении первой трети XIX в.

Например: Природа... находится в непрерывной производимости, состоящей в превращении одного и того же вещества в многоразличные *формы* (Мн., 1824); как... первоначальные *формы* безусловного пространства выражаются в плодовитых образах вещественного мира (МВ, 1827); и дух, и *форма*, и пределы нашей поэзии (ВЕ, 1825); *формы* деятельности (там же, 1827); *формы* ощущений (там же, 1822); гений дожен соображаться и с определенными законами действительности, в *формах* которой осуществляет свои идеалы (ЭЛ, X); *формы* новой жизни (Белинск. Лит. мечт.). Тогда же развивается собственно философское осмысление слова ‘внешнее выражение существа (чего-либо)’: время и пространство называют *формою* наших идей (ВЕ, 1802); *форма* есть непосредственное выражение идеи (МВ, 1829); *формы* нашей чувствующей способности (СВ, 1805); внешняя, или телесная, *форма* предмета (Кир.)

Возникавшие подобные свойства исторически могут трактоваться как одно из употреблений (значений) слова. Как парная параллель к слову *форма* в XVIII в. в сходных, особенно отвлеченных контекстах выступает *образ*: *Образ* умствования приведен в несравненно лучшее совершенство (Коз. Ст. Фил., I); сколько есть *образов* права натурального (там же, II); сравнение трех *образов* общества (Гоббс); люди, переменяя *образ* своего бытия (Рад. Уш); *образ* правления (Якоб., с поясн.— *forma* reipublicae); УС, Рад.— ср. выше. В более общих контекстах параллелизм с *форма* менее выражен или отсутствует: Всякая вещь, смотря по *образу* употребления ее (Коз.). Показательно для слова *образ* (полу)наречное употребление его в твор. пад.: каким *образом* проводил я время (Кант. Разг.); прежним *образом*, разными *образами* (ЕС, СУР). С конца XVIII — начала XIX в. *образ* ‘лицо, характер’ (Кар., сл. Пушк.— 2 примера, Бел.). О соотношении *форма* — *вид* — *фигура* см. гл. V.

С отмеченными особенностями сталкиваемся и в слове *предел(ы)*, где изменения в значении связаны с генерализацией, абстрагированием и расширением сочетаемости (круга приложения) слова. Некоторые контексты со словом известны издавна, см. в материалах ДРС: в *пределах* рязанской земли, разум *предел* естества есть (XVI в.), *предел* области [власти] твоея (XVII в.). В XVIII в. слово выступает в разных отвлеченно-переносных контекстах (часто во мн. ч.): Когда мы сорассуждаем *пределы* разума с *пределами* натуры (Тепл.); Десн.; философ возносится выше *пределов* человечества (ЕС, 1756); силы духов и души разыскивать *пределы* (Кант. Сат. I); к распространению *пределов* нашего познания (СУР, II); Чеб.; наши науки имеют известные *пределы* (Кант. Разг.); истории натуральной *пределы* непосредственно соединены с *пределами* физики, химии и врачебной науки (Полит. Св. ист. нат.). Некоторые примеры связаны с распространенным в изучаемый период представлением о конечности явлений: присутствие *пределов* называется конечность (Коз. Фил. предл.); в начале XIX в.: понятие *предельности* (СВ, VII). Эти и другие характерные для ученой литературы XVIII в. контексты соседствуют с примерами прямого употребления слова ('граница в пространстве').

Некоторые случаи присущи специально философскому словоупотреблению. Например: *Пределы* человеческого ума (СВ, 1805); ум, преступая все *пределы* опытности, думает, что нашел безусловные начала (Якоб); *пределы* опыта (Мн., 1824); тесные *пределы* эмпиризма (МТ, 1828); Кант осмелился начертать *пределы* двух областей—чувств и души, вещественной и духовной природы (Мн., 1824); остаться в *пределах* своего вопроса (МВ, 1828). Параллельно с *предел(ы)* выступает *граница(-ы)*: *Границы* умствования (Сум.), разума (Тепл.), останемся в *границах* природы (ТП), *границы* науки (Тред.), выходят за *границу* умозрений... из *круга* науки (Гал.); в этом же смысле отмечено слово *рамы (-а)* — см. выше.

В некоторых словах перенос может вообще не быть рельефным. Все же и в таких случаях образность употребления ощущается или подчеркивается в речи. *Театр* в исходном, «этимологическом» смысле 'зрелище', в конкретном, предметном 'место представления'. Поэтому такие примеры, как: новый атлас, или *театр* селенский (Докл. в сен. ДРС),— основанные на первом значении.

сами по себе по существу не содержат переноса (как и некоторые другие сочетания типа *театр чего*). В развитии переноса существенным был устойчивый в XVIII в. образ — сравнение мира с театром, изображением (DAF, II, с. 830; le monde est un grand théatre). Например: Сравнение натуры с оперным *театром* (Кант. Разг., огл.); все, что ни есть в земле, так как будто на высоком *театре* изображается (Поповск. Речь нач.); древа, травы и цветы во время свое всякому натура, как будто некоторый *театр*, представляет (Вениам.). Выражение *театр войны* появляется рано — уже в ПБП: Отечество *театром* войны сочинитися может (ДРС); Сицилия сделается опять *театром* войны (Тред. Рим. ист., I, пред.); ср. DAF — le théatre de la guerre. Поэтому многочисленные в XVIII в. и особенно в первой трети XIX в. сочетания типа *театр (чего)* имеют как бы двойное осмысление с сильным элементом образности 'зрелище(чего)' и 'место совершения (чего)': [Морская вода] кажется *театром* премудрости (ЕС, 1757); [они] играли великую ролю *на театре* мира (там же, 1821). Указанная контаминация менее ощущалась в славянизме *позорище* 'зрелище, обозрение', выступавшем в ограниченном числе контекстов: Сии великие мужи первые вывели на приятное *позорище* всего света покрытую завесою темноты... истину (Коз. Фил. предл.); [страсти] ослепляли глаза их и не давали зреть пречудное *позорище* света (Кант. Письмо II), *позорище* натуры (СУР, II).

§ 18. Пути развития рассматриваемых свойств слов в о в т о р о й п о л о в и н е XVIII в. также различны. Можно констатировать тем не менее, что прежний фрагментарный характер (переносного) употребления слов постепенно преодолевается; смысловые связи отдельных контекстов становятся теснее. Именно на основе новых отвлеченно-переносных свойств складывается в это время ряд *сфера — круг — область*. В XVIII в. *сфера* уже широко употребляется, гораздо раньше, чем у Карамзина (ср. HWF, с. 109); в «фигуральном смысле» его отмечает словарь Яновского. Оно обычно в первой половине XVIII в. в значении 'шар' и 'небесная сфера; вселенная': при сотворении нашей *сферы* (ЕС, 1755), знание *сфере* (Сокр. мат.), познание *сферы* (Тред. Фил. Бак.). В дальнейшем слово выступает при обозначении пределов действия физических тел, что уже само по себе содержит из-

вестную степень отвлечения, переноса: *Сфера* действования каждой неподвижной звезды так далеко распростирается, что одна система другой касается (Браун); насколько *сфера* деятельности магнитной (*sphaera* activitatis)... обыкновенно не простирается (Коз. Расс.); вне *сферы* проистекающих сих частиц (Рост); [тела] входят в *сферу* другого солнца (ВЕ, 1803).

Отвлеченность присуща слову в контекстах, означающих ‘обстоятельства, пределы жизни и деятельности человека’: Не выступайте из вашей *сферы* (Руссо. Мысл.); есть для каждого человека черта, по преступлении которой человек теряется и находится совершенно в чуждой ему *сфере* (Барск.); вот в какой новой *сфере* мы себя увидели (Фонвиз.— А. М. Обрескову, 28 сентября 1773 г.). Лежащий в основе такого употребления образ яснее в примере: образовать собою отдельную *сферу* бытия (ВЕ, 1827). Слово активно выступает (к концу XVIII в.) при обозначении круга знаний, интересов: *Сфера* всеобщего умозрительства (Тред.Фил. Бак.), пройди *сферу* мыслей Ньютона (Рад. О чел.), [физика] распространяет *сферу* своих упражнений (Полит. Св. ист. нат.), в нашей ученой *сфере* (СВ, П), знания человеческого *сфера* (Полит.), *сфера* нашего просвещения (Панк., Подл. цел.), *сфера* ума человеческого (ВЕ, 1810). Слово распространяется и на явления общественной жизни: Общежительство... увеличивает *сферу* отношений (Мысль.), жизнь в своих проявлениях и *сферах* (МВ, 1827), *сфера* быта общественного (Кир.). Круг приложения слова расширяется в первые десятилетия XIX в.

В словах *круг* и *область* новые значения складываются на основе исходной семантики, но соотносительно с аналогичными иноязычными выражениями. Для слова *круг* (*округ*, *-а*) такими исходными значениями являются идущие от старорусского ‘путь’, ‘орбита небесного тела’, ‘сама земля’, ‘обитаемый мир вообще’, ‘границы, пределы’. Значения ‘круг’ и ‘границы’ играют наибольшую роль в развитии переносного смысла слова. См. примеры образных употреблений от ‘круг’: В оной [жизни] можно совершить весь тот обширный учения *круг* (ТП); МЕИ и др.; от ‘пределы’: есть место в пространстве,... откуда действительность [силы] простирается, составляя действованию ее [силы] *округу* (Рад. О чел.). Устойчивые расширительные употребления слова (*о*)*круг* в XVIII в.

связаны почти исключительно с обозначением пределов учености, знаний, разума: *округ* всего человеческого... любомудрия (Тред. Сл. прем.), окончал *округ* своих наук (Он же. Жит. Бак.), *круг* человеческого познания (Арш. Нач. мат.), собственный человеческий *круг* умозрения (МЕИ).

В первые десятилетия XIX в. приложение слова резко расширяется, совпадая во многом со словом *сфера*; в это время обычны прямые текстовые соотнесения этих слов. *Круг* как 'общество, собрание людей' (САР) составляет исторически одно из собственных значений слова и лишь контаминирует с новыми, социально определенными осмыслениями его: не выводит ли его из тесного *круга* общества (Л, 1). Покажем разные случаи употребления слова: *Круг* действия [народов] распространился, выгодности жизни приумножились (Воин. Цел. мед.); разум силен только в *кругу* ощущений (Мн., 1824); не тесниться в *кругу* ограниченного, мелочного Я (Гал.), *круг* государственного хозяйства (МТ, 1826), наук, искусств, художеств (МВ, 1829); *круг* просвещения народного (ВЕ, 1818).

Столь же ощутима исходная семантическая основа при образовании переносных свойств слова *область*. В XVIII в. оно еще обычно в старых значениях (Срезн.: 'власть, господство', 'область'; Пол.: «область, provincia»; так же — САР). Например, в статье Сумарокова «Сон — счастливое общество» встречаем: Страсти самую малую искру *области* [власти, силы] над ними имеют. К концу XVIII в. слово начинает выступать в том же значении, что и *сфера*, *круг*, 'пределы распространения действия, свойства'. У писателей XVIII в. примеры немногочисленны — у Радищева («О человеке»): Желание заслужить имя остроумного и великого ввергает нас в *область* воображения; я чувствую, что несуся в *область* загадок; *область* для умствования — наряду с этим: *область* грома и молнии; у Карамзина: В туманной *области* небытия (Агл.); у Панкевича: *области* натуры (Ср. просв.). С начала XIX в. слово в этом значении широко распространяется, чему способствует сложившаяся уже сочетаемость слов *сфера*, *круг*; смысловой сдвиг стимулируется сближением с этими словами и франц. sphère и domaine.

См. примеры употребления слова в первые десятилетия XIX в.: Сравнения обыкновенно почерпаются из физической *области* для применения к царству мысленному,

а еще чаще из *круга* общеизвестных вещей и понятных для большого числа людей (Л, 1806); кто вникнул в сии главные пункты, объемлющие не только духовную *область*, ..но и вещественную (Гал.); внешняя сторона природы есть *область* эмпирии (Мн, 1825); *область* мышления (МВ, 1828); колоссальное произведение в *области* литературы (ВЕ, 1827).

§ 19. Хотя семантическое развитие и употребление существ. *сцена* во многом совпадает с *театр*, полемику в конце XVIII — начале XIX в. вызвало именно первое слово. Шишков в числе «неоправданных новшеств» современной речи приводил и выражения со словом *сцена* (Расс., с. 53). Макаров, полемизируя с ним и отстаивая это слово, в то же время употребляет без всяких комментариев в собственном авторском тексте слово *театр* (в аналогичном смысле) [58]; в художественных текстах у него есть и *сцена*: таковы *сцены* вокруг сего редкого селения (ММ, IV). Но возникают переносные свойства слова *сцена* еще раньше. Слово применяется не только к явлениям, составляющим собственно зрелище, но относится вообще к любым действиям, останавливающим внимание (так же франц. scène — DAF[6]). Например, в письмах Фонвизина: Со мною вседневно случаются такие *сцены*, что мы катаемся со смеху (Письм., 20 ноября 1777 г.).

Регулярно такое употребление начинается с конца XVIII в. Часты примеры у Карамзина, что и наложило на слово отпечаток принадлежности к «новому» слогу: Не описывая ничего, кроме самых обыкновенных *сцен* жизни (МЖ, IV), пошел я далее по берегу озера, чтобы видеть главную *сцену* романа (ПРП — МЖ, VI), она позволила нам расцеловать своего [сына], из чего вышла опять чувствительная *сцена* (там же, IV). Встречаются конструкции и обороты (ср. выше *театр*) — *на сцене*: только в сих заседаниях видим его, так сказать, лично *на сцене* (ВЕ, 1802), *на сцене* мира. В первых десятилетиях XIX в. слово *сцена* широко распространено; у Пушкина как особое значение слова выделяется «поле деятельности, поприще» (сл. Пушк., IV, с. 440). В журналистике этой эпохи: Такие бумаги суть настоящие и почтенные обли́ки (fisionomie) тех знаменитых лиц, которые сошли со *сцены* мира (СВ, 1805), не мог на *сцене* их

[58] Макаров, рец., с. 189.

блестящих побед сокрыть... (ВЕ, 1803), едва выступил на *сцене* авторства (там же, 1823), какие истины видит он в гармониях на *сцене* времени? (МВ, 1828).

Таков же ход развития слова *картина*. Как характерное для «нового» слога его критически отмечает Шишков: «Нельзя ли во всякую строку, кстати и некстати, поместить *вкус*, *предмет*, *картина*, *моральность*, *потребность*?» (Расс., с. 304; ответ Макарова — рец., с. 175—176). Распространению слова в XVIII—XIX вв., несомненно, способствовало употребление его у Карамзина и его школы: Романические *картины* предшедших времен (МЖ, II), спокойно рассматривал *картину* водопада с его окрестностями (ПРП — МЖ, IV), заходящее солнце... освещало разнообразные *картины* парижских окрестностей (ПРП, V), он видел перед собою великолепную *картину* природы (ВЕ, 1802), описание сих *картин* не может иметь большого действия на воображение читателя (ММ, IV).

Употребление слова в карамзинской литературе и журналистике конца XVIII — начала XIX в. сделало его общеизвестным. Между тем оно довольно часто еще у Тредиаковского: Предложит нам историю некоторого века... за всеобщую *картину* естества человеческого (Фил. Бак.), *картина* Римской республики (там же), омирова *картина* Илиады (Ир. пиим.). В журнальной и научной литературе конца XVIII в.: Начертал печальную *картину* опасностей (ПЖ, 1793); видел жалостную *картину* скудоумной простоты (Панк. Ср. просв.). Новое значение слова отмечено в САР: «живое и естественное описание, представление чего-нибудь изустно или письменно». Дальнейшее развитие слово получает в XIX в. Например: Музыка его есть *картина* природы (Л., 1806), *картины* патриотические (ВЕ, 1805), физиологическая *картина* способностей человеческих (МВ, 1828), *картина* возрастающей мануфактурной деятельности (ЭЛ, XII).

На примере слов *театр*, *сцена* и других отчетливо видна разница в развитии переносных свойств слов в первой половине XVIII в. (отдельные контекстные употребления, лишь постепенно сливающиеся) и во второй половине столетия, когда эти свойства становятся сравнительно цельными и регулярными. Это наблюдаем и в слове *пружина*. Оно встречается еще у Тредиаковского в разном лексическом окружении, со значением ‘действующие силы, средства’: Химия находится в державе метафизики,

объемлющей намерения и *пружины* всего естества (Фил. Бак.), показываются ему [человеку] тайные *пружины* страстей его (Ир. пиим.), душевные *пружины* (там же), хватаются они за *пружины* своего искусства (Фил. Бак.). В специфических выражениях: к благополучному приведению в действо *пружин* государства (Тред. Фил. Бак.), приводить во движение все *пружины* республики (Мурат., I) [59].

Рассматриваемое слово нередко в речах университетских профессоров: Все *пружины* и члены политического тела... толь премудро заведены и устроены (Сиб. Хим. расс.); иные [науки], обращая внимание его на самого себя, обрабатывают его склонности, главные *пружины* всех его намерений и предприятий (Панк. Подл. цел.); [натура] есть главнейшая *пружина*, действующая вселенной порядком (Полит. Пр. ист. нат.); СПб. вед.; Д'Аламб. Неоднократно встречается слово у Радищева: Они [великие мужи] всегда родятся на возобновление ослабевающих *пружин* нравственного мира (О чел.— в этом же источнике: *рычаги* нравственности); рассматривающий деяния человеческие увидит, что се одна из главнейших *пружин* всех величайших в свете произведений (Бесед.). В журналистике конца XVIII — начала XIX в.: Истинные *пружины* гражданских обществ (СЖ, 1806). Значение слова указывается в САР «действующая причина, орудие». Слово употребительно в литературе и публицистике первой трети XIX в. (см. Отвл. лекс. XIX в.).

Уже с конца XVIII в. устанавливается переносное осмысление слова *метафизический* ‘отвлеченный, умозрительный, оторванный от реальности’, в таком качестве оно не содержит прежнего прямого указания на принадлежность к метафизике. Например: Соплетения пустых, бесполезных *метафизических* изречений (МЕИ); ПТ; автор вдавался в *метафизические* сухие умствования (Л, 1806); в журналистике 20—30-х годов XIX в.: [соединять] непреложные правила с *метафизическими* бреднями (Мн), туманы *метафизической* атмосферы (ВЕ, 1830).

---

[59] Ср. франц. faire jouer tous ses *ressorts* (DAF, II, с. 619 —с пометой «образное»; DAF[6] — «в моральном смысле», слово ressort толкуется через activité, force, énergie). В Новом лексиконе (II, с. 960) аналогичное выражение переводится со словом *способ*: il a fait jouer toute sorte de *ressorts* ‘он всякие к тому *способы* употреблял’.

Некоторые слова, у которых переносные значения утверждаются с начала XIX в., в исследуемый период представлены отдельными примерами образного употребления. Это, например, *атмосфера*, характерное для книжного словоупотребления 20—30-х годов XIX в.: Поэт бросается невольно из своего прежнего мира призраков в новую *атмосферу* существ, дышащих жизнию (МВ, 1828); литературная *атмосфера* (ВЕ, 1828); привычки заключают нас в какую-то нравственную *атмосферу* (МВ, 1827); болезни вкуса зарождаются в *атмосфере* ложных идей (ЭЛ, X) (другие примеры см.: Отвл. лекс. XIX в., с. 95; Сорокин, с. 373—374). XVIII век — время прямого терминологического употребления слова *атмосфера*, но и тогда можно встретить примеры образного и переносного использования его. В конце XVIII — начале XIX в. встречаем: политическая *атмосфера* (ПЖ, 1793); Кар., Держ. Еще раньше аналогичный случай обнаруживается у Ломоносова: Теперь по вашему миротворству должны мы вступить [с ним] в новую дурную *атмосферу* (Лом. — И. И. Шувалову, 19 января 1761 г.). Тогда же примеры с *горизонт*: *горизонт* человеческого созерцания (Сох. Предм.); Тред.

Некоторые употребления рассматриваемого рода по разным причинам не составили в дальнейшем устойчивых переносных свойств в словах. Это, например, *сумма* в расширенном понимании: *Сумма* истинного счастья (ПРП), *сумма* человеческих знаний (СЖ), *сумма* скорбей (Л). *Поле*: *поле* наук и художеств (Нов.). Немалое место в литературном обиходе конца XVIII — начала XIX в. и последующего времени занимают разные образные выражения и сравнения, неодинаковые по стенени распространения и устойчивости: *солнце* разума, света, правды: *океан* естества (Словц.), вечности; *артерия* человеческого познания (Коз. Расс.); *магнит* сердец (Держ.) и др. От переносов в любом виде отличны случаи простого расширения приложения и сочетаемости слов. Например, в XVIII — начале XIX в. *обработать*, *обработание* (гл. V).

Глава V

АКТИВИЗАЦИЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СЛОВ, ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

ВАРИАНТНОСТЬ, ПАРАЛЛЕЛИЗМ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛОВ

§ 1. Изменения, происходящие в остальной части отвлеченной лексики, можно характеризовать как общую активацию и специализацию слов. Эти явления отличаются от указанных выше не только количественно — меньшей интенсивностью и рельефностью сдвигов, но и по существу, показывая эволюцию многих слов, вовлекаемых в сферу отвлеченной лексики и функционирующих в ней. Здесь действуют процессы, свойственные изучаемой лексике в целом и отчасти рассмотренные,— вариантность (параллелизм), дифференциация наименований, их терминологизация и абстрагирование. Расширяется сочетаемость слов, сфера их приложения. Органически совмещаясь в словах, данные явления выступают как разные аспекты развития лексики. Ниже они излагаются в некоторой последовательности, по степени общности.

Пример вариантности и параллелизма дают активные в XVIII — первой половине XIX в. слова со значением благополучия общества, людей. В основном это старые наименования на *благо*(-) — *благо*, *благополучие*, *благосостояние*, *благоденствие*, *блаженство*, *счастие* и другие, встречающиеся в аналогичных контекстах. Параллелизм их фиксируется в словарях: «*Благополучие*. Благосостояние, благоденствие» (САР). Слова употребляются абсолютивно и с дополнениями в род. п.: *общества*, *государств* (*а*), *отечества*, *народа*, *человека*, (*со*)*граждан*(*ина*) и другими, особенно с определениями: *наше*, *общее*, *общественное*, (*обще*)*народное*, *всенародное*, *государственное*, *человеческое* и др. Разные слова могут встречаться в аналогичных ситуациях в языке одного автора.

Благо — действительный в исследуемый период славянизм, имеющий в словарях общее нетерминированное определение: «Сл[авенское]. Добро, всякое доброе деяние» (САР); словарь 1847 г.: «церк[овное]». В социальном смысле выступает исключительно с дополнениями и определениями. Например: *Благо* общества (Пол. нам.), *блага* сограждан наших (УС, 1777), общее *благо* (Уст. благ.), [направление] всех единственных воль и сил к общественному *благу* (Рад. Уш.), человеческое *благо* (Тред.), всенародное (Пол. нам.). *Благополучие* может иметь общее значение 'довольство': жить в *благополучии* (САР). В определенном текстовом окружении выступает социальное осмысление слова: Увидел я в успокоении моем мечтание *благополучия* общества (Сум. Сон), народа (Коз.), я бы неусыпно старался о *благополучии* моего отечества (ТП), сограждан своих (СП), всего человеческого рода (Поповск.), поспешествовать общему *благополучию* (ЕС, 1760), народное (Сум.), общенародное (ЕС), человеческое (Поповск.), Лом.

Благосостояние — единственное слово данного рода, специальные свойства которого отчасти находят отражение в словарях (иллюстрация в сл. 1847 г.: *благосостояние государства, народа* с общим определением «счастливое состояние»), в исследуемый период оно наиболее употребительно. Активная специализация слова наблюдается с середины XVIII в., ранние примеры менее терминированы. Например: Для утверждения *благосостояния* общественного (Рад. Жит. Уш.), народного (Кант., Лауд., Кир.), общее *благосостояние* (Гоббс, II), гражданское (Десн.), *благосостояние* общества (Коз. Фил. предл.), Полен., Панк., государства (Регл. 1747, Десн., Мал.), республики (МЕИ), отечества (Десн., Чеб.), сограждан (Нов.), человека; как вариант *благосостоятельство*.

Аналогично употребление других слов ряда, причем адъективные и субстантивные сочетания зачастую образуют прямую смысловую параллель: *общественный — общества, народный — народа, государственный — государства, человеческий — человека, гражданский — гражданина* и др. *Благоденствие*. Например: Средства народного *благоденствия* (Панк. Ср. просв.), общенародное (Мурат.), царств и народов (Пест. Из показ.— у него же *неблагоденствие*), общее (Барс. Седм.), Гоббс, общественное (Панк.), общее и каждого человека *благоденствие*

(Страх. Вл. наук — здесь же: человеческое *благоденствие*), государственное (Мурат.), хранители отечественного *благоденствия* (Панк.). *Блаженство*: Служить для *блаженства* сообщества (ЕС, 1756), общее *блаженство* (Сум.), граждан (Рад.), *блаженство*... гражданское, на безопасстве в сожитии утвержденное (Тред. Сл. прем.), человеческого рода (Краш., Руссо), жития нашего (Лом.); *благоденствие*, или *блаженство* (Тред.), *благополучие* и *блаженство* (ЕС, 1763).

Счастие — параллелизм его с другими словами представлен текстовыми соотношениями: Человек, видя *благополучие* свое, соединенное с *счастием* всенародным (Тред. Фил. Бак.), целому народу устроять *счастие* и *благоденствие* (МЕИ), общественное *счастие* (Мысл.). Такое словоупотребление свойственно прежде всего ученой и публицистической литературе. В словаре Пушкина, например, общее соотношение случаев не соответствует степени распространения слов в сфере отвлеченной лексики (ср. *благо* — 18, *благополучие* — 12, *благосостояние* — 7, *благоденствие* — 3, *блаженство* — 48, *счастие* — 247 и др.).

По тематике и употреблению к перечисленным словам примыкают *богатство* и некоторые другие слова, обозначающие совокупность материальных ресурсов общества. Например: Народное *богатство* (Смит), общественное (МВ, Кир.), противоп.— частное *богатство* (Лауд.). *Изобилие*: Домостроительство состоит в приумножении *изобилия* (Сум. Домостр.); *обогащение*: [земля как] источник *обогащения*, общественное *обогащение* (ЭЛ, XI). Эти наименования могут соотноситься с отмеченными выше: общественное *обогащение*.. благосостояние (ЭЛ).

Контексты со словом *польза* подобны вышеприведенным: *польза* общества (Тред., Сум., Зыб.), общественная *польза* (Панк.), неусыпное попечение о народной *пользе* (Десн. Пр. сп.), Тепл., ТП, общенародная (ЕС, Полен.), взаимная (Кант.), трудолюбие и доброжелательство о умножении *пользы* своего отечества (Поповск. Речь нач.), Барс., сограждан моих (НС, 1763); *общеполезное* просвещение (Панк.); *общеполезность* (Аничк.). В том же кругу слово *покой*: Видеть в обществе *покой* и благоденство (Опыт чел.), общий *покой* (Указ. Пуг., 11).

§ 2. Вариативность поддерживается парным производством — бинарностью возникающих в языке русских и иноязычных наименований. Пары могут взаимодейство-

вать, входить в вариантные ряды и конфигурации. Примером служат активные в XVIII в. *элемент*, *стихия* [1]; *основание — фундамент*, *основа*; *начало — принцип* и др. Прикрепленность слов *элемент — стихия* к понятиям древних (Аристотель) о четырех исходных компонентах вещей в XVIII в. ослабевает, слова начинают означать вообще простейшие частицы. *Элемент*: Из четырех *элементов*, как думали древние, толико многие различности произойти не могут (Сум. Пер. письм.), открытие циркуляции крови и телесных *элементов* (ЕС, 1755); в сл. 1847 г. это слово дано с пометой «в физике». *Стихия*: Химия доказует, что начало первенственных веществ суть весьма различных свойств, и хотя она еще держится древнего разделения *стихий*, но то, что мы называем земля, вода, огонь, воздух, суть сложности (Рад. О чел.); САР: «в химии» и «в физике». В это же время слова представлены в общем и переносном смысле — о воде (реках, море) и суше как своего рода метафора-штамп: водяная, морская *стихия*; возволновал текущу *стихию* (Тред. Тилем.), царствуя на двух разных *элементах* [суше и море] (ВЕ, 1802); ‘составная часть, признак’ (особенно с начала XIX в.): сия [война] есть наш прямой *элемент* (Тред. Изв. возм.), *элементы* нации (Кар. Похв. сл.), уважение есть... *елемент* согласия (Мал.), сии различные состояния людей суть *стихии*, из смешения коих образуется политическое тело (Ферг.) (другие примеры см.: Отвл. лекс. XIX в., с. 97); ‘основные положения, начала’: яко истолковано в *элементах* астрономии (Комм. АН). В прил. *элементарный* эти разные свойства выступают как своего рода напластования — от ‘элемент, стихия’: *элементарный* огонь аристотельский (Лом. Тверд. жидк); ‘основные положения, начала’: математика *элементарная* (Смирнов, с. 349), геометрия (Котельн.), сочинение (сл. 1847 г.); ‘простая (частица)’: малейшие *элементарные* частицы (ЭЛ, XII).

Через определенные значения и оттенки данные слова смыкаются с другими, например *основание — фундамент* (парное производство типа «старое свое слово — новое заимствование»). Ближе всего к их прямому значению (‘опора здания’) указание на основу, базу чего-либо (ед.

[1] Благодаря разноязычному происхождению (с XVI—XVII вв.) эти два слова примыкают к парам.

и мн.): На твердых *основаниях* ставшее мое мнение (Кн. мирозр.), *основание* всей твари (Кант. Сат. III, прим.), *основание* общества (Коз. Ст. фил.); *фундамент* всей геометрии (Кант. Сат. I, прим., 1-я ред.)— *основание* (2-я ред.), об экономии как о *фундаменте* государственном (Флор. эк., пред.). Как особый оттенок слова *основание* выделяется ‘фактическая база (чего)’: в нем [рассуждении] больше *основания*, нежели в рассуждении древних о телесах небесных (Кант. Разг.), мы не имеем ни единого довольного *основания*, чем бы доказать можно было... (Опис. ком.); с наименованиями доктрин, теорий *основание* означает ‘принцип, исходное положение’: по *основаниям* естественного права (ЕС, 1756), *основания* закона (Тред.), вдохнувши в твоего сына *основания* добродетели (Восп. дет., II). Слово *основание* (обычно с определениями *первый*, *первоначальный* и др.) соотносительно с *стихия*, *элемент* в значений ‘основа, составная часть’: Утверждают, что четыре суть *стихии*, или первоначальные *основания* тел (Аничк. Превр. пон.), элементы, или первые *основания* материи (Коз. Фил. предл.). С наименованиями наук, учений в значении ‘начала, основные положения’ соотносительно употребляются *элемент*, *основание*, *фундамент*: *элементы* геометрии, то есть первые *основания* науки о измерении протяжения (перевод Эвклида, 1769), *основания* знаний (Страх.); преимущественно в первой половине XVIII в. наблюдается в сходных случаях *фундамент* (мн. ч.): о первых учения физического **фундаментах* (Комм. АН, на полях: **основаниях*), первым *фундаментам* наук обучать (Проект 1724).

Слово *основа* соотносительно с *основание* главным образом в первом отмеченном выше значении ‘база (чего)’: Такова *основа* всех сих пьес (Л. III). Возникающие в XVIII в. и весьма примечательные в отвлеченной лексике прил. *основательный* (САР «точный, справедливый, правильный»), нареч. *основательно* и другие связаны также лишь с определенными свойствами слова *основание* ‘фактическая база чего’: а) Довольно ли *основательна* есть система твоя? (Кант. Разг., в Entr.: bien vrai), *основательным*, именно ж, обученным и твердым рассуждением (Тред. Сл. прем.), *неосновательные* познания вещей (Чеб. Сп. просв.), *безосновательный*; б) Знать науку *основательно*, то есть в ее существе (Коз. Фил. предл.), Кар., ср.: в [книге] без пристрастия *фундаментально* описано

(«Вед.», 1719); в) политическое право на сем и *основано* (Сум. Ст. добр.).

Существ. *начало* соотносительно с рассматриваемыми словами в значении: 1) ‘положение, принцип’ и 2) ‘источник, составная часть’. Кантемир неоднократно поясняет слово в фразе «*начала* рассуждения» (Разг., прим. 100) и позднее (Письм. Горац., прим.), толкуя *элементы* как «первые наставления, *начала* какой-либо науки» и рекомендуя в этом смысле выражение *начальнейшие законы*. Текстовые соотношения показывают смысловые (вариантные) связи слова: 1) с названиями наук: Причины, или *начала*, географии (Варен.) — перев. 1790: *начальные основания* географии; *начала*, или *стихии*, всех наук (Полит. Св. ист. нат.), философия много построила *начал* (Тред. Фил. Бак., в Anal.: principes); *начала* гражданских законов (Десн. Пр. сп.); 2) применительно к телам, веществам: Думали, что из одного *начала*, из одной *первой материи*, как будто из одного *элемента*, все в мире сем тела произошли (Браун), о *началах* веществ, или *стихиях* (Рад. О чел.), химия через раздробление на *начала* тщится еще глубже проникнуть в союз натуральных тел (Полит. Св. ист. нат.). В словаре Курганова приведенные выражения составляют один ряд толкования: «Елементы, стихии, первые основания, начала». В научно-философских текстах *начало* имеет еще осмысление ‘исходный момент, причина, сила’: Натура... *начало* всех сущих вещей (Кант. Разг.), действий суть два *начала* (Опыт. чел., пред.), мыслящее *начало* (ПТ, Панк.), *начало* действенное (Тред.). Сравнительно редкое в XVIII в. заимствование *принципий* (обычно мн. ч.) наблюдается в некоторых случаях, аналогичных с *начало*: [трактовали] о *принципиях*, или *началах* вещей и элементах (Тепл.), его наука на выборных состояла *принципиях* (там же); Кант. (Письм.), Кург., Ян.

§ 3. Вариантность обусловливается также неустановленностью, развитием самих понятий. Данное обстоятельство способно длительное время поддерживать смысловой параллелизм слов. Это, например, ряд *словесные науки*, *словесность*, *письмена*, *литература*, *письменность*, *беллетристика* и др. Первое регулярное наименование из этого ряда в XVIII в. — *словесные науки*, не калька (ср. HW), но соотносительное наименование с франц. lettres и belles-lettres (DAF). Первоначально «словесные науки» — один из видов учености и определенный

комплекс наук: В нравоучительной, также и в *словесных науках* (Тред. Жит. Бак.), *словесные науки*, как то: грамматика, логика и др. (Кург., VI), *словесноловие*. Но к концу изучаемого периода термин ограничивается сферой собственно филологии: «*Словесные науки*... относящиеся к свойствам, чистоте, правильности языка и к изящному выражению на нем мыслей своих» (сл. 1847 г., IV, с. 149). Примеры слова в XVIII в. часты: *словесных наук* любители (Лом.), ЕС, знание *словесных наук* (Коз.), состояние *словесных наук* нашего века (Тр., 1770), Рад. (Уш.), Чеб., Энц. и др. [2] Распространение этого и других выражений связано с употребительностью в XVIII в. слов данного корня — слово 'речь, изложение', 'тема, суть', *словесный* 'выраженный словами', 'красноречивый', 'одаренный речью, разумный'.

Существ. *словесность* по своему характеру относится к словам на *-ость* типа *свободность* (гл. III); оно известно на всем протяжении XVIII в., однако примеры его неоднородны. В ранних свидетельствах оно означает преимущественно 'красноречие': «*Словесность*, eloquentia» (Пол.), сей приобретает время к размышлению, но другой [велеречивый] погубляет оное *словесностью* (Тред. Фил. Бак.; Anal.: à parler); 'дар речи': животные лишены *словесности* (Гоббс). Филологическое значение слова определяется в академических словарях следующим образом: 1) «знание, касающееся до словесных наук» (САР, VI, с. 227), 2) «все словесные произведения какого-н. народа, совокупно взятые» (сл. 1847, IV, с. 149). Литература XVIII в. показывает оба значения слова, но второе со временем вытесняет первое. Например: 1) Журнал для критики и *словесности* (ПРП, V), 2) Обработание российской отечественной *словесности* (Сох. Предм.), Рад., изучение латинской *словесности* (Тимк.). В словаре Даля представлены еще оба значения, но неодинаковое соотношение их отчетливо видно у Пушкина: на первое приходится всего два примера, на второе — 142 (сл. Пушк., IV, с. 185—186) [3].

---

[2] Среди ранних вариантов см. еще: «Spraak-konst. Грамматика и *художество явычное*» (Гол.-рос.), всех *литеральных наук* (Курак.— Смирнов, с. 179), предлагали, что переводы предосудительны для *письменных наук* (ЕС, 1760).

[3] В современном языке слово устарело во всех значениях (СРЯ, IV, с. 192).

Рассматривая слово *литература*, «наше наименование» *словесность* и новообразование *письменность*, Шишков возражает, по существу, лишь против последнего (Расс., с. 307—310, сноска). Заимствование *литература* казалось, по-видимому, уже обычным. Тем не менее регулярные примеры его относятся лишь к концу XVIII в. В это время оно близко или совпадает с *словесность* (Ян.: *литература* «значит письменность, словесность»), сл. 1847 г.; у Пушкина употребительность слов примерно одинакова: *словесность* — 144, *литература* — 140. Слово часто в «Московском журнале» (ПРП и литературно-критические разделы), «Аглае» и других, что способствовало его литературному распространению и в дальнейшем восприятию как «карамзинского». См. в значении ‘совокупность произведений’:

Я поздравил бы русскую *литературу* с хорошим... комическим произведением (МЖ, VI — раздел «О русских книгах»), я не стану разбирать архивы древних *литератур* (МЖ, VIII), он спрашивал меня о нашем языке, о нашей *литературе* (ПРП), для обогащения исторической *литературы* (там же), основанием и источником *литературы*... был и есть хороший вкус (Сох. Предм.), Нов.

С упрочением слов *словесность* и *литература* наименование *словесные науки* теряет специальный и цельный характер; в словарях (САР, сл. 1847) оно встречается лишь в тексте толкований [4], у Пушкина его нет. Различия в употреблении слов *литература*, *словесность* в конце XVIII — начале XIX в. объясняются зачастую содержанием и истолкованием самого понятия [5].

Главным доводом Шишкова против слова *письменность* было то, что при имевшихся уже наименованиях с аналогичным значением создавалось лишь лексико-семантическое подобие заимствования («ближе к переводу»): *литература* (франц. littérature) < *литера* ‘буква’, как и *письменность* < *письмо* ‘буква’ (мн. ч. *письмена*). Однако *письменность* имеет в XVIII — начале XIX в. собственную «предысторию». В качестве предшественника выступает слово *письмена*, вначале исключительно ‘грамота,

[4] Ср. в САР еще *умственные науки*, *числословная наука* и др.

[5] Е. А. Быстрова. Термины *литература*, *словесность* и *письменность*. «Современная русская лексикология». М., 1966, с. 108—110.

система письма': [У римлян] обычай был научать их [рабов] *письменам*, а наипаче *письменам* греческим, ибо греческий язык был в особливой чести у римлян (Кант. Письм. Горац.), он не знал гражданских *письмен* (Рад. Памятник дактилохореическому витязю). Со второй половины XVIII в. это слово выступает в значении 'письменные произведения': Возвышение медицеев и восстановление *письмен* привели опять в упадок... славу военного оружия (Руссо, Восст. наук); показательные с этой точки зрения варианты находим в разных по времени редакциях сочинений М. Н. Муравьева, писателя XVIII в.: Опыты истории, *письмен* и нравоучения (1796) — Опыты истории, *словесности* и нравоучения (1810). Слово *письменность*, возникнув в начале XIX в. на основе слов *письменный* и *письмо*, *письмена*, также неоднородно по смыслу. Оно означает 'совокупность письменных памятников' (сл. 1847 г.: «памятники письмен») и в этом смысле параллельно словам *словесность* и *литература*; еще у Даля (III, с. 260) указанные слова служат для взаимотолкования: «*Литература*, словесность, письменность». Перечисленные слова выступали в специальных сочетаниях с прил. *изящный* (гл. IV) — *изящные письмена*, *изящная литература*, *изящная письменность*, *изящная словесность*, из которых устойчивым оказывается последнее. В 30—40-е годы XIX в. происходит дифференциация всего ряда *словесность — литература — письменность*, связанная со специализацией и разграничением самих понятий [6].

Большая роль в установлении терминологического содержания указанных слов принадлежит Белинскому — см., например, его статью «Общее значение слова литература» (т. V). Со словоупотреблением Белинского связано закрепление еще одного компонента ряда — *беллетристика*. Начальные примеры его относятся к 20—30-м годам XIX в. (тогда же *беллетрист*) [7], с 40-х годов — *беллетрический*, *беллетристический* (Сорокин, с. 118—122); эти

---

[6] В. В. Виноградов. Из истории русской литературной лексики. II. Письменность. «Доклады и сообщения Ин-та языкозн. АН СССР», 1959, № 12, с. 37—40; П. Гард. Слова, обозначающие понятие «литература», у Белинского. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I, М., 1962.

[7] Примеры см: Отвл. лекс. XIX в., с. 55.

наименования имеют специфические терминологически отличия. Свой ряд образуют названия деятеля — *литератор*: все французские *литераторы* (ПРП), сл. 1847 г. *словесник*, *беллетрист*. Из них *словесник* — давнее слово претерпевающее во второй половине XVIII в. смысловой сдвиг. Срезневский (II, с. 416) определяет слово как 'мастер говорить, речистый'; Тредиаковский сближает его с *оратор*: Антоний, оный славный *оратор* (*словесник*) (Рим ист., I, пред.). Но уже САР определяет слово в соотношении с *словесные науки*: «сильный, искусный в знании языка какого и в словесных науках». Образование *пйсьменник* также существует, но в просторечии; САР определяет его «в просторечии: грамотник».

§ 4. На фоне повсеместной в исследуемый период вариантности развитие многих слов характеризуется, как говорилось, тенденцией к дифференциации, сопровождающейся специализацией и смысловым перераспределением лексики. Эти явления в существенной мере определяют, например, употребление многочисленного и разветвленного в XVIII в. круга слов со значением 'опыт', 'опытность', 'опытный' и др. — *опыт*, *искус*, *искушение*, *эксперимент*; *искусство*, *экспериенция*, *опытность*; *испытание*, *исследование*; *опытный*, *экспериментальный*; *исследовать*, *испытывать*; *исследователь*, *испытатель* и др. По разным смысловым линиям эти слова образуют вариантные ряды и конфигурации. Основной компонент первого ряда — *опыт* в средние века указывал меру продуктов (хлеба и др.); значение пробы, определения качества предметов развивается в нем лишь в XVII в. [8] С начала исследуемого периода оно известно в научных текстах, а к середине XVIII в. вытесняет старое *искус* (Кутина. Физика, с. 55—58). Долгое время *опыт* менее распространено, чем другие однокоренные образования. У Срезневского его нет, при наличии *опытание*, *опытати*, *опытование*, *опытовати*, *опытъливый*, *опытьный*, *опытьне*, *опытьство* [9]. В ДРС *опыт* — XVI, XVII в.; нерегулярно отмечается слово в словарях XVIII в. См. примеры слова в изучаемой литературе: *Опыты* в изыскании разноцветных стеклянных составов (Лом.— К. Г. Разумовскому, 22—23 фев-

[8] С. И. Котков. Сказки о русском слове. М., 1967. с. 80—86.
[9] Ср. здесь *испыт* 'испытание' от *испытати* (Срезн., I, с. 1140—1141; II, с. 701).

раля 1753 г.), физические *опыты* (Сум.), магнитные *опыты*, *опыт* электризования (Тепл.), *опыты* химические над жидкостями (Зыб.), делать *опыты* в химии, физике (САР). Вместе с тем развивается философское осмысление слова как формы (чувственного) познания: Познание истины получаем мы двумя образами: или чрез *опыт*, или чрез умствование. *Опыт* есть такое познание..., которое получаем мы помощию наших чувств (Коз. Фил. предл.), чувственный *опыт*, разумный *опыт* (Рад. О чел.); обобщенное наименование такого познания: начали было применять к *опыту* многие основания сей теории (СЖ, II); СВ, Мн., Якушк.

В общелитературном обиходе слово распространяется в значении ‘попытка, пример, сюжет’ (чаще о литературном, письменном изложении): Я [желал] дать на нашем языке *опыт* перевода латинских стихотворцев (Кант. Письм. Горац.), прилагаю малый *опыт* начинающегося в России мозаичного художества (Лом.— П. И. Шувалову, 10 мая 1753 г.), *Опыт* о человеке (название издания в переводе Н. Поповского, 1757; в ориг.: *Essai* sur l'homme), в новейших *опытах* российской истории (Мал.), *опыт* о коммерции (сл. 1847 г.). В широком значении ‘факт, действие, проявление’: Такие *опыты* возбуждали горячность мою (Коз. Расс.), *опыты* женского патриотизма (ВЕ, 1810); ‘повседневная практика’ (чаще мн. ч.): в том нас ежедневные уверяют *опыты* (Сум. Добр. худ.), известно чрез *опыты* (ВЭО), сие доказывается *опытами* (Мал.). САР отмечает (звездочкой, как производное и новое) значение «опытность»: Он молодой еще человек, следовательно, без *опыта*; в МВ (1822): недоверчивость, внушенная ему *опытом* жизни. Однако возникновение в это же время слова *опытность* делает *опыт* в данном смысле не единственным средством выражения. Словарь 1847 г. и Даль этого значения в слове *опыт* не выделяют, хотя словоупотребление Пушкина показывает его относительную распространенность: *опыт* ‘совокупность приобретенных в жизненной практике знаний’— 28 примеров (другие значения: ‘научный эксперимент’ — 10, ‘попытка осуществления чего-нибудь’ — 27), *опытность* — 10 (сл. Пушк., III, с. 138—139).

Напротив, слово *искус* известно давно (Срезн.) и с начала исследуемого периода составляет обычную параллель к *опыт*. Например: Учиненным *опытом* показал,

в сем *искусе* показал (Комм. АН). Употребление его аналогично с *опыт*: Все наши философы думали, что основаны на *искусе* (Кант. Разг., VI — fonder en *expérience*), самый *искус* ежедневный показует нам... (Прок. Безбож.); встречаем слово и как ‘опытность’: «Экспериэнциа. *Искус*, искусство, знание, полученное чрез частое повторение какого действа» (Кант. Разг., прим.), для стяжания *искуса* многократное повторение случаев и оных примечание нужно (Он же. Сат. VII, прим.). Однако, как упоминалось, во второй половине XVIII в. *искус* в научном и отвлеченном обиходе вытесняется словом *опыт*; САР в знач. ‘опыт’ иллюстрирует *искус* общим, неспециальным контекстом: Дойти до чего чрез *искус*.

Из фонда старой, книжнославянской лексики в ранний период используется еще *искушение*: способом тщательнейшего примечания и *искушения* (Брюс); в словаре 1847 г. оно с пометой «стар [инное]» определяется как «розыскание». По существу, лишь заимствование *эксперимент* в данном ряду вполне однородно по смыслу и прикреплено исключительно к научному употреблению; слово выступает в парном соотношении с *опыт* и встречается (нечасто) на протяжении всего изучаемого периода. Например: физических *экспериментов* (Прок.— Смирнов, с. 346), *экспериментами* (*опытами*)... и рассуждениями (Комм. АН); сл. Яновского с пометой «реч[ение] физич[еское] и хим[ическое]»; Р-ф-ц, сл. 1847 г.

В рассмотренных словах доминирует значение ‘опыт’, которое совмещается (перекрещивается) с ‘опытность’. Следующий словесный ряд в соотношении этих значений представляет картину обратную. Слово *искусство* означает в целом ‘знание, умение, опытность’: «Erfahrung, experientia, *искусство* вежество, знание» (Вейсм.), большее *искусство* в химии снискать (Лом.— И. Шумахеру, 10 мая 1756 г.); Коз. Вместе с тем семантика слова достаточно широка, и в ее пределах выделяются, например, следующие отдельные случаи ‘способность, восприятие, образование’: в [людях], всякого *искусства* лишаемых (Кант. Письм. Горац.) [10]; ‘умение’: употреблением рождается *искусство* (Тред. Сл. прем.). В ранних примерах отмечается соотношение слова с *опыт*, *эксперимент*: Бойл в своих

---

[10] Ср. Пол.: «*Неискусство*, simplicitas».

РАЗСУЖДЕНІЕ

о спаромъ, и новомъ слогѣ Россійскаго языка.

Всякъ кто любитъ Россійскую словесность, и хотя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ не изцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ Французскому языку, тотъ разверзувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ. Древній Славенскій языкъ, повелитель многихъ народовъ, есть корень и начало Россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему Эллинскаго

1

Рис. 5. Первая страница «Рассуждения» А. С. Шишкова

экспериментах (*искусствах*) («Прим. вед.», 1729); «Эксперимент, *искусство*, проба, опыт» (Целл.).

На протяжении изучаемого периода наблюдаются также случаи контаминации (или неразграничения) значений ‘опыт’ и ‘опытность, умение, знание’: Стужа есть недостаток теплоты, о чем свидетельствует и повседневное *искусство* (Лом. Волф. физ.), я бы мог доказать все, что я ни предлагал, собственным моим *искусством* (Отт. имп.);

ЕС, СП. В дальнейшем процесс дифференциации приводит к утрате у *искусство* значения ‘опыт, эксперимент’ — САР его еще отмечает («то же что *искус* в 1-м зн.»), в словаре 1847 г. оно отсутствует. Этому вытеснению способствуют изменения в семантической структуре слова, в частности развитие нового значения ‘«художественное творчество»’; САР. Словарь 1847 г. отмечают его в иллюстрациях, в словаре Пушкина оно занимает почти половину словоупотреблений (50 из 107).

Экспериэнция [11], возникающее как парное соответствие к *искусство* (Смирнов, с. 369), выступает в значении ‘знание, умение, опытный путь познания’: ежели захочет о чем заподлинно удостовериться, то ему к тому долговременная надобна *экспериенция*, или *опыты* (Тепл.) и ‘опыт, испытание’: «*Экспериенция*. Опыт, испытание, исследование» (Ян.); примеры нечасты. Доминантой для данного ряда является слово *опытность*, но и оно семантически не вполне однородно. Общеобиходное значение его «сведение о вещах, приобретенное чрез долговременный навык или частое в чем упражнение» (САР), например: Беззаботливая юность не беспокоилась еще колючим тернием *опытности* (Рад. Уш.), *опытность*, искусство (Он же. О чел.). Наряду с этим в конце XVIII — первой половине XIX в. в сфере отвлеченной лексики распространяется (в дальнейшем не сохраняющееся) значение слова ‘сфера опыта, опытный путь познания’: О, умствователи! держитесь *опытности* и пользу свою почерпайте из нее (Рад. О чел.); Ум, преступая все пределы *опытности*, думает, что нашел безусловные начала (Якоб); [правила извлекать] не из умствований, а из *опытности* (ВЕ, 1818). Ср. так же сл. Фр.-рос. expérience: «опыт, испытание» и «сведение»; DAF.

Еще один ряд (также расслаивающийся) образуют отглагольные существительные — *испытание*, *исследование*, *истязание* и др. 1. В научно-литературном употреблении они могут быть близки словам со значением ‘опыт’. См. *испытание*: «Пробация, проба, опыт, поверка, искус, *испытание*» (сл. Кург.); «Эксперимент. Опыт, *испытание*» (Ян.). 2. Однако *испытание* по своей семантике более тяготеет к контекстам, обозначающим действие, обычно с родительным объекта. Например: *Испытание* сил воздуха

[11] Толкование слова у Кантемира см. выше, стр. 226.

(Зыб.), *испытание* действ (ПТ), *испытания* доказательных оснований (Десн. Собств.), *испытание* истины (ЕС), Коз.; специфические сочетания с наименованиями природы: *испытание* натуры трудно (Лом. Происх. св.), сколько в *испытании* естества есть тайностей (ТП), шествие в *испытании* природы (Рад. О чел.), Детск. физ. 3. Абсолютивно при обозначении сферы познания: сие и есть царство *испытания* (Тред. Фил. Бак.; Anal.; le règne de l'*expérience*). «Глагольный» характер слова отмечается в определениях (САР «действие испытавшего»). Таково же употребление существ. *исследование*: 1) «Nachforschung, испытывание, испытание, розыск,.. *исследование*» (Вейсм.); варианты в переводах Бюффона: по многочисленным *опытам* (Бюф.), Кар.— *исследования* (Ф); 2) Прилежное *испытание* природы и *исследование* естества человеческого (Страх.), *исследование* натуры, физические *исследования* (Лом. Польз. хим.), *исследование* сил человеческого разума (Коз. Ст. фил.); 3) Рассуждение без помощи чувств ни малейшего движения в *исследовании* сделать не может (Сум. Раз. чел.).

Использование славянизма *истязание* (К мудрым и остроумным *истязаниям* слов мы никогда склонны не были. «Прим. вед», 1729) уже к середине XVIII в. осознается как условное (Тред. Фил. Бак.), в САР только как «строгий допрос». Другие наименования — *изыскание*, *рассмотрение*, *разбор*: Общее их учение состояло в исследовании, или *разборе*, истины (Коз. Расс.) — смыкают данный ряд с *анализ* и его смысловыми вариантами (см. гл. II). Дифференциация особенно ярко проявилась в истории первых двух рассмотренных выше групп слов. По существу (I) в значении ‘опыт’ остаются как синонимы лишь слова *опыт* и *эксперимент*, в значении ‘опытность’ — *опыт* и *опытность*; у слов второй группы (II) значение ‘опыт, эксперимент’ утрачивается (*) вовсе. От первых двух семантически отличны слова третьей группы (*испытание* и др.) (табл. 1).

Слово *опытный* (САР: «основанный на опытах, содержащий опыты») обычно выступает с названиями наук, способов познания, для него характерны противопоставления — *умозрительный*, *умственный*, *ученый*, *теоретический*, *чистый* и др. Например: *Опытные* науки основываются на началах *опытных*, или *опытом* познаваемых, *умственные* на началах *разума* (Снелль), двойная космо-

ТАБЛИЦА 1

		‘опыт’	‘опытность’
I	опыт	+	+
	искус	+*	+*
	искушение	+*	—
	эксперимент	+	—
II	искусство	+*	+*
	экспериенция	+*	+*
	опытность	—	+

логия, то есть *ученая* и *опытная* (Коз. Ст. фил.), *опытная* физика (САР), философия (Мн., МТ). *Экспериментальный*, особенно в ранний период, представляет собой парное соответствие к *опытный*: *Экспериментальная* физика («Прим. вед», 1729), философия *экспериментальная*, то есть *опытная* (Коз. Ст. фил.). С развитием указанных выше свойств у слов *опыт*, *опытность* и других семантика и связи прил. *опытный* существенно меняются. Оно начинает означать не только ‘связанный с экспериментом, опытом’ (ср. *экспериментальный*), но с конца XVIII — начала XIX в. ‘полученный в результате опытного познания’: *опытный*, *эмпирический* (Мн., 1824), *прагматический* (*опытный*), Якоб. В производных с корнем *искус-* смысловая дифференциация находит отчасти словообразовательное выражение — *искусный* ‘умелый, знающий’ и ‘знакомый, сведущий’: лики юнош чистых и девиц, мужа *неискусных* (Кант. Письм. Горац.) и *искусственный* (от *искусство*, САР: «искусством произведенный»).

В литературе представлены и глаголы, соотносительные с рассмотренными выше словами. *Исследовать* — в определениях к этому слову встречается наибольшее число аналогов, см. толкование САР: «испытывать, изыскивать, разбирать»; *испытывать* (САР: «искушать, исследовать доброту вещи какой»); *истязывать* (встречается преимущественно в ранний период, САР: *истязовати* с по-

метой «сл[авенское]», сл. 1847 г. «церк[овное]»), *разыскивать*, *изыскивать рассматривать*, *разбирать*: *разбери* человека, не мне емли веры (Кант. Сат.V). Имена действователя в данной лексике представлены главным образом словами *испытатель* и *исследователь* (формы *испытник*, *истязатель*, отмеченные в САР, в научных текстах не употребительны).

§ 5. Дифференциация предполагает разграничение и специализацию понятий, обозначаемых словами. В этом плане показательны некоторые функционирующие в исследуемый период номенклатурные наименования. На них останавливается Карамзин, рецензируя перевод «Всеобщей и частной естественной истории» Бюффона (1789) [12]. В XVIII в. происходит развитие специального значения слов *вид — род* (*класс*, *статья* и др.). Кантемир рассматривает слова *вид* и *род* в примечании к «Разговорам», определяет их соотносительность и терминологическое различие: «*Вид*, espèce. Значит тут то же, что *род*, а обыкновенно вид от роду зависит; например, гриб есть имя всего *роду* грибов, а груздь есть *вид* грибов» (Разг., V, прим. 144). Такое же объяснение находим в «Письмах» Эйлера: Общее понятие, например, о груше называется *вид*, или *род* [13]. Сии два слова почти то же означают, но слово *род* есть обширнее и заключает в себе многие *виды*; см. у Радищева в дефинитивном контексте: то, что прилагаем *роду*, прилагаем всем единственностям, к нему принадлежащим (Рад. Уш.). Таким образом, выявляются признаки разграничения и специализации слов. В САР (V, с. 1059—1060) *род* имеет отдельное толкование с пометой «в естественной истории», так же сл. 1847 г. Практически слово *род* может выступать в литературе XVIII в. или с указанным выше намечающимся различием, или в общем смысле ‘разновидность чего’: Всем *родам* зверей (Кн. мирозр.), сих двух *родов* люди всегда больше берут, чем им дают (Кант. Разг., V) [14], *род* жития (Он же. Письм. Горац.), двоякого *рода* свойства (Лом. Польз. хим.), силы двух *родов* (Рад. Уш.).

---

[12] МЖ, 1791, I, 2, с. 245—246.

[13] В оригинале (Lettr.) здесь: «une *espèce*, on un *genre*».

[14] Этому примеру в оригинале «Разговоров» (Entr.) соответствует также общее по смыслу слово sorte («ces deux *sortes* du gens»), а не espèce или genre, как в более специальных случаях.

В слове *вид* специальное номенклатурное значение переплетается с другими. Как и *род*, слово может иметь общий смысл 'подразделение, разновидность чего': Различие *видов* и свойств как людей, так и животных; *вид* движения (Кант.) и передавать единицу классификации: Обстоятельства, по которым единственные вещи суть подобны между собою, составляют *вид*, или образ (species), который есть не что иное, как подобие единственных вещей (Коз. Фил. предл.). См. слово в соотношении с *род*: по гнездам и яйцам можно *роды* и *виды* птиц установить (СУР), природный успех разума человеческого есть восходить от собственных вещей к *видам*, от *видов* к *родам* (Кург., VI). Однако, кроме того, слово обозначает 'внешний вид, образ предметов': О переменах земного *вида* (Кант. Разг.), *вид* предметов, которые нас окружают (УС, 1780), Тред., СУР. В этом смысле слово соотносительно с *форма*: [вода] в себе никакой *формы* и *вида* не имеет (Кант. Письмо III), *образ*, *фигура* и др.

Слово *класс* в этом кругу имеет исключительно номенклатурный смысл. Оно применимо к разным предметам: *Класс* эпиграмм (Тред. Наука о стихотв. и поэз.), при разделении тел на *классы* (СУР, IV) [15]. Специальное же применение его 'разряд (более крупный, чем вид и род) в естественном мире': Ко *классу* коему его [человека] причислить (Сум. Пасс.), *классы* растений, животных (сл. 1847 г., с толкованием: «отделение»). См. пример текстового соотношения и разграничения слов *вид* — *род* — *класс*: из первого убо рассуждения *классы*, из второго *роды*, из третьего же *виды* рождалися (Комм. АН). Слово *статья* представляет парное соответствие к *класс*: *статей* жидких вещей (Кн. мирозр.), различает морских тюленей на три *статьи* (СУР, II), Сум.[16] Эти слова вместе с *царство*, *владычество* создавали определенную иерархию естественных номенклатурных наименований: [расположение предметов] на *владычества*, *классы*, *порядки* [17], *роды*

---

[15] Ср. Christ. (с. 23) о слове как нововведении Тредиковского; на самом деле слово встречается в разных источниках: Сум., Эйл. и других, еще ранее — Комм. АН

[16] Карамзин в рецензии указывал на предпочтительность термина *классы* сравнительно со *статьи* (у Бюффона — classes).

[17] Соответственно франц. ordre; другое наименование этого же уровня (соответственно франц. famille), которое встречается у Карамзина, *семейство* (МЖ, 1791),

и *виды* дали введением технических терминов... (Полит. Пр. ист. нат.). Другое особое употребление слова *класс* состоит в обозначении определенных социальных слоев (терминологичность его возрастает с конца XVIII в.): Люди первого в обществе *класса* (Сум. Неспр. осн.), разделение народа на разные *классы*, по разным общественным потребностям (Панкр. Ср. просв.), люди из недостаточных *классов* (ПЖ, 1793), эти *классы* назывались мещанами (ЭЛ, XV).

§ 6. Дифференциация охватывает однокоренные наименования, различающиеся в словообразовательном плане. К ним относятся широко известные в изучаемый период слова *чувство — чувствование — чувствие*, *чувственный — чувствительный*, *чувственность — чувствительность*. Они употребительны в ученой литературе XVIII в., передавая понятия чувственного познания; в системе литературно-языковых взглядов сентиментализма чувство имеет эстетическую значимость. Процесс семантического и стилистического расслоения указанных слов захватывает XIX—XX вв.[18] Слово *чувство* указывает «орудия телесные» и способность человека к восприятию окружающих предметов. Например: Нет ничего в разуме, чего бы прежде не находилось в *чувствах* (Аничк. Разн. сп.), разумение просвещается *чувствами* (Сум. Разн. чел.), сообщая [человеку] от всего того, о чем понятия снискать способен он помощию наружных *чувств*, отвлеченные положения тем самым дают надежное и необманчивое средство поступать к открытию сокровеннейших истин (Панк. Подл. цел.), ударение *чувств* (Рад. Уш.), *чувство* зрения (САР) и др. Одновременно слово обозначает само ощущение, восприятие чего-либо: Соли, остроту в себе заключая, ..*чувство* в живом теле производят (Зыб. Слож. чел.), понятием одаренное существо имеет *чувство* о своем существовании (Рад. Уш).

В последнем случае слово *чувство* соотносительно с *чувствование* (САР: «ощущение, посредством чувств приобретаемое»). Круг употребления слова *чувствование* об-

[18] Вытеснение слова *чувствование* словом *чувство* наблюдалось еще Гротом (Слов. Даля, с. 19). В середине XIX в. предпринимаются попытки, правда несколько искусственные, смыслового разграничения слов *чувство* и *чуственность* (И. Покровский. Памятный листок ошибок в русском языке. «Москвитянин», 1852, № 24, с. 207).

ширен, включая лексику отвлеченного характера: *Чувствования* наши и опыты (Чеб. Сп. просв.); понятие,.. которое предмет, на чувства [в ориг. Lettr.: sur mes *sens*] действующий, производит в душе моей, есть *чувствование* [est une *sensation*] (Эйл., II); *чувствование* своего бытия (ПТ). В переводах Бюффона с заменой у Карамзина на *чувство*: какое приращение ощутил в *чувствованиях* (Бюф.), ... какое неописанное *чувство* (Кар.). Слово часто у Радищева, обозначая элемент познания и ощущения, переживания: *чувствование* мое при воззрении какого-либо предмета (Уш.), *чувствование*, или ударение предметов на чувства наши (О чел.). В изданиях конца XVIII — начала XIX в. слово прикрепляется к определенному жанру сентиментальных произведений: Сердечные *чувствования*, излитые от отца к сыну (название издания, 1798), Философия *чувствования*, или Емилия Фервиль, прекрасная, добродетельная и несчастная девица (издание, 1795).

В аналогичных случаях употребляется *чувствие*: Между нашими *чувствиями* слышание и зрение... главнейшие суть («Прим. вед.», 1732), *чувствие*, или понятие какой вещи, есть представление ее в мысли нашей (Коз. Фил. предл.), доказательно ли заключение, от *чувствий* возводимое до бытия предметов? (Д'Аламб.). Из трех слов *чувство — чувствование — чувствие*, параллельных в изучаемый период, уже к середине XIX в. семантически продуктивным и развивающимся остается лишь первое — *чувство*. Другие слова переходят в периферийные слои лексики. В словаре Даля слово *чувствование* приводится без толкования с замечанием Бодуэна де Куртене: «то же, что *чувство*» (Даль[3]); в словаре Ушакова это слово «книжн[ое], устар[елое]». Существ. *чувствие* в словаре 1847 г. имеет отсылку к *чувство*, у Даля — помету «ц[е]рк[овное] чувство духовное», в словаре Ушакова — «книжн[ое] устар[елое]».

Сходно развитие других указанных наименований. Слово *чувственность* выступает при обозначении способности к восприятию (САР «способность чувствовать»): Познавает он [вещи телесные] *чувственностию* (Тред. Сл. прем., в словнике: «*чувственность* — sensatio»), *чувственность* есть способность посредством внешних чувств, зрения, слуха и проч. получать непосредственные представления о предметах (Снелль). Слово может относиться к самому человеческому организму, его системе чувств

(сл. 1847 г. «плотский организм человека»). Оба значения встречаются у Радищева, см. в трактате «О человеке...»: 1) *Чувственность* есть свойство ощущать, *чувственностию* имеем мы представление о вещах; 2) *чувства* наши, или, лучше сказать, *чувственность*; все, что ни действует на нашу *чувственность*, имеет место.

Значение ‘способность чувствовать; восприимчивость’ свойственно существ. *чувствительность* [19]: Если мы рассмотрим его [человека] существо, то найдем его одаренного понятием... и физическою или телесною, *чувствительностию* (Рад. Уш.); *чувствительность*, способность чувствовать (Кир.); Коз., Полит., Крюк. Однако основным для слова в XVIII в. является осмысление, связанное с эстетикой сентиментализма: ‘чуткость, восприимчивость’ и ‘сострадательность’ (САР «движение души», «сострадательность»). По существу в этом качестве оно и воспринимается в конце XVIII — начале XIX в. как принадлежность «нового» слога (отмечается Шишковым). Например: По тихости и *чувствительности* моего нравственного характера из детства (Нов. Отв.); вселить в нас кротость и *чувствительность* (Сох. Предм.); извлекла слезу *чувствительности* из сердца нежной женщины (ММ). Замечания о разном осмыслении слова *чувствительность* встречаем у Вяземского (Ж.П.). Однако уже в первые десятилетия XIX в. параллелизм слов *чувственность — чувствительность* разрушается [20]. Первое значение слова *чувственность* (‘способность к восприятию’) сохраняется до наших дней в качестве термина (Ушаков — «филос.»), второе (‘организм, система чувств’) утрачивается. Слово *чувствительность*, напротив, в значении, соотносительном *чувственность*, теряет философский характер (Ушаков — «книж. 1. Отвлеч. сущ. к чувствительный. *Чувствительность нерва, юноши, прибора*»).

Дифференцируются остальные слова данного корня *чувственный — чувствительный*. Прил. *чувственный* отмечается в значениях «чувствам подверженный» (САР) и «относящийся к чувствам» (сл. 1847 г.). Например: 1) *Чувственный* состав мира (Тред. Сл. прем.), *сверх-чувствен-*

---

[19] Еще у Тредиаковского в значении ‘чувство’ (HWB, с. 48, 219—221).

[20] Например, в латинско-русском словаре Кронеберга слова *чувственность* и *чувствительность* используются для передачи разных значений лат. sensibilitas.

ные предметы (Гал.); 2) *Чувственные* наши орудия (Аничк. Превр. пон.), *чувственные познания* (Гал.), *чувственные* представления (Мн.). *Чувствительный* 'воспринимаемый чувствами': *чувствительные* вещи (Кант. Разг.), *чувствительные* атомы (ПТ); 'ощутимый': тягость, ...мало *чувствительная* (Бюф.) — *неприметная* (Ф) и 'чуткий, чувствующий': я родился *чувствителен* (Фонвиз. Сидн.), супругу, *чувствительную* мать детей наших (ММ). Из них в слове *чувствительный* с течением времени устраняется первое значение, соотносительное с *чувственный*. В целом дифференциация приводила к вытеснению параллельных, аналогичных наименований (*чувствие*, *чувствование*) и утверждению победивших вариантов (*чувство*); сохранялись слова, которые обнаруживали системно закрепляющиеся смысловые и стилистические различия (*чувственный — чувствительный*, *чувственность — чувствительность*).

§ 7. Аналогичные разграничения происходят в другой, еще более обширной группе соотносительных слов со значением 'действие', 'деятель', 'действующий', 'деятельность', 'действовать' и др. на *дей-*, *дел-*, *дея-*: *действие*, *действо*, *действование*, *действователь*, *действенник*, *действительный*, *действенный*, *действующий*, *действительность*, *действенность*, *действовать*; *делание*, *делатель*, *делательный*, *делать*; *деяние*, *деятель*, *деятельный*, *деятельность*, *деять* и др. Наиболее употребительное из них в исследуемый период существ. *действие*. Семантика слова и круг его сочетаемости широки; оно выступает абсолютивно, с дополнением в род. п., с определениями, обозначая естественные явления, их взаимосвязь, нравственные, духовные и иные явления. Например: О *действиях* электрических (Лом. Сев. сиян.), *действия* и свойствы тел (Регл. 1747), соединение причин с *действиями* (Барс. Польз. ун.), всякая вещь *действие* свое оказывает в рассуждении ближних (Брянц. Св. вещ.), *действие* человеческое (Должн., — то же в Реестре: *actio* humana), имеет разум свои *действия* (Тред. Сл. прем.), *действия* как душевные, так и телесные в человеке (Зыб. Слож. чел.), *действия* чувств (ПТ).

В подобных контекстах встречаем и *действо*: «Wirkung, *действо*, *действие*» (Вейсм.), *действо* тягости (Комм. АН), законы... *действа* истории (Тред. Фил. Бак.), *действа* естественные, *действо* души (Кант.); о театральных пред-

ставлениях: смешное *действо* (Кант.). Со второй половины XVIII в. *действие* вытесняет *действо*, в начале XIX в. результаты этого процесса очевидны: в словаре Пушкина (I, с. 610—611) на 123 примера слова *действие* лишь 3 *действо* (в сочетании *привести в действо*), в словаре 1847 г. *действо* дано с отсылкой к *действие*, в словаре Даля *действо* «стар. и народ. действие». *Действование* в этом ряду обозначает почти исключительно акт действия и не является распространенным: поступка, или *действование* руками (Гол.- рос.), иметь *действования* силу. (Кант.), Гелт., САР и другие, у Пушкина нет.

В данный же вариантный ряд входят образования на *дел-* и *дея-*. Слово *делание* представлено, например, в учебном словоупотреблении первой половины XVIII в.: Законно два токмо, а не три или четыре **делания* [сноска: *operatio] в нашем уме (Тред. Сл. прем.). Слово является наименованием акта действия (САР, сл. 1847); у Пушкина один пример: для *делания* фашинных мостов. Напротив, *деяние* относится к книжно-славянскому фонду и весьма устойчиво в истории лексики: в XVIII в. слово осознается как славянизм, в САР оно отмечено как «сл[авенское]», так же в словаре Алексеева. В «Материалах» Срезневского (II, с. 800) оно представлено бо́льшим числом примеров, чем, например, *делание*. В исследуемый период слово выступает отнюдь не только в высоких контекстах, но и в нейтральном книжном употреблении: Бесчисленное множество *деяний* в материи и их сочетаний (Тред. Фил. Бак.), воли нашей *деяния* (он же. Сл. прем.). В словарях 1847 г. и Даля слово уже не имеет ограничительных помет; в самом САР оно используется как средство толкования («Действие. *Деяние* того, который делает») и в тексте словаря («Нравственность. Сообразность свободных *деяний* с законом»). У Пушкина пять примеров слова. Тредиаковский иллюстрирует еще прямой параллелизм (вариантность) слов *действие — действо — делание — деяние* (см. выше); к концу изучаемого периода между этими наименованиями наблюдаются явные различия в значении и степени употребительности; в общем смысле ‘акт, проявление, поступок’ основным становится *действие*.

Причастие *действующий* в XVIII в. обнаруживает тенденцию к лексикализации в определенных контекстах: Есть в человеке существо *действующее* (ПТ), количество

действующих сил (Брянц. Вс. зак.) [21]. Это слово входит в ряд вариантных наименований, которые в конце изучаемого периода заметно разграничиваются: *делательный* (Даль: «к деланью относящийся»), *действительный* ‘проявляющийся чем-либо, реальный’ (Даль отмечает два значения этого слова: «действующий» и «истинный», так же САР), *действенный* (Вост. «относящийся к действу», САР с пометой «сл[авенское]»: «сильный, ощутительный», Даль: «деющий, действующий»). *Деятельный* — САР о человеке: «трудолюбивый, досужий» и применительно к «наукам опытным... противуполагается слову умозрительный, или теоретический»: философию... практическую (*деятельную*). Тред. Рим. ист., умного и *деятельного* ученого (Пушк. Письм.), *деятельное*, бескорыстное стремление к благородной цели (Тург. Общ.).

Существенные смысловые различия ложатся в основу слов *действительность* ‘реальное проявление, существование; подлинность’, ‘окружающая действительность’ (гл. IV) и *деятельность* ‘реальное проявление, действие’: твари показывают свою *деятельность* (activité) или движением, или мыслию (Коз. Ст. Фил.); ‘практика, действия’ у Тредиаковского (Тилем.), Карамзина: общее соединение теории с практикою, умозрения с *деятельностию* (Агл. Мел.), чрезмерная *деятельность* [расстроила] его слабое здоровье (там же. Цв. Агат.), в переводах Бюффона: *деятельность* души (Бюф.), у Карамзина — *живость* (Ф). Крылов употребляет слово с ударением *деятельность* (Пруд и река), благородная *деятельность* (Вяз. Замеч.). В исследуемый период отмечается и слово *дельность* в значении ‘реальность (чего)’ (см. гл. IV). Из трех глаголов *действовать*, *делать*, *деять* последнее слово, хотя и служит базой для других наименований (*деятель*, *деятельный* и др.), остается исключительно «славенским» (Алекс., САР — «сл.», Пушк.— нет).

Группа слов на *дей-* давала наибольшее число наименований рассматриваемого рода, однако далеко не все из них удерживались в языке. Таковы преимущественно «глагольное» в исследуемый период слова *действователь* (САР «тот, который действует»); имевшее в новое время ограниченное распространение *действенник* (см. Вост.,

[21] В Словаре Даля (I, с. 524) слово сопровождается пометой: «прич[астие] в виде прилаг[ательного]».

сл. 1847 г.— «церк.»); *действитель* — это слово, как и предыдущие, может обозначать еще актеров, лицедеев: То, что зрителю казалося легко, много поту стоило *действителю* (Кант. Письм. Горац.); у Пушкина этих слов нет. Общим наименованием действующего лица становится *деятель*, которое возникает в 30—40-е годы XIX в.[22] на основе слав. *деяти* (поэтому *деятель* в САР имеет помету «сл.»), но отнюдь не в церковном, а в светском публицистическом обиходе. Параллельные с ним вначале *делатель* и *действователь* (в САР *деятель* получает еще общее, соотносительное с другими словами определение: «тот, который делает, дает», так же сл. 1847 г.) в дальнейшем вытесняются. Слово *деятель* употребляется только абсолютивно, что также выделяет и отличает его от других вариантов [23]. *Делатель* приводится Срезневским (с определением «работник»), Востоковым Алексеевым, Поликарповым (ср. здесь при *добродеяние — доброделатель*) и во всех словарях XVIII в.; слово выступает абсолютивно и с дополнением в род. п., например, у Радищева: *делатель* нивы (Шведова, с. 26). В дальнейшем слово сохраняет исключительно глагольный смысл и производность. В словаре Даля *деятель* используется уже как средство толкования других слов: «*Действователь, действенник*, деятель, кто действует». Отмечаемое Шишковым «в священных книгах» и неупотребительное ныне слово *детель* [24] (Приб. вед., с. 137) находим у Даля: «*Детель*, деятель». В табл. 2 курсив означает новые и входящие в обиход слова, *не сохраняющиеся, °слова с глагольным значением, †устаревающие (стр. 240).

§ 8. Среди части лексики параллелизм (вариантность) остается преобладающей чертой на всем протяжении изучаемого времени; дифференциация осуществляется здесь лишь постепенно и частично, проявляясь в отдельных значениях, употреблениях и формах слов. Смысловая и

---

[22] Грот относил слово к числу тех, которые образованы «из самого живого языка,.. пользуясь существующими уже словами или корнями», тем не менее на первых порах слово *делатель* «многим казалось лучше» (Грот. Сл. Даля, с. 18, 22; Сл. Макар., 229). Винокур (с. 105) приводит *деятель* среди примеров XIX в. на «словопроизводство по книжным образцам».

[23] См. о слове: Земская, с. 18—24; Сорокин, с. 231—233.

[24] Ср. в составе сложных слов, например, в ироническом контексте у Карамзина (Агл. Илья Муром.): Наши стихо-рифмо-детели...; у Кантемира: простых *земледетелей* (Сат. II).

ТАБЛИЦА 2

I	действие + действо * действование	0 делание	деяние
II	* действенник * действователь * действитель	0 делатель	*деятель*
III	действительный *действенный* 0 действующий	* делательный	деятельный
IV	действительность *действенность*	* дельность	деятельность
V	действовать	делать	+ деять

функциональная близость таких слов длительна. Примером служат в XVIII в. старые пары и ряды *естество*, *натура*, *природа*.., *материя*, *вещество* и др. Рассмотрим слово *естество*. При большом разнообразии употребления оно выступает, в сновном как 'окружающий мир, действительность': Если небо, землю, воду, воздух и огонь, словом, все *естество* будет по намерению исследовать... (УС, 1777), вся бездна *естества* от растения до человека (ЕС, 1760), рожденье *естества* (Словц.— здесь же *натура*, *природа*), *естества* устав (Лом. Веч. разм.) и др.; 'сущность всего, порядок' (абсолютивное употребление): возмнил *естеству* последовать (Комм. АН), в сатирическом контексте: На что нам грамматика? *Естество* нас учит и без правил говорить (Кант. Сат. I, 1-я ред.), все люди... самим *естеством* обязуются к просвещению своего разума (Чеб. Сп. просв.). Слово выступает в обстоятельственных оборотах *по естеству*, *от естества* и др. В значении 'существо тел и явлений' (чаще с род. п.): в самом *естестве* тела (Эйл.), *естество* вещей (Тред.), предметов (ВЕ), движения, сил (Комм. АН), души (ТП), [лучи] единого *естества* суть («Прим. вед.»); об обществе: в *естестве* общества (Мысл.), изображение *естества* народных обществ (из названия работы Юсти, 1770); часто о свой-

ствах, существе человека: всеобщая картина *естества* человеческого (Тред. Фил. Бак.), *естество* не переменяется воспитанием (Фонвиз. Басн. Голб.).

Сходные употребления обнаруживает слово *натура*. Часто *натура* означает ‘окружающая действительность, мироздание’: *Натура...* значит собрание всех созданных вещей (Кант. Разг.), утренняя заря и вечерняя суть особливые подарки, которыми нас дарит *натура* (там же), *натура* толико многолична (См. Перв. письм.), *натуры* законы (СУР, Лом.). Как и *естество*, слово *натура* имеет смысл ‘существо, содержание’ (у Кантемира определяется: «начало всех сущих вещей»): *Натуру* мира и красоту звезд тщательно рассмотрел (Кн. мирозр.), *натура* вещей (ТП) — здесь же *естество вещей*; от *натуры* общего добра (Коз. Расс.). В значении ‘свойства человека, людей’: Народ смелый от *натуры* своей (Опис. воин. ДРС), *натура* человеческая (Кн. сист., Коз.), [это] сделалось моею *натурою* (Нов.), моральная *натура* человека (ПРП — МЖ, I) — такое употребление становится обычнее к концу XVIII в. Благодаря общему параллелизму слов различия в использовании их могут зависеть от склонностей авторов, вкусов, смысловых и стилистических ассоциаций и т. д.

Например, Кантемир широко использует *естество*, но в его «Письмах» находим почти исключительно *натура*. В «Рассуждении» Козельского представлено одно из существовавших тогда мнений на соотношение слов *натура* и *естество*: «Калан. Я примечаю, что вы употребляете много иностранных слов в индийском языке. Теперь все стараются об очищении нашего языка, так и вам надобно остерегаться от иностранных слов, а стараться выговаривать их по-индийски. Вот как-то и теперь вы упомянули о *натуре*, которая переводится у нас *естеством*; итак, вы говорите *естество*, а не *натура*. Ибрагим. Я знаю, что *натура* переводится на индийский язык *естеством*, но знаю и то, что это слово прилично разве в таком самом важном, как священном стиле, а ежели употребить его в разговоре и вместо этой речи: из разных вещей каждая имеет особливое свое *естество*, то вы подымете хохот... *натуру* называть *естеством* не смею, чтоб не назвали этого слова преувеличенным ученьем» [25].

[25] Фактически, если отвлечься от синтаксических особенностей фразы, *естество* и *натура* были возможны в обоих случаях.

Как и только что рассмотренные слова, *природа* означает ‘окружающий мир, все существующее’, но в XVIII в. примеры этого рода реже, чем у *естество* и *натура*: Те твари, которые *природа* произвела (Кант. Сат. V, прим., 1-я ред.), тихое безмолвие *природы* (ПТ), законы *природы* (МЕИ). Такие контексты распространяются к концу XVIII в.; ср. замены в позднейшем переводе «Разговоров о множестве миров»: чин *натуры* (1740) — порядок *природы* (1802), различие, что *естество* имело употребить — уставлено *природою*; человек цвет всея *природы* (Зыб. Прав. восп.), изверг *природы* [о помещике] (Сум. Домостр.). В XVIII в. слову свойственнее значение ‘сущность, источник всего’, связанное с исходным, «этимологическим» осмыслением ‘то, что дано от начала, от рождения’ (Вейсм.: «свойство, качество, *природа*»). См. в оборотах *от природы*, *по природе*, *с природы*, *на природе*: Все люди от *природы* суть свободны (Рад. Уш.), что на *природе* основано,.. перемениться не может (Сум. Неспр. осн.). Обычны примеры с указанием на свойства, существо человека: *Природе* человеческой толь много зла и пороков прилепляется (Кн. мирозр.), вид и *природа* привлекают каждого взять вашу сторону (Фонвиз. Сидн.); сущность вещи, явления: дивная *природа* ума человеческого (Кн. мирозр.), все планеты одной *природы* (Кант. Разг.; Entr.: de la même *nature*), проницать в *природу* вещей (МЕИ).

Примеры параллелизма всех трех слов часты — это проявляется в подобии контекстов, взаимопояснениях, словарных толкованиях. Однако совпадают в основном лишь значения в целом, конкретные же употребления слов в их историческом развитии могли различаться. Так, *природа* в значении ‘окружающая действительность, мир’ распространяется с конца XVIII в. Реже до конца изучаемого периода *натура* в значении ‘свойства, существо человека’; так, Белинскому в его время (V, с. 194) казалось предпочтительнее *натура*, а не *природа* в фразе *натура* (*природа*) *этого человека*. Некоторые сочетания (употребления) возникают раньше у одних слов и лишь позже распространяются на другие [26]. Поэтому утверждения о пол-

[26] Так, выделено курсивом в МТ (1830, № 1): *общая природа народов* — ср. выше в нашем примере *естество*; там же (1832, № 10) в статье по химии выражается несогласие, что один из авторов «la *nature* d'un gaz переводит *природою*(!!) газа».

ном совпадении слов в рамках XVIII в. были бы, пожалуй, слишком категоричны. «Особые оттенки» в употреблении слов *натура* и *природа* у Карамзина отмечал Грот. (Карамз., с. 110). Если *естество* и *натура* в начале XVIII в. образуют пару, то *естество*, *натура*, с одной стороны, и *природа*, с другой, характеризуются определенным соотношением и сближением на протяжении всего времени.

Это проявляется и в прилагательных, где *естественный* и *натуральный* обладают сходной сочетаемостью, в круг которой входит и *природный*. Ранние примеры его в большей степени имеют «этимологическое» осмысление ‘данный от природы’, чем поздние, которые приобретают общий смысл ‘естественный’. В целом же в XVIII в. во многих контекстах с *естественный* возможны также *натуральный* и *природный*. См. некоторые примеры: *Естественные* вещи, *натуральные* (Вейсм., Кн. мирозр., Лом.), *естественные* действа (Кант.), *естественное* свойство (Сум.), *природное* (Кант., ВЕ — курсив), *естественная* теплота, *природная* (Зыб.), *естественное* право, *натуральное* (Вейсм., Кант. и др.), *естественный* закон (Должн., ТП, Фен.), *натуральный* (Коз.), *природная* вольность (Кант., Рад.), *естественная* (Фонвиз., Гос. правл.), *естественная* свобода (Должн., Рад.), состояние *естественное* (Должн.) *природное* (Капт., СВ, ВЕ), *природное* равенство (Рад.), *естественная* история (Кант., Сум., САР), *натуральная* (Лом., Коз., Кар.), *естественная* философия, *натуральная* (Тред., Коз., ЭЛ), *естественный* смысл, *природный* (Капт.), *естественный* разум (Должн., Поповск.), *естественная* мораль (ПРП — курсив). См. также употребления, предпочтительные для *природный*: *природным* россиянам, *природным* языком (Лом.), *природное* имя (Кант.), *природные* дарования (Вейсм., Шишк.).

Естественность встречается еще у Тредиаковского (Сл. прем.) как синоним слов *сущность* и лат. essentia (в тексте и словнике «Слова»), регулярное употребление его относится к более позднему времени. У Радищева оно в широком смысле ‘сфера естественного, природа, организм’: в познании *естественности*, законы *естественности*, вникни в его [человека] *естественность* (О чел.). Слово приобретает и качественный смысл ‘соответствие природе, естественному’: разговор, исполненный *естественности* (ВЕ, 1825), природность и *естественность*(Кир.),

противопоставление: О *неестественности* (Сум.) [27], *неестественность* характеров (МТ, 1830); у Белинского в значении ‘истинность, самобытность’ (Карпенко, с. 89). В аналогичном смысле *натуральность*: своей *натуральностью* и выразительностью (Л, III), ошибки против *натуральности* (ВЕ, 1821).

§ 9. Параллелизм других широко употребительных в XVIII в. слов *материя*, *вещество* и пр. наблюдается преимущественно в одном направлении, тогда как в других имеются различия. Семантика слова *материя* определена еще Кантемиром в «Разговорах» (прим. 13):

«*Материя*. Латинское слово на французском языке разные знаменования имеет. 1. Значит то, из чего вещь какая сделана (*вещество*)... 2. То, о чем говорится или рассуждается (*дело*)... 3. То, для чего что делается или что повод какому делу подает (*причина*)»[28]. Этот пример показателен тем, что фактически имелось в виду не только русское (заимствованное) слово, но и франц. matière, с которым *материя* оказывалось соотносительно, но не полностью. Так, третье значение в толковании Кантемира, не продуктивное в русском языке, осталось без иллюстрации (в DAF: «причина, повод которого-либо действия»), тогда как в первых двух пунктах Кантемира представлена в основном действительная семантика и отчасти синонимика слова в исследуемый период.

С определениями и дополнениями слово указывает (особенно в первой половине XVIII в.) естественные свойства, состав тел: *материя — твердая*, *жидкая*, *тонкая*, *текущая*, *клейкая*, *горительная*, *водяная*, *влажная*, *каменистая*, *небесная*, *электрическая* и др., *ращении*, *животных*, *молнии* и пр. Например: Вы разделяете *материю* света на толь мелкие частицы (Лом. Происх. св.), непрестанное и порывчивое движение всей видимой нами атмосферной *материи* (Десн. Собств.). При обозначении вообще материальной субстанции: Химия есть наука раздроб-

[27] Название статьи; о тех, кто пишет, «не имея удобства подражать естества простоте, что всево писателю трудняе» (Сум., VI, с. 318—320).

[28] Из определения видно, между прочим, что Кантемир разъяснял не столько понятие материи, но прежде всего значение слова *материя*. Ср.: А. А. Галактионов. В. Н. Татищев и А. Д. Кантемир — идейные предшественники материалистической философии М. В. Ломоносова. «Научная сессия 1955—1956 гг.» [Ленингр. гос. у-нт], с. 24.

лять *материю* и приводить в несложную цельность ее начала (Тред. Фил. Бак.; Anal.: la matière). В той же роли выступает *вещество*; оба слова имеют сходные определения в САР — *материя* «значит вещество, из чего что составлено», *вещество* «все то, из чего такое тело составлено».

Сходны контексты и сочетаемость слов [29]. См. с существ. *вещество — твердое текущее*, *водяное*, *небесное*, *пространное* и др.: Света [лучей] *вещество* (Кант. Разг., IV — matière), океан сей *вещества* (Словц.). Такое употребление у *вещество* все же количественно сильно уступает слову *материя* отчасти в связи с распространенностью в сходном смысле *вещь*, *вещи* и др. (гл. II) [30].В значении 'вещество, материя' можно отметить еще славянизм *плоть* (САР «сл.»); о планетах: *плоти* непрозрачные (Сокр. мат.), темна *плоть* (Кант. Песнь I); *состав: вещество*, или *состав*, или *материя* (materia) называю я то, из чего состоит какая вещь (Коз. Фил. предл.) (ср. гл. II).

Основное различие слов *материя* и *вещество* проявляется в значении (ср. второе у Кантемира) 'содержание, тема, предмет изложения, рассмотрения'. В этом качестве слово *материя* широко употребительно на всем протяжении исследуемого времени: К правовидному мнению во оном [деле] изобильно *материи* изобретается (Кн. мирозр.), прозаичные речи о важных *материях* (Лом. Польз. кн.), эту *материю* называют они нравоучительною философиею (Коз. Росс.), я отклонился от *материи* (ВЕ, 1808), оглавление *материй* (Д' Аламб.). Такие же примеры находим с *вещество*, но они нечасты и, возможно, поддерживаются аналогией с *материя*: закона *вещество* (Должн., 1), «Materie, ..*вещество*, дело, о котором говорити» (Вейсм.), в *веществе* красноречия всего труднее избавиться надутия (ТП), *вещество*... воли (Коз. Ст. фил.); Тред. Сум., УС [31].

Во второй половине XVIII — начале XIX в. понятие материи все более приобретает обобщенно-отвлеченный характер — как всеобщая субстанция, источник всего существующего. Это находит отражение в употреблении слова и содержании контекстов с ним, например: Действа, качества *материи* (Тред. Фил. Бак.), свойства (ПТ), *мате-*

---

[29] Взаимотолкования и текстовые соотношения слов также обычны в литературе XVIII в.

[30] Сл. Целл.: «Materia. *Вещь*, *вещество*, материя, материал».

[31] Данный перечень, конечно, не является исчерпывающим, но в наших материалах это почти все встретившиеся случаи.

рия движение имеет, Рождает семена, плодит, растет и зреет (Опыт. чел. I). В словаре 1847 г. *материя* имеет помету «в философии», так же Ян. (в DAF matière с пометой «en terme de philosophie»). В этом плане слово *материя* по смыслу и употреблению сближается с *субстанция* (Кир.). Аналогичное развитие наблюдается у *вещество*, хотя его значение не достигает такой степени терминированности: Доселе почитали быть в природе два рода возможных существ. Все, к первому роду относящиеся, называют тела, а общее или отвлеченное о них понятие назвали *вещество*, *материя* (Рад. О чел.), система *вещества* (Словц.), формы *вещества* (Мн., 1825); ЭЛ со специальной пометой: «*вещество*, materia, в филос[офском] смысле». Кроме того, *вещество* (как и *материя*) означает 'начало, стихия, элемент': *вещество* первое (Кант.), *простые вещества*, элементы (МТ), в начальных *материях* (ЭЛ). Весьма различные, иногда противоречивые, соотношения (в зависимости от осмысления понятий) обнаруживаются у слов *вещество*, *материя* — *вещь*, *образ*, *тело*. У Радищева *вещество* и *тело* синонимы (Уш.), но они могут противопоставляться (БУ); у некоторых авторов *вещество* представляется как субстанция *вещи* (Тепл.) или, напротив, ее выражение (СВ); *вещество* как содержание противопоставляется *образу* (ЭЛ) или как внешняя форма противоположно *духу* (Гал.).

Вещественный в исследуемый период по употреблению и сочетаемости превосходит *материальный*; однако семантика первого, хотя и широка, однороднее, чем у второго. *Вещественный* «составленный из вещества» (САР), *материальный* помимо того включает значение, производное от *материал* (сл. 1847 г.). Оба слова обнаруживают специализацию в отвлеченной сфере: *вещественный* «противополагается духовному» (САР), *материальный* «противоположный идеальному или умственному» (сл. 1847 г.). См. примеры, показывающие круг употребления слова *вещественный*: предметы (Коз.), расстояние (Д'Аламб. — в этом же источнике характерное противопоставление: расстояние *вещественное ... мнимое*), натура (Гал.), природа (ВЕ), *вещественною* [связью] называем ту, которая в природе между самыми вещьми вне нашего представления точно находится (Брянц. Св. вещ.), атмосфера (ВЕ), благо (СЖ); противоположно по смыслу *невещественный*: существо (Д'Аламб.) и др. Примеры с *материальный*: существо

(СВ), начало (Д'Аламб.), философия: философия XVIII в. ... безверная и *материальная* (МТ, 1828); *нематериальный*: требует более *нематериального* труда (МТ, 1826). Другая адъективная форма *материалистический* производна от *материалист*, *-изм* и употребляется при обозначении мнения, точки зрения (гл. II).

Старый славянизм *вещный* (Срезн., Вост., сл. 1847 г. «церк.») используется с особым оттенком еще в XIX в.: *вещные* права (Куниц.). Существительные *вещественность*, *материальность*, *вещность* в значении 'вещественная, материальная сущность (чего)' в исследуемый период выступают как синонимы, однако второе слово возникает позже других, а последнее малоупотребительно. Например: Привидение дополняет *вещность* (Труд Фил. Бак.; Anal.: réalité), *состав* (materia, или *вещность*) тела (Снелль); свойства *вещественности* (Рад. О чел. — примеры часты), разум и *вещественность* (СВ); *материальность*, существо каждого предмета (ЭЛ, IX,), ВЕ (1805), МТ. К XIX в. относится глаг. *овеществить* и др.: Жизнь *овеществлена* (МР, 1829), философия *овеществляется* историею (МВ, 1829), капитал, *овеществившийся* труд (Кир.), *овеществорить*... мысленное (Гал.).

Предыстория слов

§ 10. Некоторые слова и термины появляются в конце XVIII — первой половине XIX в., между тем обозначаемые ими понятия (естественно, с учетом их исторического развития) существуют и ранее, имея иные способы выражения. Эти непосредственно предшествующие варианты можно трактовать как своего рода предысторию слов, само же явление — как частный случай лексической вариантности в принятом выше смысле. В исследуемый период функционируют, например, прямые «предшественники» слов *факт*, *атрибут*, *конкуренция*, *инстинкт*, *реакция*, *инерция*, *модификация*, *максимум*, *минимум* и др.

У сущест. *факт* предысторию образуют слова, сами по себе характерные для литературно-книжного словоупотребления. Это широкая по значению, отчасти «выветренная» лексика, присущая книжной речи: *явление*, *происшествие*, *случай*, *дело*, *вещь* и др. Само слово *факт* распространяется в публицистике, научной и специальной литературе с 20—30-х годов XIX в. Например: Важнейшие

факты по части литературы (МР, 1826), служат для нее только свидетельствами, *фактами* (позволю себе употребить здесь это чужое слово). Н. Полевой (О новом направлении в русской словесности.— МТ, 1834) основал [науку] не на одних предположениях кабинетного ученого, а на *фактах*, которые собрал (ЭЛ, IX), *факт* физический, духовный, исторический, несомненный (там же); Р-ф-ц, Кир., сл. 1847 г., Даль. Слово употребляется у Пушкина, Белинского. Современники приписывали введение слова Н. Полевому: «Г. Греч нападает на слова *вдохновить*, *вдохновительный*, называя их варварскими, беспаспортными, и на той же странице разрешает право г-ну Полевому выдавать паспорты русским словам, указывая на иностранное слово *факт*, будто бы им пущенное в ход» [32]. Однако у Полевого слово употреблено не впервые, этим, возможно, объясняется предположительное «будто бы» в замечании Шевырева.

Еще ранее обнаруживаем стоящие особняком несколько примеров с *факт* у Радищева (О чел.) [33]: Случается, и очень часто, что, нашед на пути опытов своих или наблюдений один *факт* новый или новообразный, стараются привязать к нему все испытанные прежде и составляют систему... Заметим, что именно применительно к данному времени Грот отмечает отсутствие заимствования у Карамзина: «Многих иностранных слов, впоследствии вторгнувшихся в язык, Карамзин вовсе не допускал. Так, вместо полюбившегося в наше время *факта* он иногда употреблял *случай*; например, в статье «О тайной канцелярии»: «... мог ли г. Шлецер не усомниться в истине такого *случая* (fait)» (ВЕ, 1803, № 6) — Грот. Карамз., с. 110. Такие же констатации находим у М. Погодина; следует учесть еще, что соответствующие иноязычные наименования Карамзину были известны (см. в приведенном отрывке) [34]. Латинский эквивалент находим в переписке Тургенева

[32] С. П. Шевырев. [рец.]. Чтения о русском языке Николая Греча. «Москвитянин», 1841, № 3, с. 190.

[33] К Петровскому времени ошибочно относил слово Смирнов (с. 302), вслед за ним Фасмер (Vasmer, III, с. 199) и Хюттль-Ворт (Hüttl-Worth, HWB, с. 83). См. критические замечания: Сорокин, рец., с. 116; В. В. Веселитский. История раннего литературного употребления слова *факт*. «Этимология». М., 1967, с. 182—183.

[34] М. П[огодин]. Впечатления и замечания присяжных заседателей. «Русский», 1867, №. 3—4, с. 39—46.

с Вяземским: «для этого надобно собрать мысли и facta»[35]. Однако примеры из Радищева не кажутся столь изолированными, если учесть другие возможные и лишь постепенно обнаруживающиеся случаи. Так, в «Полном французско-российском словаре» И. Татищева (1816) находим: «Fait. Дело, деяние, *факт*, случай». Наряду с *факт* появляется *фактический* (МТ, 1826). С 40-х годов XIX в. слово *факт* делается «ходячим... в разговоре и на письме» (Грот. Слов. Даля, с. 17); ставится вопрос о чрезмерном распространении этого «общеизвестного» слова в деловом и канцелярном слоге (Шевырев); выдвигаются требования заменить его (Булгарин).

Варианты, предшествующие и современные слову *факт*, обнаруживают две основные семантические линии ‘деяние’ и ‘событие’ (то же у франц. fait — DAF). При этом каждое объединяющееся здесь наименование может иметь свои особенности [36]; лишь вовлекаясь в общий круг, при частом употреблении, слова приобретают характерную широту и «стертость» значения, ставящую их в общий вариантный ряд. *Факт* появляется в ареале именно таких слов и распространяется на их основе. В словаре Вейсмана лат. factum соотносится с *дело*, *действие*; в Новом лексиконе франц. fait — с *дело*, *делание*; Р-ф-ц *факт* — *дело*; ср. еще ранее: *соделанных вещей* описатели (Сист.).

Ходячими в XVIII в. являются и другие слова, используемые в значении ‘факт’,— *приключение*: натуральные *приключения* (СУР, II), естественные (ВЭОИ), физические (Аничк.); *случай*: *случай* астрономический или физический (Тепл.), *случай* натуры (ЕС), *случаи*, надлежащие до нравоучения (Восп. дет.), в общественной жизни *случаи* (Ус., 1780); *происшествие*: причины сих в натуре *происшествий* (Арш. Нач. мат.), естественное *происшествие* (Рад. О чел.), собирать действительные *происшествия* (facta), а не предлагать свои догадки (Ферг.). Различные наименования в этом смысле находим и Тредиаковского: *дело*, *деяние*, *бытие*, *бытие дела* (мн. ч. *бытия*, *бытия дел*) и другие, в переводных текстах они идентифицируются с франц. fait, faits. Например: [Учение], затрудненное *бытиями* и *делами* не весьма последовательными (Фил. Бак.), та история наполнена есть *бытиями дел* сопротив-

[35] «Остафьевский архив кн. Вяземских», т. I, СПб., 1899, с. 355.
[36] Поэтому, вообще говоря, не всегда исторические (предшествующие) наименования прямо аналогичны позднейшим терминам.

ными друг другу (там же), должно иметь довольное число примеров и *бывших дел*, собранных исправно (Жит. Бак.).

В первые десятилетия XIX в. с тем же значением встречаются существительные *быль* (САР: «что было действительно») и *быть* (Срезн.: «бытие», ‘реальное существование чего-либо). См., например: [закон] есть *быль* (factum) чистого деятельного ума (Гал.), система противодействий, по его мнению, есть средоточие новой европейской истории, около коего должно уставлять все *бьiти* (fait, factum) (МВ, 1829). Данные слова использовались пуристами в противовес слову *факт* [37]. К данному кругу лексики примыкают еще *явление*, *вещь*, *опыт(ы)*, «*сведения*, факты, *данные*» (Кир.) и др. Они используются в качестве средств словарного толкования; «*Факт*. Происшествие, событие, быль» (сл. 1847 г.), «*Факт*. Происшествие, случай, событие; дело, быль, быть; данное, на коем можно основываться». С утверждением слова *факт* другие варианты частью сохраняются как синонимы (*данные*, *сведения*, *явления*), отчасти же остаются в своих прямых значениях (*случай*, *происшествие*, *приключение*) или отпадают (*быть*, *быль*, *содеянные вещи*).

Аналогичным образом развертывается предыстория других слов. Варианты могут в совокупности определять больший семантический объем, чем на первых порах имеет сам термин. *Атрибут(ы)* отмечается в словарях с конца XVIII в. (Ян., Р-ф-ц, ЭЛ, Кир.), преимущественно как термин искусства (орел есть *атрибут* Юпитера). В качестве средства толкования и эквивалента используется слово *принадлежность(-и)*, см. указание в сл. Кир.: *Аттрибуты*. Термин, удобно заменяемый русским словом *принадлежности*». Последнее наряду с другими наименованиями встречаем ранее, задолго до появления термина в широком (в том числе философском) смысле ‘характерные признаки кого-чего’. Ср. примеры этого и других вариантов. *Присвояемое* — калька у Тредиаковского: свойства сущего... подлежащее, **присвояемое* (Сл.

---

[37] Белинский возражал против ненужной замены слова *факт*, уже вошедшего в употребление (IX, с. 473; X, с. 281—282). См. другую констатацию: «слово *факт* пытались у нас заменить словом *быть*, но это последнее речение как-то неловко и не вошло в употребление» (К. Зеленецкий. Об особенностях языка русского и об отношении его к языкам западноевропейским. «Годичн. акт Ришельевск. лицея». Одесса, 1848, с. 23).

прем. *attributum). *Свойство, принадлежность* (ед. и мн. ч.): *свойства* [вещи] (attributa vel propria). Коз. Фил. предл.; существенность имеет телесные *принадлежности* (attributa); Он же. Расс.; «Attribut. *Свойства* вещи, *принадлежность*» (Фр.-рос.), Тат., Крон.; «Attributum, *свойство*, все приличествующее вещи» (Гал.). В этом ряду возникает и сам термин: молчание [поставили] в число похвальных *свойств* человека и даже включили в число *аттрибутов* добродетели (Кир.). Расширение сферы употребления и одновременно специализация отмечается в это же время у франц. attribut (DAF — DAF[6]).

К 30—40-м годам XIX в. относятся слова *конкуренция* (Даль), *конкурировать* (Грот. Слов. Даля, с. 17). Ранее в смысле ‘конкуренция’, в том числе в экономическом обиходе, используется слово *стечение* (САР — «скопление, собрание стекшихся, сошедшихся») — структурно-семантическая параллель с франц. concurrence < лат. concurrere. В «Статистическом журнале» оно встречается при изложении теории А. Смита: Сии нации не могут выдержать *стечения* иностранных товаров; плата за труд зависит от *стечения* и запроса (*concurrence* et demande). В других случаях слово имеет более общее, но соотносительное с данным осмысление ‘соединение, столкновение, вызывающее определенную ситуацию (совместное действие, соотнесение, сравнение, соперничество и т. д.)’: из *стечения* и соображения... сих двух состояний (Руссо. Расс.), *стечение* дел у нас велико (Фонвиз. Письм., 1772), *стечение*, отношение, взаимное соответствие всех частей природы (Магаз.). Другие примеры: *соревнование* [капиталов] (Смит), *соперничество* между фабрикантами (ЭЛ, XII); у Даля синонимы к *конкуренция — соперничество, состязанье, соискательство, соревнованье.*

Инстинкт встречается уже у Карамзина: Мы не имеем сего, так сказать, *деспотического чувства*, сего *инстинкта*, *управляющего* ими (Агл. Нач. наук — курсив автора). В соотношении с вариантами встречаются слова *побуждение*, *побудка* и др.: *побуждения*, наклоняющие человеческую волю, ... *инстинкты*, т. е. природные *побуждения* (Снелль), «*Инстинкт*. Внутреннее *побуждение... побудка*» (сл. 1847 г.); прилагательное: *инстинктуальные* влечения и порывы (ЭЛ, XI). Основной «предшественник» данного термина в XVIII в. *побуждение*: *о побуждении* животного (Фен. Зр. прир.), особенное человеку

побуждение (instinct). (Коз. Ст. фил.), тогда делаются приметными в младенце *побуждения* (Рад. О чел.); у Тредиаковского *побудок*: сия вольность, предающая душу одному только чистому *побудку* (Фил. Бак.: Anal.: en pur *instinct*) [38]. Слово *побуждение* (как и другие варианты) шире по значению, чем *инстинкт*; оно обозначает 'стимул', 'мотив', 'повод' и другое: природное *побуждение* к обществу (ЕС, 1756), никогда не спящее *побуждение* сердца человеческого (Кар. ПРП, I). Специальный отвлеченный смысл имеет в сфере ученой лексики сочетание *побудительная* (*побуждающая*) *причина* (Нов., САР, Р-ф-ц).

Разнообразны и давни варианты, предшествующие слову *модификация*, которое утверждается с конца XVIII — начала XIX в.[39] (Ян.: «образотворение, переменение, изменение»), Р-ф-ц, Кир. и др. Например: все твари были бы его части, или его *модификации* (*образы бытия*) (СВ, 1805); еще ранее: [душу] оного существа назвал *модификациею*, то есть качеством (Прок. Безбож.), перемена случайностей вещи есть ее *устроение* (modificatio). (Коз. Фил. предл.). Длительна предыстория слов *максимум* и *минимум*. Оба они встречаются в тексте словаря Кирилова в русском и латинском (maximum, minimum) написании. В значении 'максимум' со второй половины XVIII в. выступают разные выражения: Тогда путь луча светила есть *самое величайшее* (maximum). Коз. фил. предл.; *огромнейшее*, *образец* (Гал.), промышленность находится *на высочайшей степени* (ad maximum) (МВ, 1828); количество паров в воздухе бывает *наибольшее* (maximum) около двух часов пополудни (ЭЛ, X). В значении 'минимум': В преломлении лучей количество действия есть *самое малейшее* (minimum) (Коз. Фил. предл.); *малейшество* (там же); в каждой из двух противоположных вещей должна находиться *малая мера* (minimum) противного (Гал.), *наименьшее* (ЭЛ).

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ, СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И АКТИВИЗАЦИЯ СЛОВ

§ 11. Использование слов для передачи тех или иных отвлеченных понятий связано с их переосмыслением и

[38] Именно это слово выдвигалось в 40-е годы XIX в. пуристами вместо *инстинкт* (замечания Белинского на этот счет см.: X, с. 281—282).

[39] Отмечается Шишковым (Расс., с. 439).

специализацией, закреплением новых качеств слов. Слово *вопрос* в исследуемый период означает не только ‘вопрошение’ (Срезн.; САР — *сделать вопрос*, *отвечать на вопрос*), но и ‘предложение для обсуждения’, как и *предложение* (гл. II), *проблема*; в XVIII в. эти значения нередко совмещаются. Одной из причин этого может служить распространенность жанра научных и отвлеченных «разговоров» и «диалогов». См. любопытное замечание Козельского на этот счет: [Разговор] вообще сделался так употребителен в философии, что всякое умствование называлось *вопросом* (Ст. фил.). Для слова *вопрос* в знач. ‘проблема’ показательны сочетания с *решить* (они особенно часты), *разыскивать*, *испытывать*, *рассматривать*, *описывать* и др. Например: *Вопрос* еще сей несовершенно у философов разрешен (Тепл.), желая по силам разрешать современные *вопросы* (МВ, 1828), в *вопросе*, который мы теперь испытываем (Руссо. Восст. наук) [перевод 1792: рассматриваем]. С определениями, указывающими предмет рассмотрения: В изъяснении претрудных химических *вопросов* (Эйл.), философических (Кант. Письма), метафизических (Д’Аламб.), нравоучительный *вопрос* (Тред. Рим. ист.), юридический (МВ); *вопрос*, принадлежащий к праву (Ланг.). С предлогом *о*: *вопрос о* фигуре земли еще не окончен (Дел.), *вопрос* о первобытном общении всех вещей: (Гал.). Другие примеры: перейти границы *вопроса* (Мысл.), в пределах своего *вопроса* (МВ). *Проблема* — давняя пара к слову *вопрос*, см. в Лексиконе вокабулам новым: «*Проблема* — *вопрос* мудрый, предложение» (Смирн., с. 377), сей второй феномен немал труд задает в *проблеме* (Комм. АН).

Изменения проявлялись в словах различным образом. В слове *чистый* они выражались главным образом в расширении сочетаемости среди отвлеченной лексики. В значении ‘беспримесный, прямой, ясный’ слово имеет разные применения; в САР (VI, с. 1304) отмечены (как производные — со звездочкой) лишь некоторые из них с определением «относительно к мыслям» и «говоря о слоге». Например: Сочинение порядочное, *чистым* слогом составленное (Кант. Письм. Горац.); *чистый* слог, *чистая* латынь (САР); *чистое* действо материи (Тред. Фил. Бак.), сила и могущество суть *чистые* отношения (СЖ, II); [предать] душу одному только *чистому* побудку (Тред. Фил. Бак., Anal.: au *pur* instinct); человек с *чистым* естественным вкусом (ПРП, МЖ, II); *чистая* нравственность (Пест. РП) —

ср. в общелитературном употреблении ‘непорочный’: в любви чувствования *чисты* (СЖ, II), с вашей *чистой* добросовестностию (Пушк. Письм.). С наименованиями учений: его учение *чистый* идеализм (Гал.); в составе специального сочетания *чистый разум* (см. ниже); в экономическом употреблении, означая ‘наличный, за вычетом всех расходов’: *чистая* прибыль с земли, из *чистых* народных доходов (СЖ. II); ВЕ. С наименованиями наук в исследуемый период слово может означать ‘теоретический, умозрительный’: *чистая* философия (Кн. мирозр.), *чистая* геометрия (Д'Аламб.), математика (Арш.), ЭЛ; о мысли, представлении: *чистая* идея (Кант. Письм.), понятие (САР), процесс *чистой* мысли (ЭЛ, XI). В первые десятилетия XIX в. слово выступает в противопоставлении ‘чистый (умозрительный, теоретический)’ — ‘эмпирический’: представлений *опытных* либо *чистых* (Гал.), деление разума на *эмпирический* и *чистый* (ВЕ, 1822), МВ. Субстантивная форма на *-ое*: *чистое* (Гал., МТ). В сходных условиях выступают другие однокоренные образования — *чистота*: *чистота* языка (Тред., Макар.), слога (ВЕ, МТ); учение во всей его *чистоте* (УС, 1780); *чисто*, *очиститься*): *очистил*, украсил наш язык, вкус *очистился* (Макар.) [40].

Сочетаемость слова *член* в значении ‘человек, живущий в обществе’ показывает содержание и виды общественных отношений. Например, со словами *(со)дружество*, *общество*, *государство* и др.: Дабы человек возмогл в содружестве и гражданстве угодный *член* быть (Должн., К чит.), *член* содружества человеческого, договор между дружеством и *членами* (Должн.), *член* гражданского содружества (Тред. Рим. ист.), гражданского общества (Ферг.), полезные *члены* для общества (УС, 1780), добрые *сочлены* человеческого общества (ЕС, 1760); *членов* тела экономического (Флор. эк.), политического тела...*члены* (Фонвиз. Расс.); *члены* государства (Рад. Бесед.).

В литературе XVIII в. ряд концепций получает выражение со словами *согласие* (Срезн. ‘единодушие’, ‘связь, общее’), *договор* и др. Это прежде всего представление о гармоничном согласии существ в природе: Влечение всех тел утверждает *согласие* мира (Тред. Фил. Бак.), исследы-

[40] Вопросы «чистоты», «очищения» языка занимают большое место у карамзинистов.

вает отношения вещей и чудное их *согласие* и стройность (Страх.), везде есть *согласие* существ (Брянц. Св. вещ.). В основном же слова выступают при изложении распространенной во второй половине XVIII в. идеи согласия и договора людей при образовании общества (само это учение имеет свою историю, аспекты и точки зрения). Например: Толикое число уединенных и рассыпанных по степям людей, наконец, в сообщество сошлось и *согласилось* жить совокупно (Десн. Пр. сп.), основание [гражданского общества] есть взаимное *согласие* (Тред. Рим. ист.).

Употребительность слов *договор* и *согласие* в таких случаях примерно одинакова. Слова выступают и в более цельных выражениях: человеческое *согласие*, *договор* (Гоббс), натуральное *согласие*, *договор* с обществом, гражданский *договор* (Коз.), *союз* человеческого общества (УС, 1780). Закреплению этих выражений способствовало соотношение с термином contrat social в изложении Руссо; но и в конце XVIII в. вариантность *согласие* и *договор* ощущается. Например: общественное *согласие* (Мысл.), воздвигнуть статую... Руссо как сочинителю общественного *договора* (contrat social) (ПЖ, 1791) [41] — термин отмечен в DAF [6]. Другой ряд специфических выражений с рассматриваемыми словами относится к учению о предустановленной гармонии (души и тела, частиц): Лейбниц ввел систему предопределенного *согласия*... По сей системе душа и тело суть два существа, никакого союза и одно на другое никакого действия на имеющие (Эйл., II, здесь же — предопределенный *порядок*; Lettr.: l'harmonie préétablie); **согласие* предустановленное (Тред. Сл. прем.— *harmonia praestabilita); также Кург., VI; предопределенная *гармония* (harmonia praestabilita) (Брянц. Св. вещ.); заранее предопределенная *гармония* (Кир.).

§ 12. В некоторых словах XVIII в. наблюдаем лишь начальный период становления новых качеств, так сказать, подступы к специализации. Один из показательных примеров этого рода дает слово *бытие*, которому по характеру развития близки *время*, *пространство* и др. Исходное значение слова *бытие* «существование» (Срезн.); так же оно определяется во всех словарях XVIII в.: «существование, действительность того, что есть или находится»

---

[41] Такой перевод сочетания contrat social признавался в «Лицее» (I, 2, с. 76) удачным.

(САР); «пребывание, существование, бытие» (Фр.- рос.); Тат., Крон. и др. У слова постепенно развивается специальное отвлеченное значение 'объективная действительность, условия, сфера существования'; окончательно оно формируется в XIX в. *Бытие* указывается в философском словнике Теплова, поясняется Тредиаковским («*бытие* — existentia»). Отвлеченный характер этого и некоторых других слов послужил причиной того, что первоначально в САР не предполагалось давать слова, означающие «всеобщие существ особенности, например *бытие*, *пространство*, *время* и проч.», в связи с трудностью их лексикографической трактовки. Причем Дашкова отмечала, что «в сем случае словарь Французской академии правилом нам служить не может, потому что в нем много есть таких объяснений, которые более затмевают смысл слов, нежели объясняют оный, и сначала сила слов яснее понимается, нежели по прочтении объяснения»[42] Хотя проблема в данном случае была в большей степени лексикографическая, она обусловливалась и смысловыми свойствами слов.

В XVIII в. намечается несколько линий в употреблении слова *бытие*. В полуобстоятельственных контекстах оно означает '(факт) существования': Младенец, когда на свет родился, не знает, что он из *небытия* в *бытие* пришел (Тепл. К чит.) — этот оборот находим еще у Срезневского: множество миров из *ничего* в *бытие* произведено (Десн. Пр. сп.). С дополнениями слово указывает на наличие, реальность чего: Оных качеств в воздухе *бытие* довольно трудолюбивыми физиками доказано (Зыб. Действ. возд.), *бытие* лунной атмосферы (ВЕ, 1810), животных *бытие* (Опыт чел., III); в деловом слоге: о *бытии* достаточному числу лошадей (ПСЗ, т. XXIV, январь 1797 г.). Особенно распространено слово *бытие* в смысле 'наличие, существование' с существ. *вещь*, *тело*, *существо*, *предмет* и пр., отражая в ряде случаев материалистический взгляд на действительность: В самом деле вне нас вещи *бытие* имеют (Эйл., II), в *бытии*, или существовании, всякого предмета (Кир.); в специальном сочетании *бытие дела* 'факт' (Тред.; см. выше).

Часты в XVIII — начале XIX в. примеры с *бытие* при указании факта существования, жизни человека или организма — обычно с определениями *мое*, *свое*, *наше*

[42] Сухомлинов, VIII, с. 163—164.

РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННЫХЪ СОБРАНІЯХЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

РУСКИМИ ПРОФЕССОРАМИ ОНАГО,

СЪ КРАТКИМИ ИХЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯМИ

ИЗДАНЫ

Обществомъ Любителей Россійской Словесности.

Illis inveniendæ fuerunt, nobis cognoscenda sunt.

Quintil.

Часть I.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1819.

Рис. 6. Собрание речей профессоров Московского университета

и др. Например: Другой [человек] в мрачной ночи невежества едва *бытие* свое видит (Лом. Польз. хим.), тихое безмолвие природы распространяет в нас ощущение своего *бытия* (ПТ), основание моего *бытия* разделяет между собою стихии (Коз. Расс.), *бытие* наше, или, лучше сказать, наша единственность (Рад. О чел.), явления нашего *бытия* (Эл, XI); о существовании предметов: ныне вся тварь оным [воздухом] оживляется и свое *бытие* продол-

жает (Зыб. Действ. возд.); МВ. *Бытие* в ученом обиходе отмечается также в значении, свойственном книжнославянскому словоупотреблению и соотносительному с франц. être, ‘существо, явление’. См. в «Объявлении слов» Теплова: «бытие — être»; Даль определяет: «существо, тварь, создание». Например: Наблюдение можно назвать физикою *бытий* (Д'Аламб.— случаи употребления регулярны), порядок физических *бытий* (Мысл.); Тред. и др.

Другая линия в слове непосредственно связана с формирующимся специальным отвлеченным значением. Здесь также обнаруживаются разные употребления. Распространены сочетания с определением, указывающим род и сферу существования чего (см. при этом некоторые противопоставления): Вещественное *бытие* мира и тел (Аничк. Разн. сп.), *бытие* физическое... *бытие* нравственное (Д'Аламб.), Вяз., телесное *бытие* (Кург., VI), естественное *бытие* (МВ). Выражения, свойственные научно-философскому словоупотреблению: Понятие простого *бытия* есть понятие отвлеченное (Д'Аламб.), конечное *бытие* (Гал.), *бытие* токмо преходящее и феноменальное (ВЕ, 1830), спознать в сем роде *бытия* (Д'Аламб.— об акустике). В XVIII в. наблюдается стремление к философскому определению бытия, сближению его с понятиями пространства и времени: *Бытие* (existentia) есть состояние, способное к действию или страданию (Коз. Фил. предл.), познания наши состоят токмо в сведении *бытия* вещей в пространстве и времени (Рад. О чел.).

Такие контексты становятся регулярнее в первые десятилетия XIX в., когда *бытие* прямо осмысляется как мир, природа: [в онтологии] рассуждается о *бытии* вообще (Кир.). О характере развития слова в это время свидетельствуют также появляющиеся с конца XVIII — начала XIX в. контексты, имеющие достаточно общий характер и соединяющие (как бы не различающие) значения ‘факт существования’ и ‘все вокруг, жизнь’: чувство *бытия* (ПРП), любление *бытия* (Рад. Уш.), насладиться *бытием* (ЭЛ), радость *бытия* и др. См. некоторые характерные смысловые противопоставления слова (понятия): *бытие* и ничто, *бытие* и небытие (Тепл.), противопоставить мышлению *бытие* (Гал.), ничтожество и *бытие* (Словц.).

Параллельно с *бытие* в исследуемый период отмечается *бытность* в значении ‘существование, наличие’ на основе старого прил. *бытьный* ‘наличный’ (Срезн.: хлеб

наш *бытный* дажь нам на всяк днь. Лук. XI. Ев. 1270 г.); слово известно в XVII в.: в *бытность* мою в Москве (ДРС). В XVIII в. *бытность* употребительно у Тредиаковского и в некоторых других источниках: «*бытность* — existentia — existence» (Тепл.), [судьба и фортуна] не имеют *бытности* вне нашего ума (Тред. Сл. прем.), почто ж естество не могло даровать сему творению нескончаемую *бытность* (ЕС, 1755), действительная *бытность* изящных явлений (ЭЛ, X). Составные части *-бытие* и *-бытность* входят в композиты *самобытие*, *самобытность* (гл. III) [43]. В отвлеченных контекстах представлен сам глагол *быть*: Мы познаем вещи не так, как они сами в себе *суть* (СВ), Тред. и др.: *(со)пребывание*: «*пребывание* вещей» (Тепл. Объявл.), человеческое *пребывание* на свете (Коз. Расс.), [вещи] *сопребывают* взаимно между собою (Аничк. Позн. чел.).

В смысловом развитии слова *бытие* имеется еще одна линия, образующая отдельный вариантный ряд ‘условия жизни’. Она обнаруживается еще в ранних примерах бытового словоупотребления: почаще пишите о вашем *бытии* и что от неприятеля явится (Петр — А. Д. Меньшикову, 5 сентября 1707 г.). О мире, народах, людях: Аки [Россия] в новое *бытие* возрожденная сотворися (Буж. Обр. Ек.). Это значение в дальнейшем специализируется, появляются новые контексты и сочетания со словом, называющие формы и виды общественной жизни: *Бытие* человеческое (Мал.), люди, пременяя образ своего *бытия* (Рад. Уш.), *бытие* политическое (ВЕ, 1806), гражданское *бытие* (Пест. РП).

Однако основным наименованием в данной области в XVIII в. служит старый славянизм *житие* (Срезн. ‘жизнь’, ‘обитание’, ‘образ жизни’). Например: Блаженство *жития* нашего (Лом. Польз. хим.), деревенское *житие* (там же), студентское, академическое *житие* (Вейсм.), род *жития*, правило гражданского *жития* (Кант.), *житие* человеческое (Тепл. К чит.), по общего *жития* уставам (Должн.), общественное *житие* (Рад. О чел.). См. еще примеры с *сожитие*: *Сожитие* гражданское (Должн.), возможности общественного *сожития* (Рад.

[43] Среди других выражений с *бытие* в ранний период можно отметить в значении ‘возрождение, восстановление’: «*паки бытие*, regeneratio» (Пол.).

Опыт), УС, Тимк., ПЖ. Слово *житие* в этом специальном значении выходит из употребления к концу изучаемого периода еще раньше, чем *бытие*, оставаясь в высоких и книжнославянских слоях лексики (в сл. 1847 г. с пометой «церк.»)

На смену словам *житие* и *бытие* приходят иные наименования, в том числе *жизнь*. Последнее известно в специальных контекстах и ранее наряду с *житие*, но неизмеримо реже — предпочтение в XVIII в. явно отдается славянизму с его более широкой и отвлеченной семантикой. Например; *жития* человеческого (Изобр. вещ.) — человеческой *жизни* (то же, 1782) [44], различные состояния гражданской *жизни* (Тред. Фил. Бак.; Anal.: la *vie* civile), превосходства общественной *жизни* (Ланг.). В аналогичных случаях в XVIII в. встречается слово *жительство*: в сем человеческом *жительстве* (Должн.) и старый морфолого-стилистический вариант к *житие — житье* (Срезн.): деревенское *житье* (Кант. Письм. Горац.).

Самым новым в рассмотренном ряду является слово *быт*. Оно приходит в литературное словоупотребление из народно-разговорной речи (в САР еще с пометой «в просторечии») [45], где оно значило ‘пожитки, имущество’. Литературное освоение слова сопровождается сдвигом в его семантике. По аналогии с другими словами ряда оно приобретает (с конца XVIII — начала XIX в.) значение ‘образ, уклад жизни’; в 20—30-е годы XIX в. новые свойства слова уже явственны (Сорокин, с. 279—280; Отвл. лекс. XIX в., с. 80—81). САР (1, с. 353) отчасти отражает изменения в слове, определяя его как «состояние или бытие чего», в словаре 1847 г. оно уже не имеет стилистических ограничений. Слово *быт* входит в сложившийся круг сочетаемости более ранних и современных наименований (*бытие*, *житие* и др.), что облегчает его усвоение. Например: В гражданском *быту* (Мал. Расс.), я хотел представить *быт* народной промышленности (МВ, 1827), в *быту* общественном (там же), Бел., Кир. Слово представлено в журналистике и художественных текстах Пушкина

---

[44] Такие сочетания с *жизнь* еще тяготеют к общему (неспециальному) употреблению, см. иллюстрации в САР (VI, с. 1255).

[45] Грот. Слов. Даля, с. 19; Сухомлинов, VIII, с. 86—88; Ю. С. Сорокин. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.).— МИИРЛЯ, т. I, 1949, с. 101.

(сл. Пушк., I, с. 201), ср. у Крылова: птичий *быт* (Восп. льва, 1811). Словарь Даля (I, с. 151) с определением «род жизни, обычай» приводит среди иллюстраций сочетания: *быт* крестьянский, дворянский; домашний; английский, немецкий, нынешний. В 30—40-х годах XIX в. употребление слова расширяется, смысл его применительно к явлениям общественной жизни углубляется и специализируется [46].

§ 13. У другой части лексики новые свойства выявляются в самом конце изучаемого периода. Это преимущественно слова экономического содержания, поздняя специализация которых объясняется становлением данной отрасли знаний. Развитие их продолжается в XIX в. Это, например, наименования производства (*производить* и др.) и потребления (*потреблять* и др.) В XVIII в. глаг. *производить* (в личных и причастных формах) употребляется широко — в контекстах о мироздании, естественных явлениях в значении 'создавать': Повсеместственный мир так сотворен, чтоб в несколько времени мог новые в себе *производить* солнцы (Кант. Разг., V), естеством *произведений* (САР); о действиях, эффектах: ум все впечатления, от чувств *производимые*, приемлет (Тред. Сл. прем). В научных наблюдениях, рассуждениях: наука *производит* по поряцку (УС, 1780); в XIX в. о литературе и искусстве: Гомер *произвел* Илиаду (сл. 1847 г.). В экономическом обиходе (в значении 'создавать материальные ценности') слово начинает употребляться постоянно, но это лишь один из возможных случаев его применения: Всякое богатство *производится* трудом (СЖ, II), *произвести* в смысле политико-экономическом значит преобразить известный сырой материал (matière premiére) Кир.; Смит, Лауд.

Существ. *произведение* в качестве общего наименования действия (в абсолютивном употреблении) не часто: Распространение *произведения* и фабрикации (Лауд.); обычно оно с род. п. объекта: сила звезд... к *произведению* [вещей] отчасти содействует (Кант. Разг.), для *произведения* наук (Проект 1724), *произведение* богатств (МТ, 1826). Наиболее

---

[46] В. В. Виноградов. Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком (*Быт*). «Бюллетень диал. сектора Ин-та русск. языка АН СССР», вып. 5. М., 1949.

же распространено слово в значении отдельного предмета (САР), причем дополнение (и определение) при нем указывают не объект, а источник действия или принадлежность предмета. Например, в контекстах о естественных явлениях (мн. ч.): *Произведения* природы (Магаз.), земли (Лауд.), растительного царства (Щегл.), естественные *произведения* (САР, II, с. 1170), ср.: искусственные *произведения* (ЭЛ, X); о потребительских предметах: Мена *произведений* (СЖ), качество *произведений* (Лауд.), земледельческие *произведения* (МТ), сельские (ЭЛ), колониальные (ВЕ, 1808), этой страны (Панк), химические (МТ), фабрикантские (Лауд.), мануфактур, заводов, фабрики (ЭЛ), *произведения* работы (СЖ), труда (Смит), обработанные, необработанные *произведения* (МВ), потребительные *произведения* (МТ); о литературе, искусстве: Книга есть *произведение* отменного ума (САР), суд о ее [литературы] *произведениях* (Сох. Предм.), *произведения* искусства (МВ, 1827), произведения живописи, художественные *произведения* (Мн., 1824), сл. 1847 г. Даль. В разных других случаях: плоды и *произведения* души человеческой (Трет. Прич. из.), *произведения* чувственности (Рад. О чел.).

В качестве парного соответствия к слову *произведение* выступает *продукт*[47]; как заимствование оно представляет собой семантически однородное наименование. Слово употребляется преимущественно в экономическом обиходе, в контекстах о сырье и готовых изделиях (не только о сельскохозяйственных материалах — ср. Кург., Р-ф-ц, сл. 1847 г.): *Продукты* (хлеб, сено...) земли (Пол. нам.), приобресть прибыль переделыванием *сырого продукта* в мануфактурованные товары (ВЭО), *грубый продукт* (СЖ), меновые *продукты* (там же); в словаре Соколова термин дан с пометой «реч[ение] торг[овое]». В других контекстах слово употребляется реже: представления чувственных вещей суть *продукты* (*произведения*) их действия на наши чувства (СВ, 1805). Наряду с *произведение*, *продукт* в экономическом обиходе выступает *изделие*: выставка *изделий*, расход *изделий*.

Слово *производство* образует параллель к *произведение* при обозначении действия (САР, сл. 1847 г., Даль), обычно с дополнениями в род. п.: В *производстве* звериной ловли

---

[47] В Петровское время это слово отмечается как термин математики (Смирн., с. 244).

(Ферг.), поощрить к *производству* лучших предметов (ЭЛ, XII); во мн. числе означает 'продукты, предметы производства': встречать замешательство в *производствах* своих (Смит), распространить *производства* промышленности (МВ, 1829). Обычно в ед. числе слово выступает как общее наименование экономического процесса (на предприятиях): Лучшее мануфактурное *производство* (МТ, 1832), остановилось *производство* на фабриках (ЭЛ, XIV), организация *производства*, или *произведения* (organisation de la *production*) (Кир.), издержки на *производство* (МТ, 1827).

В экономический обиход входят и другие однокоренные слова. *Производитель* (обычно мн. ч): Люди, деятельность коих потребна для промышленности, разделяются на *производителей* (Producenten) и на потребителей (Konsummenten) (СЖ, 1806), *производители* сахара (Лауд.), виды *производителей* (Кир.). О растущем употреблении экономической терминологии, в том числе рассматриваемого слова, можно судить по таким появлявшимся критическим замечаниям о языке публицистики: «[они] затмили техническими выражениями, в коих не отдали себе отчета, как то: ценить, невещественный капитал, *производитель*, потребитель и пр.» (МВ, 1828, XI, с. 147). Несколько специфических сочетаний образуют прич. *производительный* и прич. *производящий*: Работа есть *производительная сила* общества (СЖ, II; Смит), *производительных* сил... *производящих* сил (МВ, 1827), иллюстрация в сл. 1847 г.: *производительные* силы природы; труд *производительный* и *непроизводительный* (Лауд.), *производящий* труд (СЖ, II), потребление *производительное*, *непроизводительное* (МТ, 1827), *производящие* капиталы (МТ, МВ); *производительный* класс (МТ, 1826), тремя *производящими* классами (СЖ, II). Существ. *производимость*, *производительность* как 'способность производить, производство' встречаются также в разных естественнонаучных и экономических контекстах: назовем всегдашнюю изменяемость природы *производимостию* (МН., 1824); *производимость* государств (МТ, 1828), стремление определить значение человека... по качеству и количеству его *производительности* (труду) и самым способам *производительности* (Кир.). В это же время получает наименование понятие воспроизводства: годовое *новопроизведение* (la *reproduction* annuelle), издержанное *опять производится* через прозябение и рукоде-

лия (СЖ, II), ценность сия беспрестанно *воспроизводится*[48], потребление *воспроизводительное* (une consommation *reproductive*) (МТ, 1827).

Рассмотренным словам противоположны по смыслу — *потреблять*, *потребление*, *потребитель*, *потребительный*. Специальное (экономическое) употребление их совмещается с общим, однако смысловые изменения при этом более резки и близки к индукции (гл. IV). Исходное знание слова *потреблять* «погублять кого» (САР) представлено в литературе XVIII в., причем в общекнижных (не в высоких) контекстах: Все желания [юности] клонятся сделать их всегдашними, однакож [опытность] их *потребляет* предупреждением: сладости исчезают, а желания не умирают (Тред. Фил. Бак.; Anal.: elle le *consume*), брат оной *потребил* на той битве жениха ее Демотика (ЕС, 1755). Семантический переход в слове заключается в том, что оно (как и другие слова данной группы) начинает обозначать «уничтожить чрез употребление» (сл. 1847 г.), «истратить на какую надобность» (Даль). Например: Мануфактурист в продолжении труда *потребляет* 10 фунтов (Лауд.), народонаселение, *потребляющее* оное [произведение] (МВ, 1827). Первое значение «погубить кого» при этом выходит из активного употребления (сл. 1847 г. с пометой «церк.»). Направление данной смысловой дифференциации находит некоторую аналогию в соотношении франц. consommer (DAF — о съестных припасах, «qui se détruisent par l'usage») и consumer (с «отрицательной» семантикой «user, réduire à rien»). Экономическое значение закрепляется за первым словом[49]. Отрицательное осмысление у слова *потребить* в XIX в. сохраняется преимущественно в разговорной и диалектной речи (ср. Даль: «губить, уничтожать»: медведь корову *потребил*, *потребить* одежду).

Приведем примеры экономического значения других слов данной группы. *Потребление*: *Потребление* чистое, производительное, непроизводительное; *потребление* воспроизводительное (une consommation reproductive) (МТ,

---

[48] В тексте далее поясняется, что речь идет о таком явлении, когда ценность одного произведения переходит в другое.

[49] Любопытно, что в английском языке, где утверждаются заимствованные из французского consume, consumption, эти слова совмещают в силу этого двойные положительное и отрицательное осмысления (OED).

1827); СЖ, Лауд., Ферг., МВ и др., *потребитель*. Обработанный мануфактурный товар, переходя к *потребителю*... (СЖ, II), *потребители* сахара производят более хлеба (Лауд.) (МВ) [50]; *потребительный*: *потребительный* товар (Лауд.), *потребительные* произведения (МТ, 1826). В специальное употребление втягиваются в аналогичных контекстах и некоторые другие наименования: *иждивать* (САР «истрачивать, употреблять» с пометой «слав».), *иждивение*, *иждиватель*: удобности в жизни, оным [народом] *иждиваемые* (Смит), такое употребление вещи, чрез которое вещь сама пропадает или [употребляется] в дело,.. называется *иждивением* (или *потреблением*, Verbrauch) (Якоб.). Среди других вариантов отмечаются *употреблять*, *употребление*, *употреблятель*: В воле хозяина состоит истребить свою вещь *употреблением* (Десн. Собств.), [товар] содержит в себе количество всех *употребленных* на него работ (СЖ, II), между интересом земледельца [и] интересом *употреблятеля* земледельных плодов (Полн. нам.).

§ 14. Специализация имеет место при внутренней смысловой дифференциации слов. Примером служит слово *человечество*, развитие которого (а также слов *человек*, *человеческий*)) в исследуемый период стимулируется актуальностью обозначаемых понятий; здесь находят выражение передовые представления русских деятелей XVIII — начала XIX в. Человек представляется как наделенное разумом существо, живущее в обществе. Например: Разумный *человек* (САР), сл. 1847 г. Распространяются контексты, показывающие разные стороны человека, его деятельность: *Человек* естественный (Агл.), вещественный (Бюф. Ф), нравственный... физический *человек* (Л), общественный *человек* (из издания 1787); *человек* как член общества (ВЕ, 1821); *человек*, одаренный столь благородным духом, по которому он и *человеком* именоваться право имеет (МЕИ), истинный *человек* и сын отечества есть одно и то же (Рад. Бесед.).

Широкая сочетаемость отличает прил. *человеческий*: Ум *человеческий* (Кант.), разум (Л), естество *человеческое* (Срезн.; Сум., ПТ), природа (Кн. мирозр.), натура; *человеческие* чувства, чувствования (Брюс, Нов.), нравы (Кант.),

[50] Старое значение этого слова ‘разоритель’; см., например, в словаре 1847 г. с пометой «церк[овное]».

совершенство (УС), *человеческое* общество (Барс. Польз. ун.), благополучие (Лом.), достояние (Нов.), права (Десн.), бытие *человеческое* (МВ, 1809) — некоторые такие сочетания отмечены в САР (VI, с. 1255); употребительно старое сочетание *род человеческий* (Срезн). Слово представлено и в качественном смысле ‘подобающий, присущий человеку’: Лишить их всего *человеческого* (les mettre hors de l'*humanite*) (ВЕ, 1820).

Слово *человечество* еще в «Материалах» Срезневского (III, с. 1495) отмечено как а) ‘человеческий род, люди’ и б)‘человеческие свойства’. В этих двух значениях слово широко употребительно в изучаемый период (еще «сострадание, человеколюбие», сл. 1847 г.; Нов. лекс., Фр.-рос.). Например: а) Преизящность *человечества* из всех видимых в прекрасном естестве созданий (Тред. Сл. прем.), предел, который *человечеству* положен от натуры (Коз. Расс.). Со словами *все*, *целое*, *часть* и др.: Познание о целом *человечестве* (МЕИ), для общей естественной пользы *человечества* (Полит.), история *человечества* (МВ, 1828), сфера деятельности *человечества* (МТ, 1833); б) Человек, лишенный *человечества*, противнее хищного зверя (Сум. Ст. добр.), вдохнуть *человечество* в молодых людей (Восп. дет., II), с гордостью помышляю о своем *человечестве* (ПРП — М, IV), [характер леди Макбет] выходит даже из общих границ *человечества* (МТ, 1828). В оборотах с *по*: надобно любить человека по *человечеству* (Сум. Ст. добр.), поступать по *человечеству* (МВ, 1809) и др. Взаимодействие и соотношение этих значений создает в этот период семантически нерасчлененные контексты, допускающие то или иное (или своеобразное общее) понимание. Например: [возноситься] выше *человечества* (Тред. Ир. пиим.), успехи *человечества* (МТ, 1830).

В «Вестнике Европы» (1818, № 1) констатировалось: «Слово *человечество* (Menschheit) имеет у нас два значения, во-первых, под ним разумеем род человеческий, во-вторых, людскость, или свойства человеческие, не зверские». Однако к концу изучаемого периода (интенсивно в 30—40-е годы XIX в.) второе значение (б) постепенно угасает в слове в результате внутренней семантической дифференциации и воздействия аналогов. Сыграло роль и количественное соотношение значений. По нашим материалам в исследуемый период а) превосходит б) в полтора раза, причем нерасчлененные и неясные случаи составляют $^1/_6$ всех

примеров. У Пушкина из 23 случаев *человечество* — лишь два — б) (сл. Пушк). У Белинского представлены еще оба значения, но б) гораздо реже (Бельчиков, с. 81—82). В результате удельный вес а) в слове расширяется, сюда же переходит часть «смешанных» случаев. К нашему времени б) в словаре Ушакова не отмечается, в СРЯ и ССРЛЯ — «устар». [51]

Основными аналогами слова *человечество* во втором значении (б) в исследуемый период являются *человеколюбие* и *людскость*. *Человеколюбие*: Правила *человеколюбия* (Полен.), закон, чувствования *человеколюбия* (ЕМ) [52], *человеколюбивый*, *человеколюбец*. *Людскость* (Даль: «радушное расположение; человечность; пристойность»): Просвещение нравов народных и последовавшее оттуда большее чувствование *людскости* и человечества (Десн. Происх. супр.— у него же *людкость*), *людскостию* и человеколюбием (Тред. Рим. ист.). См. еще: введением наук, *людства* и вежливости (Трет. Рим. правл.) — в других источниках *людство* только в значении ‘скопление людей’. Конкурируя с *человечество*, оба слова снижали его удельный вес в ряду. В совокупности данные слова взаимодействуют в раннюю пору с возникающими новыми наименованиями — *человечность* и *гуманность*.

Прилагательные *человеческий*, *человечий*, в основном, передавали относительное значение ‘принадлежащий человеку, людям’ и лишь иногда в исследуемый период приобретали (см. выше) качественное осмысление ‘достойный человека, подобающий людям’; регулярности такого употребления препятствовала грамматическая природа слов. Прил. *человечный* и появляется из потребности выразить новый качественный смысл. Слово встречается еще в «Письмах русского путешественника» (III, с. 52—56) в сравнительной степени *человечнее*. В Женеве при посещении Лафатера Карамзин получил от него на немецком языке письменный ответ на свой вопрос «Какая есть всеобщая цель бытия нашего, равно достижимая для мудрых и слабоумных?» [53] (20 августа 1789 г.). Переводя (с немецкого)

---

[51] Оно сохраняется отчасти лишь в разговорных оборотах *по человечеству* и в наблюдающемся смешении отдельных контекстов с *человечность* и *человечество* (В. В. Веселитский. *Человечество, человечность*. «Русская речь», 1970, № 4).

[52] В словаре Пушкина пять примеров на *человеколюбие*.

[53] Т. е. для мыслителей и людей ординарных.

ответ, Карамзин многие слова выделяет курсивом, приводит иноязычные пояснения. Это объясняется усложненностью и спецификой текста; весь перевод резко выделяется по языку в ПРП. Карамзин, кстати, указывает в примечании, что современникам язык Лафатера казался трудным (там же, с. 57). См. отрывок со словом *человечнее*: «Чем простее, вездесущнее, всенасладительнее, постояннее и благодетельнее есть средство или предмет, в котором или через который мы сильнее существуем, тем существеннее (existenter) мы сами, тем вернее и радостнее бытие наше — тем мы мудрее, свободнее, любящее (liebender), любимее, живущее, оживляющее, блаженнее, *человечнее*, божественнее, с целию бытия нашего сообразнее».

Данное место необычностью выражения привлекло внимание Шишкова, который подверг его критике: «Свойственно ли нам из имени *человек* делать уравнительный степень *человечнее?* Поэтому могу я говорить: *моя лошадь лошадинее твоей, моя корова коровнее твоей?*»[54] Грот называет *человечнее* у Карамзина «среди новых или, по крайней мере, до него не установившихся слов», которые в дальнейшем «сделались общим достоянием» (Грот. Карамз., с. 94, 112; Слов. Макар., с. 228). Распространение слова *человечный* относится к 40-м годам XIX в.; у Пушкина его нет, и еще Белинский в обзоре «О детских книгах» (1840) сопровождает его оговоркой «если можно так выразиться»[55].

Между тем *человечный* или близкие к нему образования встречаются и в других случаях. Оно обнаружено, например (Земская, с. 11, сноска), в словарике, составленном авторами публикации «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки» (М.— Л., 1954, с. 449); там оно определяется: «видный, рослый». Однако если обратиться к самому тексту памятника, то он не дает оснований для такой квалификации. Вот пример (единичный или очень редкий) в отчете («статейном списке»)

[54] Шишков. Расс., с. 364; см. в «Прибавлении» (с. 126) аналогичные замечания по поводу образований с качественным значением *картиннее, напряженнее, человечнее.*

[55] Белинский, IV, с. 100. Это замечание можно отнести и к содержанию обсуждаемого критиком вопроса — ср. в той же статье ранее (с. 84) *человечность* без примечаний, оба слова равно даны курсивом; в тексте встречается и *человеческий* в качественном значении (без выделения).

стольника П. И. Потемкина о поездке в Испанию и Францию (1667—1669 гг.): «Люди во Французском государстве *человечны* и ко всяким наукам, к философским и к рыцарским, тщательны» (с. 314 — далее в этом же абзаце о Париже как центре культуры, образования). Весь контекст показывает в слове скорее смысл 'просвещенны, политичны'. Приведенное выше определение совпадает с другим, отмечаемым у Даля (в некоторых говорах) областным употреблением слова: «рослый и плотный, видный собою» (он *чел'эшный* мужик, и баба его *чел'эшна*) (Даль, IV, с. 588). Конечно, это разные случаи, и они не служили непосредственным образцом для утвердившегося начиная с Белинского слова в его современном и литературном значении; тем не менее они показывают потенциальную возможность и неисключительность такой формы в русском языке. К 40-м годам XIX в. относится появление слов *человечность*, *гуманный* (*гуманический*), *гуманность*. Эти слова теснее всего связаны со словоупотреблением Белинского и с полным правом могут считаться его литературным нововведением. В статьях Белинского слова имеют разные оттенки осмысления, у него же представлены варианты — *человечественный* (еще ранее: *человечественные* идеи. МТ, 1832), *человечественность* (также сл. Кир.: *человечественность* в женщине возможна только при ее эмансипации). Об этих словах см.: Бельчиков, с. 76—85; Сорокин, с. 90—92.

История слова *человечность* также имеет свои особенности. В известном «Словаре к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» К. П. Петрова (1904) приводится пример этого слова со ссылкой на перевод Фонвизина повести Фр. д' Арно «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность». Однако Петров основывался на «Первом полном собрании сочинений» Фонвизина (СПб.— М., 1888), где на с. 656 допущена ошибка: набрано *человечность* вместо авторского устаревшего к тому времени в данном значении слова *человечество*. См. это место в прижизненном издании перевода Фонвизина (М., 1769, с. 422): «Душа моя изображалась на лице моем и изъявляла нежность и *человечество*»; в других местах текста также *человечество*. Данные Петрова воспроизводятся в историко-лексикологических исследованиях последних лет. Отдельные наименования этого рода могут не основываться на словообразовательно более простых словах: ср. *человечность* и

человечный в 40-е годы XIX в., *человечие* (редко — Гелт.) и *бесчеловечие* (ДРС, Пол. и др.), *человечный* и *бесчеловечный* (ДРС, Пол. и др.), *человечность* и *бесчеловечность* (Гесн).

§ 15. Другой пример внутренней семантической дифференциации представляют слова *общественный*, *общественность*. Как и старые *обыщьныи*, *обыщии* (Срезн.), прил. *общественный* вначале выступает в значении ‘общий, всеобщий’ соотносительно с прежним значением *общество* (Срезн. *обыщьство* ‘общность’). До середины XVIII в. такие примеры еще обычны: *Общественные* правила о движениях (Комм. АН), первые мои рассуждения о желаниях человеческих суть нарочито *общественные* (ЕС, 1763), скороспешность рассуждения, *общественный* всем смертным порок (Аничк. Разн. сп.). Однако определяющим для дальнейшего развития слова становится ориентация на социальный смысл существительного *общество* (гл. II). Такое употребление в XVIII в. отличается широтой, в нем совмещаются значения ‘свойственный, принадлежащий обществу’ (от *общество*) и ‘свойственный всем, многим’ (от *общий*). Этим вызвана и двоякая смысловая соотнесенность слова с *общий*, с одной стороны, и *государственный*, *публичный*, *политический* — с другой. Отмеченные особенности слова ощущаются, например, в следующем определении Козельского: «Такие вещи, которыми все люди без разбору пользоваться могут, называются *общие*, или *общественные*, то есть принадлежащие *обществу* всего народа» (Фил. предл.). В САР слово толкуется уже только в связи с *общество*: «обществу какому принадлежащий, касательный до общества» (иллюстрируется сочетанием *общественное* благо). У Пушкина соотношения с ‘общий’ также нет (сл. Пушк., III, с. 61—64), причем специализация слова обусловливает к этому времени гораздо меньшую его употребительность (27 примеров) по сравнению с *общий* (176 примеров).

В 30—40-е годы XIX в. появляется заимствование *социальный*. На его распространение мог оказать воздействие фактор парного производства и наличие сложившейся уже фразеологической базы. Устойчивую пару в XVIII в. образуют слова *общий* и *генеральный*. Например: *Генеральное* о философии знание (Кант. Разг., I) — *всеобщее* понятие (1802), когда мы во многих вещах находим некоторые свойства и приметы одинакие, то понятие таких

свойств и примет называется *генеральное*, то есть *общее* (Коз. Фил. предл.), САР; *генерально — в обществе* (Кант.), *вообще*, *обще*, *общественно* и др.

Смысловую и хронологическую неоднородность в исследуемый период обнаруживают другие образования от *общ-*: *общественность*, *общность*; в XVIII в. они параллельны и лишь позднее разграничиваются. До сих пор слово *общественность* считалось нововведением Карамзина[56], однако последние исследования все далее отодвигают время появления слова. В. В. Виноградов связывает его со словоупотреблением масонов (Виноградов. Пробл. авт., с. 301—302); как эквивалент франц. universalité слово указывалось в 1786 (сл. Фр.-рос.). Однако и эти примеры оказываются не самыми ранними, к тому же они семантически неодинаковы. Начальным значением слова в литературном языке XVIII в. является ‘общность, обобщение’. В этом качестве оно неоднократно встречается у Козельского (с пояснением франц. généralité, universalité): Пока предложения изъясняются только одними примерами, которые подают опыты, то не можно еще заключать об их *общественности* (universalité); разделения науки, понятой в такой *общественности* (généralité), были произвольны (Коз. Ст. фил., I). В значении ‘общий характер, обобщенность’ выступает слово у Радищева, наряду с неологизмом писателя *обществование* ‘обобщение’[57]: Сей довод не есть воображение умозрительства, но токмо *обществование* происшествий, на опытах людей мудрых и людей мало просвещенных основанное, что и доказывает оного *общественность* (Рад. Уш.); так же сл. Фр.-рос. (см. выше).

Данное значение (с некоторыми оттенками) передается также вариантами: *Генеральность* наук. или *общественность* всего познания человеческого (Коз. Расс.), оная [теорема] ему для *генеральности* своей весьма понравилась (СУР, I), *совокупление в повсемство* начáл (Тред. Фил. Бак.; Anal.: en généralisant les principes), *повсемство* (там же). Лишь к концу XVIII в. слово *общественность* вовлекается в круг наименований, передающих собственно общественные отношения, на основе прил.

[56] Грот (Кар., с. 112) в числе «новых» или до Карамзина «не установившихся слов».).

[57] Значение этого образования отлично от славянизма *обществовати* (Срезн. ‘сообщаться’, САР ‘участвовать’).

общественный (и соотносительно с франц. sociabilité). Именно в новом качестве ‘склонность к жизни в обществе, общественные связи’ употребляет слово Карамзин: В них видно более *духа общественности*, нежели в другом народе (ПРП — МЖ, III, курсив автора), мудрая связь *общественности*, по которой нахожу я во всякой земле все удобства жизни (там же, IV), Агл. Благодаря известности Карамзина слово закрепилось в литературной практике. К 40-м г. XIX в. употребление слова констатируется (в статье *неологизм*) авторами словаря Кирилова: «Примерами удачного нововведения могут служить слова *человечность*, *общественность*, *общность*, *общение*, *гражданственность*». Появление в данный период слова *социальность* способствовало специализации слова *общественность*. Слово *общность* в значении ‘общий характер (чего), общее’ (сл. Пушк., Сокол., сл. 1847 г., Даль) также обнаруживает разные оттенки и осмысления. Например: Любовь к себе и любовь к *общности* не сопротивляются взаимно себе (Тред. Рим. ист., VI); понятие розы заключает в себе только *общность* признаков роз, а не столько самые особые [экземпляры] (Мн., 1825). Во мн. числе как ‘единица обобщения’ (ср. *отвлеченность*, *частность* [58] и др.): для извлечения определенных *общностей* (des généralités précises), от *общностей* к *частностям* (МТ, 1826).

§ 16. Активизация слов в сфере отвлеченной лексики сопровождается их терминологизацией, в этих случаях также наблюдается вариантность и углубляющаяся дифференциация наименований. Данные явления охватывают разные и весьма широкие слои лексики. Это слова социального и общественно-политического содержания: *народ*, *народный* (*общенародный*, *всенародный*), *народность*; *национальный*, *национальность*; *свобода*, *вольность*; *равенство* (*равность*); слова, обозначающие правовые установления, насыщающиеся в работах передовых деятелей специальным содержанием: *право*, *закон* (*устав*), *должность* (*долг*); лексика интеллектуального, нравственного, гуманитарного содержания: *разум*, *ум*, *смысл*; *разумение*, *разумность*, *рассудок*; *мысль*; *разумный*, *смысленный*, *мыслящий*; *рассуждение*, *размышление* и др.

---

[58] Словарь 1847 г.: *частность* — только ‘состояние частного’.

В качестве примера развития некоторых синонимических наименований можно привести слова *свобода*, *вольность* (и *воля*), различия которых на протяжении изучаемого времени часто определяются лишь суммарно или контекстуально. Параллелизм слов обычнее в первые десятилетия XVIII в., например, в оборотах: *волю*, *вольность* кому давати; давати *волю*, *свободу*; на *свободу*, *волю* отпустити; *свободу*, *вольность* имети (Вейсм.), Слова *свобода* и *вольность* означают общую возможность совершения чего-либо: Британским кораблям *вольности* не имети людей или амуницию возить («Вед.», 1712); все нации в сии земли российского владения с довольною *свободою*... приходить начали (Савар. лекс.); младенцы имели *свободу* гулять и не ходили в школу (Кант. Письм. Горац., II, прим.); когда младенец приобык иметь совершенную *вольность* делать все, что ни хотел (Восп. дет.); время [подает] естеству *свободу* к проявлению своему (Тред. Фил. Бак.) — вода, в сосуде заключенная, не имеет *вольности* (Гоббс, II) и др. Выявляющееся уже в раннее время расхождение между словами состоит в том, что *вольность* чаще (и специальнее) указывает ту или иную правовую, а *свобода* — общую (часто физическую) возможность совершения чего-либо.

Поэтому в ученой, публицистической сфере отмечается чаще *вольность*. В САР и словаре 1847 г. первое и основное значение *вольность*: «независимость; состояние свободного человека»; в слове *свобода* это значение словарь 1847 г. ставит на второе место. У Пушкина *свобода* семантически шире и в целом чаще (183 случая), чем *вольность* (45 случаев), но специальное значение «политическая свобода, независимость» у первого слова представляется лишь как оттенок, у второго — отдельным значением (13 примеров) [59]. Однако в XIX в. постепенно соотношение слов меняется — социальное значение все более сосредоточивается в слове *свобода*, *вольность* тяготеет к высокой лексике. У Радищева в общественно-политическом смысле чаще *вольность*, чем *свобода* (см. ниже), однако уже в гражданской поэзии декабристов из слов *свобода*, *вольность*, *воля* на первый план выходит *свобода* [60].

---

[59] Сл. Пушк., I, с. 345—346; IV, с. 58—59.

[60] Авилова, с. 277—280. У Белинского — *свобода* и *воля* (Бельчиков, с. 28—30).

В XVIII в. оба слова (не в одинаковой степени) выступают при указании содержания, сферы действия свободы: *Вольность* естественная (Тред.), *свобода* (Рад. Опыт); природная *вольность* (Десн.), *свобода* (Ланг.); человек менял свою природную *свободу*, силами каждого ограниченную, на *свободу* гражданскую, в жизни по законам состоящую (Рад. Уш.); гражданская *вольность* (Каз., Гоббс, Гос. правл.), политическая *вольность* (Фонвиз. Расс.), Пушк.; *вольность* личная (Рад. Опыт); нравственная *вольность* (Коз. Фил. предл.).

Слово *вольность* в XVIII в. обычно в контекстах о положении крестьян, об освободительном движении в России: господин, который отъимает от него *вольность*, лучший дар природы (Кант. Письм. Горац., I, прим.); в речах крестьянских депутатов 60-х годов XVIII в.: якобы государственные крестьяне в *вольности* жительство имеют (Речи деп. Чупрова); фигурирует оно в указах Пугачева: намерены [мы] были от их злодейского тиранства свободить и учинить во всей России *вольность* (Указ. Пуг., 19 — здесь же *воля*). Слово *вольность*, кроме того, указывает особенности литературного изложения: *вольность* стихотворческая (Кант. Разг.— une *licence* poëtique), красноречия (Нов.). Старое значение слова ‘права, привилегии’ (мн. ч.): древние [Ростока] *вольности* и привилегии («Вед», 1719), Котош.— *свободы* и преимущества Речи Посполитой (ПБП, V, 1707 г.), *вольности* в торговле (Сох. Предм.); *вольность* книгопечатания (ПЖ, 1791) — *свобода* печатания (Мысл.— здесь же: *вольность* печатания), так же у Пушкина.

Обычный путь развития представляют в исследуемый период, например, слова экономического содержания, обозначающие элементы производства, стоимости, обмена и др. На протяжении изучаемого периода происходит специализация этих слов. Существ. *труд* сначала выступает лишь в общем смысле (в сл. 1847 г. определяется «упражнение в работе»): каков *труд* и воздержание всей братии (Посошк.) и в значении ‘литературное и другие произведения’ (ед. и мн. ч.): *трудов*, которые он в народ издавал (Кант. Разг.) и др. Развитие слова проявляется в расширении его сочетаемости и приложения. В литературе XVIII в. находим представление об общественной роли труда (часто в контекстах с *общество*): Полезный для общества *труд* (УС, 1777); о производственном разделении

труда: в первоначальном гражданстве разделение *трудов* не могло быть известным (Трет.), раздробление *труда* (Смит), машины одолжены своим происхождением разделению *труда* (Лауд.).

В экономических контекстах труд представляется как основа производства: *Труд* производит (Смит); источник общественного материального богатства: всякое богатство производится *трудом* (СЖ), люди получают свое содержание от *труда* (Лауд.); мера труда: произведение двухдневного *труда* (Смит), разные количества *труда* (там же), величина *труда* (МВ, 1827), качество и количество *труда* (ЭЛ). Труд как мера ценности вещи: *Труд* есть существенная мера цены товарам (Смит), плата за *труд* (СЖ), цена за *труд* (МВ), вольнонаемный *труд* (ЭЛ, XI); непроизвольный *труд*, производящий *труд* (СЖ), производительные силы *труда* (Смит); умственный *труд* (МТ, 1826), овеществленный *труд*. Дальнейшее развитие в публицистическом языке слово получает у Белинского, Герцена.

Активная специализация обнаруживается и у слова *работа*, означающего целенаправленную трудовую деятельность (определение в САР: «труд, употребляемый или употребленный на совершение какого дела, какой-нибудь вещи»). Слово выступает в контекстах, сходных с *труд*. Например, в «Статистическом журнале» (1806) при изложении теории А. Смита: *Работа* есть производительная сила общества; государство посредством *работы* производит; *работа* есть первая потребность всякого произведения; произведения *работы*, разделение *работы*, количество всех употребленных на [товар] *работ*. В 40—60-е годы XIX в. в публицистике демократической интеллигенции слово получает обобщенно-образное осмысление [61]. В экономической сфере выступают и производные; Материалов, отделанных токмо или *обработанных* на мануфактурах (Смит), *обработанные* товары (СЖ), хлеб и прочие *необработанные* произведения (МВ, 1828), при *обработывании* на фабрике грубого продукта (СЖ, 1808). Эти же слова выступают расширительно в контекстах с наименованиями природы и естественных явлений: *обработанная*, *необработанная* природа (Бюф. Ф); о литературе, искусстве, нравственности, вкусе (САР: «О сочинении: выправлять,

[61] Ю. С. Сорокин. Естественнонаучная лексика в публицистике Д. И. Писарева. «Уч. зап. ЛГУ», № 122. Серия филол. наук, вып. 16, 1949.

вычищать недостаточные места. *Обработывать книгу*»): Стихи в ней [пьесе] прекрасны и хорошо *выработаны* (Л, III), Кар., способности, *обработанные* ученостию (ВЕ, 1811); *обработание* вкуса (ВЕ, 1807), *обработание* нравоучения (Гал.). Карамзину такие обороты казались естественными; при разборе (МЖ, III) перевода «Опыт о Швейцарии» по поводу фразы «Все части учености *возделываются* там с успехом» — он замечал: Лучше бы было в сем смысле сказать по-русски *обработываются*.

Слово *товар* обозначает не только предмет торговли, продажи (САР: «все то, что назначено или служит для продажи»), но в экономическом обиходе это продукт производства, вещь, имеющая потребительскую ценность. Например: Сумма употребленной на какой-нибудь *товар* промышленности (Лауд.), *товары* суть искусственные произведения заводов, фабрик и ремесленников (Двиг.), произведение и фабрикация какого-либо *товара* (Лауд.), мануфактурный *товар* (СЖ, 1808), фабричный *товар* (Пол. нам.), существенная цена *товаров* (СВ, 1804). Сам товар рассматривается как мерило стоимости, сочетание *всеобщий товар* служит для обозначения денег — условного универсального эквивалента: Измерять цену оного [товара] в торгу количеством другого *товара* (Смит), *всеобщий товар*, или деньги (СЖ, 1808), через цену разумеем количество того *всеобщего товара*, которое дается за частный *товар* (там же). У Политковского (в его переводе А. Смита) потребительская сторона товара обозначается словом *удобность*, которое претерпевает в связи с этим характерную смысловую специализацию — сужение (ср. общее толкование в САР: «способность, легкость, нетрудность»): [цена] в торгу всем *удобностям*, или *товарам*; о существенной и знаменательной цене *удобностей*. Товар, как готовое потребительское изделие противопоставлен сырью, причем употребляются разные наименования: Переделывание *сырого продукта* в мануфактурованные *товары* (ВЭОТ), *сырые товары* (САР), *грубый продукт* (СЖ, II), обделыватель *сырого материала* (Лауд.), [торговля] *необработанными произведениями* (МВ, 1828).

Как экономические наименования обмена употребляются слова *мена*, *торговля*, *рынок* и др. Слово *мена* указывает переход потребительских ценностей от одних держателей к другим, что является составной частью общественного производства и распределения: Труд и *мена* суть

главные причины народного богатства (СЖ, II), каждый человек доставляет себе пропитание *меною* произведений своей работы (там же, I), договоры для *мены* (Лауд.). В близком смысле при указании обмена выступает *промен* и др.: *Промен* произведений (БУ, I — здесь же в тексте параллельно *мена*), потребление происходит всегда вследствие *промена* (МТ, 1827); *променные* (торговые) цены (там же). Соответственно слово *торговля* (реже *торг*) в экономическом обиходе начинает означать определенный процесс мены (обмена) продуктами (стоимостями). *Мена* и *торговля* при этом могли оказываться синонимами, но *мена* у́же по смыслу, чем второе слово. Например: Душа государства экономия и *торг* чрез сие поощряются (ВЭОТ), *торговля*, или мена одной вещи на другую (СЖ, II), *торговля* как простая мена произведений (ЭЛ, XIII), МТ; в появляющихся специальных выражениях: активная, пассивная *торговля*, эффективная *торговля* (Р-ф-ц). Терминологизуется также слово *рынок* (ср. САР «базар, торжище»), которое начинает пониматься как сфера товарооборота: Вещи, кои никогда не приходят на *рынок*, а след[овательно] никакого не имеют влияния на цену (Лауд., V); в дальнейшем употребление слова в литературе и публицистике расширяется. В середине XIX в.: денежный *рынок*, *рынок* труда; литературный *рынок*, книжный *рынок* (Сорокин, с. 472).

Существ. *цена* обозначает обменное достоинство вещи. В переводе А. Смита указывается узкое и более общее понимание слова в экономическом обиходе; «Слово *цена* имеет два различные знаменования, а именно: оно означает иногда полезность какой-либо вещи или предмета, а иногда возможность, обладая оною вещью, покупать на нее другие». В первые десятилетия XIX в. слово широко употребительно: *Цена* означает количество даемой вещи, дабы за оную получить другую (СЖ, II), труд есть существенная *цена* товаров, а деньги токмо знаменательная (Смит); при обозначении стоимости труда: *цена* рабочего дня (ВЕ, 1818), *цена* труда возвысилась (там же, 1825); возникновение монопольных цен: здесь рождается *цена*, равная *цене* монополии, которая есть самая высочайшая (Лауд.). В том же или близком смысле могло употребляться слово *ценность* (в САР «дороговизна чего», сл. Соколова, кроме того, «то же, что цена»). Особое специальное значение этого слова в экономическом употреблении, обеспе-

чившее ему в дальнейшем устойчивость, состоит в указании на 'необходимость, существенность вещи'. Например: Предмет может иметь и *действительную цену*, соответствующую с его *стоимостью*, и *цену*, превосходящую его *настоящую ценность* (Кир.), деньги не суть правильная мера *ценности* (СЖ, 1808), потребность назначает *ценность*, а *ценность* сумму капитала (Лауд., IV); в специальных сочетаниях: *меновая ценность*, *относительная ценность*. При обозначении потребительной стоимости (ценности) выступают также слова *стоимость*, *надобность*: степень *надобности* вещи (Лауд.), *значительность*, *достоинство* и др.

С производством и обменом связаны слова *запрос* (*спрос*), *прибыль*, *доход*, *издержки* и др. В основу экономического употребления слова *запрос*, например, ложится не общеобиходное значение его (САР: «требование излишней цены на что»), а отмеченное в словаре 1847 г. «стар[инное] требование»: Плата за труд зависит от стечения и *запроса* (concurrence et *demande*) (СЖ, 1808), возвышение цены останавливает *запрос* (Лауд.). В дальнейшем слово вытесняется другим — *спрос* (см. определение его в САР: «требование каких-либо произведений или товаров в торговле»).

§ 17. В кругу отвлеченной лексики XVIII в. распространены научно-философские наименования, обозначающие общие категории и отношения действительности: *пространство*, *время*, *причина*, *следствие*, *сила*, *движение*, *свойство*, *качество*, *отношение*, *связь* (*сопряжение*, *союз*, *соединение*), *подобие*, *тождество*, *противоречие*, *противоположность*, *противность* (*противный*), *разность* и др. Многие из них имеют ту особенность, что специальные употребления слов не разделяются резко, а совмещаются с конкретно-пространственными и нетерминологическими. Это можно наблюдать на примере слов *пространство* и *время*. Широта (*пространство*) и общность (*время*) семантики служила причиной трудностей в их лексикографических определениях (например, в САР, см. выше о *бытие*). Это же объясняет довольно разнообразную вариантную (смысловую) соотнесенность слова *пространство — расстояние*, *место*, *протяжение*, *протяженность* и пр. Таковы переводные ряды в словаре Татищева: «Espace. *Пространство*, место, расстояние», «Etendue. *Пространство*, обширность, протяжение».

В ученой литературе второй половины XVIII — начала XIX в. слова *пространство* (и *время*) все чаще выступают в отвлеченно-обобщенном смысле, указывая условия и формы существования вещей (при этом проявляются разные существовавшие тогда точки зрения и концепции). Например: *Время* называется продолжение в последовании одних вещей за другими (Коз. Фил. предл.); дефинитивные контексты встречаются также с *пространство*, *место*, *протяжение* и др.: бытие вещей в *пространстве* и *времени* (Рад. О чел.), как они [вещи] нам во *времени* и *пространстве* являются (СВ, 1805). В литературе XVII в. находим критику представлений о пространстве как самостоятельной субстанции: Невтон и Локк... *пространство* (spatium) почитали вещественным, отделенным и в соединении с другими вещьми находящимся сущим (Аничк. Позн. чел.), Коз., ПТ (Отв. лекс. XIX в., с. 142).

Однако не менее (а в первой половине XVIII в. более) распространенным является другое употребление слова *пространство* — в его «этимологическом» смысле ‘протяженность, (большие) размеры’ (Срезн.: «простор; громадность, великость»), обычно с род. п. Например, у Кантемира: все *пространство* мира, небес *пространство*, великое *пространство* воздуха и неба, *пространство* вихря; понятия о *пространстве* обитаемой ими планеты (Полит. Пр. ист. нат.), смотрел на *пространство* волнующихся вод (ПРП — МЖ, I). В XVIII в. слово по условиям контекста может означать и просто ‘размеры, расстояние’, и ‘большие размеры’ (с определениями *великое*, *большое*, *огромное* и др. и без них). О развитии слова в XVIII — первой трети XIX в. свидетельствует следующее соотношение. У Пушкина оно представлено в знач. «место, вмещающее что-нибудь» (чаще в атрибутивных и предложных сочетаниях — плоское *пространство*, *пространство* между рекою и горами), в значении же «большая протяженность, обширность» всего два примера из 12 (сл. Пушк., III, с. 850—851). У слова наблюдается еще одна смысловая линия, живая в XVIII в., но в дальнейшем утратившаяся. См. сочетания с неконкретной лексикой: в великом *пространстве* их философии (Коз. Фил. предл.), *пространство* наук (Он же. Расс.), не менее должно удивляться глубокости и *пространству* его [Бюффона] изысканий (Бюф. Ф), *пространство* нашего духа (ЕС, 1756), показав *пространство* своей власти (Рад. Уш.).

Терминологические значения в словах могут существенно отличаться от общеупотребительных. Укажем в виде примера слова́ с широкой семантикой — *движение* и *сила*. Слово *движение* означает не только механическое перемещение тел, но и общее свойство материи, источник и содержание изменений. См. разные примеры: Теплота состоит в *движении* материи (СУР), где ненарушимые *движения* законы? (Лом. Происх. св.); контексты о природе, окружающем мире: каждое *движение*, каждая перемена и каждое действие необходимо в свете сем последовать должны (Брянц. Св. вещ.). Обозначения действия, напряжения (об органах): *Движение* одной органической жилочки рождает понятие (ПТ), *движение* в тех чувственных органах (Аничк. Разн. сп.), *движение* в нашем мозге (Брянц. Св. вещ.); продвижения, совершения: рассуждение без помощи чувств ни малейшего *движения* в исследовании сделать не может (Сум. Раз. чел.).

Наряду с этим еще с XVI—XVII вв. слово обнаруживает значение, которое в САР (II, с. 24) определяется как «внутреннее чувствование» и «помышление, намерение» (ср. также в DAF mouvement: «о различных чувствах, переживаниях»). До XVIII в. это преимущественно сочетания с *дух*, *душа*, *духовный* и пр.; см. в ДРС: *движение* духа (Мусик., грам., 1681 г.). В новое время такие сочетания со словом распространяются (они представлены и в САР), что объясняется отчасти соотношением с франц. mouvement. Например: Какое благородное *движение* души (УС, 1777), внимают им [делам предков] с таким же *движением* сердца (Лом. Польз. кн.), *движение* сердечное (Прок. Безбож.), *движения* страха и жалости (Тред. Фил. Бак.), изъявлять характер и *движения* страстей (там же), внутренние любовные *движение* (Тред. Честн. курт., 1733), простое *движение* чистого усердия (Тург. Общ.). За пределами ученых сочинений слово может выступать без дополнений и определений в смысле ‘переживание, волнение, участие’: на сие с великим *движением* ответствовал (Вес. Мел., 1789 г. ДРС). Слово применяется к социальным явлениям (САР: «В отношении к народу»); дальнейшее развитие и специализация слова в этом направлении наблюдаются в публицистике XIX в. в сочетании с *освободительное*, *народное* и др. (Сорокин, с. 505).

Различно употребление слова *сила*. Оно указывает на источник, способность производить действие. Например,

в контекстах о телах, естественных явлениях: Познавать природу вещей, их *силы* (Чеб. Сп. просв.), *силы* воздуха (Зыб.), *силы* движения (Комм. АН), *силы* теплоты (Кант.), теория электрической *силы* (Лом. Сев. сиян.), *силы* природы (Брянц). Это же слово в обозначении различных явлений, категорий познания: *силы* духов и души разыскивать пределы (Кант. Сат. 1); *сила* распознания и рассуждения о вещах (Должн.), одарен [человек] *силою*, рассудительно размышляющею (Тред. Сл. прем.); в значении ‘сущность, содержание’: *сила* слов (Дашкова), выражений и др. С начала XIX в. слово представлено и в экономических текстах: Производительные *силы* труда (Смит), работа есть производительная *сила* общества (СЖ, II).

Лексико-фразеологическая (номинативная) активность слов

§ 18. Очерк развития отвлеченной лексики XVIII — начала XIX в. был бы неполон без учета многочисленных, хотя и разнородных, сочетаний, выполнявших тогда в большей или меньшей степени номинативные функции. Эти сочетания, в неодинаковой степени цельные и устойчивые, являются реальным элементом литературно-книжного словоупотребления и словарного состава изучаемого периода. От свободных сочетаний (расширение сочетаемости, как говорилось, характерно для изучаемой лексики в целом) такие образования отличаются относительной повторяемостью, смысловой слитностью и известной специализацией. Ср. обычный в XVIII в., но свободный контекст *быть с кем в содружестве* (САР) и цельное сочетание *гражданское содружество*, означающее не просто вид содружества, а определенную организацию общества; *работать по договору*, *письменный* (*словесный*) *договор* и сложившиеся в отвлеченной лексике XVIII в. выражения со специфическим смыслом *гражданский договор*, *общественный договор* и др. Даже при внешнем совпадении такие высказывания резко различались по смыслу — ср. *состояние гражданское* в САР как «звание, образ, род жизни» и термин *гражданское состояние*, указывающий этап в развитии человеческого общества. Таким же образом некоторые сочетания, известные в древности (Срезн.: *род человеческ*, *мир веществен*, *гражаньскыи закон*, *естьствьт-*

нъи закон и др.), в новое время получают иную специализацию и переосмысление.

В XVIII в. появляется большое число сочетаний рассматриваемого рода, передающих цельное, специальное содержание. Они преимущественно относятся к фразеологическим единствам [62]. В них выделяются опорные, фразеологически активные слова, с которыми образуется наибольшее число сочетаний: *вещь*, *благо*, *разум*, *человеческий*, *гражданский*, *естественный* и др.

Следует учесть еще, что широта сочетаемости слов не всегда прямо пропорциональна их актуальности и употребительности. Например, сравнительно мало цельных сочетаний у распространенных в ученой лексике XVIII в. слов *добро*, *польза* и др. Неодинаковы по распространению и сами сочетания: *человеческий род*, *естественный закон*, *общее благо* и другие часто встречающиеся сочетания; *предлежащая вещь*, *бытия дел* и другие нечастые или свойственные отдельным писателям. Ниже приводятся некоторые группы сочетаний, объединенных по фразеологически (номинативно) активным словам:

вещь — единственная, нераздельная, особенная, предвергаемая, предверженная, предлежащая, предложенная, собственная, естественные, натуральные, выкапываемые, искапываемые;

природа — человеческая, владычество *природы*, царства, испытание, испытатель, законы (сходные сочетания — с *естество*, *натура*);

разум — врожденный, здравый, чистый, естественный, натуральный, природный, общественный, общий, просвещенный, просвещение *разума*;

человеческий — род, натура, естество, природа, разум, ум, познание, житие, благополучие;

гражданский — вольность, должность, договор, закон, житие, общество, правление, право, содружество, сообщество, состояние, история;

естественный — житие, состояние, закон, право, мир, разум, вещи, история (сходные сочетания с *натуральный*, *природный*);

общий — польза, благо, благосостояние, добро, житие, разум;

[62] См. опыт структурной и содержательной группировки их (сочетания «с общей номинативной функцией» и образные, оценочные) на материале «Путешествия» Радищева (Шведова, с. 49—54).

общественный — благо, благосостояние, польза, житие, договор, связи, разум;

общество — гражданское, член *общества*, благополучие, благосостояние, польза;

житие — гражданское, общее, общественное, человеческое;

благо(состояние) — общее, общественное, народное, общества (сходные сочетания — с *благополучие*, *добро*, *польза*, *блаженство* и др.);

здравый — разум, рассудок, рассуждение, смысл;

состояние — первобытное, естественное, гражданское;

изящный — вкус, искусства, науки;

испытание — естества, натуры, природы (сходные сочетания — *с испытатель*);

наука — естественная, словесные, изящные;

история — естественная, натуральная, гражданская.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основу изучаемой лексики составляют слова, уже существовавшие в языке. На их долю приходится $^2/_3$—$^3/_4$ всей употребительной отвлеченной лексики. Вхождение этих слов в специальное употребление связано с активными процессами абстрагирования, терминологизации, семантическими изменениями в словах. Лексические новообразования — другая основная часть отвлеченной лексики XVIII в. Новые слова появляются, главным образом, в результате собственного словопроизводства по действующим моделям и типам (включая кальки). Некоторое число слов — это лексика, ранее редкая, закрепляющаяся в новое время.

Заимствования в наших материалах составили примерно $^1/_3$ всех новых слов. В общей же массе отвлеченной лексики содержание заимствований соответственно ниже — $^1/_5$. Есть основания предположить, что число заимствований в литературно-книжном языке XVIII в. регулируется в известных пределах. Даже в периоды видимых наплывов иноязычной лексики язык находит средства известной нейтрализации ее (вариантность, парное производство и др.).

Широта семантики славянизмов и некоторых старых книжных слов делала их пригодными для использования в сфере изучаемой лексики. Вопрос о признаках и принципах выделения славянизмов в литературном языке XVIII в. сложен и имеет разные аспекты [1]. При изучении славянизмов в языке нового времени первостепенным

[1] В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка. «Русская речь». Новая серия, I. Л., 1927; Он же. О новых исследованиях по истории русского литературного языка.— ВЯ, 1969, № 2.

представляется не генетический подход к ним (по факту происхождения, морфологическим, морфонологическим данным), а функционально-смысловой. Иными словами, речь идет о тех фактических сдвигах в словах, когда реальные в XVIII в. славянизмы переходят («заимствуются») в ученый язык и начинают служить в качестве специальных наименований. «Сохранность» славянизма в это время может определяться (1) употреблением его в канонической литературе, (2) осознанием слова современниками как «славенского», (3) жанрово-стилистическим прикреплением слова. Широтой семантики отличаются также некоторые слова, в которых реальные «славенские» свойства сравнительно слабо маркированы (*течение* и др.); они также используются в ученых текстах [2].

В изучаемой лексике представлены, например, славянизмы (САР с пометой «сл.», сл. 1847 г. «церк.»): *потреблять*, *потребитель*, *иждивать*, *житие*, *воззрение*, *деяние*, *истязывать*, *действенный*, *тварь*, *плоть*, *умозрительный*, *благо*, *самобытный*, *дух*, *бытие*, *искушение*, *сущее*, *позорище*, *просвещение*, *вспящение*, *отвращение* и др. На основе «славенских» (и вообще старых) лексем подчас создаются новообразования («славянорусизмы») [3], которые функционируют, однако, не в церковных и не только высоких, а в средних (ученых) жанрах: *человечие*, *предвечный*, *предвечность*, *обществование* (на основе *обществовати*), *предвержность* (*вергать*), *разрешительность* (*разрешать* ‘развязывать’), *неключимость* (*неключимый*), *письменность* (*письмена*, *письменный*), *возносительный* (*возносить*), *происшествие*, *деятель*, некоторые слова на *само-* по образцу аналогичных старых, на *со-*, *благо-*, *пре-*. Некоторые новообразования, по существу, омонимичны старым и «славенским» словам: *естественник*, *потребитель*, *словесник*, субстантивы на *-ое*, *-ее* (*внешнее*, *внутреннее*, *мысленное*, *самобытное* и др.).

Случаи пополнения отвлеченной лексики за счет бытовых, просторечных, вообще сниженных слов обычно связаны с переосмыслением самих реалий (*быт*, *быль*, *опыт* и др.). Для отвеченной лексики особенно характерны следующие типы слов: существительные с отвлеченно-обоб-

[2] С. А. Копорский. Из истории лексики русского литературного языка XVIII—XIX вв. (Изменение значения славянизмов).— РЯШ, 1955, № 3.

[3] В. В. Виноградов. О новых исследованиях .., с. 12.

щенным значением, существительные со значением действователя, прилагательные (и наречия), субстантивы на *-ое*. Глаголы также употребительны в отвлеченной лексике, но не столь специфичны для нее, как имена [4]

Семантические изменения в отвлеченной лексике образуют изоглоссы, не совпадающие с тематической классификацией слов. Некоторые изменения характерны для изучаемой лексики, другие представляют вместе с тем общеязыковые явления. Показательны в плане исторического развития слов переходные и смешанные значения и употребления слов (*положительный*, *действительный*, *собственность* и др.), возникающие в изучаемой лексике своего рода выветренные, «формальные» значения слов (*данный*, *определенный*, *известный*, *некоторый* и др.).

Крупнейшие русские писатели и публицисты XVIII в. внесли свой вклад в развитие отвлеченной лексики. Почти у каждого из них находим термины, явившиеся результатом целенаправленных поисков и словотворчества. Особенностью изучаемого периода является обилие вводившихся в оборот наименований. Причем отнюдь не всегда словотворчество того или иного автора можно объективно оценить по числу утвердившихся затем неологизмов. Показательны прежде всего масштабы самой деятельности и соответствие новаций тенденциям и направлениям развития лексики. Многие из бытовавших специальных наименований, выполнив свою историческую роль, выходили из активного употребления. Вместе с тем XVIII — первые десятилетия XIX в. были временем, когда возникли и оформились многие слова и значения, столь распространенные в последующее время и в наши дни: *положительный*, *отвлеченный*, *относительный*, *понятие*, *факт*, *масса*, *кризис*, *предмет*, *критик(а)*, *революция*, *человечный*, *развитие*, *влияние*, *впечатление*, *анализ*, *синтез* и др.

Значение рассмотренного периода в истории русской отвлеченной лексики состоит еще в том, что тогда в рамках литературы среднего стиля ассимилировалась огромная масса весьма разных по происхождению, стилистическим, словообразовательным и смысловым свойствам слов. В процессе освоения и последующей дифференциации всего

[4] См. соображения и мнения, приведенные в ст.: В. П. Даниленко. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов. «Исследования по русской терминологии». М., 1971, с. 42.

материала происходил не только отбор наиболее удачных и жизнестойких наименований, но изменялся характер лексики в соответствии со складывающимися национальными литературными нормами, новыми — более разнообразными и сложными — запросами общественной и научной деятельности.

В трудах отечественных писателей и мыслителей XVIII—XIX вв. нашли органическое совмещение лексика основного словарного фонда и те новые элементы, которые возникали вместе с расширением сферы и функций литературного языка. Дальнейшее развитие этой лексики происходит в новых условиях литературного языка XIX—XX вв. Материал русского и некоторых других языков позволяет сделать общий вывод о том, что развитие отвлеченной лексики в условиях нормализации языков в новое время обнаруживает черты, имеющие в известной мере закономерный характер.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

Источники

Агл. — «Аглая», Изд. Н. М. Карамзин. Кн. 1—2. М., 1794—1795.
Цветок на гроб моего Агатона; Нечто о науках, искусствах и просвещении; Мелодор к Филалету (*Цв. Агат.*, *Нечт. наук.*, *Мел.*).

АИ — «Академические известия, содержащие в себе историю наук и новейшие открытия оных», ч. 1—8. СПб., 1779—1781.

Аничк. — Д. С. Аничков. Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства (1779); Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих (1783). См.: Речи. Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. М., 1770; Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания. М., 1769 (*Превр. пон.*, *Разн. сп.*, *Позн. чел.*, *Расс.*).

Арш. — В. К. Аршеневский. Слово о начале, связи и взаимном пособии математических наук и пользе оных (1794); Слово о связи чистой математики с физикою (1802). См.: Речи (*Нач. мат.*, *Чист. мат.*),

Афон. — М. И. Афонин. Слово о пользе, знании, собирании и расположении чернозему (1771). См.: Речи.

БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).

Барс. — А. А. Барсов. Речь о пользе учреждения Московского университета (1755); Первое семилетие счастливо ныне продолжающего и вечно желаемого мира в России (1781). См.: Речи (*Польз. ун.*, *Седм.*).

Барск. — Я. Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII в. 1780—1792 гг. Пг., 1915.

---

* В списке приведены сокращения названий цитируемых работ, кроме раскрываемых в тексте. Имена и названия в основном соответствуют написанию, принятому в публикациях изучаемой эпохи. При указании разных переводов, изданий и сочинений одного автора курсивом обозначаются дополнительные сокращения.

Батеньк. — Г. С. Батеньков. См.: Декабр.

Батур. — П. С. Батурин. Исследование книги о заблуждениях и истине. Тула, 1790.

Баум. — Фр. Х. Баумейстер. Метафизика. [Перев. с лат. А. Павлова]. М., 1764. Метафизика. Перев. [А. Павлова], вновь высмотр. и испр. Д. Синьковским. М., 1789 (*1789*).

Белинск. — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I — XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953—1959.
Литературные мечтания (*Лит. мечт.*).

Бонне — Ш. Бонне. Созерцание природы. Перев. с франц. И. Виноградова, ч. I, СПб., 1792—1796.

Браун — И. А. Браун. Слово о главных переменах атмосферы и о предсказании их. СПб., 1759.

Брюс — Я. В. Брюс. Предисловие. См.: Кн. мирозр.

Брянц. — А. И. Бряпцев. Слово о связи вещей во вселенной (1790); Слово о всеобщих и главных законах природы (1799). См.: Речи (*Св. вещ.*, *Вс. зак.*).

БУ — «Библиотека ученая, экономическая, правоучительная, историческая и увеселительная», ч. 1—12. Тобольск, 1793—1794.

Буж. — Г. Бужинский. [Обращение к Екатерине I]. Правдолюбивому российскому читателю. Реестр памятствуемых речений. См.: Должн.
См. также: Ист. евр.. Эразм.

Бург. — А. Кау-Бургаве. Речь... о том, что и какие науки медику знать надлежит. «Торжество Академии наук... празднованное сентября 6 дня 1750 г.». СПб., [1750].

Бюф. — Ж. Д. Бюффон. Всеобщая и частная естественная история, ч. 5. Перев. с франц. И. Лепехина. СПб., 1792. [Ж. Ферри]; Дух Бюффона. Перев. франц. А. Малиновского. М., 1783 (*Ф*); [Н. М. Карамзин]. Пантеон иностранной словесности, кн. II. М., 1798, с. 58—72 (*Кар.*).

Варен. — Б. Варений. Географиа генеральная, небесный и земноводный круги купно с их свойствы и действы в трех книгах описующая. [Перев. с лат. Ф. Поликарпова]. М., 1718; Всеобщая география. Перев. с лат. [П. Б. Иноходцева], ч. 1. СПб., 1790 (*1790*).

ВЕ — «Вестник Европы». 1802—1830.

«Вед.» — Ведомости времени Петра Великого, вып. 1—2. М., 1906.

Вениам. — П. Д. Вениаминов. Слово о свойствах и пользе растений (1767). Слово о постах как средстве, предохранительном от болезней (1769). См.: Речи.

Венс. — И. Ф. Венсович. О пользе физической антропологии (1805). См.: Речи.

Воин. — И. П. Воинов. Слово о главной цели народной медицины и важности оной (1807). См.: Речи.

Вольт. — Ф. М. Вольтер. Аллегорические, философические, и критические сочинения г. Вольтера. Перев. с франц. И. Рахманинова. СПб., 1784.

Вольт. Ест. зак. — Жизнь славнейшего г. Вольтера с приобщением к ней поэмы «Естественный закон» его же сочинения. [Перев. с франц. И. И. Виноградова. Изд. 2]. СПб., 1787.

Восп. дет. — Дж. Локк. О воспитании детей. Перев. с франц. Н. Поповского, ч. 1—2. М., 1759.

ВЭО — «Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», ч. I — VII, 1765—1767; План и устав. СПб., 1765 (*ВЭОУ*); «Продолжение Трудов Вольного экономического общества». СПб., 1779—1780 (*ВЭОП*); «Еженедельные известия Вольного экономического общества». СПб., 1788. (*ВЭОИ*).

Вяз. — П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. т. 1 (1810—1827). Литературные, критические и биографические очерки. СПб., 1878. Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822 г. (1823). Несколько вынужденных слов (1824). Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен (1825) (*Замеч.*, *Неск. слов. Ж. П.*).

Гал. — А. И. Галич. История философских систем, кн. 1—2. СПб., 1818—1819. Опыт философского словаря (*Фил. сл.*)

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

Гмел. — [И. Г. Гмелин]. Перевод с предисловия, сочиненного проф. Гмелиным к первому тому Флоры сибирской. [СПб., 1749].

Гоббс — [Г. Гоббс]. Фомы Гоббезия начальные основания философические о гражданине. Перев. с лат. [С. Веницеева]. СПб.— М., 1776.

Гольб. — П. Гольбах. Ручная книжка человека и гражданина, или Рассуждение о должностях общежития. [Вольн. перев. с франц.]. СПб., 1805.

Гос. правл. — Л. Жокур. О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии. Перев. И. Туманского. СПб., 1770.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Грам. фил. наук. — В. Мартин. Грамматика философических наук, или Краткое разобрание новейшей философии. Перев. с франц. П. Бланка, ч. 1—4. М., 1796—1798.

Гриб. — А. С. Грибоедов. Сочинения. М.— Л., Гослитиздат, 1959. Проект учреждения Российской Закавказской компании. Письма (*Закк. комп.*).

Д'Аламб. — [Ж. Даламбер]. Сочинения г. Д'Аламберта, одного из славнейших и редких писателей. Перев.

с франц. И. Г. Харламова. Ч. 1. Дух философии. М., 1790.

Дашков — Д. Д а ш к о в. О легчайшем способе возражать на критики. СПб., 1811.

Двиг. — И. А. Д в и г у б с к и й. Слово о нынешнем состоянии земной поверхности (1806). См.: Естеств. XIX в.

Декабр. — Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1—3. М., Госполитиздат, 1951.

Дел. — [Ж. Н. Д е л и л ь]. Предложение о мерянии земли в России. [Перев. В. К. Тредиаковского]. СПб. 1737.
См. также: Сокр. мат.

Держ. — Г. Р. Д е р ж а в и н. Сочинения. С объясн. примеч. Я. К. Грота. Т. 1—9. СПб., 1864—1883.

Десн. — С. Е. Д е с н и ц к и й. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции (1768); Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими (1775); Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства (1781). См.: Речи (*Пр. сп.*, *Происх. супр.*, *Собст.*).

Детск. физ. — Детская физика. Перев. с франц. Н. Хлопова. М., 1763.

Дидр. — [Д. Д и д р о]. Всеобщая система познаний человеческих. СПб., 1800.

Должн. — С. П у ф е н д о р ф. О должности человека и гражданина по закону естественному. [Перев. с лат. И. Кречетовского, испр. Г. Бужинским]. СПб., 1726.

Еберг. — И. П. Е б е р г а р д. Первые основания естественной науки, или физики. Перев. с нем. А. Мартова, ч. 1—2. СПб., 1781.

ЕМ — «Европейский музей, или Извлечение из иностранных журналов». СПб., 1810.

ЕС — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1755—1757; «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПб., 1763—1764; «Новые ежемесячные сочинения». СПб., 1786—1796.
См. также: СП.

Естеств. XIX в. — Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., Соцэкгиз, 1959.

Жихарев — С. П. Ж и х а р е в. Записки современника. Воспоминания старого театрала. М.— Л., 1955.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения». СПб. — Пг.

Зерц. — Зерцало безбожия [конец XVIII в.]. См.: Русск. мысл. XVIII в.

Зол. — В. Т. Золотницкий. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов. СПб., 1764.

Зыб. — С. Г. Зыбелин. Слово о действии воздуха в человеке и путях, которыми в него входит (1766); Слово о причине внутреннего союза частей между собою и о происходящей из того крепости в теле человеческом (1768); Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней (1773); Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в обществе народа (1775); Слово о сложениях тела человеческого и о способах, как оные предохранять от болезней (1777). См.: Речи (*Действ. возд.*, *Вн. союз.*, *Тепл. изл.*, *Прав. восп.*, *Сложен. чел.*).

Изв. возм. — Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 гг. Перев. с франц. [В. К. Тредиаковского]. СПб., 1738.

Изобр. вещ. — Виргилий Полидор Урбинский. О изобретателях вещей. Перев. с лат. [Ф. Лопатинского[. М., 1720; О первых изобретателях всех вещей. [Перев. Н. И. Тредьяковского], ч. 1—2, М., 1782 (*1782*).

Ист. евр. — С. Пуфондорф. Введение в гисторию европейскую. Перев. с лат. [и пред. Г. Бужинского]. СПб., 1718; Введение в историю знатнейших европейских государств. Перев. с нем. Б. Волкова, ч. 1. СПб., 1767; ч. 2, 1777 (*1767*, *1777*).

Ист. пол. — Истинная политика знатных и благородных особ. Перев. с франц. В. К. Тредиаковского. СПб., 1737.

Каверз. — А. А. Каверзнев. Философическое рассуждение о перерождении животных. Перев. с нем. [впервые работа издана в 1775 г. на немецком языке в Лейпциге] И. Морозова. Изд. 2. М., 1787.

Кант. — А. Д. Кантемир. Сочинения, письма и избранные переводы, т. 1—2. Ред.-изд. П. А. Ефремов. СПб., 1867—1868.
Письма I—IV. Примечания к письмам. Письма Квинта Горация Флакка. Примечания к письмам; Сатиры I—IX. Примечания к сатирам. [Письма о природе и человеке]. (*Письм. Горац.*, *Письма*).

Кант Разг. — [Б. Фонтенель]. Разговоры о множестве миров. С французского перевел и потребными примечаниями изъяснил Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб., 1740.

Кар. — Н. М. Карамзин. См.: МЖ, Агл., ПРП, ВЕ (1802—1803).

Кар. Разг. — Н. М. Карамзин. Разговор о щастии. М., 1797.

Каховск. — П. Г. Каховский. Из писем. См.: Декабр.

Кн. мирозр. — Хр. Гюйгенс. Книга мирозрения, или Мнение о небесноземных глобусах и их украшениях. [Пер. и предисл. Я. В. Брюса. Изд. 2]. М., 1724.

Коз. Расс. — Я. П. Козельский. Рассуждения двух индий-

цев Калана и Ибрагима о человеческом познании (1788). См.: Русск. мысл. XVIII в.

Коз. Ст. фил. — Статьи о философии и частях ее из энциклопедии. Перев. Я. Козельского, ч. 1—2. [СПб], 1770.

Коз. Фил. предл. — Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768.

Комм. АН — Краткое описание Комментариев Академии наук. [Перев. В. Адодурова, М. Сатарова, И. Горлицкого, И. Ильинского, С. Коровина]. Часть первая на 1726 год. СПб., 1728.
О первых учениях физического фундамента; О Кеплериановом предложении; Ботаника; О движении мышиц; О сиянии северном; О причине тяжести от движения вихрей; О исправлении барометров; Наблюдения астрономические.

Котельн. — С. К. Котельников. Слово о пользе упражнения в чистых математических рассуждениях. СПб., 1761.

Котош. — Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича [1666—1667]. Изд. 4. СПб., 1906.

Краш. — С. П. Крашенинников. Речь о пользе наук и художеств. «Торжество Академии наук... празднованное сентября 6 дня 1750 г.». СПб., [1750].

Крыл. — И. А. Крылов. Сочинения, т. I—II. М., 1969. Басни; Урок дочкам; Повести и сатиры.

Крюк. — Н. А. Крюков. Философские записи. Из «Записной книжки». См.: Декабр.

Куниц. — А. П. Куницын. Энциклопедия прав. См.: Декабр.

Курак. — Архив Ф. А. Куракина. Изд-е под ред. М. М. Семевского. Кн. I. СПб., 1890.
Введение о главах в гистории (1723); Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях (1723—1727) (*Вед. гл.*, *Гист.*)

Курб. — А. М. Курбский и Иван IV. Избранные сочинения. СПб., 1902.
История князя великого московского; Переписка А. М. Курбского с И. В. Грозным. Приложение: Словарь (*Ист.*, *Письм.*, *Слов.*).

Кург. — Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие. [СПб.], 1769. Присовокупления 1—VII; Словарь разноязычный (Русский словотолк); Прибавок (*Слов.*, *Приб.*).

Л — «Лицей» Изд. И. Мартынов. СПб., 1806.

Ланг. — К. Г. Лангер. Слово о начале и распространении положительных законов и о неразрывном союзе философии с их учением. М., 1766.

Лауд. — Дж. Лаудердаль. О народном благосостоянии. Перев. с англ. Я. Лангена. СПб., 1811.

Лепехин — И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия, ч. I—VI. СПб., 1771—1805.

Лом. — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочине-

ний, т. I—X. М. —Л., Изд-во АН СССР, 1950—1959.

Письма (1737—1765); Утреннее размышление о божием величестве (1743); Вечернее размышление о божием величестве, Волфианская экспериментальная физика (1746); Слово о пользе химии (1751); Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих (1753); Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее (1756); Предисловие о пользе книг церковных в российском языке (1758); Рассуждение о твердости и жидкости тел (1760). Явление Венеры на солнце (1761). Испытание причин северного сияния (1764). *Утр. разм.*, *Веч. разм.*, *Волф. физ.*, *Польз. хим.*, *Явл. возд.*, *Происх. св.*, *Польз. кн.*, *Тверд. жид. дк.*, *Явл. Вен.*, *Сев. сиян.*

См. также Опис. ком.

Любв. — [К. И в о н.]. О любви. Из энциклопедии. Перев. С. Б[ашилова]. СПб., 1769.

Магаз. — «Магазин натуральной истории, физики и химии». Изд. Н. И. Новиков. ч. I. М., 1788.

Магн. — Л. М а г н и ц к и й. Арифметика, сиречь наука числительная. М., 1703.

Мал. — В. Ф. М а л и н о в с к и й. Избранные общественно-политические сочинения. М., Изд-во АН СССР, 1958.

Рассуждения о мире и войне (1803). *Расс.*

Масоны — См.: Барск.

МВ — «Московский вестник», Изд.-ред. М. П. Погодин. М., 1827—1830.

МЕИ — «Московское ежемесячное издание». Изд. Н. И. Новиков, ч. I. М., 1781.

Предисловие. О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук (1781, ч. I).

МЖ — «Московский журнал», Изд. Н. М. Карамзин, ч. 1—4. М., 1791; ч. 5—8, 1792.

ММ — «Московский Меркурий». Изд. П. И. Макаров. М., 1803, См. также: Макар.

Мн. — «Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе». Изд. В. Одоевский и В. Кюхельбекер, ч. I—III. М., 1824; ч. IV, 1825.

Монт. — [Ш. Л. М о н т е с к ь е]. О разуме законов. Сочинение Г. Монтескюия. Перев. с франц. В. Крамаренкова, т. 1. СПб., 1775; О существе законов, творение г. Монтескье. Перев. с франц. Д. Языкова, ч. 1—4. М., 1809—1814. (*Монт.*[1]); Дух законов. Творение знаменитого французского писателя де Монтескье. Перев. Е. Карнеева, ч. 1—3. СПб., 1839 (*Монт.*[2]).

Мор — [Р. М о р]. Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия. Пер. с аглинского на французский Руссо, а с французского на российский. СПб., 1789.

МТ — «Московский телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств». Изд. Н. Полевой. М., 1825—1834.

Муравьев — М. Н. Муравьев. Полное собрание сочинений. ч. 1—3. СПб., 1819—1820.

Мурат. — Л. Муратор ий. Рассуждение о благоденствии общенародном. Перев. с франц. М. Попова, ч. 1—2. М., 1780.

Нов. — Н. И. Новиков и его современники. Избранные сочинения. М., Изд-во АН СССР, 1961.
См. также: Магаз., МЕИ, П, Приб. вед., ПТ, Тр, УС.

Мысл. — Мысли беспристрастного гражданина... Пер. с франц. СПб., 1793.

Нов. Слов. пис. — Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.

Опис. ком. — [Г. Гейнсиус]. Описание в начале 1744 года явившейся кометы. Перев. М. В. Ломоносова.— В кн. Ломоносов, т. IV, 1955.

Оп. чел. — А. Поп. Опыт о человеке. Перев. с франц. и предисловие П. Поповского 1754 г. М., 1757; Опыт о человеке. Перев. в прозе Е. Болоховитинова. М., 1806 (*1806*).

Осип. — Т. Ф. Осиповский. О пространстве и времени (1807); Рассуждение о динамической системе Канта (1813). См.: Естеств. XIX в.

Отт. имп. — Л. Ф. Марсильи. Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. [Перев. В. К. Тредиаковского], ч. 1—2. СПб., 1737.

П — «Пустомеля». Изд. Н. И. Новиков. СПб., 1770. То, что я употребил вместо предисловия.

ПАН — Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г., т. 1—14. СПб., 1897—1911.

Панк. — М. И. Панкевич. Слово о подлинной цели математических наук и о сообразном ей расположении упражнений в оных (1792); Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения (1800). См.: Речи (*Подл. цел., Ср. просв.*).

ПБП — Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. I—VI. СПб., 1887—1912; т. VII—XI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946—1962.

Пест. — П. И. Пестель. «Русская Правда». Из показаний. См.: Декабр (*РП*).

Петр — См. ПБП.

ПЖ — «Политехнический журнал, с показанием ученых и других вещей». Изд. П. Сохацкий. М., 1790—1797.

Полен. — А. Ф. Поленов. О крепостном состоянии крестьян в России (1766). См.: Русск. мысл. XVIII в.

Полит. — Ф. Г. Политковский. Речь о происхожде-

нии и о пользе истории натуральной (1785); Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством (1796). См.: Речи (*Пр. ист. нат.*, *Св. ист. нат*).

Пол. нам. — [А. Гойон]. Политическое намерение о коммерции. Перев. с франц. 1765 г. СПб., 1771.

Поповск. — Н. Н. Поповский. Речь, говоренная в начатии философических лекций (1755). См.: Речи. См. также: Восп. дет., Опыт. чел.

Пор. добр. — Статьи из энциклопедии о пороке и добродетели. Перев. И. Ванслова. СПб., 1774.

Посл. — Послание к французам от некоего доброжелателя Франции. СПб., 1793.

Посошк. — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве.— В кн.: И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Ред. и комм. Б. Б. Кафенгауза. М., Изд-во АН СССР, 1951.

«Приб. вед.» — «Прибавление к Московским ведомостям». Изд. Н. Новиков. М., 1783—1784.

«Прим. вед.» — «[Месячные] Исторические, генеалогические и географические примечания в ведомостях». СПб., 1728—1731. «Примечания на ведомости». СПб., 1732—1740. «Примечания к ведомостям». СПб., 1741—1742.

Проект 1724 — [Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, утвержденный Петром I. 22 января 1724 г.]. История АН СССР, т. I.

Прок. Безбож. — Ф. Прокопович. Рассуждение о безбожии. М., 1774.

ПРП — Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, ч. 1—6. М., 1797—1801 [2-е изд. «Писем» — ч. 1—4, 1797; ч. 5—6, 1801].

ПРП — МЖ — См. МЖ [1-е изд. ПРП].

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, т. 1—45. СПб., 1830.

ПТ — «Покоящийся трудолюбец». Изд. Н. И. Новиков. М. Предисловие (1784, I); Человек, наедине рассуждающий о неудоборешимых пневматологических, психологических и онтологических задачах. Новая логика (1784, II) (*Пред.*, *Чел. расс.*).

Пуф. — См.: Должн., Ист. евр.

Пушк. — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 1—16. М., Изд-во АН СССР, 1937—1949.

Пущин — И. И. Пущин. Из «Записок о Пушкине». Из показаний. См.: Декабр.

Рад. — А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. 1—3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938—1952. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений (1789); Беседа о том, что есть сын отечества (1789); Письмо к другу, жительствующему в Тобольске, по долгу

звания своего (1790); Путешествие из Петербурга в Москву (1790); Опыт о законодательстве (1782—1790); О человеке, о его смертности и бессмертии (1792—1796); Письмо о китайском торге (1792); Проект Гражданского уложения (1801); О законоположении (1801—1802) (*Уш.*, *Бесед.*, *Письм.*, *Путеш.*, *Опыт.*, *О чел.*, *Кит. торг. Проект*, *Закон*).

Раевск. — В. Ф. Раевский. См.: Декабр.

Разг. 1802 — [Б. Фонтенель]. Разговор о множестве миров. [Перев. с франц. А. П. Трубецкой]. М., 1802.

Разгл. церк. — [Ф. М. Вольтер]. Опыт исторический и критический о разгласиях церьквей в Польше. Перев. с франц. В. [К. Тредиаковского]. СПб., 1768. Опыт исторический и критический о несогласиях церквей в Польше. Перев. с франц. [В. П. Мещерского]. СПб., 1776 (*1776*).

Регл. 1747 — Регламент имп. Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. СПб., 1747.

Речи — Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. 1—4. М., 1819—1823.

Речи деп. — Речи и мнения депутатов Комиссии для сочинения проекта нового уложения — Г. С. Коробьина, И. Жеребцова, И. Чупрова, А. Маслова (1768). См. Русск. мысл. XVIII в.

РИБ — «Русская историческая библиотека». СПб.— Пг.— Л.

Рост — [И. А. Рост]. Рассуждение о проницательном действии малейших частиц, которые из тел, особливо животных, проистекают. Перев. с лат. М., 1765.

Рум. — С. Я. Румовский. Речь о начале и приращении оптики. СПб., 1763.
См. также Эйл.

Русск. мысл. XVIII в. — Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. I—II. М., Госполитиздат, 1952.

Руссо. Восст. наук — [Ж. Ж. Руссо]. Рассуждение, удостоенное награждения от Академии Дижонской в 1750 году, на вопрос, предложенный сею Академиею, что восстановление наук и художеств способствовало ли ко исправлению нравов? Перев. П. Потемкина. М., 1768; Речь Ж. Ж. Руссо, удостоенная в 1750 году от Дижонской Академии награждения... Нов. перев. М. Ю[дина]. СПб., 1792 (*1792*).

Руссо. Мысл. — [Ж. Ж. Руссо]. Мысли Ж. Ж. Руссо, женевского философа. Перев. с франц. [М. Прокоповича]. М., 1804; Мысли Жан Жака Руссо о различных материях. Перев. П. Андреева, кн. 1—2. СПб., 1800—1801 (*Мысл.* [1]); Дух, или Избранные мысли Ж. Ж. Руссо. Перев. И. Мартынова. СПб., 1801 (*Мысл.*[2]).

Руссо. Расс. — Ж. Ж. Руссо. Рассуждение о начале и основании

неравенства между людьми. Перев. с франц. П. Потемкина. М., 1770.

Рылеев — К. Ф. Рылеев. Несколько мыслей о поэзии. См.: Декабр.

Сав. лекс. — [Ж. Савари]. Экстракт Савариева лексикона о коммерции. Перев. с франц. С. Волчкова. СПб., 1747.

СВ — «Северный вестник». Изд. И. И. Мартынов. СПб., 1804—1805.

СЖ — «Статистический журнал». Ред. К. Ф. Герман. СПб.,, 1806 и 1808.

Сиб. — И. А. Сибирский. Химическое рассуждение о сгараемых телах, естеством и искусством произведенных (1778). См.: Речи.

Сист. — Д. К. Кантемир. Книга систима, или Состояние мухаммеданской религии. [Перев. с лат. И. Ильинского при участ. Д. Грозина]. СПб., 1722.

Словц. — П. А. Словцов. Материя (1796). См.: Русск. мысл. XVIII в.

Смит — А. Смит. Исследование свойства и причин богатства народов. Перев. с англ. [Н.Политковского], т. 1—4, СПб., 1802—1806.

Снелль — Ф. В. Снелль. Начальный курс философии. Перев. с нем. Ал. Лубкина и П. Кондырева,ч. 1—5, Казань, 1813—1814.

Сойм. — [Ф. И. Соймонов]. Краткое изъяснение о астрономии. М., 1765.

Сокр. мат. — [Я. Герман, Ж. Делиль]. Сокращение математическое. Перев. с франц. М. С. Горлицкого, ч. 1—2. СПб., 1728.

Сох. — П. А. Сохацкий. Слово о предметах, свойстве и влиянии изящного вкуса на счастие жизни (1801); Торжественное слово на полувековой юбилей Московского университета (1805). См.: Речи. Слово о главной цели воспитания. М., 1793 (*Предм.*, *Торж. сл.*, *Гл. цель*).
См. также: ПЖ.

СП — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб., 1758—1762.

СПб. вед. — «Санктпетербургские ведомости». СПб., 1789—1798.

Страх. — П. И. Страхов. Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие (1788). См.: Речи.

Сум. — А. П. Сумароков. Полное собрание сочинений в стихах и прозе, т. I—X. Изд. 2. Ред.-изд. Н. И. Новиков. М., 1787.
Некоторые статьи о добродетели. О разумении человеческом. О несправедливых основаниях. Сон — счастливое общество (1759); Перевод письма г. Сумарокова, писанного им же на немецком языке к приятелю (1763); Господину Пассеку: вот наш быв-

ший разговор (1770); О новой философической секте. К добру или к худу человек рождается? О слове «мораль». О домостроительстве. Пиит и его друг (*Ст. добр.*, *Раз. чел.*, *Неспр. осн.*, *Сон*, *Пер. письм.*, *Пасс.*, *Фил. сект.*, *Добр. худ.*, *Домостр.*, *Пиит*).

СУР — Содержание ученых рассуждений имп. Академии наук, изданных в первом [— четвертом] томе новых Комментариев. СПб., [1750—1759].

Сырейщ. — Е. Б. Сырейщикова. Речь о пользе нравоучения при воспитании юношества (1783). См.: Речи.

Тат. Ист. — В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. 1—4. М., 1768—1784.

Тат. Лекс. — В. Н. Татищев. Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский, ч. I—III. [А—К]. СПб., 1793.

Тат. Разг. — В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ [30-е годы XVIII в.]. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1887, кн. 1.

Тепл. — Г. Н. Теплов. Знания, касающиеся вообще до философии, кн. 1. СПб., 1751.

Тимк. — Р. Ф. Тимковский. Слово о различии греческого и римского просвещения, проистекающем из особенного духа, нрава и образа жизни оных народов (1811). См.: Речи.

ТП — «Трудолюбивая пчела». Изд. А. П. Сумароков. СПб., 1759.

Тр. — «Трутень», Изд. Н. И. Новиков. СПб., 1769—1770. См.: Русск. мысл. XVIII в.

Тред. — В. К. Тредиаковский. Сочинения, т. 1—3. Изд. А. Смирдина. СПб., 1849.
Слово о премудрости, благоразумии и добродетели (1752); Предъизъяснение об ироической пииме. Аргенида (1751); Тилемахида (1766) (*Сл. прем.*, *Ир. пиим.*, *Тилем*).
См. также: Дел., Изв. возм., Отт. имп., Разгл. церк., Ист. пол.

Тред. Жит. Бак. — [Д. Маллет). Житие Франциска Бакона, канцлера аглинского. — В кн.: Житие канцлера Франциска Бакона. Перев. с франц. В. К. Тредиаковского [М.], 1760.

Тред. Рим. ист. — [Ш. Роллен]. Римская история от создания Рима до битвы Актийской, то есть по окончание республики. Перев. с франц. В. К. Тредиаковского, т. I—XVI. СПб., 1761—1767.

Тред. Феопт. — В. К. Тредиаковский. Феоптиа. 1750—1754. Рук. ЦГАДА, ф. 381 (Синодальной типографии), № 1038; Феоптия.— В кн.: В. К. Тредиаковский. Избранные произведения. М.— Л., 1963.

Тред. Фил. Бак. — [А. Делей р]. Сокращение философии канцлера Франциска Бакона, т. 1.— В кн.: Житие канцлера Франциска Бакона. Перев. с франц. В. К. Тредиаковского [М.], 1760.

Трет. — И. А. Третьяков. Слово о римском правлении и о разных оного переменах (1769). См.: Речи. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов. М., 1772 (*Рим. правл.*, *Прич. из.*).

Тург. — Н. И. Тургенев. Нечто о барщине (1818); Мысли о составлении Общества (1821). См.: Декабр. (*Барщ.* *Общ.*).

Тютчев — Ф. И. Тютчев. Лирика, ч. 1—2. М., 1966.

Указ. Пуг. — Именные указы, повеления и манифесты Е. И. Пугачева [№ 1—26], 1773—1774. См.: Русск. мысл. XVIII в.

УС — «Утрений свет». Изд. Н. И. Новиков и др. СПб.— М. Предуведомление (1777, I); О добродетели. Заключение журнала под названием «Утреннего света» (1780, IX).

Уст. благ. — Устав Союза благоденствия. См.: Декабр.

Ф. Глинк. — Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года. М., 1821.

Фен. Зр. прир. — Фр. Фенелон. Зрелище природы. Перев. с франц. Н. Хлопова. М., 1766. Позорище природы Перев. с франц. К. Нилова. Тамбов, 1793 (*1793*).

Ферг. — А. Фергюсон. Опыт истории гражданского общества. Перев. с англ. И. Тимковского, ч. 1—3. СПб., 1817—1818.

УИ — Умозрительные исследования имп. Санктпетербургской академии наук, т. 1—5. СПб., 1808—1819.

Фил. толк. — Статьи о философических толках, из енциклопедии. Перев. Я. Костянского. СПб., 1774.

Флор. эк. — [Ф. Ф. Флоринус.] Флоринова экономиа. Сокращ. перев. с нем. [С. С. Волчкова]. СПб., 1738.

Фонвиз. — Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений, т. 1—2, М. —Л., 1859.
Басни нравоучительные с изъяснением.... Голберга (1761—1765); Письма и дневники (1763—1785); Торгующее дворянство (перевод, 1766); Слово похвальное Марку Аврелию (1777); Рассуждение... *Басн. Голб.*, *Торг. двор.*, *Похв. сл.*, *Расс.*

Фонвиз. Сидн. [Фр. д' Арно]. Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность [Перев. с франц. Д. И. Фонвизина]. М., 1769.

Храп. — А. В. Храповицкий. Дневник. 1782—1793. СПб., 1874.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).

Чеб. — Х. А. Чеботарев. Слово о способах и путях, ведущих к просвещению (1779). См.: Речи. Слово о изобретении искусства письма и о том, что не послужило ли оно во вред человеческому уму и благонравию? М., 1776 (*Сп. просв. Изобр. письм*).

Шаф. Расс. — П. П. Шафиров. Рассуждение, какие законные причины ....Петр Первый... к начатию войны

против короля Карла 12 шведского 1700 году имел. СПб., 1717.

Щегл. — Н. П. Щеглов. Минералогия. СПб., 1824.

Эйл. — [Л. Эйлер]. Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе. Перев. с франц. С. Румовского, ч. 1—III. СПб., 1768—1774.

ЭЛ — Энциклопедический лексикон. т. I—XVII. Изд. А. Плюшар. СПб., 1835—1841.

Энц. — Энциклопедия, или Собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материях. Перев. с франц. И. Приклонского. М., 1763.

Эразм — [Эразм Роттердамский]. Разговоры дружеские Дезидериа Ерасма. (Перев. Г. Бужинского]. СПб., 1716.

Якоб — Л. Якоб. Курс философии для гимназий Российской империи, ч. 1—8. СПб., 1815—1817.

Якушк. — И. Д. Якушкин. Из «Записок». Что такое жизнь? См.: Декабр.

Anal. — Analyse de la philosophie du chancelier François Bacon. Leyde, 1756.
[D. Mallet]. La vie de François Bacon, chancelier d Angleterre; [A. Deleyre]. Analyse de la philosophie du chancelier Bacon.

Disc. — J. J. Rousseau. Discours qui a remporté la prix à l'Acadèmie de Dijon... Genève, 1755.

Encycl. — Encyclopedie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une sociètè de gens de lettres, t. 1—17. Paris, 1751—1757.

Entr. — B. Fortenelle. Entrètiens sur la pluralité des mondes. «Oeuvres diverses de M. de Fontenelle», t. 1. La Haye, 1728.

Essai — A. Pope. Essai sur l'homme. Lausanne — Genève, 1745.

Inqu. — A. Smith. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. 4-th. ed. Lnd., 1786.

Lettr.— — Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie, t. I—III. St.- P., 1768—1772.

Orgine. — J. J. Rousseau. Discours sur l'orgine et les fondemens de l'inègalité parmi les hommes. «Oeuvres de J. J. Rousseau», t. 2. Amsterdam, 1769.

Pens. — [J. J. Rousseau]. Pensées de J. J. Rousseau, t. 1—2. Paris, 1793—1794.

Text. chois. — Textes choisis de l'Encyclopédie. 2-me éd. Paris, 1962.

Volt. — F. M. Voltaire. Collection complette des oeuvres. 1-re éd. Vol. 1—17. Genève, 1756—1757.

Словари и картотеки

Алекс. — П. А. Алексеев. Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також

иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах. М., 1773; Дополнение... М., 1776 (*Доп.*); Продолжение... М., 1779 (*Прод.*).

Англ.-рос. — П. И. Ждановъ. Новый словарь аглинский и россиискій. СПб., 1784.

Берында — Лексикон словено-роськый Памви Беринди. Київ, Вид-во АН УРСР, 1961.

Вейсм. — [Э. Вейсманъ]. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. [Перев. И. И. Ильинского, И. П. Сатарова, И. С. Горлицкого]. СПб., 1731.

Виньер. — [Ж. Виньеронъ]. Краткий лексикон на четырех языках, то есть на французском, италиянском, немецком и россиискомъ. М., 1771.

Вост. — А. Х. Востоковъ. Словарь церковнославянского языка, т. I. А—Н. СПб., 1858—1861.

Гейм — И. Геймъ. Новый россиисko-французско-немецкий словарь, ч. I—III. М., 1799—1802.

Гелт. — Фр. Гелтергофъ. Россиискій лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом, ч. 1—2. М., 1778.

Ген. регл. — см. Смирн.

Гесн. — [И. М. Геснеръ]. Лексикон латинский, с Геснерова этимологического лексикона на россиискій язык переведенный. М., 1767.

Гол.-рос. — Книга лексикон, или Собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык. СПб., 1717 [часть тиража с голландского на русский].

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—VI. (Изд. 2. СПб.— М., 1880—1882). М. 1955.

Даль[3] — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4, Изд. 3. Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб.— М., 1903—1909.

ДРС — Картотека Малого древнерусского словаря XI—XVII в. (Ин-т русск. языка АН СССР, Москва).

Карт. Пушк. — Картотека Словаря языка Пушкина (Ин-т русск. языка АН СССР, Москва).

Карт. XVIII в. — Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Ин-т русск. языка АН СССР, Ленинград).

Кир. — Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым, вып. 1—2. А—О. СПб., 1845—1846.

Крон. — И. Кронебергъ. Латинско-россиискій лексикон. ч. 1—2. Изд. 2. М., 1824.

Лекс. вок. — См. Смирн.

Лит. сл. — Д. М. Опыт литературного словаря. М., 1831.

Михельс. — А. Л. Михельсонъ. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русскій язык. М., 1866.

Нем.-рос. — Полный немецко-россиискій лексикон, из большого грамматикально-критического словаря

г. Аделунга составленный. Издано обществом ученых людей, ч. 1—2. СПб., 1798.

Нов. лекс. — Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках. [Пер. С. С. Волчкова], ч. 1—2, СПб., 1755—1764.

Норд. — И. Нордстет. Российский с немецким и французским переводами словарь, ч. I—II. СПб., 1780—1782.

Ожегов — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 8. М., 1970.

Пол. — Ф. Поликарпов. Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллипогреческих и латинских сокровище. М., 1704.

Преобр. — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. (М., 1910—1914). М., 1958.

Рейф — Ф. Рейф. Новый карманный словарь русского, французского, немецкого и английского языков, ч. 1—2. СПб., 1843—1845. — Ч. 1. Русские слова, объясненные по-французски, по-немецки и по-английски.

Р-ф-ц — Иван Р-ф-ц [И. М. Репофанц]. Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов. СПб., 1837.

Рук. лекс. — Рукописный лексикон первой половины XVIII в. [Подг. к печ. А. П. Аверьяновой. Отв. ред. Б.А. Ларин]. Л. 1964.

Ручн. сл. — Ручной словарь употребительных технических слов из наук, искусств и художеств, или Маленькая энциклопедия. М., 1830.

САР — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. I—VI. СПб., 1806—1822; Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный, ч. I—VI. СПб., 1789—1794 (*САР*[1]).

Сб. 1730 — см. Смирн.

СДР — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV в. (Ин-т русск. языка АН СССР, Москва).

Сл. Пушк. — Словарь языка Пушкина, т. I—IV. М., ГИС, 1956—1961.

Сл. Тат. — И. Татищев. Полный французско-российский словарь, ч. 1—2. М., 1816.

Сл. 1762 г. — [И. Ф. Литхен]. Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все российские слова по порядку российского алфавиту, ч. 1—2. СПб., 1762.

Сл. 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. АН, т. I—IV. СПб., 1847.

Смирн. — Н. А. Смирнов. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. «Сб. ОРЯС», т. 88, № 2, СПб., 1910.

Сокол. — П. Соколов. Общий церковнославянско-российский словарь, ч. 1—2. СПб., 1834.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря

древнерусского языка, т. I—III. (СПб., 1893—1903). М., 1958.
СРЯ — Словарь русского языка, т. I—IV. М., 1957—1961.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, т. I—XVII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1948—1965.
Ушаков — Толковый словарь русского языка, т. I—IV. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. Перев. с нем. О. Н. Трубачева. М., 1964—1967.
Фр. — рос. — Полный французский и российский лексикон, ч. 1—2. СПб., 1786.
Целл. — Хр. Целларий. Краткий латинский лексикон с российским и немецким переводом. СПб., 1746.
Яп. — Н. М. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся речения и технические термины, значение которых не всякому известно, ч. 1—3. СПб., 1803—1806.

Adelung — J. Ch. Adelung. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart., т. 1—4. 2. Ausg. Leipzig, 1793—1801.
Campe — J. H. Campe. Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unsezer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke. Braunschweig, 1813.
Corrad. — Fr. Corradini. Lexicon totius latinitatis, t. I—IV. Patavia, 1864.
DAF — Dictionnaire de l'Académie françoise. 4-me éd. T. 1—2. Paris, 1762. Dictionnaire de l'Académie françoise. 3-me éd. T. 1—2. Paris. 1740 (*1740*). Dictionnaire de l'Académie française. 6-me éd. T. 1—2. Paris., 1835—1836 (*DAF*^{6}).
Linde — S. Linde. Słownik języka polskiego, t. I—VI. Lwów, 1854—1860.
Nier. — T. F. Niermeyer. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1954—1956.
OED — The Oxford English dictionary, v. I—XII, Oxford, 1933.
Robert — P. Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, fasc. 1—56, Paris, 1951—1964.
Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, z. 1—10, Kraków, 1952—1963.
Vasmer — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—III. Heidelberg, 1950—1958.

Исследования

Авилова — Н. С. Авилова. К изучению языка поэтов-декабристов (лексика и словообразование). — МИИРЛЯ, т. III, 1953.

Бельчиков — Ю. А. Бельчиков. Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского. М., 1962.

Будагов — Р. А. Будагов. Развитие французской политической терминологии в XVIII в. Л., 1940.

Виноградов — В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2. М., 1938; Он же. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961 (*Пробл. авт.*).

Винокур — Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
Русский язык. Исторический очерк (с. 11—110); Русский литературный язык в первой половине XVIII в. (с. 111—137); Русский литературный язык во второй половине XVIII в. (с. 138—161); О славянизмах в современном русском литературном языке (с. 443—459).

Грот — Я. К. Грот. Филологические разыскания. Т. 1. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб., 1876.
Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (*Слов. Даля*); Карамзин в истории русского литературного языка (*Карамз.*); Русско-французский словарь г. Макарова (*Слов. Макар.*); Материалы для русского словаря. V. Слова, взятые с польского или через посредство польского (*Матлы слов.*).

Земская — Е. А. Земская. Из истории русской литературной лексики XIX в. (К изучению научного наследия Я. К. Грота).— МИИРЛЯ, т. IV. 1957.

История АН СССР — История Академии наук СССР, т. 1—3, М.— Л., 1958—1961.

Карпенко — Л. И. Карпенко. Язык и стиль критических статей В. Г. Белинского (1834—1836 гг.) Канд. дисс. Харьков, 1951.

Кутина — Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). М. — Л., 1964 (*Яз. науки*); Она же. Формирование терминологии физики в России. Период предломоносовский: первая треть XVIII в. М. — Л., 1966 (*Физика*).

Левин — В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. (Лексика). М., 1964.

Макар. — П. Макаров. Критика на книгу под названием: Рассуждение о старом и новом слоге российского языка.— ММ, 1803, декабрь.

МИИРЛЯ — «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. I—V. М.— Л., 1949—1962.

Мищенко — А. Х. Мищенко. Структурно-семантические разряды публицистической лексики А. И. Герцена. «Вопросы изучения русского языка». Алма-Ата. 1955.

НДВШ. ФН — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки». М.

Отвл. лекс. XIX в. — В. В. Веселитский. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. М., 1964.

Пекарск. Ист. АН — П. П. Пекарский. История имп. Академии наук в Петербурге, т. I—II. СПб., 1870—1873.

РЯНШ — «Русский язык в национальной школе». М.

РЯШ — «Русский язык в школе». М.

Сиповск. — В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника», СПб., 1899.

Словообр. глаг. — Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX в. М., 1964.

Словообр. существ. и прил. — Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX в. М., 1964.

Совр. лекс. — Русский язык и советское общество. Лексика современного русского языка. М., 1968.

Сорокин — Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М. — Л., 1965; О н ж е [рец.]. G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956.— ВЯ, 1958, № 5 (*рец*).

Сухомлинов — М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. I—VIII. СПб., 1874—1888.

Шведова — Н. Ю. Шведова. Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.— МИИРЛЯ, т. II, 1951.

Шишков — А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803 (*Расс.*). О н ж е. Прибавление к сочинению, называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», или Собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные. СПб., 1804 (*Приб.*).

ЭИРЯ — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I—VI. М., 1960—1968.

Christ. — W. A. Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörtern in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906.

HWB — G. Hüttl-Wort. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jarhundert. Wien, 1956.

HWF — G. Hüttl-Worth. Foreign words in Russian. A historical sketch, 1550—1800. Los Angeles, 1963.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ[1]

абсолют — 116
абсолютно — 21
абсолютный — 21, 115, 137, 144, 202
абсолютство — 21, 115
абстрактный — 137, 172
абстракция — 172
акциденция — 52
акция — 22
анализ, анализис — 114, 116 121—124, 202, 229, 286
анализировать — 113, 124
анализист, аналист — 115, 123, 124
аналитика — 115, 123, 124
аналитический — 116, 123, 124, 202
аналогический — 116
аналогия, аналогиа — 115
аннотация — 18
артерия — 214
астрономия — 131
атеизм — 114, 115
атеист — 114, 115
атеистство — 115
атмосфера — 115, 214
атом — 26, 105, 114, 116, 132, 134, 137
ат(т)рибут(ы) — 247, 250, 251
афеиа — 115

бег — 72
безвещественный — 199
безвкусный — 150
безграничность — 199
безграничный — 198
безначальное — 95
безначальный — 198
безосновательный — 91, 219
безусловное — 95
безусловный — 137, 202
беллетрист — 223, 224
беллетристика — 222, 223
беллетристический — 223
беллетрический — 116, 223
беллетр(ы) — 165
беседования — 132
бесконечное — 95
бесконечность — 82, 199
бесконечный — 198, 199
бестелесность — 82
бестелесный — 89, 194
бесхарактерность — 119
бесчеловечие — 87, 93, 270
бесчеловечность — 82, 83, 93, 270
бесчеловечный — 90, 270
благо — 215, 216, 282, 283, 285
благоденствие — 87, 93, 98, 215—217
благоденство — 93, 98
благое — 95
благонравие — 87, 98, 99
благополучие — 87, 98, 215—217, 283
благосостояние — 93, 99, 215—217, 282, 283
благосостоятельство — 93, 99, 216
блаженство — 215, 217, 283
близкое — 97
блудить — 72
блуждать — 72
блуждающиеся — 72
богатство — 217
буква — 117
быль — 250, 285
быт — 260, 261, 285

[1] Указатель составили И. А. Василевская и Е. С. Копорская.

бытие — 53, 249, 255—260, 282, 285
бытность — 129, 258, 259
быть — 250, 259

величайшее — 252
величество — 84
вергать — 64
вержение — 64
верзить — 64
вероятное — 95
вертеться — 72, 73
вечное — 96
вещесловие — 87
вещественник — 89
вещественное —96
вещественность — 82, 199, 247
вещественный — 197, 199, 201, 246, 281
вещество — 47, 51, 240, 244—246
веществословие — 87
вещность — 82, 104, 105, 247
вещный — 247
вещь — 19, 20, 33, 51, 56, 60, 62, 64—66, 71, 75—77, 79, 129, 130, 194, 201, 246, 247, 250, 282
вид — 206, 231—233
вихорный — 196
вихрь — 193, 195, 196
вкус — 148—150, 212, 283
вкусный — 150
владычество — 232, 282
вливание — 153
вливать — 153
влияние—152, 153, 154 (сп.),286
влияти — 153
внешнее — 96, 285
внешний — 201
внешность — 201
внимание — 177
внутреннее — 96, 285
внутренний — 110, 201
внутренности — 110
внутренность — 82, 110, 201
вожделение — 162
водомет — 65
воззрение — 87, 285
возможное — 95, 96
возносительный — 91, 93, 167, 168, 285
возносить — 285
возносный — 93, 168
вольнодумец — 89
вольность — 272—274, 282
воля — 273, 274
воображение — 139—141
вообще — 271
вопрос — 61, 253
ворочаться — 72
воспроизводительный — 264
воспроизводиться — 264
восходительный — 91, 93, 124
восходный — 93
впадение — 154
впечатлевание — 155
впечатлевать — 154
впечатление — 17, 152, 154—156, 286
впечатленный — 156
вписание — 154
вплывать — 155
время — 256, 278, 279
врожденность — 85
врожденный — 90, 282
вселенная — 194
всенародный — 272
всеобщий — 202, 270, 276
вспящение — 285
втечение — 153
выкапываемый — 282
вышеестественное — 107
вышеестественный — 107
вышенатуральное — 107
вышетелесный — 107

гармония — 22, 29, 255
гемиофера — 19
генеральность — 271
генеральный — 270, 271
глыба — 39, 40, 42
горизонт — 214
горожанин — 173
границы — 154, 207
градус — 116
гражданин — 138, 173, 174, 191, 192
гражданский—175, 200, 281—283
гражданственность — 177, 272
гражданство — 86, 176
громада — 39—42
груда — 40, 41
группа — 29
гуманический — 269
гуманность — 267, 269
гуманный — 269
густость — 84

давить — 154
давление — 154
далекое — 97
данное — 104, 105, 110, 250
данность — 104
данные — 105, 110
данный — 105, 190, 286
движение — 72, 278, 280
двигаться — 72
двойственник — 89
двойственность — 83, 84
двойство — 84
деист — 115
действенник — 89, 236, 238, 240
действенность — 81, 82, 236, 240
действенный — 90, 236, 238, 240, 285
действие — 87, 236, 237, 240, 249
действитель — 88, 89, 239, 240
действительное — 96
действительность — 57, 85, 119, 236, 238, 240
действительный — 91, 236, 238, 240, 286
действо — 86, 87, 236, 237, 240
действование — 86—88, 236, 237, 240
действователь — 88, 89, 236, 238—240
действовать — 88, 236, 238, 240
действующий — 236, 237, 240
делание — 236, 237, 240, 249
делатель — 88, 236, 239, 240
делательный — 236, 238, 240
делать — 236, 238, 240
деликатность — 19
дело — 51, 56, 71, 74, 75, 79, 247, 249, 282
дельность — 240
дефиниция, дефиниция — 115, 137
деяние — 236, 237, 240, 249, 285
деятель — 236, 238—240, 285
деятельность — 83, 236, 238, 240
деятельный — 91, 236, 238, 240
деять — 236, 238, 240
диссертация — 132
дистанция — 132
добро — 282, 283
добровкусность — 150
добронравие — 98, 99
довлеть — 154
договор — 254, 255, 281—283
долг — 272
должность — 272, 282
домостроитель — 88
домостроительный — 91, 93
домостроительство — 86, 93, 94
домостройность — 93, 94
домостройный — 91, 93
домостройство — 93
достоинство — 116, 278
доход — 278
дуалист — 115
дух(и) — 160—162, 280, 285
духобойный — 131
духовный — 24, 197, 280
душа — 280
душевный — 197

единственная вещь — 33, 34
единственник — 33, 89
единственное — 32
единственность — 33, 37, 38, 81
единственный — 32, 38, 202, 282
единственный человек — 33
единство — 86
естественник — 67—69, 89, 285
естественница — 89, 142
естественность — 53, 83, 243
естественный — 23, 157, 197, 200, 201, 243, 281—283
естество — 49, 56, 68, 69, 194, 200, 240—243, 282, 283
естествоиспытатель — 68—70, 88
естествослов — 67, 69, 89, 91
естествословец — 67, 69, 89, 91
естествословие — 69, 131
естествословствующие — 67, 91

желание — 162
жидкость — 84, 85
жизнь — 260
житель — 173
жительство — 260
житие — 259, 260, 282, 283, 285
житье — 260

заблуждающиеся — 72
зависимость — 94
зависимый — 94
зависящее — 95
зависящий — 168
закон — 272, 281, 282
запрос — 278
звездочетство — 131
здравый — 282, 283

земледелатель — 88, 93
земледелец — 88, 93
злое — 95
знак — 116
знание — 187
значительность — 278

идеализм — 115
идеалист — 115
идеальное — 96
идеальный — 115, 199
идея, идеа — 113, 178, 181, 182
иждиватель — 265
иждивать — 265, 285
иждивение — 265
известное — 105
известный — 105, 190, 286
изделие — 262
издержки — 278
изобилие — 217
изыскание — 229
изыскивать — 230
изъяснение — 190
изящество — 86, 93, 167
изящное — 166
изящность — 93, 166, 167
изящные искусства — 110, 166
изящный — 90, 149, 164—166, 223, 283
имагинация, имагинациа, магинация — 115, 139, 140, 141
именник — 89
именователь — 93
именовник — 89, 93
индивидуально — 37
индивидуальность — 37
индивидуальный — 31, 35, 37, 38, 113, 137, 159
индивидуум, индивидуом — 31, 35—38, 137, 160
инкогнито — 29
инерция — 247
инстинкт — 247, 251, 252
инстинктуальный — 251
интеллектуальное — 96
искапываемый — 282
искус — 224—226, 230
искусный — 230
искусственный — 230
искусство — 224, 226—228, 230, 283
искушение — 224, 226, 230, 285
испытание — 224, 228, 229, 282, 283
испытатель — 67—70, 88, 224, 231, 282, 283
испытывать — 224, 230; испытовать — 68
исследование — 123, 224, 228, 229
исследователь — 224, 231
исследовать — 68, 224, 230
истинное — 95
истинность — 53
история— 200, 282, 283
истязание — 228, 229
истязать — 68, 230, 285

капитал — 116
картина — 204, 212
качество — 117, 278
квадратное — 131
квалитет — 117
класс — 116, 231—233
клевретство — 98
количество вещественности—41
ком — 39, 42
коммерция, коммерциа, комерция — 115
конец — 63
конечное — 96
конечность — 81, 82
конечный — 198, 199
конкретный — 105
конкуренция — 247, 251
конкурировать — 251
констеллация, констелляция, констеллациа — 115, 137
конституция — 111
корпус — 78, 137
корпускула — 26
корпускулярный — 26
креатура — 19
крепость — 85
кризис — 26—29, 116, 136, 286
критик — 114, 116, 119—121, 125, 286
критика—29, 115, 120, 121, 286
критикованный — 120
критиковать — 120
критицизм — 120
критический (кризис) — 29, 116, 121
критический (критика) — 29, 116, 120, 121
круг — 72, 131, 132, 204, 208—211
куча — 39—42

легкость — 84, 85
леность — 84
литера — 117
литератор — 224
литература — 115, 220, 222, 223
лицо — 38
личность — 21, 38, 81—83, 119, 159, 160
личный — 38, 90, 159
ложное — 95
луна — 135
любомудрие — 130
людскость — 267
людство — 267

магнетический — 116
магнит — 214
максимум — 247, 252
малейшее — 252
малейшество — 252
малый — 135, 252
манер — 19
мануфактура — 115
мануфактурист — 115
мануфактурный — 115
мануфактурщик — 115
масса — 40—42, 113, 115, 119, 286
математист — 115
материал — 116, 240
материализм — 115, 247
материалист — 115, 247
материалистический — 247
материальное — 96
материальность — 247
материальный — 197, 246, 247
материя, материа — 47, 56, 74, 113, 134, 244—246
махина, машина — 204, 205
машинально — 205
машинальный — 205
мена — 276, 277
мера — 252
место — 278, 279
метафизика — 142
метафизический — 116, 213
механизм — 205
механический — 205
мечтание — 140
мещанин — 173, 174
мещанство — 176
минерал — 116
минимум — 247, 252
мир — 194, 200, 281, 282
модификация — 247, 252
молекула, молекюль — 26
монада — 25
монист — 115
морализовать — 24
моралист — 23—25, 115
моралический — 22, 116
мораль — 22, 23, 25, 137, 200
морально — 22—24
моральность — 22, 212
моральный — 17, 22—25, 115, 116, 199, 200
мысленное — 96, 285
мысленность — 83
мысленный — 90
мысль — 140, 272
мыслящий — 272
мягкость — 85

наблюдатель — 88
наблюдательный — 91
наблюдение — 86
надобность — 162, 278
назнаменование — 18
наибольшее — 252
наименьшее — 252
народ — 161, 272
народность, — 272
народный — 161, 272, 283
народоправительство — 93
народоуправление — 93
народоустроение — 87
наружность — 201
наружный — 201
натура — 49, 56, 68, 69, 132, 193, 200, 240—243, 282, 283
натуралист — 69, 70, 115
натуральное — 95
натуральность — 244
натуральный — 115, 200, 243, 282, 283
наука — 23, 283
национальность — 115, 272
национальный — 115, 272
нация, нациа — 18, 115
начало — 218, 220
начальная порошинка — 134
небытие — 256
невещественность — 200
невещественный — 199, 246
невкусный — 150
невозможное — 95
недействительность — 85
неделимое — 35, 38. 96, 106, 137

неделимость — 37
неделимый — 34, 35, 137, 154
неестественность — 244
неестественный — 200
независимость — 85, 94
независимый — 85, 94
независящий — 94
неключимость — 83, 92, 285
неключимый — 285
некоторый — 190, 286
нематериальный — 247
необработанный — 275
необразованный — 43
необходимое — 95
необходимость — 82, 83
необходительство — 82
неосновательный — 91, 219
неподчиненное — 95
неполное — 95
непроизводительный — 263
непросвещение — 191
неравенство — 82, 93
неравность — 82, 93
неразвитость — 153
неразделимое — 39, 96, 104, 106
неразделимость — 82
неразделимые частицы — 33
неразделимый — 32, 34, 35, 94, 104, 154
неразделительный — 93
нераздельное — 32—34, 36, 96, 104, 106
нераздельность — 33, 81, 82
нераздельные точки — 33
нераздельный — 32—34, 93, 94, 104, 154, 202, 282
неразделяемый — 32, 34, 94
несбыточное — 95
несекомое — 96, 105, 137
несекомый — 105, 106
несложный — 201
несмешанный — 201
низвергать — 64
ничто — 256
новое — 97
новопроизведение — 263
номиналист — 115
нрав(ы) — 119, 149
нравословие — 87
нравоучение — 24, 25
нравоучитель — 24, 25, 86—88, 93, 137
нравоучительность — 24, 83, 86, 93
нравоучительный — 22—25, 91, 200, 201
нравоучительство — 24, 86, 93
нравственное — 96
нравственность — 24, 25, 85
нравственный — 22, 24, 25, 90, 197, 199, 200, 201
нужда — 162, 163
нужное — 95

область — 208—211
обнародовать — 63
обогащение — 217
оборачиваться — 72
обрабатываться — 276
обработание — 214, 276
обработанный — 275
обработывание — 275
обработывать — 214, 276
образ — 119, 206, 232, 246
образец — 252
образование — 139, 140
обращаться — 72, 73
обращение — 72, 73
обряд — 18
обсерватор — 114, 116
обсерватория, обсерваториа—115
обсервационный — 115
обсервация, обсервациа — 115
обтекать — 73
обще — 271
общее — 271
общежитель — 88
общежительность — 85, 93
общежительный — 91
общежительство — 42, 44, 85—87, 93
общежитие — 44, 45, 86
общение — 272
общественно — 271
общественность — 17, 81, 85, 119, 270—272
общественный — 90, 119, 202, 270, 272, 281—283
общество — 42—46, 200, 202, 270, 282, 283
обществование — 87, 271, 285
общий — 202, 270, 282, 283
общность — 83, 92, 271, 272
обыватель — 173
объект, объектум — 18—21, 60, 63, 66, 67, 116, 202
объективное — 96
объективность — 20

объективный — 20
объекция, объекциа — 115
овеществившийся — 247
овеществить — 247
овеществорить — 247
огромнейшее — 252
одно — 33
одушевлять — 146
оживлять — 146
означаемое — 95
оказание — 183
океан — 214
округ, округа — 209, 210
округлость — 131
окружность — 131
определение — 29, 137, 187, 188, 190
определенный—105, 189, 190 286
определительность — 189 (сн.)
определительный — 189 (сн.)
определять(ся) — 188
опыт(ы) — 224—226, 228—230, 250, 285
опытки — 226
опытность — 81—92, 224, 225, 228—230
опытный — 224, 229, 230, 254
орган — 119, 124—126
организация, организациа — 115, 119, 124, 127, 128
организм — 128
организовать — 128
органический — 116, 119, 124, 126, 127
органическое тело — 128
органный — 126
органский — 126, 127
оригинал — 116, 137
орудие — 125
основа — 218, 219
основание — 218, 219
основанное — 96
основательность — 85, 93
основательный — 91
основательство — 93
особенник — 33, 89
особенно — 37
особенность — 38, 81, 83, 84
особенный — 32—35, 202, 282
особливость — 33, 82
особливый — 32—34, 38
особник — 89
особность — 33, 84
особняк — 89
особое — 37
острый судья — 120
отвлечение — 87, 110, 170—172
отвлеченное — 96
отвлеченность — 85, 171, 272
отвлеченный — 17, 90, 93, 137, 143, 156, 169—171, 286
отвлечь — 170, 171
отвлечительный — 93
отвращение — 285
отделение — 169, 170, 172
отделенно — 169
отделенный — 143, 169, 170
отделительно — 169
отдельно — 37
отдельный — 169
отделять — 169
отеческий — 90
отечественник — 89, 139
отечественный — 90, 193
отечество — 138, 191—193 (сн.)
отечестволюбец — 89, 139
отечестволюбивый — 139
отметка — 18
относительное местоимение —167
относительность — 85
относительный — 91, 96, 144, 156, 167—169, 202, 286
отношение — 278
отпрыгный — 131
отрицательный — 91, 144, 157, 158, 202
отступление — 75
отчелюбец — 139
отчизна — 191
отчизник — 139
отчизнолюб — 139
отчизнолюбец — 139
очистить(ся) — 254

пантеист — 115
патриот, патриота — 114, 116, 137—139
патриотизм — 115, 138, 193 (сн.)
патриотический — 116, 138
первобытный — 283
первоначальный — 200, 202
переворот — 28, 91, 136, 172
перелом — 28, 136
перемена — 136
переменный — 136
письмена — 220, 223, 285
письменник — 224
письменность—220, 222, 223,285

письменный — 223, 285
планета — 135
плоский — 148
плотность — 84, 85
плоть — 245, 285
пневматический — 131
побудительный — 252
побудок — 251, 252
побуждающий — 252
побуждение — 251, 252
повсеместно — 86, 271
подвергать — 64
подверженность — 64
подверженный — 90
подлежательный — 94
подлежащая вещь — 64
подлежащее — 91, 95, 106
подлежащий — 91, 94
подлежность — 62, 85, 93, 104
подлинник 137
подлог — 109
подложение — 56, 64, 93
подобие — 278
подобное — 95
подразделение — 104
познаваемый — 187
познавательный — 187
познавать — 184, 187
познание(ия) — 106, 184—187, 282
познанное — 187
познающий — 187
позорище — 208, 285
покой — 217
покупальщик — 89
покупщик — 89
полагательный — 91, 157
поле — 214
политеизм — 115
политеист — 115
политизованный — 131
политический — 116, 200
политичный — 116
полное — 95
положение (ия) — 110, 158, 164
положенный — 186 (сн.)
положительное — 96
положительный — 91, 144, 156—158, 167, 202, 286
положить — 156, 158
польза — 43, 217, 282, 283
по(н)яти — 177
понятие, поятие, поятность — 177—182, 286
порядок — 232, 255
посадский человек — 173
потреба — 162 (сн.)
потребитель — 88, 164, 264, 265, 285
потребительный — 164, 264, 265
потребить — 164, 261, 264, 285
потребление — 164, 264
потребность, (и) — 92, 110, 162, 163, 212
правильно расположенный — 131
правимое — 95
правление — 282
право — 200, 272, 282
прагматический — 230
практический — 116
практическое — 96
пребывающее — 95
предверг — 64, 109
предвергаемый — 62, 109, 282
предвержение — 62, 87, 93, 104
предверженная вещь — 19, 62
предверженный — 90, 282
предвержность — 62, 85, 93, 104, 285
предвечность — 285
предвечный — 285
предвратие — 64
преддверие — 65
предел(ы) — 154, 203, 204, 207
предзор — 64
предизвещать — 64
предлагаемая вещь — 62
предлагать — 61, 64, 67
предлежательное — 20
предлежательный — 20, 91, 94, 104, 109
предлежащая вещь — 19, 60, 62, 64, 66
предлежащее — 19, 60—62, 66, 95, 104
предлежащий — 20, 91, 94, 104, 106, 154, 282
предлежность — 62, 85, 104
предлог — 19, 60—62, 64—67, 109, 154
предложение — 19, 60, 61, 64—67
предложенная вещь — 61, 64
предложенный — 109, 282
предложность — 62
предместие — 64
предмет — 19—21, 33, 60—67, 91, 109

предметный — 20
предосуждение — 108, 109
предпознание — 109
предпоставлять — 64
предприятое — 109
предрассудок — 109
предрассуждение — 108, 109
представитель — 88
представление — 87, 119, 140, 152, 154
представляемая вещь — 19
предстание — 64
предстоятель — 65
предсуждение — 108, 109
предточилие — 65
предубеждение — 108, 109
предуверение — 93, 104, 108, 109
предуверенность — 93, 104, 108
предугадание — 64
предузнавать — 64
предхрамие — 65
преемственница — 89
преестественница — 109, 142
преестественный — 107
преломление — 193, 196
препорции — 19
прерывность — 85
преходящее — 95
прибыль — 278
призма — 115
приключение — 75, 249, 250
прилог — 19
принадлежность — 82, 85, 250, 251
принадлежный — 82
принцип, принципий — 218, 220
природа — 56, 57, 68, 69, 194, 240, 242, 243, 282, 283
природный — 200, 201, 243, 282
присвояемое — 96, 250
причина — 111, 278
причиняемое — 95
приятность — 166
проблема — 61, 253
прогресс(ы) — 116
продукт — 116, 262
прозябать — 152
прозябение — 152
прозябший — 152
произведение — 261, 262
производимость — 263
производитель — 263
производительность — 236
производительный — 263
производить — 261
производство — 261—263
производящий — 263
произрастать — 152
происшествие — 75, 247, 249, 250, 285
промен — 277
променный — 277
промышленичий — 81
промышленник — 81
промышленность — 81, 82. 112
промышленный — 81
промышлять — 81
промышляться — 81
просвещать(ся) — 191
просвещение — 190, 191, 282, 285
просвещенный — 282
простое — 95
простой — 201
пространство — 256, 278, 279
протекать — 73
противное — 95
противность — 82, 278
противный — 278
противоположность — 278
противоречие — 278
протяжение — 278, 279
протяженность — 278
проявление — 184
проявляться — 184
пружина — 212, 213
пункт — 132
путь — 72

работа — 275
работник — 89
равенство — 272
равность — 272
разбирание — 123
разбирать — 124, 231
разбор — 123, 229
развертеть — 152
развивание — 151, 152
развивать(ся) — 151—153
развивка — 152
развитие — 87, 151—153, 286
развить — 152
развитый — 151, 152
разглагольствия — 132
раздробительный — 123
раздробка — 123
раздробление — 122, 123

раздроблять — 124
разложение — 122, 123
разложительный — 123
размотать — 152
размышление — 272
разность — 278
разрешение — 122, 123
разрешимость — 94, 124
разрешитель — 123
разрешительность — 83, 94, 285
разрушение — 123
разум — 18, 83, 272, 282, 283
разумение — 83, 272
разумность — 83, 92, 272
разумный — 197, 198, 272
разумство — 83
разыскивать — 231
рамы — 154, 207
расположение — 17
рассматривать — 124, 231
рассмотрение — 17, 132, 278
расстояние — 17, 132, 278
рассудитель — 88, 93, 94
рассудительные слова — 132
рассудок — 272, 283
рассуждатель — 88, 94
рассуждать — 88
рассуждающий — 93
рассуждение — 132, 272, 283
растение — 152
растроган — 146
реакция — 247
реалист — 115
реальное — 96
реальность — 57
революционный — 115
революция, революциа — 115, 136, 286
редкий — 19
редкость — 84, 85
редость — 84
республиканец — 115
речения — 18
решение — 122
решительный — 91, 123
реэлекс — 19
род — 18, 50, 231, 232, 281, 282
родина — 191
роялист — 115
рудомет — 65
ружье — 131
рынок — 276, 277
рычаг — 213
сальность — 154
сальный — 154
сам — 102, 129, 130
самобытие — 87, 100, 259
самобытное — 96, 285
самобытность — 21, 81, 100, 101, 129, 259
самобытный — 21, 90, 99, 100, 285
самовластие — 107
самодвижество — 107
самодействительный — 99
самодейство — 107
самодоволие — 107
самозрение — 95, 106
самозрительно — 95
самозрительное — 95, 101
самонедоверение — 101
самоодобрение — 101
самоощущение — 101
самопознание — 101, 106, 187
самопроизволение — 93
самопроизвольность — 85, 93
самопроизвольный — 101
самосовершенность — 99
самосознание — 101
самостоятельность — 129
самостоятельный — 91, 100, 101, 209
самосущный — 100, 101
самоумственный — 90
самочувствование — 87, 101
сателлит, сателлес — 116, 135
сведение(я) — 250
сверхестественный — 107, 108
сверхнатуральный — 107
сверхобыкновенный — 108
свет(ы) — 194, 200
свобода — 272—274
свободность — 92
своесущный — 100
свойство — 251, 278
связь — 278, 283
сенс — 18
сентенция, сентенциа — 18, 115
середина, средина — 130, 141, 142
сила — 278, 280, 281
синкретизм — 115
синтез, синтезис — 114, 116, 122, 124, 202, 286
синтетический — 116, 124, 202
система — 49
ситуация — 164

скептик, сцептик — 114, 116
скептицизм — 115
склонности — 109, 110
склонность — 17, 109, 163, 164
склопет — 131
следствие — 278
словесник — 89, 224, 285
словесница — 89
словеснословие — 87
словесность — 82, 165, 220—223
словесные науки — 110, 165, 220, 221, 224
словесный — 82, 165, 221, 283
сложение — 124
сложенный — 202
сложное — 95
сложный — 202
случай — 75, 247—250
случайное — 95
случайность — 83
случайный — 168
смешанный — 202
смешение — 41, 42
смысл — 272, 283
смысленный — 272
собрание вещества — 39, 40
собратный — 98
собственник — 89
собственность — 82, 286
собственный — 33, 282
собство — 86
событствующие — 98
совершение — 93
совершенный — 202
совершенство — 86, 93
совокупление — 124
согласие — 254, 255
согражданин — 97, 174
содружество — 45, 46, 93, 97, 281, 282
содружие — 45, 93
содружность — 45, 93
соединение — 278
сожитель — 97
сожительство — 42, 44, 97
сожитие — 42, 44, 45, 259
созвездие — 87, 98, 109, 137
создание — 195
соклевретство — 98
солид — 40
солнце — 214
сообразность — 83
сообщество — 42, 44, 46, 97, 282
соотечественник — 97
соотчич — 97
соперничество — 251
(со)пребывание — 259
сопребывать — 259
сопряжение — 124, 278
с (о)путник — 135, 136
соревнование — 251
сособственник — 89
сосредоточить — 98, 109
состав — 41, 42, 47—49, 51, 55—57, 247
составительный — 124
составление — 48, 49, 51, 55, 124
составной — 202
состояние — 49, 51, 55, 56, 172, 200, 281—283
сосущественно — 98
сотоварищество — 97, 98
соустроение — 98
соучаствование — 87, 93, 98
соучаствователь — 93, 94
соучастие — 93
соучастник — 93, 94
социальный — 270
социетет — 19
сочеловек — 97
сочлен — 97
союз — 278
спекуляция — 19
спиритуалист — 115
способ — 213 (сн.)
спрос — 278
срассудительный — 167
средняя точка — 141
средоточие — 87, 141, 142
старое — 97
статья — 231, 232
степень — 56
стечение — 251
стихия — 218, 219
стоимость — 278
строение — 48, 127
структура — 48
субстанция, субстанциа — 26, 115, 119, 128—130, 246
субтельность — 84
субтильный — 19, 151
субъект — 21, 202
сумма — 214
сущее — 53, 55, 285
существенное — 96
существенность — 54—57, 82, 85, 94, 128—130

существенный — 54, 90
существительное имя — 91
существительность — 85, 94
существительный — 91
существо — 33, 50—57, 93, 111, 128, 129, 160, 194, 195, 201
существование — 87
сущность — 53—56, 82, 93, 243
сущный — 53
сфера — 204, 208—210
сцена — 22
сцептический — 116
сцептичество — 115
счастие — 215, 217
сын — 137—139
сын отечества — 137—139, 193

тварь — 193—195, 285
твердость — 84, 85, 92
творение — 195
театр — 204, 207
телесность — 82
телесный — 90, 197, 207, 208
тело — 40, 75, 77—79, 128, 137, 194, 201, 204, 246
теоретичесский — 229
теория — 86, 141
течение, тченье — 71—74, 285
течь — 71—73
тип — 119
товар — 276
ток — 71
тождество — 278
толстая громада — 39
толстое — 40, 96, 106
толстота — 39
толща — 39—42
тонкий — 149—151
тонко — 150
тонкости — 17, 110
тонкость — 84, 110, 151
торг — 277
торговля — 276, 277
точка — 33, 141
трогательно — 147
трогательность — 85, 147
трогательный — 91, 147
трогать — 17, 145
трогаться — 147
трогающий — 147
тронутый — 146
тронуть — 146
тронуться — 145
труд — 274, 275
тягость — 85
тяжелость — 84

удобность(и) — 276
ум — 160, 272, 282
умозрение — 82, 85—87, 141
умозрительность — 81, 85, 86, 93
умозрительный — 82, 91, 229, 285
умозрительство — 85, 86, 93
умоначертание — 87, 139—141
умоображение — 140
умообразование — 141
умственность — 85
умственный — 90, 229
умствование — 87, 88
умствователь — 88
умствовательное — 95
умствовать — 88
употребитель — 88
употребление — 265
употреблятель — 88
употреблять — 88, 265
упругость — 84, 85
устав — 272
устроение — 127, 252
устройство — 127
утвердительный — 91, 157
утончение — 151
утонченный — 151
участвование — 87
ученость — 92
ученые люди — 91
ученый — 91, 229
учреждение — 76

факт — 75, 114, 116, 247—250, 286
фактический — 249
феномен — 116, 137, 184
фигура — 206, 232
физик — 67, 70
физика — 131, 142
физист — 115
физический — 23, 24, 197, 200, 201
физическое — 96
философия — 23, 130
форма — 201, 203—206, 232
формальное — 96
фундамент — 116, 218, 219
фундаментально — 219

характер, каракter — 112, 116, 117, 119, 160
характеристика — 119
характеристический — 119
ход — 203
ходить — 72

царство — 282
цена — 277, 278
ценность — 277, 278
центр, кентр — 114, 130, 132, 141, 142
церемония — 18
цивилизация, сивилизация — 177
циркуль — 131, 132
циркумференция — 131

частица — 26, 33, 75
частная вещь — 33
частное — 32
частность — 272
частный — 32, 34, 35
частость — 84
человек — 38, 160, 161, 265
человеколюбец — 267
человеколюбивый — 267
человеколюбие — 87, 93, 267
человеколюбство — 93
человеческий — 161, 265—267, 281—283
человечественность — 269, 272
человечественный — 269
человечество — 86, 93, 161, 265—267, 269
человечие — 87, 270, 285
человечий — 267
человечность — 82, 93, 267, 269, 270
человечный — 90, 267—270, 286
четвертное — 131
чин — 56, 116
чисто — 254
чистое — 96, 254
чистота — 254
чистый — 229, 253, 254, 282
член — 138, 254, 283
членовное составление — 127
членосоставление — 127
чрезъестественный — 107, 108,
чтение — 29
чувственность — 82, 233—236
чувственный — 90, 93, 95, 233, 235, 236
чувствие — 87, 233, 234, 236
чувствительность — 85, 233, 235, 236
чувствительный — 90, 91, 93
чувство — 86, 233—235
чувствование — 233, 234, 236

эклектизм — 115
эклектический — 116
эконом — 116
экономика — 115
экономический — 116
экономия — 115
экономство — 115
экспериенция — 224, 228, 230
эксперимент — 116, 224, 226, 227, 229, 230
экспериментальный — 224, 230
эластический — 131
элеганс — 166
элекс — 19
электризация, электризациа — 115
электрический — 116
электролизованный — 115
элемент — 26, 113, 116, 218, 219
элементарный — 115
эмпирический — 230, 254
эмпирическое — 97
эпикурист — 115
эпоха — 22
эстетический — 22

я — 103
явление — 52, 75, 137, 182, 183, 201, 247, 250
являемость — 184
являть(ся) — 184
якобинец — 115

1 р. 28 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»